Василій Экземплярскій.

Ученіе древней церкви
О собственности и милостынѣ.

Всѣ вы—братья... одинъ у васъ
Отецъ, Который на небесахъ.
Мѳ. XXIII, 8—9.

КІЕВЪ.
1910.

Кіевъ. Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Караваевская, № 5.

Богъ однажды навсегда сказалъ, что служеніе Богу и маммонѣ не можетъ быть соединено вмѣстѣ. Поэтому ты не говори, что можетъ быть соединено.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

Предметомъ настоящаго труда является опытъ изложенія христіанскаго ученія о собственности и милостынѣ на основѣ Божественнаго Откровенія и твореній отцовъ Церкви и древне-церковныхъ писателей. Думается, что въ наши дни подобное изложеніе не окажется излишнимъ и будетъ, до извѣстной мѣры, отвѣчать запросамъ современной богословской литературы. Для нашего времени вопросъ о собственности и помощи нуждающимся является вопросомъ, привлекающимъ къ себѣ общее вниманіе и представляющимъ не только высокій теоретическій интересъ, но и практическій, когда нерѣдко такой или иной взглядъ на право собственности обусловливаетъ принадлежность къ извѣстной политической партіи. Мы не ставимъ своею задачею излагать и разбирать взгляды на интересующій насъ предметъ въ системахъ философской этики и политической экономіи, а тѣмъ болѣе въ программахъ различныхъ политическихъ партій. Наша цѣль иная: изложить положительный христіанскій взглядъ на предметъ, совершенно независимо отъ такого или иного практическаго рѣшенія вопроса въ государственной жизни, такого или иного обоснованія отвѣта на вопросъ въ системахъ этики и политической экономіи. Для богословской науки, исповѣдующей христіанскій нравственный идеалъ, какъ единый, святой и истинный, первою задачею въ каждомъ частномъ случаѣ является то, чтобы установить эту именно высшую точку зрѣнія на предметъ, послѣ чего только и открывается для христіанскаго богослова возможность обратиться къ оцѣнкѣ различныхъ ученій человѣческой мысли. Нельзя не отмѣтить, что параллельно съ возрастающимъ въ образованномъ обществѣ интересомъ къ уясненію вопросовъ объ этической оцѣнкѣ права частной собственности и помощи нуждающимся и въ нашей богословской литературѣ эти вопросы сдѣлались предметами особеннаго вниманія и нашли мѣсто въ каждой системѣ нравственнаго богословія, равно какъ уясненію этихъ вопросовъ было посвящено довольно много журнальныхъ статей. Но отмѣченный интересъ нашего богословія къ избираемому нами предмету изслѣдованія не только не удерживаетъ насъ отъ попытки его освѣщенія подъ угломъ зрѣнія древне-церковнаго ученія, но напротивъ, особенно побуждаетъ сказать свое слово и внести свою лепту въ дѣло уясненія одного изъ

недостаточно пока раскрытыхъ пунктовъ христіанскаго нравоученія. Если по исторіи христіанской благотворительности существуютъ труды, обнимающіе вопросъ съ достаточною полнотою и обстоятельностію, то намъ неизвѣстно существованіе въ нашей литературѣ подобныхъ трудовъ, посвященныхъ уясненію древне-церковнаго ученія о собственности и милостынѣ, въ особенности по первому вопросу. Между тѣмъ, такое теоретическое уясненіе представляется намъ очень важнымъ, а въ данное время и неотложнымъ, въ виду той не вполнѣ правильной, на нашъ взглядъ, точки зрѣнія, на которой, въ общемъ, стоитъ наша русская богословская литература при рѣшеніи интересующихъ насъ вопросовъ. Не кажется намъ нужнымъ подробно излагать взгляды, высказывавшіеся въ нашей богословской литературѣ по этимъ вопросамъ. Подобное изложеніе привело бы насъ къ необходимости критически разбирать цѣлый рядъ нашихъ учебныхъ системъ по нравственному богословію и многихъ статей, направленныхъ прямо или косвенно къ раскрытію христіанскаго ученія о собственности и милостынѣ. Позволяемъ себѣ высказать общее сужденіе, что положеніе, занятое нашимъ нравственнымъ богословіемъ по даннымъ вопросамъ, совершенно не соотвѣтствуетъ духу Евангельскаго ученія, а иногда и прямо искажаетъ смыслъ ученія Слова Божія. Для примѣра укажемъ на этическую оцѣнку богатства яко бы съ христіанской точки зрѣнія въ курсахъ нашего нравственнаго богословія. Особенно рѣзко и непріятно поражаетъ въ этомъ случаѣ искаженіе смысла словъ соборнаго посланія св. ап. Іакова 1 гл. 17—18. Эти великія слова св. апостола, въ которыхъ онъ говоритъ о благомъ даяніи и совершенномъ дарѣ, нисходящемъ отъ Отца свѣтовъ, возрождающемъ насъ словомъ истины, у значительнаго большинства нашихъ богослововъ-моралистовъ, рѣшительно безъ всякихъ основаній, приводится и даже поставляется въ центрѣ доказательствъ той мысли, что обладаніе богатствомъ есть Божій совершенный даръ человѣку. Не считаемъ возможнымъ въ данномъ случаѣ допустить прямой недобросовѣстности или крайняго невѣжества, и потому приходится принять предположеніе очень обидной случайности, нашедшей мѣсто и въ ученыхъ диссертаціяхъ и въ учебныхъ нашихъ системахъ. Точно также нерѣдко съ удивительной передержкой толкуются слова св. апостола Петра, приведенныя въ книгѣ Дѣяній гл. 5, ст. 4. Вообще по вопросу о богатствѣ, какъ видѣ собственности, наше богословіе, за рѣдкими исключеніями, стоитъ на непонятной точкѣ зрѣнія, вовсе несогласной съ ученіемъ Откровенія и святоотеческимъ. Даже преосвящ. Ѳеофанъ въ своемъ „Начертаніи христіанскаго нравоученія“ говоритъ относительно богатства, что, „не прилагая къ нему сердца, должно принимать его, умножать и хранить“ (стр. 470), и высказываетъ эти мысли такъ, какъ будто бы

это и дѣйствительно христіанское ученіе и будто бы въ Евангеліи Христовомъ и писаніяхъ церковныхъ учителей можно встрѣтить даже намекъ на долгъ хранить и умножать богатство. Подобное говорится и другими нашими моралистами, при чемъ такой серіозный ученый, какъ покойный профессоръ М. А. Олесницкій, высказываетъ мысль, что христіанство не только не воспрещаетъ заботу о пріобрѣтеніи новаго имущества, при посредствѣ имѣющагося, но нѣтъ сомнѣнія и „насчетъ позволительности... отдавать деньги на проценты“ (стр. 412 „Изъ системы христіанскаго нравоученія“),—мысль, во всякомъ случаѣ не имѣющая ни малѣйшаго основанія въ Откровенномъ ученіи и горячо осуждаемая святыми отцами. Не менѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ и въ ученіи о милостынѣ очень тщательное развитіе той мысли, что милостыня должна быть подаваема съ большимъ разборомъ и притомъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ имуществомъ подающаго, при чемъ утверждается, будто христіанство вполнѣ допускаетъ и роскошь въ жизненной обстановкѣ (напримѣръ, М. А. Олесницкій, стр. 409—10 названнаго ранѣе труда). Эти мысли также, конечно, не имѣютъ твердаго основанія въ ученіи Слова Божія и святоотеческомъ. И трудно понять, почему подобныя мысли, вовсе не отвѣчающія духу христіанскаго нравственнаго идеала, такъ усердно раскрываются и проповѣдуются, если принять во вниманіе, что въ наше время великая рѣдкость встрѣтить людей, готовыхъ отдать свое имущество бѣднымъ до готовности переносить лично нужду, и что, конечно, такіе люди не станутъ прислушиваться къ ласковому голосу богословскихъ измышленій послѣ опредѣленнаго и любящаго строгаго голоса своего Учителя.

Но довольно частныхъ примѣровъ. Для насъ лично центръ тяжести не въ этомъ, намъ кажутся важными не столько эти недочеты, такъ сказать, научнаго характера въ изложеніи ученія о собственности и милостынѣ, сколько самый духъ, проникающій наше нравственное богословіе въ этомъ его ученіи. Огромное большинство богословскихъ статей, проповѣдей, отдѣловъ въ учебныхъ системахъ ставитъ своею задачею изложенія христіанскаго ученія о собственности и милостынѣ не то, чтобы съ возможною чистотою, ясностію и полнотою изобразить христіанское идеальное ученіе, но почти противоположное: оправдать всѣми возможными соображеніями разума и всѣми возможными текстами Слова Божія, въ ихъ нерѣдкомъ перетолкованіи, дѣйствительно существующія и господствующія порядки жизни. Трудно выразить съ достаточной опредѣленностію ту громадную разницу, какая живо сознается при чтеніи святоотеческихъ твореній, посвященныхъ ученію о собственности и милостынѣ, и размышленій нашихъ современныхъ богослововъ. Первыя дышатъ горячею любовію къ людямъ, къ ихъ вѣчной природѣ,

трогательною думою о бѣдныхъ, истинно христіанской любовью, иногда сурово обличающей, къ богатымъ. Въ этихъ святоотеческихъ твореніяхъ слышно и біеніе живого, христіански любящаго сердца и видно совершенное проникновеніе духомъ Евангельскаго ученія. Наоборотъ, то положеніе, какое заняло наше богословіе въ интересующемъ насъ вопросѣ, по большей части, вызываетъ тягостное чувство. Совѣты нашихъ богослововъ богатымъ пріобрѣтать, охранять и умножать свое имущество, какъ истинный даръ Божій, даръ совершенный; а бѣднымъ совѣты „сохранять внутреннюю независимость духа“ и внутренно „хотѣть быть бѣдными“ способны заставить покраснѣть каждаго, знакомаго съ ученіемъ Церкви. Къ сожалѣнію, ученіе послѣдней для многихъ, даже говорящихъ отъ ея лица, остается неизвѣстнымъ; тѣмъ болѣе легко принять наши богословскія размышленія за голосъ вселенской Церкви для лицъ, богословски необразованныхъ. И результаты такого смѣшенія уже на лицо. Произошло страшное недоразумѣніе въ отношеніи къ христіанству значительной части современнаго общества. Всегда христіанству было противно и враждебно то направленіе жизни, которое исходнымъ началомъ ея дѣлаетъ эгоизмъ, заботу о себѣ, служеніе своимъ чувственнымъ и себялюбивымъ влеченіямъ. Христіанство всегда было въ глазахъ многихъ безуміемъ, утопіей, мечтаніями. Но въ одномъ прежде никто не упрекалъ христіанство, это—въ его безчувственности, въ равнодушіи къ людскому горю и нуждѣ, въ потворствѣ грѣху и себялюбію. Но теперь эти упреки обычны. Христіанство, эта религія любви и самоотверженія, эта радостная вѣсть всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, и обездоленнымъ въ этомъ мірѣ; этотъ призывъ къ беззавѣтной жертвѣ на служеніе горю и нуждѣ ближнихъ; теперь эта религія, эта радостная вѣсть, этотъ благородный призывъ объявляются враждебными жизни, а Церковь—защитницей того зла и неправды, какія царятъ въ жизни. Это, конечно, страшное недоразумѣніе, и причины, вызвавшія его, заключаются до извѣстной степени, по нашему мнѣнію, въ томъ одѣяніи, въ какое стремится облечь христіанство наше научное богословіе, пытаясь приблизить святой небесный Евангельскій идеалъ къ условіямъ нашей жизни, называемой христіанской. По поводу этого направленія нашего нравственнаго богословія мы уже имѣли случай высказаться въ печати. Это же направленіе ярко выразилось и въ попыткахъ нашего богословія оправдать все зло современнаго строя матеріальной культуры. Эти попытки не только ненаучны и не цѣнны въ богословскомъ отношеніи, такъ какъ почти вовсе игнорируютъ ученіе церковныхъ авторитетовъ и извращаютъ истинный смыслъ ученія Слова Божія, но и нравственно должны быть осуждены, когда онѣ дѣлаютъ Христа Спасителя, этотъ образъ свѣтлый, милостивый, полный без-

граничной любви и ласки участникомъ и защитникомъ нашего несовершенства и нашей жизненной неправды. Пусть мы злы, пусть жизнь наша неправедная, пусть на всей землѣ не будетъ правды. Со всѣмъ этимъ можетъ примириться тотъ, для кого Богъ-Отецъ и Христосъ—единый учитель. Но никогда не приметъ сердце человѣческое того Бога, Который изображается, какъ покровитель неправды міра и участникъ въ нашей нечистотѣ. Задача богословія привлекать ко Христу, уясняя и раскрывая чистое небесное ученіе, но не отталкивать отъ Христа и Его ученія, путемъ извращенія послѣдняго по духу времени и въ угоду сильнымъ міра. Можно думать, что создавшееся ложное, по нашему убѣжденію, направленіе нравственнаго богословія въ ученіи о собственности и милостынѣ въ значительной степени объясняется полемикой открытой или скрытой съ соціалистическими воззрѣніями. Но мы убѣждены, что опровергать соціалистическія заблужденія можно и должно безъ униженія истиннаго смысла христіанскаго ученія и, тѣмъ болѣе, безъ прямого его извращенія. Христіанскій жизненный идеалъ, какъ идеалъ святой и всесовершенный, безмѣрно превосходитъ самыя смѣлыя и высокія построенія человѣческаго ума: *„немощное Божіе сильнѣе человѣковъ“* (1 Кор. I, 25), и не нужны, болѣе того—безумны попытки защитить христіанство человѣческими измышленіями. Православный богословъ долженъ заботиться объ одномъ, чтобы сіялъ свѣтъ Христовъ своимъ тихимъ, чистымъ сіяніемъ, свѣтилъ міру, согрѣвалъ сердца и влекъ души человѣческія къ святому, небесному, вѣчному. При этомъ небесномъ свѣтѣ сами собою видны будутъ всѣ уродства и несовершенства тѣхъ путей, какими мысль человѣческая, въ отрѣшеніи отъ Божественной воли, думаетъ вести человѣчество къ свѣту и счастію.

Этою вѣрою во всепобѣждающую силу свѣта Христовой истины и опредѣляется задача настоящаго труда. Ближайшею цѣлью его является то, чтобы дать возможность и утѣшеніе каждому, искренно интересующемуся ученіемъ Христовой Церкви, познакомиться съ этимъ ученіемъ по одному изъ животрепещущихъ вопросовъ современной жизни. Ученіе древней Церкви—это высокій авторитетъ для каждаго изъ насъ, призванныхъ проповѣдывать въ научной формѣ слово Христовой истины. И глубоко вѣрится, что знакомство съ этимъ ученіемъ, само по себѣ, безъ особой полемики и громкихъ фразъ поможетъ убѣдиться въ совершенной чистотѣ и высотѣ христіанскаго ученія. Для автора было бы, конечно, высшимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, если бы его трудъ вызвалъ въ душѣ читателя болѣе живое сознаніе братства людей, какимъ сознаніемъ жили учители древней Церкви, и чувство любви и жалости къ нуждающемуся человѣчеству. Было бы дорого

и цѣнно, если бы знакомство съ ученіемъ древней Церкви въ изложеніи настоящаго изслѣдованія побудило нашихъ моралистовъ болѣе строго отнестись къ изложенію ученія по интересующимъ насъ вопросамъ. Но все же главная задача труда не въ этомъ, но та, чтобы познакомить общество съ ученіемъ древней Церкви и показать въ послѣдней истинную Мать и Заступницу всѣхъ обездоленныхъ въ этомъ мірѣ.

I.

Любовь... не ищетъ своего.

1 Кор XIII, 5.

Стяжавшій любовь—расточилъ деньги; а кто говоритъ, что имѣетъ и то, и другое, тотъ самъ себя обманываетъ.

Св. Іоаннъ Лѣствичникъ.

Евангеліе Христово, этотъ *законъ свободы* [1]), равно какъ и благовѣстіе Апостоловъ однимъ изъ отличительныхъ своихъ признаковъ, сравнительно съ ветхозавѣтнымъ законодательствомъ, имѣютъ то, что они опредѣляютъ въ области нравственной человѣческой жизни прежде всего не тѣ или иныя частныя правила поведенія, но его руководящія начала, а идеаломъ жизни поставляютъ абсолютное совершенство [2]), въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Богомъ [3]). Эта „широта" Евангельскаго ученія и дѣлаетъ его, неразрывно, конечно, со всѣмъ духомъ абсолютности, проникающемъ Евангеліе, чуждымъ ограниченію временемъ и пространствомъ. Бѣгутъ вѣка, просвѣщаются христіанскимъ свѣтомъ новыя страны, создаются новыя жизненныя условія и положенія, мѣняются формы человѣческихъ общежитій, но, какъ солнце праведное, свѣтитъ міру Евангеліе, указывая всѣмъ и во всѣ времена путь, истину и жизнь во Христѣ Спасителѣ [4]). Всѣ новые вопросы и жизненныя задачи находятъ предъ лицомъ этого свѣта освѣщеніе и разрѣшеніе, но не по буквѣ, а по духу. Если въ области христіанскаго вѣроученія, въ самомъ существенномъ, мы уже можемъ съ благодарной памятью жить плодами многовѣковыхъ усилій древней Церкви въ ея стремленіяхъ облечь христіанскую истину въ точно отвѣчающія ей догматическія формулы; то въ области нравственнаго христіанскаго ученія мы почти не имѣемъ такихъ формулъ, а дѣло пониманія Евангельскаго ученія въ его отношеніи къ запросамъ нашей жизни во многихъ случаяхъ является нашимъ долгомъ, требуетъ напряженной работы нашего христіанскаго сознанія, а иногда и нравственнаго подвига. Исторія Церкви свидѣтельствуетъ, что самому общецерковному опредѣленію догматовъ предшествовали великія и честныя усилія личной христіанской мысли и живой вѣры проникнуть въ глубь истины. То же самое, конечно, нужно и законно въ отношеніи христіанскаго нравственнаго ученія, тѣмъ болѣе, что въ виду

[1]) Іак. I, 25. [2]) Мѳ. V, 48. [3]) Іоан. XVII, 21. [4]) Іоан. XIV, 6.

безконечнаго разнообразія жизненныхъ вопросовъ невозможно надѣяться и даже желать разрѣшенія всѣхъ ихъ въ опредѣленныхъ формулахъ. Поэтому приходится считаться и мириться съ тѣмъ, что по различнымъ жизненнымъ вопросамъ могутъ параллельно существовать въ богословской наукѣ и самые различные опыты рѣшенія вопроса. Мы уже видѣли отчасти, что избранный нами предметъ изслѣдованія принадлежитъ именно къ числу такихъ, христіанскій взглядъ на которые изображается неодинаковымъ, при чемъ въ ученіи о собственности это различіе доходитъ до прямой противоположности, когда одни доказываютъ, что право собственности—святыня для христіанина, а другіе—, что христіанство не можетъ относиться къ понятію частной собственности и къ праву такой собственности иначе, какъ безусловно отрицательно. А между тѣмъ этотъ злободневный для нашего времени вопросъ привлекалъ къ себѣ вниманіе христіанскихъ мыслителей издавна, и мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ пожаловаться на недостатокъ въ церковномъ ученіи матеріала для освѣщенія избраннаго нами вопроса съ христіанской точки зрѣнія, такъ что наша задача, какъ это уже было выяснено, должна по существу свестись лишь къ возможно полному и точному изложенію церковнаго ученія и расположенію его въ извѣстной системѣ. При этомъ, такъ какъ насъ интересуетъ богословско-принципіальное уясненіе вопроса, то и нашему изученію подлежитъ ученіе Церкви, а не факты ея исторической жизни. Послѣдними мы считаемъ себя въ правѣ лишь иллюстрировать въ нѣкоторыхъ случаяхъ откровенное и церковное ученіе и притомъ останавливаясь лишь на фактахъ, имѣющихъ ясный и безспорный смыслъ. Что касается ветхозавѣтнаго ученія, то мы, конечно, не можемъ пройти мимо его въ виду органической связи нравственнаго ученія обоихъ завѣтовъ. Но прежде всего мы должны помнить и не опускать изъ виду, что Ветхій Завѣтъ только сѣнь будущихъ благъ [1]) и что, поэтому, въ его нравственномъ кодексѣ не нашли выраженія тѣ высокіе принципы, которые основываются на идеѣ богосыновства и совершенной братской любви въ христіанствѣ.

Приступая къ изложенію откровенно-церковнаго ученія о правѣ собственности, намъ кажется всего естественнѣе начать не съ перечисленія отдѣльныхъ текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ уясненію этого ученія, но съ попытки указать такое руководящее начало нашихъ христіанскихъ отношеній и къ Богу и ближнимъ, которое могло бы явиться исходнымъ пунктомъ и для уясненія христіанскаго отношенія къ собственности. И мы думаемъ, что какъ во всей христіанской жизни Богъ есть ея средоточное начало [2]),

[1]) Евр. X, 1. [2]) Дѣян. XVII, 28.

такъ точно и рѣчь о правѣ собственности, что составитъ первую главу нашего труда, всего умѣстнѣе и естественнѣе начать съ изложенія ученія о Богѣ, какъ верховномъ Обладателѣ міра. Конечно, это такая безспорная истина нашей вѣры, что мы не ставимъ своею задачею доказывать ее, но лишь оттѣнить съ тою цѣлію, чтобы дальше яснѣе выступило значеніе термина „право собственности“ въ отношеніи христіанина. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы признаемъ, что Богъ есть единый истинный Владыка вселенной, то ясно, что право собственности въ жизни человѣка мы должны и не можемъ разсматривать иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія отношенія этого права къ верховной Божеской волѣ. Но такая точка зрѣнія имѣетъ рѣшающее вліяніе на этическую оцѣнку права собственности, и послѣднее въ каждой этической системѣ, признающей Бога верховнымъ Началомъ жизни, выступаетъ въ новомъ освѣщеніи долга или обязанности распоряжаться своимъ, сообразно съ волей Божіей. Какая это воля и какой вслѣдствіе этого характеръ усвояется институту частной собственности въ христіанствѣ, увидимъ далѣе; пока же отмѣтимъ, что мысль о верховномъ владычествѣ въ мірѣ Бога, обусловливающемъ наше относительное обладаніе міромъ, выражается со всею опредѣленностію въ источникахъ нашего исповѣданія и одинаково ясно выступаетъ какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ. Истина эта утверждается уже на первыхъ страницахъ Библіи, гдѣ повѣствуется о твореніи Богомъ міра и множество разъ свидѣтельствуется, что Господь—Владыка всего, и то, чѣмъ владѣетъ человѣкъ, получилъ онъ отъ Бога. Какъ въ раю Господь далъ человѣку власть надъ землею, ея плодами и обитателями животнаго царства [1]), такъ это же обѣтованіе повторяется въ существенномъ послѣ потопа Ною [2]), а въ отношеніи опредѣленной территоріи Аврааму [3]), Іакову [4]) и всему Израильскому народу [5]). Псалмопѣвецъ выразилъ эту мысль въ образной формѣ, когда исповѣдалъ, что „*небо—небо Господу, а землю Онъ далъ сынамъ человѣческимъ*“ [6]). То, что сказано относительно земли вообще, это самое вполнѣ приложимо и къ отдѣльнымъ предметамъ мірового бытія. Все въ мірѣ дается человѣку отъ Господа, по вѣрѣ ветхозавѣтнаго человѣка: „*доброе и худое, жизнь и смерть, бѣдность и богатство—отъ Господа*“ [7]). Въ частности, отъ Господа даруется человѣку и богатство, какъ наиболѣе конкретный объектъ права собственности [8]). Но это дарованіе Богомъ земли и ея благъ во владѣніе человѣку не есть въ то же время передача ему верховныхъ правъ на обладаніе землею и ея плодами. Господь, какъ не

---

[1]) Быт. I, 28—29. [2]) Быт. IX, 1—4. [3]) Быт. XII, 7. [4]) Быт. XXXV, 12. [5]) Лев. XXV, 27; Втор XV, 7 и др. [6]) Пс. CXIII, 24. [7]) Сир. XI, 14. [8]) 1 Цар. II, 7; Притч. XXX, 8; Еккл V, 18; Сир. XI, 21 и др.

только Творецъ, но и какъ Промышлитель міра неотъемлемо сохраняетъ за Собою право собственности въ отношеніи созданнаго Имъ міра „*Моя земля*—говоритъ Господь народу Израильскому—. *вы пришельцы и поселенцы у Меня*“ [1]). „*Вотъ у Господа Бога твоего*—свидѣтельствуетъ великій пророкъ—, *небо и небеса небесъ, земля и все, что на ней*“ [2]). „*Господня—земля и что наполняетъ ее, вселенная и все живущее въ ней*“ [3]). Самыя жертвы, приносимыя человѣкомъ Богу, по сознанію ветхозавѣтнаго вѣрующаго, приносились изъ достоянія Божественнаго: Его „*всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на тысячи горахъ*“ [4]); Его—*серебро и золото* [5]), и даже самая жизнь человѣка, его душа, есть Божія собственность, что наглядно выражалось для народнаго сознанія въ „выкупѣ душъ“ [6]). Такимъ образомъ ясно вытекаетъ изъ сказаннаго тотъ выводъ, что по ветхозавѣтному воззрѣнію право собственности человѣка Богодарованное, но не безусловное: верховный Владыка всего-Господь; человѣкъ все получаетъ отъ Бога, не имѣя ничего такого въ мірѣ, что̀ могло бы явиться предметомъ неотъемлемаго владѣнія человѣка: „*умирая, не возьметъ ничего, не пойдетъ за нимъ слава его*“ [7]). „*Нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь. Господь далъ, Господь и взялъ*“ [8]).

Соотвѣтственно указанному принципу верховнаго владычества надъ всѣмъ Господа, мы находимъ въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ цѣлый рядъ законовъ, съ одной стороны—опредѣляющихъ и ограждающихъ право частной собственности; а съ другой- , ограничивающихъ это право, согласно съ волей Божіей и тѣми отношеніями, какія, по этой волѣ, должны существовать между людьми.

Что касается законовъ перваго рода, ограждающихъ неприкосновенность частной собственности, то намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на ихъ изложеніи, такъ ясны и опредѣленно выражены эти законы. Начиная съ Авраама [9]) и до послѣднихъ дней исторіи ветхозавѣтнаго Израиля, мы встрѣчаемъ точно опредѣленный закономъ институтъ частной собственности. Всякій видъ воровства строго осуждался закономъ [10]) и неприкосновенность частной собственности настолько ограждалась, что даже пожеланія чужого вмѣнялось въ грѣхъ [11]). Большій интересъ представляютъ, однако, для насъ тѣ законы, которыми ограничивалось право частной собственности, такъ какъ этими законами опредѣляется отношеніе къ своей собственности самого ея владѣльца

[1]) Лев. XXV, 23. [2]) Втор X, 14. [3]) Пс. XXIII, 1; 1 Пар. XXIX, 11—12 и др [4]) Пс. XLIX, 10 [5]) Аг. II, 8. [6]) Исх. XXX, 15. [7]) Пс. XLVIII, 18. [8]) Іов. I, 21; ср. Еккл. V, 14. [9]) Быт. XXIII, 20; ср. XLIX, 30. [10]) Исх. XX, 15; Втор. V, 19; Лев. XIX, 11; Зах. V, 3, Исх. XXII, 2; Втор. XXIV, 7 и мн. др. [11]) Исх. XX, 17; Втор. V, 21.

и поэтому здѣсь мы встрѣчаемся уже не съ юридическими, но съ этическими нормами жизненныхъ отношеній. Мы не будемъ говорить о законахъ, опредѣляющихъ долгъ вѣрующихъ приносить жертву Богу изъ своего имущества, куда можно причислить и „десятину“ на содержаніе левитовъ [1]). Эти законы представляютъ собою не иное что, какъ частное выраженіе того начала зависимости человѣка и всего его достоянія отъ верховнаго Владыки вселенной, о чемъ была уже у насъ рѣчь выше. Намъ особенно интересно оттѣнить тѣ ограничительныя постановленія закона въ отношеніи частной собственности, которыя утверждаются на основѣ взаимной любви и единства жизненныхъ интересовъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ. „*Люби ближняго твоего, какъ самого себя*“ [2]), такова, по волѣ Божіей, идеальная норма взаимоотношеній ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ. Если бы это идеальное начало нашло свое совершенное осуществленіе въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ, то, несомнѣнно, внутреннія границы между моимъ и твоимъ должны были бы пасть. Истинная любовь къ ближнему, любовь, какъ къ самому себѣ, приводящая къ совершенному единенію любящихъ, всегда выражается въ отказѣ отъ своего, въ готовности на жертву, въ живомъ сознаніи единства интересовъ и потребностей своихъ и любимаго. Если съ психологической точки зрѣнія сущность права собственности состоитъ въ утвержденіи строжайшей границы между „я“ и „не я“, между „мое“ и „твое“, то любви свойственно иное стремленіе: уничтожать границу между „я“ и „не я“, жить въ другомъ, находить полноту и счастіе своей жизни не въ пріобрѣтеніи и увеличиваніи своего достоянія, но въ дареніи и жертвѣ. Для любви поэтому всегда „*блаженнѣе давать, нежели принимать*“ [3]). Но какъ вообще ветхозавѣтный законъ ничего не довелъ до совершенства [4]) въ силу своего временнаго назначенія быть лишь дѣтоводителемъ ко Христу [5]), такъ точно и начало взаимной любви не нашло въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ совершеннаго выраженія. Не только понятіе „ближняго“, котораго должно любить, какъ самого себя, съуживалось [6]), но и самая любовь болѣе опредѣлялась съ отрицательной стороны (не дѣлать зла ближнему), чѣмъ со стороны положительной—беззавѣтной жертвы и всепрощенія. Несмотря на это, и въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ, какъ прообразѣ грядущаго закона любви, мы встрѣчаемъ рядъ такихъ ограничительныхъ предписаній въ отношеніи права частной собственности, которыя наглядно проповѣдывали высокое начало единства народа и общенародныхъ интересовъ, предъ лицемъ какого

[1]) Числ. XVIII, 21, 24, 26 и др. [2]) Лев. XIX, 18. [3]) Дѣян. XX, 35. [4]) Евр. VII, 19. [5]) Гал. III, 24. [6]) Мѳ. V, 43.

начала право владѣнія своимъ получало этическій характеръ сознанія долга или обязанности видѣть въ своемъ и общее достояніе Мы назовемъ главнѣйшіе законы этого рода, и станетъ яснымъ, что право частной собственности, ограждаемое закономъ съ возможною строгостію, этимъ же закономъ и ограничивалось предъ лицомъ высшаго начала любви во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Уже при раздѣленіи земли Ханаанской мы видимъ послѣдовательное проведеніе того принципа, что удѣлъ долженъ быть данъ каждому соотвѣтственно численности колѣна и семейства [1]). Но этого мало. Неограниченное право собственности предполагаетъ всегда возможность свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, продавать его и пользоваться всѣми его плодами. Однако, въ отношеніи обоихъ этихъ правъ ветхозавѣтное законодательство устанавливаетъ опредѣленныя и существенныя ограниченія. Такъ, прежде всего, запрещалась продажа земли навсегда. „*Землю* заповѣдалъ Господь—*не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня*“ [2]) Реализовалось это начало въ томъ законѣ, по которому проданная земля въ каждый юбилейный годъ должна была быть возвращаема ея первому владѣльцу [3]). Для насъ не можетъ представлять существеннаго интереса вопросъ о томъ, соблюдался ли этотъ законъ во всей строгости или нѣтъ. Намъ важно отмѣтить этотъ законъ, какъ ограничивавшій принципіально право частной собственности на землю и стремившійся поддерживать то равномѣрное распредѣленіе земельной собственности, какое было положено въ основу первоначальнаго дѣленія земли обѣтованной.

Не менѣе опредѣленно ограничивалось закономъ и право пользованія владѣльцемъ плодами его земельнаго участка. Самое важное значеніе здѣсь имѣетъ законъ о „субботнемъ отдыхѣ“ земли. „*Шесть лѣтъ* говоритъ законодатель —*засѣвай землю твою и собирай произведенія ея, а въ седьмой оставляй ее въ покоѣ, чтобы питались убогіе изъ твоего народа, а остатками послѣ нихъ питались звѣри полевые. Такъ же поступай съ виноградникомъ твоимъ и съ маслиной твоею*“ [4]). Этимъ закономъ какъ бы вовсе уничтожались на годъ границы частной собственности, и неимущіе съ богатыми должны были одинаково пользоваться самородными произведеніями земли. Въ седьмой же годъ опредѣлялось и прощеніе всѣхъ долговыхъ обязательствъ [5]). Но и право пользованія плодами земли въ теченіе шести лѣтъ, предшествовавшихъ субботнему году, ограничивалось самымъ существеннымъ образомъ передъ лицомъ того,

[1]) Числ. XXVI, 54, ср. XXXIII, 51. [2]) Лев. XXV, 23. [3]) Лев. XXV, 13 16. [4]) Исх. XXIII, 10—11; Лев. XXV, 2—7. [5]) Втор. XV, 1—4.

начала, что право собственности не должно совершенно заграждать возможности для всѣхъ нуждающихся пользоваться плодами земли и трудами владѣльца. Эти законы, содержаніе которыхъ мы приведемъ ниже, поражаютъ насъ своею гуманностію и съ точки зрѣнія современнаго права являются самымъ грубымъ нарушеніемъ права частной собственности. Но съ точки зрѣнія этической оцѣнки эти законы наиболѣе ясно говорятъ о томъ, что уже въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ была тѣнь будущаго совершеннаго закона любви въ Христовомъ Царствѣ, при господствѣ какого закона падаетъ внутренняя граница между моимъ и твоимъ для владѣющаго чѣмъ-либо. „*Когда войдешь въ виноградникъ ближняго твоего* заповѣдуетъ законъ—, *можешь ѣсть ягоды до-сыта, сколько хочетъ душа твоя; а въ сосудъ твой не клади. Когда придешь на жатву ближняго твоего, срывай колосья руками твоими, но серпа не заноси на жатву ближняго твоего*“ [1]). Подобное значеніе имѣли и законы объ остаткахъ. „*Когда будете жать жатву на землѣ вашей, не дожинай до края поля твоего и оставшагося отъ жатвы твоей не подбирай: оставь это бѣдному и пришельцу*“ [2]). Подобное же говорится и относительно уборки маслины [3]). Такой же ограничительный характеръ въ отношеніи права собственности имѣли и законы, воспрещавшіе пользоваться этимъ правомъ жестоко, до угнетенія ближняго. Такъ, требовалось возвратить до захода солнца взятую въ залогъ верхнюю одежду ближняго [4]) и запрещалось брать въ залогъ предметы первой необходимости [5]).

Наконецъ, весьма важнымъ ограниченіемъ права собственности, именно важнымъ съ этической точки зрѣнія, является въ Ветхомъ Завѣтѣ ясно сознанный и опредѣленно выраженный долгъ милостыни нуждающимся. О взглядѣ на милостыню въ Ветхомъ Завѣтѣ у насъ ниже будетъ подробная рѣчь. Здѣсь же оттѣнимъ лишь ту интересную для насъ въ данномъ случаѣ точку зрѣнія, что исключительное владѣніе своею собственностію разсматривается не какъ законное право человѣка, что̀ юридически безспорно, но какъ тяжкое преступленіе. „*Великій грѣхъ*“ будетъ на томъ, кто, имѣя достатокъ, откажетъ нуждающемуся брату въ помощи [6]). Въ подобномъ взглядѣ на предметъ мы въ правѣ видѣть уже такую этическую оцѣнку института частной собственности, когда владѣніе послѣдней неразрывно связывается съ долгомъ служить ближнему изъ своего достатка. Поэтому такъ ясно выступаютъ въ ветхозавѣтномъ жизнепониманіи тѣ черты типа праведника, по которымъ онъ охотно благо-

[1]) Втор. XXIII, 24—25; ср. Мѳ. XII, 1; Мр. II, 23; Лк. VI, 1. [2]) Лев. XIX, 9—10; XXIII, 22. [3]) Втор. XXIV, 19—21. [4]) Втор. XXIV, 12—13; Исх. XXII, 26—27. [5]) Втор. XXIV, 6. [6]) Втор. XV, 7—11.

творитъ нуждающимся [1]), и наоборотъ· отказъ отъ помощи нуждающимся, взглядъ на свою собственность, слѣдовательно, какъ на личное только достояніе, всегда разсматривается въ качествѣ великаго грѣха, влекущаго за собою всякія несчастія [2]). Сюда же можно причислить и законы, запрещающія брать ростъ съ даннаго въ заемъ единоплеменникамъ,—законы, предполагающія также совмѣстное пользованіе имуществомъ и отказъ собственника на время отъ обычной эксплоатаціи своего имущества [3])

Мы охарактеризовали ветхозавѣтное законодательство въ его отношеніи къ праву частной собственности лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ для насъ это законодательство имѣетъ ограниченное значеніе, какъ тѣнь будущаго закона любви въ Царствѣ Христовомъ. Но все же сказанное нами позволяетъ сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что ветхозавѣтное законодательство, вмѣстѣ съ огражденіемъ неприкосновенности частной собственности, знаетъ и существенныя ограниченія права частнаго владѣнія въ направленіи къ воспитанію того сознанія, что право собственности неразрывно связано съ долгомъ дѣлиться своимъ съ другими, смотрѣть на свое, какъ на принадлежащее, въ извѣстной мѣрѣ, и другимъ. Но вполнѣ естественно, что внутреннія границы права собственности могли быть только значительно съужены, но не уничтожены въ сознаніи ветхозавѣтнаго человѣчества. Для такого уничтоженія нужна была совершенная любовь, полное единеніе съ любимымъ. Въ отношеніи Бога человѣкъ давалъ начатки плодовъ, приносилъ десятину въ храмъ и чувствовалъ себя искупленнымъ рабомъ Іегова. Если бѣднымъ давалъ десятую часть своего дохода [4]), то сознавалъ, что долгъ человѣколюбія исполненъ. Только совершенная любовь выходитъ за границы числа и мѣры, и такая совершенная любовь открылась міру въ лицѣ и дѣлѣ Христа Спасителя.

Едва ли, прежде всего, нужно долго останавливаться на томъ положеніи, что въ новозавѣтномъ ученіи такъ же, какъ и въ ветхозавѣтномъ, единымъ верховнымъ Владыкою всего представляется Богъ. Новозавѣтный человѣкъ такъ же ничего съ собою не приноситъ въ міръ и умирая не можетъ ничего изъ него вынесть [5]), какъ и ветхозавѣтный, но все получаетъ отъ Бога [6]). Разница обоихъ завѣтовъ въ этомъ отношеніи та, что христіане получили еще новые и безмѣрные дары спасающей благодати,

---

[1]) Напр., Пс. XXXVI, 26; XL, 2; CXI, 9; Притч. XI, 24—25, 28; XIV, 21, 31; XXII, 7—9 и мн. др. [2]) Втор. XV, 7—11; Пс. IX, 23—39; Притч. XI, 17; XIV, 21, 31; XXII, 22—23; I. Сир. XXXIV, 20—22 и мн. др. [3]) Исх. XXII, 25; Лев. XXV, 35—37; Втор. XXIII, 19—20; Пс. XIV, 5; Притч. XXVIII, 8; Іез. XVIII, 8 и др. [4]) Втор. XIV, 22—29; XXVI, 12, ср. Лк. XVIII, 12. [5]) 1 Тим. VI, 7. [6]) Дѣян. XVII, 25.

дары духовные, предъ величіемъ которыхъ оказываются ничтожными всѣ блага міра видимаго, все счастіе настоящей жизни [1]). Для христіанскаго сознанія со всею полнотою выступаетъ та истина, что все въ мірѣ—Божіе, и все, что есть въ насъ добраго—даръ Божіей благодати. Христіанинъ не можетъ ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ, ни прибавить себѣ росту хоть на одинъ локоть [2]), но стоитъ въ благодати Божіей и ею только хвалится въ каждое мгновеніе истинно христіанской жизни [3]). Многія притчи Господа, напримѣръ, о талантахъ и минахъ, о злыхъ виноградаряхъ, неправедномъ приставникѣ и другія, говорятъ со всею несомнѣнностію о томъ, что человѣкъ въ этомъ мірѣ является собственникомъ лишь въ условномъ смыслѣ этого слова, не владыкою твари, но какъ бы распорядителемъ чужого имущества, призваннымъ дать отвѣтъ въ вѣрности управленія порученнымъ ему достояніемъ. Даже самыя души и тѣла вѣрующихъ разсматриваются въ такомъ же достоинствѣ, какъ Божіи [4]), призванныя быть храмами Духа Святого [5]).

Такимъ образомъ и для христіанина является первымъ долгомъ въ его отношеніи къ своей собственности распоряжаться ею согласно съ волей Божіей. Какая же это воля?

Въ христіанствѣ мы не находимъ частныхъ законовъ, ограничивающихъ право христіанъ распоряжаться своею собственностію, подобно ветхозавѣтнымъ законамъ, запрещающимъ продажу земли навсегда, повелѣвающимъ не дожинать края поля, оставлять остатки бѣднымъ и т. д. Всѣ подобные законы не могли имѣть мѣста въ Царствѣ Христовомъ, гдѣ царитъ совершенный законъ свободы [6]); подобные законы и не нужны въ Царствѣ Христовомъ, гдѣ должна царить совершенная любовь. Для такой любви не нужны ограниченія числомъ и мѣрою, такъ какъ истинно христіанская любовь по самой ея природѣ проникнута началомъ безграничнаго самоотреченія и готовности на жертву. Христіанство никогда не посягало на право частной собственности и со всею силою и опредѣленностію утверждало неприкосновенность этого права [7]). Но когда оно возвѣстило, что истинные ученики Христова только тѣ, которые любятъ другъ друга [8]), и въ лицѣ Христа Спасителя указало идеалъ такой любви [9]), то этимъ самымъ оно кореннымъ образомъ измѣнило взглядъ человѣка на свое право владѣть собственностію. Мы уже сказали, что сущность любви состоитъ въ живомъ стремленіи къ единенію съ любимымъ, въ сліяніи интересовъ любя-

[1]) Рим. VIII, 18. [2]) Мѳ. V, 36; VI, 27 [3]) Рим. V, 2; Еф. II, 8—9; 2 Тим. I, 9; Тит. III, 4 5 и мн. др. [4]) 1 Кор. VI, 20. [5]) 1 Кор. VI, 19. [6]) Іак. I, 25. [7]) Дѣян. V, 4. [8]) Іоан. XIII, 35. [9]) Іоан. XIII, 34; XV, 12.

щихъ, въ готовности ради любви на всякое самоограниченіе и жертву. Все это такія свойства любви, которыя внутренно несовмѣстимы съ началами, лежащими въ основѣ этическаго обоснованія права собственности. Не будемъ повторять сказаннаго и обратимся къ изложенію Евангельскаго ученія объ отношеніи христіанина къ своей собственности.

Мы сказали, что характернымъ признакомъ любви всегда является самоотреченіе, готовность отказаться отъ своего ради любимаго. И дѣйствительно, въ Евангеліи мы находимъ множество увѣщаній быть готовымъ на такое самоотреченіе и постоянный призывъ дѣлиться своимъ съ другими. „*Я говорю вамъ*—училъ Христосъ Спаситель—*не противься злому: но кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду*“ [1]). Такимъ образомъ, начало неприкосновенности права собственности для христіанина имѣетъ полную силу и значеніе лишь въ отношеніи имущества другихъ, а въ своей личной жизни онъ отказывается отъ этого права во имя высшихъ интересовъ, какихъ—увидимъ далѣе. И если такъ бываетъ при внѣшнемъ столкновеніи христіанина со злою волей человѣка, то тѣмъ полнѣе и радостнѣе совершается такое отрѣшеніе отъ своего ради любви къ Богу и ближнимъ. „*Всякій изъ васъ*—учитъ Господь—, *кто не отрѣшится отъ всего, что имѣетъ, не можетъ быть Моимъ ученикомъ*“ [2]). Почему такъ? Потому, несомнѣнно, что жизнь въ послѣдованіи Христу есть жизнь по закону любви, отказывающейся ради любимаго всегда и отъ всего своего, не исключая самой жизни [3]). Поэтому насъ нисколько не можетъ удивлять настойчивый Евангельскій призывъ, обращенный къ ученикамъ Христовымъ, раздавать свое имущество. Общій законъ этого раздаванія—законъ простой и ясный: „*всякому, просящему у тебя, давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ*“ [4]). Ясно безъ особыхъ разсужденій, что исполненіе этого закона равносильно фактическому отрѣшенію отъ собственности. И въ Евангеліи такое отрѣшеніе прямо требуется отъ всѣхъ, желавшихъ слѣдовать за Христомъ. Призываетъ Онъ апостоловъ Своихъ, и они тотчасъ оставляютъ все, чѣмъ владѣли [5]), и идутъ за Нимъ. Такой же совѣтъ даетъ Христосъ и всему молодому стаду, готовому послѣдовать за Нимъ: „*продавайте*—заповѣдуетъ Онъ—*имѣнія ваши и давайте милостыню*“ [6]). Такой же совѣтъ даетъ Онъ и въ частности богатому юношѣ: „*если хочешь*—говоритъ ему Спаситель—*быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною*“ [7]). Юноша „*отo-*

[1]) Мѳ. V, 39—40. [2]) Лк. XIV, 33. [3]) Іоан. XV, 13. [4]) Лк. VI, 30; ср. Мѳ. V, 42. [5]) Мѳ. IV, 20, 22; Мрк. I, 18, 20; Лк. V, 11; Мѳ. XIX, 27; Лк. XIX, 28. [6]) Лк. XII, 33. [7]) Мѳ. XIX, 21.

шелъ съ печалію“, не имѣя рѣшимости исполнить заповѣдь Христа, и не могъ уже идти за Нимъ, какъ и никто не можетъ, по словамъ Господа служить двумъ господамъ—Богу и маммонѣ [1]). Въ словахъ Господа, богатому юношѣ мы видимъ прямое указаніе на то, что отказъ отъ собственности есть одно изъ условій нравственнаго совершенства. Мы еще должны будемъ возвратиться къ этой поучительной исторіи, когда у насъ будетъ рѣчь о христіанскомъ взглядѣ на богатство и бѣдность; пока же отмѣтимъ то несомнѣнное, на нашъ взглядъ, обстоятельство, что подобное отрѣшеніе требовалось Христомъ Спасителемъ отъ всѣхъ Своихъ ближайшихъ послѣдователей. Совершалось ли это отрѣшеніе въ такой формѣ, какая была указана Господомъ богатому юношѣ и другимъ, искавшимъ спасенія [2]), или же въ иной формѣ, напримѣръ, въ формѣ служенія отъ своихъ имѣній самому Господу и Его ученикамъ [3]), но во всякомъ случаѣ весь духъ Христовой проповѣди говорилъ о томъ, что въ христіанское сознаніе не можетъ входить въ качествѣ жизненной нормы забота о пріобрѣтеніи, храненіи и умноженіи собственности въ формѣ личнаго владѣнія благами земли. Помимо прямой заповѣди благотворить всѣмъ и давать взаймы, не ожидая возвращенія [4]),—что неизбѣжно связывается съ постоянною готовностію отрѣшаться отъ своего ради ближнихъ—, самый идеалъ христіанскаго настроенія въ отношеніи къ міру и его благамъ вовсе исключалъ даже возможность рѣчи со стороны вѣрующихъ о правѣ своемъ владѣть собственностію и о долгѣ охранять это право. Вотъ тѣ слова Господа, въ которыхъ съ трогательной простотой и вмѣстѣ силой изображается истинно-христіанское отношеніе ко всему тому, что обычно является предметомъ владѣнія въ этомъ мірѣ. „*Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываются и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляютъ, и гдѣ воры не подкапываются и не крадутъ, ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше... Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ. Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло—одежды? Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницу; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ*

[1]) Мѳ. VI, 19—24. [2]) Лк. VI, 38, XI, 41, XII, 15, 33 и др. [3]) Лк. VIII, 3. [4]) Мѳ. V, 42, 44; Лк. VI, 30, 35, 38 и др.

росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевыя лилии, какъ онѣ растутъ: не трудятся, ни прядутъ, но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры! Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ пить? или что пить? или во что одѣться, потому что всего этого ищутъ язычники, и потому что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде Царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ. Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы" [1]). Достаточно, думается, прочитать эти слова, чтобы стало ясно, что при такомъ взглядѣ на міръ и на его блага невозможна самая рѣчь о своемъ правѣ владѣть чѣмъ-либо. Для того, кто внутренно отрѣшится отъ всего, что имѣетъ [2]), не можетъ быть страха лишиться собственности, какъ не можетъ быть думы о своемъ правѣ владѣть своимъ у того, кто сердцемъ воспринялъ ученіе Христа: *всякому просящему у тебя дай* [3]). Въ сознаніи христіанина царитъ одно представленіе: одинъ у насъ Отецъ Небесный и одинъ Учитель-Христосъ, а мы всѣ- братья другъ другу [4]). Эта идея христіанскаго равенства и братства дѣлаетъ то, что, если въ личной жизни въ отношеніи собственности руководящимъ принципомъ является отказъ отъ нея въ пользу неимущихъ, то въ жизни христіанской общины такимъ принципомъ должно, естественно, явиться общеніе имуществъ. Разумѣется, какъ въ личной жизни не можетъ быть мѣста закрѣпощенію собственности въ одиѣхъ рукахъ, такъ и въ жизни христіанской общины нѣтъ мѣста такому закрѣпощенію, но ея имущество служитъ всѣмъ нуждающимся, какъ это доказала жизнь первенствующей Церкви. Но все же въ нѣдрахъ церковной общины наиболѣе опредѣленно осуществляется принципъ общенія имуществъ. Въ конкретной формѣ съ извѣстной организаціей распредѣленія матеріальныхъ средствъ мы встрѣчаемъ такое общеніе въ первенствующей Церкви.

Конечно, пока былъ со своими учениками Христосъ Спаситель, подобная организація являлась излишней, и только по Вознесеніи Христовомъ и болѣе широкомъ распространеніи христіанства явилась нужда въ болѣе опредѣленной организаціи церковной жизни вообще, а въ частности и устроенія матеріальнаго быта христіанской общины. Но уже и въ Евангеліяхъ мы находимъ несомнѣнныя данныя для того утвержденія, что какъ Христосъ Спаситель, такъ и Его

[1]) Мѳ. VI, 24—34. [2]) Лк. XIV, 33. [3]) Лк. VI, 30. [4]) Мѳ. XXIII, 8—10.

святые апостолы не имѣли личной собственности во время земной жизни Христа Спасителя, но получаемое отъ доброхотныхъ даяній [1]) расходовали сообща [2]). Нѣтъ нужды раскрывать ту безспорную истину, что Христосъ Спаситель есть идеалъ нравственнаго совершенства для каждаго христіанина. Такое же идеальное значеніе имѣетъ и Его отношеніе къ собственности. Онъ не могъ имѣть заботы о ней и не имѣлъ ничего, сверхъ самаго необходимаго. Тотъ, Кто училъ другихъ быть совершенно независимыми отъ влеченія къ обладанію міромъ и не заботиться о завтрашнемъ днѣ, Самъ оставилъ намъ въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, высочайшій образъ, чтобы мы слѣдовали по Его стопамъ [3]). „*Лисицы*—говоритъ Господь—*имѣютъ норы, и птицы небесныя—гнѣзда, а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову*“ [4]). Онъ, подобно бездомному бѣдняку утоляетъ со Своими учениками голодъ, срывая колосья на полѣ [5]), ища смоквы на деревѣ [6]) и принимая добровольныя даянія отъ Своихъ послѣдователей [7]). Послѣднія, надо думать, и составляли ту, несомнѣнно небольшую, общую собственность Христа Спасителя съ Его учениками, которая хранилась въ ковчежцѣ Іуды [8]), и служила какъ для удовлетворенія нуждъ маленькой общины, такъ и для раздачи бѣднѣйшимъ [9]).

Великія начала новой жизни во Христѣ, возвѣщенныя въ Евангеліи, нашли свое дальнѣйшее раскрытіе и осуществленіе прежде всего въ ученіи и жизни святыхъ апостоловъ и первенствующей Церкви. И какъ въ личной жизни святыхъ апостоловъ, такъ и въ ихъ ученіи и, наконецъ, въ самой жизни руководимой ими первенствующей Церкви мы находимъ совершенно опредѣленно выраженное отношеніе къ праву собственности, вполнѣ, конечно, согласное съ началами, возвѣщенными міру Христомъ Спасителемъ. Начала эти—внутреннее отрѣшеніе отъ исключительнаго владѣнія собственностію и готовность всѣмъ своимъ дѣлиться съ другими Въ своей личной жизни святые апостолы являлись прямыми подражателями своему Господу: они не имѣли собственности, какъ это ясно выступаетъ изъ свидѣтельствъ самихъ святыхъ апостоловъ. „*Серебра и золота нѣтъ у меня*“—говоритъ о себѣ апостолъ Петръ [10]), и апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ объ апостолахъ вообще: „Мы нищи... мы ничего не имѣемъ“ [11]). Апостольская точка зрѣнія на собственность вполнѣ, конечно, совпадаетъ съ ученіемъ Господа: всё должно ограничиваться необходимымъ: „*Имѣя пропитаніе и одежду*—говоритъ св. апостолъ—, *будемъ довольны тѣмъ*“ [12]). Самъ ап.

---

[1]) Лук. VIII, 3. [2]) Іоан. XII, 6; XIII, 29. [3]) 1 Петр. II, 21. [4]) Мѳ. VIII, 20; Лук. IX, 58. [5]) Мѳ. XII, 1, Мрк. II, 23, Лк. VI, 1. [6]) Мѳ. XXI, 19; Мрк. XI, 20—21. [7]) Лук. VIII, 3. [8]) Іоан. XII, 6. [9]) Іоан. XIII, 29. [10]) Дѣян. III, 6. [11]) 2 Кор. VI, 10. [12]) 1 Тим. VI, 8.

Павелъ трудился ради этого, не желая обременять вѣрныхъ [1]) и при этомъ еще служилъ другимъ, находившимся при немъ [2]), и однако часто не имѣлъ и гдѣ голову преклонить, и чѣмъ насытиться, и во что одѣться. Я часто былъ—пишетъ онъ о себѣ—„*въ голодѣ и жаждѣ, часто въ постѣ, на стужѣ и въ наготѣ*“ [3]). И если въ своемъ лицѣ св. апостолы во всей чистотѣ осуществили Евангельское начало всецѣлаго отрѣшенія отъ своего и служенія другимъ, то въ своемъ ученіи они призывали къ этому же вѣрующихъ. Мы уже сказали, что истинное отрѣшеніе отъ собственности во-внѣ выражается лично каждымъ въ осуществленіи Евангельскаго повелѣнія „*всякому, просящему у тебя, давай*“; а въ жизни общины такое внутреннее отрѣшеніе имѣетъ своимъ прямымъ слѣдствіемъ общеніе имуществъ, когда свободно отказываются отъ того, чтобы называть что-либо своимъ. И оба эти проявленія христіанскаго отрѣшенія отъ своего нашли свое выраженіе въ ученіи апостоловъ и въ самой жизни Церкви апостольскаго періода. Всюду въ писаніяхъ апостоловъ мы читаемъ призывъ дѣлиться своимъ достаткомъ съ нуждающимися [4]), а въ самой жизни первенствующей Церкви встрѣчаемъ и дѣйствительное идеальное осуществленіе этого завѣта въ формѣ общенія имуществъ. Вотъ какъ просто и трогательно повѣствуетъ объ этомъ книга апостольскихъ „Дѣяній“. „*Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее; и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго... У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду* [5]). Такова чудная картина того единенія духа, какое царило въ первохристіанской общинѣ, и, оцѣнивая это явленіе жизни первенствующей Церкви съ этической точки зрѣнія, мы въ правѣ въ описанномъ порядкѣ видѣть идеальное воплощеніе тѣхъ началъ, какими проникнуто Евангеліе въ его отношеніи къ устроенію матеріальной стороны человѣческой жизни. У множества вѣрующихъ было одно сердце и одна душа,—царила, иначе сказать, любовь, какъ дѣйствительная основа жизни, дѣлавшая то, что спадали оковы эгоизма, и каждый свободно отказывался отъ своего ради общаго блага. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта картина жизни первенствующей Церкви

---

[1]) 2 Θес. III, 8. [2]) Дѣян. XX, 34—35. [3]) 2 Кор. XI, 27. [4]) Напр., Іак. II, 14—17, 1 Петр. IV, 8—10, 1 Іоан III, 17; Рим XII, 20, 1 Кор. XVI, 1—3; 2 Кор. VIII, 11—15; IX, 6—10; Гал. II, 10; 1 Тим. VI, 18 и др. [5]) Дѣян. II, 44—46; IV, 32—35.

должна имѣть громадное значеніе для христіанской этики въ ея ученіи о матеріальной культурѣ. Эта картина говоритъ съ наглядною простотою, но и безспорною убѣдительностію, что нравственнымъ долгомъ для христіанина должно быть не „пріобрѣтеніе, храненіе и умноженіе“ имущества, но такая полнота переживаній любящей души, при которой была бы психологически невозможна самая мысль объ исключительности моего права на обладаніе извѣстнымъ предметомъ Христіанство никогда не посягало на неприкосновенность права собственности и признавало юридическое право каждаго владѣть своимъ, не только въ извѣстныхъ словахъ св. апостола Петра Ананіи [1]), но и въ строжайшемъ осужденіи всякаго посягательства на чужое [2]). Однако, самая природа христіанской любви такова, что тамъ, гдѣ она дѣйствительно царитъ, мы всегда встрѣчаемъ и общеніе имуществъ, подобно тому, какъ оно было въ жизни первенствующей Церкви. Для иллюстраціи нашей мысли мы укажемъ на жизнь семьи. Законъ признаетъ право каждаго члена семьи на обладаніе извѣстной собственностію. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, нѣтъ такого внѣшняго дѣленія моего и твоего въ жизни каждой семьи, связанной чувствомъ живой любви. Этимъ чувствомъ была одушевлена и первенствующая Церковь, у которой живо было сознаніе того, что одинъ у всѣхъ Отецъ Небесный, одинъ Спаситель міра и всѣ они братья и сестры, призванные вмѣстѣ совершать свое земное теченіе и вмѣстѣ стремиться къ спасенію. Насколько такое сознаніе должно быть свойственно каждой христіанской общинѣ, настолько несомнѣнно, что въ идеалѣ устроенія Царства Божія на землѣ въ Церкви Христовой мы должны мыслить такое единеніе духа, а неразрывно съ нимъ и единеніе въ имуществѣ, реальный свободный отказъ въ отношеніи владѣнія своимъ имуществомъ отъ того юридическаго начала, которое лежитъ въ основѣ царства эгоизма. Мы, такимъ образомъ, смотримъ на единеніе имуществъ въ первенствующей Церкви, какъ на ту идеальную форму, въ какой должно выражаться каждое искреннее стремленіе общества устроять жизнь на христіанскихъ началахъ. Но мы не можемъ ограничиться только подобнымъ положительнымъ утвержденіемъ и должны сказать два слова по поводу отношенія къ интересующему насъ факту нашей научной этики. Отношеніе это удивительное. Вотъ, напримѣръ, какъ оцѣнивается этотъ фактъ въ нашей серіознѣйшей научной системѣ нравственнаго богословія. Указавши на фактъ общенія имуществъ въ средѣ членовъ первенствующей Церкви, описанный книгою Дѣяній, ученый моралистъ заключаетъ: „Извѣстно, что общеніе имуществъ

[1]) Дѣян. V, 3. [2]) 1 Кор. VI, 10, Еф. IV, 28; Тит. II, 10.

первыхъ христіанъ было кратковременнымъ и мѣстнымъ; существовало оно не долго только въ Іерусалимѣ. И оказалось оно непрактичнымъ: Іерусалимская община на столько обѣднѣла, что другія христіанскія общины посылали ей вспоможенія“ [1]). Такое поверхностное, почти ироническое отношеніе къ великому явленію церковной жизни прямо-таки непонятно. Въ задачу нашего труда не входитъ изслѣдованіе историческихъ судебъ общенія имуществъ въ древней Церкви. Ограничимся замѣчаніемъ, что нельзя съ увѣренностію сказать ни того, что общеніе имуществъ было только въ Іерусалимской Церкви, ни того, что это общеніе было кратковременнымъ, и Церковь Іерусалимская обѣднѣла именно вслѣдствіе такого общенія Когда мы будемъ излагать святоотеческое ученіе о собственности, то увидимъ всю рискованность того заключенія, что общеніе имуществъ было только въ Іерусалимской Церкви и продолжалось очень не долго. А каждому, знакомому съ исторіей Іерусалима во второй половинѣ перваго вѣка, ясно, что, если и могло общеніе имуществъ неблагопріятно отразиться на матеріальной сторонѣ жизни Іерусалимской Церкви, то во всякомъ случаѣ это было не единственное неблагопріятное условіе, но что Іерусалимъ постигъ цѣлый рядъ внѣшнихъ бѣдствій. И самый призывъ апостола Павла, обращенный къ Коринѳской Церкви всегда даетъ возможность предполагать такой порядокъ, какой указываетъ самъ апостолъ, когда призывалъ Коринѳянъ помогать бѣдствующей церкви. „*нынѣ*—писалъ св апостолъ—*вотъ избытокъ въ восполненіи ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была равномѣрность*“ [2]). Ясно, что это мѣсто не о томъ говоритъ, будто общеніе имуществъ „оказалось непрактичнымъ“, но о томъ желаніи апостола, чтобы оно распространилось на всѣ христіанскія церкви, и чтобы послѣднія, раздѣленныя большимъ пространствомъ, сознавали себя членами одного великаго цѣлаго —Церкви Христовой—и братьями другъ другу. Но если и отрѣшиться отъ такой исторической перспективы, то съ чисто этической христіанской точки зрѣнія такое полуироническое отношеніе къ дѣлу нужно признать вовсе неподходящимъ и не имѣющимъ для себя никакой опоры во взглядахъ представителей древней Церкви. Нужно замѣтить, что, если мы процитировали лишь одну систему покойнаго профессора Олесницкаго, то потому, что въ ней наиболѣе опредѣленно и научно честно высказанъ отрицательный взглядъ на опытъ жизни первенствующей Церкви. Въ другихъ случаяхъ это дѣлается подъ маской лицемѣрныхъ комплиментовъ по

[1]) М. А. Олесницкій, „Изъ системы христіанскаго нравоученія“, стр. 409.
[2]) 2 Кор. VIII, 14.

адресу высоты жизни первенствующей Церкви Но сущность дѣла отъ этого не мѣняется, и господствующій у насъ взглядъ на общеніе имуществъ въ первые дни христіанства тотъ, что на это общеніе смотрятъ, не какъ на идеальную форму устроенія матеріальной жизни членовъ церковнаго братства, но какъ на утопическую попытку, окончившуюся неудачно. Но хотя это взглядъ и господствующій, тѣмъ не менѣе вовсе неумѣстный въ христіанской этикѣ. Вѣдь жизнь первенствующей Церкви была тѣмъ временемъ, когда въ ней обильно царили благодатные дары Св. Духа, когда въ средѣ этой Церкви находились Матерь Божія и всѣ апостолы, которые и были главными руководителями церковной жизни. Едва ли при такихъ условіяхъ возможно видѣть въ братскомъ общеніи имуществъ членовъ первенствующей Церкви случайную и неудавшуюся попытку организовать жизнь на истинно братскихъ началахъ. Если даже и согласиться съ тѣмъ, что этотъ опытъ дѣла христіанской любви оказался и неудавшимся—для такого сужденія, однако, мы не имѣемъ данныхъ—, то во всякомъ случаѣ не мѣсто иронiи и жалкимъ комплиментамъ тамъ, гдѣ выступаетъ на лицо рѣжущій разладъ идеальныхъ требованій христіанской любви и эгоистическихъ традицій человѣческаго общежитія. Самая неудача организаціи жизни первенствующей Церкви не могла бы послужить помѣхою видѣть въ этой организаціи идеальную ея форму точно такъ же, какъ отсутствіе въ христіанскомъ мірѣ любви къ ближнимъ, не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы это начало признавалось нормой христіанскихъ отношеній И если, какъ мы сказали, единеніе имуществъ въ христіанской общинѣ есть необходимый результатъ, вѣрнѣе, выраженіе духа любви членовъ церкви другъ къ другу, то мы считаемъ себя вправѣ съ научно-христіанской точки зрѣнія утверждать, что общеніе имуществъ въ первенствующей Церкви есть и на всегда пребудетъ идеаломъ устроенія матеріальной стороны жизни членовъ Христовой Церкви.

Такой взглядъ рѣзко расходится со взглядомъ на предметъ нашего современнаго богословія; но это не можетъ насъ особенно смущать потому, во-первыхъ, что высказываемый нами взглядъ находится въ совершенной гармонiи съ основнымъ практическимъ началомъ христіанской жизни; и потому, во-вторыхъ, что, расходясь съ господствующей тенденціей современнаго богословія, этотъ взглядъ совпадаетъ всецѣло съ ученіемъ отцовъ и учителей вселенской Церкви, которые въ устроенiи первохристіанской общины видѣли идеальную форму церковнаго общенія, а въ общенiи имуществъ —естественное выраженіе христіанской любви, объединяющей людей въ братскую семью,—выраженіе, являющееся желательнымъ во всякое мгновеніе жизни на землѣ Церкви

Христовой. При этомъ, въ святоотеческой письменности первыхъ трехъ вѣковъ встрѣчается не только признаніе идеальнаго значенія за формой общенія имуществъ въ дѣлѣ устроенія матеріальнаго быта общины, но и положительный призывъ къ этому и указаніе на дѣйствительное существованіе такого общенія въ средѣ христіанъ. А въ послѣдующіе вѣка взоры учителей Церкви обращаются отъ современнаго имъ положенія церковной жизни къ первымъ днямъ христіанства, и въ сіяніи этого царства любви они показываютъ своимъ современникамъ, какою должна быть жизнь христіанская.

Все это ясно откроется при изложеніи святоотеческаго ученія о собственности, но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этого ученія, подведемъ кратко итоги тому, что стало яснымъ для насъ изъ откровеннаго ученія въ его отношеніи къ праву человѣка владѣть своимъ.

Прежде всего мы думаемъ и утверждаемъ, что въ откровенномъ ученіи нѣтъ и намека на долгъ „пріобрѣтать, хранить и умножать“ свое имущество Всюду, вмѣсто этого, заповѣдуется не пріобрѣтать себѣ сокровищъ на землѣ, не заботиться о томъ, что тлѣетъ, и раздавать свое достояніе неимущимъ. Иными словами, въ откровенномъ ученіи заповѣдуется какъ разъ обратное тому, что дозволяется и одобряется нашими системами нравственнаго богословія. Вслѣдствіе этого, естественно, и отношеніе къ праву собственности въ новозавѣтномъ Откровеніи и въ нашемъ богословіи устанавливается неодинаковое. Откровенное ученіе, какъ мы сказали, признаетъ это право, какъ наличный фактъ дѣйствительной жизни. И не только въ прямыхъ словахъ св. ап. Петра Ананіи [1]), но и въ абсолютномъ запрещеніи всякаго посягательства на чужую собственность утверждается принципъ неприкосновенности права каждаго владѣть принадлежащимъ ему по гражданскому закону. Христіанство по самой своей природѣ не отрицало юридическихъ нормъ общежитія, даже такой нормы, какъ институтъ рабства. Но оно сообщало этимъ нормамъ новое освѣщеніе, вдыхало въ нихъ новый духъ и черезъ это преобразовывало ихъ. Такъ было вообще, такъ и въ отношеніи христіанства къ праву собственности. Оно признало это право въ качествѣ юридической нормы, но само проповѣдывало не объ этомъ правѣ, но о долгѣ нашемъ отказываться отъ этого права въ случаѣ внѣшняго насилія, и всегда думать не о томъ, чтобы владѣть своимъ, но о томъ, чтобы дѣлиться своимъ съ другими. Поэтому, когда наше богословіе говоритъ о томъ, что право собственности „святыня для христіанина“, то

[1]) Дѣян. V, 3.

мы думаемъ, что это не христіанская характеристика. Конечно, если подъ терминами „священный“ и „святыня“ подразумѣвать принципъ неприкосновенности, то это безспорная истина. Но такое словоупотребленіе все-таки будетъ не вполнѣ точнымъ. Термины „священный“ и „святыня“ приложимы въ истинномъ смыслѣ слова лишь къ идеальнымъ нормамъ собственно христіанскаго нравственнаго закона. А такою идеальною нормою въ христіанствѣ является не право собственности, но, согласно ученію Откровенія и Церкви, добровольное внутреннее, а иногда и внѣшнее отреченіе отъ права собственности, когда послѣдняя разсматривалась, какъ общее достояніе. Мысль эта, какъ сейчасъ увидимъ, проходитъ яркою нитью черезъ всѣ вѣка жизни древней Церкви и находитъ въ святоотеческомъ ученіи такое рѣзкое выраженіе, что самое происхожденіе права собственности разсматривается, какъ признакъ оскудѣнія любви среди людей и наглядное выраженіе отсутствія среди нихъ истинно братскаго единенія въ жизни . . . . . .

На рубежѣ письменности апостольской и святоотеческой находятся писанія мужей апостольскихъ. Въ этихъ памятникахъ древней церковной письменности мы, конечно, не встрѣчаемъ подробно развитого ученія о собственности, но, однако, находимъ существенно важныя для насъ указанія на то, что человѣкъ является въ этомъ мірѣ собственникомъ лишь въ условномъ смыслѣ, только распорядителемъ Божіихъ даровъ и, согласно волѣ Божіей, долженъ смотрѣть на свое, какъ на принадлежащее всѣмъ его собратьямъ. Въ „посланіи апостола Варнавы“, этомъ древнѣйшемъ памятникѣ церковной письменности, его святой авторъ изображаетъ, между прочимъ, два возможные пути нашей жизни: путь свѣта и тьмы, путь любви и злобы. И въ изображеніи перваго пути встрѣчается, какъ неотдѣлимый признакъ истинной любви, совершенное общеніе вѣрующихъ. „Люби ближняго—пишетъ св. Варнава—болѣе души своей... Имѣй общеніе съ ближними во всемъ и не называй ничего собственностію; ибо если вы общники въ благахъ нетлѣнныхъ, то не болѣе ли въ вещахъ тлѣнныхъ?... Не будь простирающимъ рукъ къ принятію и сгибающимъ ихъ, когда ты долженъ дать“ [1]).

Въ „Пастырѣ“ Ерма находится довольно подробное раскрытіе той мысли, что все въ мірѣ—Божіе достояніе, и человѣкъ долженъ владѣть имъ такъ, чтобы всѣ участвовали въ обладаніи Божьими дарами. „Не пользуйтесь—увѣщаетъ старица въ видѣніи Ерма—одни твореніями Божьими, но щедро раздавайте нуждающимся“ [2]). „Всѣмъ давай—заповѣдуетъ Пастырь — потому, что Богъ хочетъ,

---

[1]) Гл. 19, русскій перев прот. П. Преображенскаго. [2]) Вид. 3, гл 9.

чтобы всѣмъ было даруемо изъ Его даровъ. Берущіе отдадутъ отчетъ Богу Дающій же не будетъ виноватъ, ибо онъ исполнилъ служеніе, какое получилъ отъ Бога“ [1]). Въ „подобіи“ первомъ подробно раскрывается та мысль, что человѣкъ въ этомъ мірѣ не можетъ имѣть истинной собственности, но что если кто владѣетъ чѣмъ-либо, то долженъ всѣмъ дѣлиться съ нуждающимися ближними. „Пастырь сказалъ мнѣ: знаете ли, что вы, рабы Божіи, находитесь въ странствіи? Вашъ городъ находится далеко отъ этого города. Итакъ, если знаете ваше отечество, въ которомъ имѣете жить, то зачѣмъ здѣсь покупаете помѣстья, строите великолѣпныя зданія и ненужныя жилища?... Несмысленный, двоедушный и жалкій человѣкъ, не понимаешь ли, что все это чужое и подъ властію другого... Итакъ, смотри, подобно страннику на чужой сторонѣ, не приготовляй ничего болѣе, какъ сколько тебѣ необходимо для жизни... Итакъ, вы, служащіе Богу и имѣющіе Его въ сердцахъ своихъ, смотрите: дѣлайте дѣла Божіи.. Вмѣсто полей, искупайте души отъ нужды, сколько кто можетъ, помогайте вдовамъ и сиротамъ; богатство и всѣ стяжанія ваши употребляйте на такого рода дѣла, на которыя вы и получили ихъ отъ Бога. Ибо Господь обогатилъ васъ для того, чтобы вы исполняли такое служеніе Ему. Дѣлать это гораздо лучше, чѣмъ покупать помѣстья или дома, потому что все это погибнетъ въ этомъ мірѣ“ [2]) „Должно всякаго человѣка исхищать изъ бѣдствія.. Кто знаетъ о бѣдствіи такого человѣка и не избавляетъ его, тотъ допускаетъ великій грѣхъ и дѣлается виновенъ въ крови его. Итакъ, благотворите, сколько кто получилъ отъ Господа“ [3]). Такимъ образомъ Ермъ требуетъ отрѣшиться отъ взгляда на свое имущество, какъ на свою неотъемлемую собственность, но видитъ въ немъ нѣчто такое, на что имѣютъ право всѣ нуждающіеся.

„Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“, этотъ древній памятникъ, примыкающій къ вѣку писаній мужей апостольскихъ, содержитъ очень выразительное поученіе, какъ должно смотрѣть на свою собственность, при чемъ въ этомъ случаѣ близко примыкаетъ къ взглядамъ, высказаннымъ въ посланіи апостола Варнавы. „Всякому просящему у тебя дай—повторяетъ „Ученіе“ слова Господа— и не требуй назадъ: ибо Отецъ желаетъ, чтобы всѣмъ было даруемо отъ Его благодатныхъ даровъ“ [4]). „Не отвращайся отъ нуждающагося, но во всемъ имѣй общеніе съ братомъ своимъ; и ничего не называй своею собственностію: ибо если вы соучастники въ нетлѣнномъ, то тѣмъ болѣе въ вещахъ тлѣнныхъ“ [5]).

Въ писаніяхъ мужей апостольскихъ, соотвѣтственно ихъ учи-

---

[1]) Заповѣдь 2. [2]) Подобіе I, рус. перев. прот. Преображенскаго. [3]) Подобіе X, гл. 4. [4]) Глава I, рус. пер. проф. Попова. [5]) Гл. IV.

тельному характеру, мы слышимъ только призывъ къ отказу отъ того, чтобы называть что-либо своею собственностію, но не встрѣчаемъ опредѣленныхъ указаній, осуществлялось ли это идеальное требованіе и въ дѣйствительной жизни Церкви. Въ писаніяхъ христіанскихъ апологетовъ мы находимъ положительный отвѣтъ и на этотъ вопросъ, когда они даютъ отчетъ врагамъ христіанства въ тѣхъ началахъ, какими руководится Церковь въ своей жизни. Такъ, св. Іустинъ, философъ и мученикъ, свидѣтельствуетъ въ своей первой „апологіи“, что и въ его время существовало въ Церкви общеніе имуществъ. „Прежде мы—говоритъ св. Іустинъ о христіанахъ—болѣе всего заботились о снисканіи богатства и имѣнія, нынѣ и то, что имѣемъ, вносимъ въ общество и дѣлимся со всякимъ нуждающимся...[1]). И достаточные изъ насъ помогаютъ всѣмъ бѣднымъ, и мы всегда живемъ за одно другъ съ другомъ... Достаточные и желающіе, каждый по своему произволенію, даютъ, что хотятъ, и собранное хранится у предстоятеля; а онъ имѣетъ попеченіе... о всѣхъ, находящихся въ нуждѣ“ [2]).

О готовности христіанъ отказаться отъ всего своего въ пользу неимущихъ свидѣтельствуетъ и св Иріней Ліонскій. „Есть—говоритъ онъ—приношенія тамъ (въ Ветхомъ Завѣтѣ), есть приношенія и здѣсь (въ Новомъ), есть жертвы у народа (іудейскаго), есть жертвы и въ Церкви; но измѣненъ только видъ, такъ какъ приношеніе дѣлается уже не рабами, а свободными... И посему тѣ посвящали Ему (Богу) десятины своихъ (имѣній); а получившіе свободу опредѣляютъ все имущество свое для цѣлей Господнихъ, радостно и свободно давая не меньшее въ надеждѣ получить бо́льшее; такъ, бѣдная вдова все свое состояніе отдала въ сокровищницу Божію“ [3]).

Знаменитый апологетъ христіанства Тертулліанъ съ большою опредѣленностію и выразительностію высказалъ христіанскій взглядъ на характеръ нашего владѣнія въ этомъ мірѣ. „Господь—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи „о терпѣніи“—тысячекратно повелѣваетъ тебѣ презирать міръ или, лучше сказать, научаетъ тебя, какъ презирать временныя блага, потому что нигдѣ Самъ Онъ не оказываетъ къ нимъ ни малѣйшаго уваженія... Даже и то, что мы считаемъ своимъ, не есть наше. Мы ничего не имѣемъ: все принадлежитъ Богу, Которому и сами мы принадлежимъ. Итакъ, когда случится намъ что̀ потерять, и мы переносимъ то съ нетерпѣніемъ, то чрезъ сіе показываемъ, что мы не свободны еще отъ сребролюбія, потому что жалѣемъ о томъ, что̀ намъ не принадлежитъ. Огорчаться потерею того, что не наше, значитъ желать чу-

---

[1]) Гл. XIV, рус. пер прот. Преображенскаго. [2]) Гл. LXVII. [3]) „Противъ ересей“, кн. IV, гл. 18, рус пер. прот. Преображенскаго.

жого. Такимъ образомъ мы должны мужественно отрекаться отъ земныхъ вещей и непрестанно созерцать блага небесныя“ [1])

Въ своей „апологіи“ Тертулліанъ рисуетъ картину живого братскаго общенія вѣрующихъ своего времени, составлявшаго полную противоположность языческой разъединенности. „Мы живемъ—свидѣтельствуетъ апологетъ—по-братски на счетъ общности имуществъ, между тѣмъ какъ у васъ эти имущества производятъ ежедневные раздоры между братьями. Составляя между собою одно сердце, одну душу, можемъ ли мы отказываться отъ общности имуществъ? Все у насъ общее, исключая женъ; мы раздѣляемся другъ отъ друга въ семъ единственно отношеніи... Относительно христіанъ ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что у нихъ общіе столы... Одно ихъ (столовъ) имя показываетъ, какое къ тому побужденіе. Ихъ называютъ agapes: слово греческое, означающее любовь. Чего бы ни стоили вечери наши, мы считаемъ себя довольно вознагражденными тѣмъ, что дѣлаемъ добро: мы облегчаемъ тѣмъ состояніе бѣдныхъ людей“ [2]). Въ своемъ трактатѣ „объ идолопоклонствѣ“ Тертулліанъ съ воодушевленіемъ и силою христіанскаго убѣжденія изображаетъ то начало совершеннаго отреченія отъ всего своего, какое мыслится съ понятіемъ истиннаго христіанина „Что за предлогъ—спрашиваетъ Тертулліонъ—по принятіи христіанской вѣры отговариваться потребностями жизни и жаловаться, что нечѣмъ жить? На такую отговорку я могъ бы коротко и просто отвѣчать: ты говоришь про то слишкомъ поздно, прежде, нежели ты сдѣлался христіаниномъ, надлежало бы тебѣ о томъ размыслить.. Теперь же у тебя есть заповѣди Господни, есть образцы, отъемлющія у тебя всякій предлогъ. О чемъ ты говоришь? Я буду бѣденъ; но Господь отвѣчаетъ: *„блаженны нищіе“*.—У меня не будетъ пищи; но въ законѣ сказано: *„не пецытеся, что ясте или что писте“*.—Нѣтъ одежды: *„смотрите кринъ сельныхъ: не труждаются, ни прядутъ“*.—Мнѣ нужны деньги: *„вся, елика имаши продаждь и роздай нищимъ“*.—Мнѣ надобно устроить дѣтей и подумать о потомствѣ: *„никто же возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи“* —Но я въ мірѣ имѣлъ извѣстное званіе: *„никто ни можетъ двѣма господинома работати“*. Если ты хочешь быть ученикомъ Христовымъ, то возьми крестъ твой и иди по Немъ,—то-есть, переноси бѣдность, страданія и самое тѣло твое... Жену, дѣтей, родственниковъ ты все можешь оставить для Бога... Когда Іаковъ и Іоаннъ были позваны Господомъ нашимъ, они оставили и корабль, и мрежи, и отца своего; когда Господь воззвалъ Матѳея, онъ тотчасъ сошелъ съ мытницы своей и послѣдовалъ Ему.

---

[1]) Гл. VII, рус. перев. Карнеева. [2]) Гл. 39, рус. пер. Карнеева.

Никто изъ избранныхъ Богомъ мужей не отвѣчалъ: мнѣ нечѣмъ жить. Вѣра не боится голода, зная, что изъ любви къ Богу надобно презирать голодъ, какъ и всякую другую смерть; она (вѣра) привыкла не безпокоиться не только о пищѣ, но и о самой жизни“ [1]).

Климентъ Александрійскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Кто изъ богатыхъ спасется“, являющемся исключеніемъ среди произведеній древнецерковной письменности по взгляду на богатство—о чемъ рѣчь ниже—по вопросу о правѣ человѣка владѣть своею собственностію держится воззрѣній, согласныхъ, въ существенномъ, съ другими представителями древне-церковной мысли. „По природѣ своей—разсуждаетъ Климентъ—всякое богатство, какимъ бы кто ни владѣлъ, не составляетъ прямой собственности того, но, возможно изъ сей неправоты создавать дѣло правое и спасительное“ [2]). Какимъ образомъ? на это находимъ отвѣтъ далѣе, гдѣ заповѣдуется не только давать всякому просящему, но еще и отыскивать нуждающихся [3]), и не запирать другъ отъ друга того, что скоро огонь пожретъ и не удерживать того, что принадлежитъ этому міру, что собою представляетъ нѣчто нищенское, чуждое и бренное [4]). Ясно, что подобное отношеніе къ собственности должно вести къ общенію имуществъ. Эту мысль и выразилъ самъ Климентъ въ другомъ своемъ сочиненіи „Педагогъ“. „Богъ создалъ—пишетъ онъ здѣсь—человѣчество для братскаго общенія, Самъ первѣе всего пожертвовавъ Своимъ Сыномъ и Логоса, все доставляя всѣмъ, даровавши въ общее достояніе для всѣхъ. Все, слѣдовательно, должно быть общимъ, и богатые не должны желать больше имѣть, чѣмъ другіе. Слово: у меня драгоцѣнности есть, почему же не должно себѣ доставлять удовольствіе ими, не человѣчно, не есть оно слово братское. Болѣе соотвѣтствуетъ христіанской любви другое слово: „у меня есть это, почему же не долженъ я съ нуждающимся подѣлиться?“ Такой человѣкъ совершенъ и исполняетъ заповѣдь: „возлюби ближняго, какъ самого себя“... Знаю, что Богъ далъ намъ право наслаждаться, но только въ предѣлахъ необходимаго, и по Его волѣ наслажденіе должно быть общимъ. Это не въ порядкѣ вещей, чтобы одинъ въ изобиліи жилъ, тогда какъ многія терпятъ нужду“ [5]). Мы думаемъ, что сущность воззрѣній Климента Александрійскаго на право собственности можно выразить слѣдующими его словами: „кто владѣетъ собственностію и золотомъ и серебромъ и домами, какъ даромъ Божіимъ и своими богатствами Подателю всѣхъ благъ Богу служитъ ко спасенію душъ, и кто знаетъ, что этимъ онъ владѣетъ болѣе изъза собратій, нежели ради себя... того прославляетъ Господь, какъ

---

[1]) Гл. XII, рус. перев. Карнеева. [2]) Гл. 31, рус. перев. И Корсунскаго. [3]) Тамъ же. [4]) Гл. 37. [5]) II, 12, перев. Корсунскаго.

блаженнаго, и называетъ нищимъ въ духѣ“ [1]). Такимъ образомъ, и по взгляду Климента, человѣкъ владѣетъ собственно Божіимъ достояніемъ и обязанъ распоряжаться этимъ достояніемъ согласно съ Божіей волей. При этомъ у Климента мы встрѣчаемъ интересное разсужденіе, почему мы имѣемъ право считать своею собственностію то, что собственно принадлежитъ Богу. „Если—разсуждаетъ онъ—достояніе того и другого изъ друзей составляетъ общую ихъ собственность, а Богъ и человѣкъ теперь между собою поставлены въ отношенія дружественныя (такъ какъ, благодаря посредству Слова Божія, Богъ сталъ другомъ людей), то, дѣйствительно, все становится достояніемъ человѣка, потому что Богу все принадлежитъ; и все это составляетъ общую собственность обоихъ друзей—и Бога и человѣка“ [2]).

Великій христіанскій епископъ 3-го вѣка св. Кипріанъ Карѳагенскій съ особенною выразительностію оттѣнилъ тотъ взглядъ христіанства на право собственности, по которому христіанинъ долженъ думать не объ этомъ правѣ и охраненіи своего имущества, но о добровольномъ отказѣ отъ своего достоянія ради любви къ собратьямъ. Исходя изъ того убѣжденія, что только духовныя блага суть блага истинныя, которыя у Бога составляютъ нашу истинную собственность, а блага міра—презрѣнны [3]), св. Кипріанъ признакъ христіанскаго совершенства видитъ въ отказѣ отъ собственности. „Надобно—писалъ онъ—удаляться отъ имущества, какъ отъ непріятеля, убѣгать отъ него, какъ отъ разбойника, бояться какъ меча и яда для обладающихъ имъ... Все наше богатство и имущество пусть будетъ отдано для приращенія Господу, Который будетъ судить насъ. Такъ процвѣтала вѣра при апостолахъ! Такъ первые христіане исполняли велѣнія Христовы! Они съ готовностію и щедростію отдавали все апостоламъ для раздѣла“ [4]). И вообще, по воззрѣнію святителя, „кто сдѣлался ученикомъ Христовымъ, тотъ, по словамъ Учителя, отказываясь отъ всего, долженъ просить только дневного пропитанія и въ молитвѣ не простирать далѣе своихъ желаній .. Господь учитъ, что тотъ вполнѣ совершенъ, кто, продавъ все свое состояніе и, раздавъ въ пользу нищихъ, заготовляетъ себѣ сокровище на небѣ [5]); тотъ, по словамъ Господа, можетъ слѣдовать за Нимъ и подражать славѣ страданія Господня, кто въ готовности и охотѣ своей не задерживается никакими сѣтями домашняго хозяйства, но, предпославъ свое имущество Богу, отрѣшенный и

---

[1]) „Кто изъ богатыхъ спасется“, гл. 16, рус. перев. Корсунскаго. [2]) „Увѣщаніе къ эллинамъ“, гл. 12, рус. перев. Корсунскаго. [3]) „Книга объ одеждѣ дѣвственницъ“, ч. 2 русскаго перевода, стр. 129. Кіевъ. 1879 г. [4]) „Книга о падшихъ“, ч. 2, стр. 168. [5]) „Книга о молитвѣ Господней“, ч. 2, стр. 205—206.

свободный, и самъ идетъ туда же [1]) Особенно выразительно свой взглядъ на отношеніе христіанина къ праву собственности св. Кипріанъ высказалъ въ „книгѣ о благотвореніяхъ и милостынѣ“ Здѣсь онъ раскрываетъ ту мысль, что почитаемое нами за собственность есть въ дѣйствительности общее наше достояніе, и въ восторженныхъ словахъ рисуетъ картину жизни апостольской Церкви, гдѣ царила и совершенная любовь, и полное общеніе имуществъ. „Размыслимъ—говоритъ святитель—, возлюбленнѣйшіе братья, о томъ, что дѣлали вѣрующіе во времена апостоловъ... въ то время продавали домы и помѣстья, а деньги охотно и въ изобиліи приносили апостоламъ для раздачи бѣднымъ; посредствомъ продажи и раздачи земныхъ стяжаній переносили свое имущество туда, откуда можно бы получать плоды вѣчнаго обладанія; пріобрѣтали домы тамъ, гдѣ можно бы поселиться навсегда. Въ благотвореніи было тогда столько же щедрости, сколько согласія въ любви, какъ о томъ читаемъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ: *народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща.* Вотъ что значитъ быть истинными чадами Божіими по духовному рожденію! Вотъ что значитъ подражать по небесному закону правдѣ Бога Отца! Ибо что принадлежитъ Богу, то должно составлять общее наше достояніе, и никто не долженъ быть лишаемъ участія въ благодѣяніяхъ и дарахъ Его такъ, будто весь родъ человѣческій не одинаково долженъ пользоваться благостію, щедростію и милостію Божественною. Такъ, одинаково для всѣхъ свѣтитъ день, одинаково сіяетъ солнце, падаетъ дождь, дуетъ вѣтеръ, и сонъ у спящихъ одинъ, и блистаніе звѣздъ и луны обще для всѣхъ. И если земной владѣлецъ, руководствуясь такимъ примѣромъ равенства, раздѣляетъ свои плоды и прибытки съ братствомъ, то онъ, становясь чрезъ безмездныя щедрыя подаянія общительнымъ и справедливымъ, становится подражателемъ Бога-Отца“ [2]).

Св. Кипріанъ стоитъ почти на границѣ двухъ періодовъ церковной исторіи,—того, когда еще не различались строго идеальныя требованія христіанскаго совершенства и нормы дѣйствительной жизни вѣрующихъ, и того періода, когда полное осуществленіе требованій христіанскаго совершенства учители Церкви начали относить къ прошлому церковной жизни, а въ настоящемъ болѣе обличали несоотвѣтствіе того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть. Въ твореніяхъ св. Кипріана мы еще встрѣчаемъ одновременно и обличеніе—горячее и суровое—того ненормальнаго порядка распредѣленія имуществъ, какое было въ Карѳагенской церкви, современной

[1]) Мѳ. XIX, 21. [2]) Ч. 2, стр. 276—277 рус перевода.

ему; и горячій призывъ отказываться отъ своего ради ближнихъ, съ живою вѣрою въ возможность осуществленія этого и съ твердымъ сознаніемъ того, что обще-церковное имущество еще велико [1]). Начиная съ четвертаго вѣка—періодъ торжества христіанства въ римской имперіи,—замѣчается яркое преобладаніе обличительнаго элемента въ поученіяхъ великихъ пастырей Церкви и постоянное обращеніе къ прошедшимъ судьбамъ церковной исторіи, которыя представляются св. отцамъ и изображаются ими одновременно и прекрасными и далекими отъ ихъ времени. Если императоръ Юліанъ говорилъ еще во второй половинѣ четвертаго вѣка, что „изъ іудеевъ никто не проситъ милостыни, и нечестивые Галилеяне, кромѣ своихъ, питаютъ и нашихъ [2]), то это можно было сказать лишь по сравненію съ міромъ эгоизма, царившемъ въ языческомъ обществѣ, но не сравнительно со свѣтлыми днями первыхъ вѣковъ христіанства. Проповѣди великихъ современниковъ Юліана, какъ, напримѣръ, св. Василія Великаго, Григорія Богослова и другихъ, ясно говорятъ, что и въ христіанской Церкви были нищіе, царило имущественное неравенство и отсутствовала истинно христіанская любовь.

Но такое пониженіе общаго уровня дѣйствительной христіанской жизни не отразилось на самой сущности святоотеческаго ученія и пониманія святыми отцами христіанства. Святыхъ отцовъ не смущало несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни христіанъ идеальнымъ Евангельскимъ требованіямъ, и въ святоотеческомъ ученіи мы не встрѣчаемъ попытокъ измѣнять послѣднія путемъ принаровленія чистаго Евангельскаго идеала къ уровню дѣйствительной жизни: они съ ревностію христіанскихъ пастырей обличали неправды жизни и уясняли своимъ слушателямъ высшую идеальную точку зрѣнія на различныя явленія міровой жизни. Такъ было вообще, такъ было и въ отношеніи къ ученію о правѣ собственности. Отцы Церкви ревностно боролись съ тѣмъ языческимъ пониманіемъ этого права, которое такъ точно формулировалъ въ свое время Климентъ Александрійскій: почему мнѣ не пользоваться тѣмъ, что̀ мое, и съ силою христіанскаго убѣжденія доказывали, что въ системѣ христіанскаго жизнепониманія не можетъ быть мѣста для подобныхъ воззрѣній, но что истинно христіанская любовь должна думать не объ этомъ правѣ, но видѣть въ своемъ имуществѣ общее достояніе. Вообще для христіанской этики писанія отцовъ Церкви второго періода ея жизни, пожалуй, еще важнѣе, чѣмъ писанія древнеотеческія, такъ какъ пер-

[1]) Напр. „письмо къ Евкратію о комедіантѣ“, ч 1, стр. 21—22. [2]) Письмо къ Галатійскому жрецу Арзакію, „Церковная исторія“ Э. Созомена, рус. перев. стр. 350.

выя изслѣдуютъ вопросъ теоретически, руководясь при его разрѣшеніи не наличными порядками церковной жизни, но оцѣнивая жизненныя отношенія съ точки зрѣнія руководящихъ началъ христіанской нравственности.

Уважаемый церковный писатель четвертаго вѣка, современникъ императора Константина, Лактанцій въ своихъ „Божественныхъ наставленіяхъ“ предлагаетъ такую этическую оцѣнку права собственности, которая является господствующей и въ твореніяхъ святыхъ учителей церкви четвертаго и послѣдующихъ вѣковъ. По взгляду Лактанція, съ точки зрѣнія христіанской любви все должно быть общимъ достояніемъ, и если этого нѣтъ, то виною тому наша любостяжательность, этотъ источникъ многихъ золъ. Истинное богопочтеніе „одно только можетъ заставить людей любить другъ друга и сохранять между собою братскую связь, потому что Богъ у нихъ одинъ общій Отецъ; тогда они блага общаго Отца своего охотно удѣляютъ неимущимъ“ [1]). Напротивъ: „любостяжаніе есть источникъ всѣхъ золъ: оно происходитъ отъ презрѣнія къ истинному величію Божію. Люди, обилующіе въ чемъ-либо, не только перестали удѣлять другимъ избытки свои, но начали присваивать и похищать себѣ чужое, будучи влекомы къ тому собственною корыстью. То, что прежде было въ общемъ употребленіи у всѣхъ людей, начало скопляться часто въ домахъ у немногихъ. Чтобы другихъ подвергнуть своему рабству, люди стали собирать себѣ въ однѣ руки первыя потребности жизни и беречь ихъ тщательно, дабы небесные дары сдѣлать своею собственностію, не для того, чтобы удѣлять ихъ ближнему изъ человѣколюбія, котораго въ нихъ не было, но чтобы удовлетворять единственно своему любостяжанію и корысти. Послѣ того составили они себѣ самые несправедливые законы подъ личиною мнимаго правосудія, посредствомъ которыхъ защитили противъ силы народа свое хищничество“ [2]). Истинная правда въ отношеніяхъ людей есть, по взгляду Лактанція, равенство людей другъ другу, какъ дѣтей общаго Отца [3]), и въ отношеніи нашего имущества „единственный долгъ правды состоитъ въ томъ, чтобы употреблять имущество свое на прокормленіе бѣдныхъ... Истинное употребленіе богатствъ состоитъ въ обращеніи ихъ не для своего удовольствія, но для поддержанія многихъ людей изъ чувства правды [4]).

Святые „великіе Капподакійцы“, эти столпы православія въ области христіанскаго вѣроученія, согласно учили объ отношеніи христіанина къ своему естественному праву собственности. По взгля-

---

[1]) Кн. 5, гл. 6, стр. 352 рус. пер. Карнеева. [2]) Тамъ же, стр. 350—351. [3]) Кн. 5, гл. 15—16, стр. 376. [4]) Кн. 6, гл. 11—12, стр. 37.

ду этихъ святителей, право собственности принадлежитъ человѣку только въ условномъ смыслѣ, такъ какъ человѣкъ есть лишь приставникъ чужого имущества и долженъ распоряжаться имъ согласно съ волей истиннаго Владыки. А эта воля требуетъ отказа отъ исключительнаго владѣнія своимъ, и идеаломъ устроенія христіанской жизни является общеніе имуществъ на началахъ братской любви.

По взгляду св. Василія Великаго, ничто внѣшнее не бываетъ собственностію человѣка, но чуждо для него и здѣсь расхищается и за гробомъ не слѣдуетъ [1]); поэтому человѣкъ долженъ смотрѣть на себя лишь, какъ на служителя благого Бога. „Познай, человѣкъ, Даровавшаго. Вспомни себя самаго, кто ты, къ чему приставленъ, отъ кого получилъ это, за что предпочтенъ многимъ. Ты служитель благого Бога, приставникъ подобныхъ тебѣ рабовъ, не думай, что все приготовлено для твоего чрева; о томъ, что у тебя въ рукахъ, разсуждай, какъ о чужомъ. Оно не долго повеселитъ тебя, потомъ утечетъ и исчезнетъ; но у тебя потребуютъ строгаго въ этомъ отчета“ [2]). Съ этой точки зрѣнія, люди должны владѣть своимъ имуществомъ, какъ „приставники, а не какъ имѣющіе право имъ наслаждаться. И отказывающіеся отъ него должны радоваться, какъ уступающіе чужое, а не огорчаться, какъ лишающіеся собственности“ [3]). Съ этой же точки зрѣнія св. Василій Великій, оцѣнивая безспорное юридическое право каждаго владѣть своимъ, отказывается видѣть въ такомъ правѣ собственно христіанскую этическую норму жизни, но происхожденіе этого права видитъ, согласно съ Лактанціемъ, въ любостяжательности. „Скажешь—говоритъ св. отецъ: кому дѣлаю обиду, удерживая свою собственность?— Скажи же мнѣ, что у тебя собственнаго? Откуда ты взялъ и принесъ въ жизнь? Положимъ, что иной, занявъ мѣсто на зрѣлищѣ, сталъ бы потомъ выгонять входящихъ, почитая своею собственностію представляемое для общаго всѣмъ употребленія; таковы точно и богатые. Захвативъ всѣмъ общее, обращаютъ въ свою собственность, потому что овладѣли симъ прежде другихъ. Если бы каждый, взявъ потребное къ удовлетворенію своей нужды, излишнее предоставлялъ нуждающемуся, никто бы не былъ богатъ, никто бы не былъ и скуденъ. Не нагъ ли ты вышелъ изъ матерняго чрева? Не нагъ ли и опять возвратишься въ землю? Откуда же у тебя, что̀ имѣешь теперь? Если скажешь, что это отъ случая, то ты безбожникъ, не признаешь Творца, не имѣешь благодарности къ Даровавшему. А если признаешь, что это отъ Бога,

---

[1]) Бесѣда 21 „о томъ, что не должно прилѣпляться къ житейскому“, стр. 327—329 рус. перев., т. 4. [2]) Бесѣда 6 на слова Ев. Луки XII, 18, т. 4, стр. 87. [3]) Бесѣда 7 „къ обогащающимся“, т 4, стр. 106.

то скажи причину, ради которой получилъ ты? Ужели несправедливъ Богъ, неравно раздѣляющій намъ потребное для жизни? Для чего ты богатѣешь, а тотъ пребываетъ въ бѣдности? Не для того ли конечно, чтобъ и ты получилъ свою мзду за доброту и вѣрное домостроительство, и онъ почтенъ былъ великими наградами за терпѣніе? А ты, захвативъ все въ ненаполнимыя нѣдра любостяжательности, думаешь, что никого не обижаешь, лишая сего столь многихъ. Кто любостяжателенъ? Не удерживающійся въ предѣлахъ умѣренности А кто хищникъ? Отнимающій у всякаго, что ему принадлежитъ. Какъ же ты не любостяжателенъ, какъ же ты не хищникъ, когда обращаешь въ собственность, что̀ получилъ только въ распоряженіе? Алчущему принадлежитъ хлѣбъ, который ты у себя удерживаешь; обнаженному—одежда, которую охраняешь въ своихъ кладовыхъ; необутому—обувь, которая гніетъ у тебя; нуждающемуся—серебро, которое зарыто у тебя“ [1]) Такимъ образомъ, право собственности для христіанина не должно быть правомъ обижать другихъ чрезъ скопленіе большого имущества, но напротивъ, христіанинъ о своемъ долженъ думать, какъ о чужомъ, и считать себя лишь служителемъ ближнихъ. „Кто любитъ ближняго, какъ самого себя, тотъ ничего не имѣетъ у себя излишняго передъ ближнимъ“ [2]). Ясно, поэтому, что св. Василій Великій не могъ видѣть иного идеальнаго порядка устроенія имущественныхъ отношеній людей, какъ только въ совершенномъ общеніи имуществъ. Этому согласно учитъ, по взгляду святителя, и низшія твари въ своей естественной и неразумной жизни, и истинные христіане первенствующей Церкви, не хотѣвшіе знать и различать своего. „Мы, словесныя твари—увѣщалъ св. отецъ—, да не окажемся жестокосерднѣе безсловесныхъ. Ибо онѣ, какъ чѣмъ-то общимъ, пользуются тѣмъ, что естественнымъ образомъ производитъ земля. Стада овецъ пасутся на одной и той же горѣ; множество коней на одной равнинѣ находитъ себѣ кормъ, и какой ни возьми родъ животныхъ, всѣ дозволяютъ другъ другу необходимое наслажденіе потребнымъ. А мы общее достояніе прячемъ себѣ за пазуху и собственностію многихъ владѣемъ одни. Постыдимся того, что повѣствуется о человѣколюбіи язычниковъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ человѣколюбивый законъ учреждаетъ одинъ столъ и общую пищу, и многочисленный народъ дѣлаетъ почти одной семьей. Оставимъ внѣшнихъ и обратимся къ примѣру этихъ трехъ тысячъ [3]); поревнуемъ обществу христіанъ. У нихъ все было общее, жизнь, душа, согласіе, общій столъ, нераздѣльное братство, нелицемѣрная любовь, которая изъ

---

[1]) Бесѣда 6, т. 4, стр. 96—97. [2]) Бесѣда 7, стр, 101, т. 4. [3]) Дѣян. II, 41.

многихъ тѣлъ дѣлала единое тѣло, различныя души соглашала въ то же единомыслiе“ [1]). И если въ жизни цѣлаго христiанскаго общества своего времени св. отецъ не видѣлъ дѣйствительнаго осуществленiя такого идеальнаго порядка вещей, то въ понятiи христiанскаго совершенства св. Василiй опредѣленно указываетъ, какъ необходимый признакъ такого совершенства, полный отказъ отъ собственности. „Возлюбивъ общенiе и совокупную жизнь, возвращаются они (подвижники) къ тому, что по самой природѣ хорошо. Ибо то общенiе жизни называю совершеннѣйшимъ, изъ котораго исключена собственность имущества“ [2]). Такое совершенное общенiе, по взгляду св. отца, должно было существовать среди христiанскихъ монаховъ, и въ своихъ „правилахъ“ и въ „подвижническихъ уставахъ“ св. Василiй Великiй опредѣленно и настойчиво доказываетъ, что отреченiе отъ собственности есть необходимый долгъ каждаго, ищущаго совершенной христiанской жизни. На вопросъ. „надобно ли имѣть въ братствѣ какую-либо собственность“, св. Василiй отвѣчаетъ: „сiе противно тому свидѣтельству объ увѣровавшихъ, какое находимъ въ Дѣяніяхъ, гдѣ написано· *„ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти“*. Посему, кто называетъ что-либо своимъ, тотъ поставляетъ себя чуждымъ церкви Божiей и любви Господа, Который и словомъ и дѣломъ поучалъ полагать за друзей душу свою, а не только одно внѣшнее“ [3]). Поэтому-то всѣ „истинные подвижники... хранятъ совершенную нестяжательность, не имѣя у себя никакой собственности, но все дѣлая взаимнымъ“ [4]), и обратно, прiобрѣтенiе чего-либо въ собственность въ условiяхъ подвижнической жизни свидѣтельствуетъ о недостаткѣ братскаго единенiя и является кражею и iудинымъ предательствомъ, такъ какъ „прiобрѣтать что бы то ни было и откуда бы то ни было есть хищенiе“ для монаха [5]) Послѣдній долженъ смотрѣть „на всякое имущество, какъ на чужое, каково оно и въ дѣйствительности“. И даже даннаго каждому въ употребленiе не должно почитать собственностiю, но съ заботливостiю надо смотрѣть на все сiе, какъ на принадлежащее Владыкѣ“ [6]).

Св. Григорiй Богословъ въ своемъ ученiи объ отношенiи христiанина къ собственности съ особенной выразительностью оттѣняетъ ту мысль, что человѣкъ является лишь временнымъ собственникомъ, владѣя при этомъ Господнимъ достоянiемъ, и потому

---

[1]) Бесѣда 8, т. 4, стр. 138. [2]) „Подвижническiе уставы“, гл. XVIII, т. 5, стр. 427. [3]) „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, вопросъ 85, т. 5, стр. 257 [4]) „Подвижническiе уставы“, гл. 18, т. 5, стр. 429. [5]) Тамъ же, гл. 34, стр. 465—466; сравн. письмо къ Григорiю Богослову, т. 6, стр. 8, письмо о совершенствѣ монашеской жизни“, т. 6, стр. 62 и др. [6]) „О совершенствѣ монашеской жизни“, т. 6, стр. 62.

долженъ заботиться о томъ, чтобы явиться вѣрнымъ раздаятелемъ Божіихъ даровъ. Истинный христіанинъ разсуждаетъ о собственномъ, „какъ приставникъ чужого имущества“ [1]), и видитъ въ себѣ лишь раздаятеля чужого имущества [2]). И если христіанинъ вѣритъ, что „все отъ Бога“, то неразрывно съ такою вѣрою связывается и долгъ распоряжаться своею собственностію не по своей волѣ, но согласно съ волей Божіей: „кто дѣйствительно имѣетъ что-нибудь отъ Бога, тотъ употребляетъ, что имѣетъ, согласно съ волею Божіей“ [3]). Какая это воля? Для св. Григорія такъ же, какъ и для всѣхъ учителей древней церкви, было несомнѣнно, что эта воля требуетъ отъ насъ быть „праведными распорядителями ввѣреннаго намъ“ и видѣть въ своемъ имуществѣ достояніе Божіе, принадлежащее всѣмъ нуждающимся. „Дай—поучаетъ онъ—немногое Тому, отъ Кого получилъ несравненно болѣе. Отдай и все Даровавшему тебѣ все. Ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы и пожертвовалъ всѣмъ, что имѣешь, хотя бы отдалъ вмѣстѣ съ имуществомъ и самаго себя: ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человѣкъ получаетъ отъ Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будетъ оставаться на тебѣ, и ничего не дашь ты своего, поелику все отъ Бога. И какъ нельзя опередить своей тѣни... какъ нельзя тѣлу вырости выше головы... такъ и намъ невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даемъ такого, что не принадлежало бы Ему“. Поэтому люди не должны зарывать у себя „золото, серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтныя камни и другія подобныя драгоцѣнности“, и не должны быть „неправедными распорядителями ввѣреннаго, чтобы не услышать грозныхъ словъ: постыдитесь вы, удерживающіе у себя чужое, подражайте равной для всѣхъ благости Божіей, и тогда не будетъ ни одного бѣднаго“ [4]). Идеаломъ устроенія имущественныхъ отношеній вѣрующихъ для св. Григорія является равенство всѣхъ въ отношеніи благихъ даровъ Господа. По взгляду св. Григорія, имущественныя различія между людьми возникли уже позднѣе въ исторіи человѣчества подобно тому, какъ и дѣленіе людей на рабовъ и свободныхъ. На зарѣ человѣческой жизни „свобода и богатство заключались единственно въ соблюденіи заповѣди; а истинная бѣдность и рабство—въ преступленіи оной; но съ того времени, какъ появилась зависть и раздоры... съ того времени расторглось родство между людьми, отчужденіе ихъ другъ отъ друга выразилось въ различныхъ наименованіяхъ званій,

---

[1]) „Слово, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшеніе матери“ Рус. перев., т. 2, стр. 97. [2]) Мысли, писанныя четверостишіями Т. 5, стр. 173. [3]) Слово „о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 30 [4]) Тамъ же, стр 22–23, 25, 24 и 26

и любостяжаніи, призвавъ и законъ на помощь своей власти, заставило позабыть о благородствѣ естества человѣческаго—ты же смотри на первоначальное равенство правъ, а не на послѣдовавшее раздѣленіе; не на законы властителя, а на законы Создателя“ [1]).

Св. Григорій Нисскій, утверждая согласно со св. Василіемъ, что ничто внѣшнее не бываетъ нашею собственностію, а только духовное и невещественное, всегда пребудетъ съ нами, убѣждаетъ въ отношеніи имущества соблюдать братское равенство. „Не обольщайтесь преходящимъ—поучаетъ онъ· пріобрѣтайте то, что никогда не оставляетъ пріобрѣтшаго; опредѣлите мѣру пользованія жизнію. Не все ваше, но часть пусть принадлежитъ и бѣднымъ, любезнымъ Богу Ибо все принадлежитъ Богу, общему Отцу Мы же—какъ бы братья родные; братьямъ же всего лучше и справедливѣе раздѣлять наслѣдство поровну“ [2]). Кто не дѣлаетъ этого, для кого страхъ Божій не является „справедливымъ уравнителемъ“ [3]), но кто хочетъ быть господиномъ всего и присвоить себѣ болѣе, чѣмъ другой, тотъ „злой тиранъ, непримиримый варваръ, ненавистный звѣрь, радостно отверзающій пасть только на пищу; такой суровѣе даже самыхъ звѣрей. Ибо и волкъ допускаетъ волка въ ѣду, и собаки также во множествѣ терзаютъ одинъ трупъ, онъ же, ненасытный, никого изъ единоутробныхъ не допускаетъ къ участію въ богатствѣ“ [4]).

Св. Ефремъ Сиринъ указываетъ опредѣленно психологическую невозможность для христіанина говорить и заботиться о своемъ правѣ собственности. „Въ комъ любовь—говоритъ св. Ефремъ—, тотъ никогда ничего не присвояетъ себѣ, ни о чемъ не говоритъ: „это мое“; но все, что ни есть у него, предлагаетъ всѣмъ въ общее употребленіе. Въ комъ любовь, тотъ никого не почитаетъ себѣ чужимъ, но всѣ ему свои“ [5]). Если св. Ефремъ жалуется на отсутствіе людей, имѣющихъ истинно христіанскую любовь и жертвующихъ другимъ все свое состояніе [6]), то относительно себя онъ такъ говоритъ въ предсмертномъ завѣщаніи: клянусь и вашею, ученики мои, и своею жизнію: у Ефрема не было собственности, не было ни жезла, ни влагалища; потому что слышалъ я слова Господа нашего: не пріобрѣтайте ничего на землѣ“ [7])

Приведенныхъ нами краткихъ выдержекъ изъ писаній святыхъ учителей Церкви восточной въ четвертомъ вѣкѣ открывается доста-

---

[1]) „Точное изъясненіе пѣсни пѣсней Соломона“, бес. 2, т. 3, стр. 56 рус. перев. [2]) „О нищелюбіи и благотворительности“, слово I, т. 7, стр. 406 – 407. [3]) Тамъ же, стр. 400. [4]) Тамъ же, стр 407. [5]) Слово I, „о добродѣтеляхъ и порокахъ“, т. 1, рус перев., стр. 8. [6]) „Слово подвижническое“, т. 1, стр. 77. [7]) Т 5, стр. 412.

точно ясно ихъ взглядъ на право собственности и на отношеніе къ этому праву христіанина. Еще яснѣе такой взглядъ станетъ для насъ далѣе, когда мы будемъ говорить о святоотеческомъ ученіи о богатствѣ и бѣдности. Здѣсь же отмѣтимъ, что подобный же взглядъ на отношеніе христіанина къ своей собственности встрѣчаемъ и у западнаго авторитета этого вѣка—у св. епископа Медіаланскаго Амвросія, при чемъ этотъ святитель излагаетъ православно-христіанское ученіе о собственности иногда даже буквально сходно со св. Василіемъ. Св. Амвросій утверждаетъ, что у человѣка нѣтъ ничего такого, что онъ могъ бы назвать своею собственностію въ безусловномъ смыслѣ этого слова, согласно ученію св. Апостола [1]). Земля, по взгляду святителя, „вообще для всѣхъ людей сотворена". Никто не долженъ присвоять только себѣ то, что̀ сотворено для общаго употребленія. И разъ христіанинъ сознаетъ, что все есть твореніе и достояніе Божіе, то онъ долженъ признать, что, такъ какъ Богъ не несправедливъ, то и неравное распредѣленіе благъ земныхъ должно быть уравниваемо свободною раздачею неимущимъ со стороны имѣющихъ достатокъ [2]). Съ этой точки зрѣнія, св. Амвросій, согласно со св. Василіемъ Великимъ, находитъ, что, когда человѣкъ говоритъ: „я ничего худого не дѣлаю, когда чужого не ищу, а свое собственное прилежно храню",—то это „безсовѣстное изреченіе", и что ничего не можетъ быть „несправедливѣе, неблагодарнѣе, сребролюбнѣе", какъ одному пользоваться своимъ имуществомъ. „Алчущимъ принадлежитъ тотъ хлѣбъ—повторяетъ святитель слова св. Василія—, который ты имѣешь; нагихъ суть тѣ одѣянія, которыя заключилъ въ свои сокровище-хранилища; бѣдныхъ искупленіемъ и обогащеніемъ должны быть тѣ деньги, которыя ты въ землю закопалъ" [3]). Поэтому равно достоинъ проклятія какъ тотъ, кто отнимаетъ чужое, такъ и тотъ, кто не дѣлится съ другими тѣмъ, что имѣетъ [4]). Истинно же христіанское отношеніе къ собственности бываетъ лишь тогда, когда человѣкъ сознаетъ себя „Божіимъ слугой и раздаятелемъ Его Божескихъ даровъ" [5]). Если человѣкъ имѣетъ больше другихъ, то это значитъ, что Богъ назначилъ ему особое служеніе—раздавать другимъ то, что ему довѣрено Богомъ, быть „экономомъ-казначеемъ собратій", а не думать, что земля все приноситъ для однихъ избранныхъ [6]). Идеальное устроеніе жизни на началахъ евангельской любви св. Амвросій указываетъ въ жизни первенствующей Церкви, когда никто и ничего не называлъ своею собственностію [7]). Обращаясь

---

[1]) 1 Тим VI, 7—8. [2]) Избранныя поучительныя слова св. Амвросія Слово 3 на текстъ: „человѣку нѣкоему богату угобзися нива". Рус. слов. перев. 1853 г., стр. 33–34. [3]) Тамъ же, стр. 33, 35. [4]) Стр. 36. [5]) Стр. 18. [6]) Стр. 19. [7]) Слово 1 „о единствѣ любви", стр. 2—3.

къ современной ему дѣйствительности, св. Амвросій съ грустію замѣчаетъ, что „одинъ и тотъ же Христосъ и нами исповѣдуется, но не едина душа въ насъ“ [1]) „Нынѣ, по сознанію св отца, царствуетъ нечестивое сребролюбіе... охладѣло братолюбіе, пылавшее прежде любовію ко Христу“ [2]) Подобно св Василію, св. Амвросій видитъ нормальное отношеніе къ міру и его благамъ въ общеніи имуществъ не только на отмѣченной основѣ—любви первенствующей Церкви, но и на естественной основѣ—жизни, согласной съ законами самой физической природы. „Природа—говоря словами св. отца—все предоставила всѣмъ вообще. По повелѣнію Божію, произрастающее должно служить пропитаніемъ для всего вообще живущаго, и земля должна быть общимъ владѣніемъ всѣхъ людей. И такъ природа создала общее право, а насиліе передѣлало его въ частное“ [3]). Подобное же утверждаетъ св. отецъ и въ своемъ сочиненіи о Навуѳеѣ: „какъ далеко вы будете—обращается св. отецъ къ богатымъ—простирать свои безумныя желанія. Развѣ вы одни живете на землѣ? Почему вы выгоняете тѣхъ, которые по природѣ ваши собратья, и захватываете земельныя имѣнія для однихъ себя? Земля дана въ общее владѣніе всѣмъ, богатымъ и бѣднымъ... Природа, производящая на свѣтъ все въ маломъ количествѣ, не знаетъ никакихъ богатыхъ. Нагими мы пришли въ міръ, и дерновый холмикъ одинаково покрываетъ богатаго и бѣднаго“ [4]) Поэтому все наше есть въ то же время собственность и бѣдныхъ· „ты отдаешь бѣдному не то, что—твое собственное, а возвращаешь ему то, что—его. Земля принадлежитъ всѣмъ, а не богатымъ только. Ты уплачиваешь ему твой долгъ и отдаешь ему только то, что ты долженъ ему“ [5]). Какъ сейчасъ увидимъ, подобная мысль была подробно раскрыта св. Іоанномъ Златоустымъ. Этотъ св. отецъ имѣлъ такъ много поводовъ останавливаться на вопросахъ о происхожденіи права частной собственности и объ отношеніи къ этому праву христіанина, что ученіе св. Іоанна мы можемъ назвать завершеніемъ православно-христіанскаго ученія о собственности. Невозможно и пытаться въ систематическомъ трудѣ изложить воззрѣнія св. Іоанна на интересующій насъ предметъ во всей полнотѣ Ограничимся поэтому, наиболѣе существеннымъ и ярко выраженнымъ.

Исходнымъ пунктомъ въ ученіи о собственности св. Іоанна Златоустаго является его вѣра въ то, что истинный Владыка всего есть одинъ Господь, а все, чѣмъ владѣютъ люди, есть дары многоразличной благости Божіей. Все въ мірѣ—Божія собствен-

[1]) Стр. 4. [2]) Стр. 5. [3]) „Объ обязанностяхъ“, I, 28. Переводъ Г. Прохорова, Казань, 1908, стр. 121. [4]) Гл. 1 см. Ульгорнъ „Исторія христіанской благотворительности“, стр. 267. [5]) Тамъ же, гл. XII.

ность [1]), таково исходное положеніе въ ученіи св. Златоуста о собственности. Наши имущества—Господни, какъ и все въ мірѣ, и мы въ отношеніи ихъ являемся „казнохранителями“, обязанными разспоряжаться ими, какъ приказано [2]). Лично же у насъ „нѣтъ ничего собственнаго, кромѣ добродѣтели...—она собственность наша, а все прочее—чужое“ [3]). И въ отношеніи къ имуществу, какъ Божію достоянію, эта добродѣтель должна выражаться въ томъ, чтобы распоряжаться своимъ согласно съ волею Божіей. Эта мысль не разъ и подробно раскрывается св. Іоанномъ. „Ты—говоритъ онъ въ одной бесѣдѣ—только распорядитель своего имущества... и ты не можешь расточать своихъ сокровищъ по своей волѣ. Хотя бы ты получилъ родительское наслѣдство и такимъ образомъ все имущество составляетъ твою собственность—однако, все оно принадлежитъ Богу. Если и ты требуешь, чтобы имуществомъ, даннымъ тобою, распоряжались соотвѣтственно твоему назначенію, то ужели думаешь, что Богъ своей собственности не востребуетъ отъ насъ съ большею строгостію, но оставитъ безъ вниманія, когда она расточается безъ всякой пользы?... Какъ ты поручаешь распоряжаться имѣніемъ подобному себѣ рабу, такъ и Богу угодно, чтобы ты употреблялъ это имѣніе должнымъ образомъ. Поэтому, хотя Онъ и можетъ лишить тебя, но оставляетъ у тебя для того, чтобы ты имѣлъ случай обнаружить свою добродѣтель... Не думай, чтобъ то, что по человѣколюбію Божію велѣно тебѣ раздавать, какъ свою собственность, было и дѣйствительно твое. Тебѣ Богъ далъ заимообразно для того, чтобы ты могъ употреблять съ пользою. Итакъ, не почитай своимъ, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежитъ“ [4]). Такимъ образомъ для насъ несомнѣнно, что по взгляду св. Іоанна Златоустаго, согласному съ ученіемъ Церкви, мы не имѣемъ собственности въ безусловномъ смыслѣ этого слова, но обязаны своею вѣрою въ премудраго Творца и Промыслителя Бога смотрѣть на свое имущество, какъ на часть Божьяго достоянія, а въ себѣ видѣть исполнителя Божіей воли. Какая же это воля? Св. Іоаннъ опредѣленно отвѣчаетъ, что первоначальная Божеская воля, согласная съ законами нашей любви и вообще міровой жизни, есть та, чтобы люди всѣмъ владѣли сообща, а не различали моего и твоего. Такое различеніе начинается, по взгляду св. Іоанна, лишь тогда, когда среди людей царитъ не братолюбіе, но злоба, большая, чѣмъ

---

[1]) Бесѣда 55 на кн. Бытія, т. 4, стр. 593 рус. перевода. [2]) „О Лазарѣ слово 2“, т. I, стр. 796. [3]) Бесѣда на псал. IX, т 5, стр 117. [4]) Толкованіе на св. Матеея Евангелиста, Бесѣда LXXVII, т. 7, стр. 779—780. Сравнить слово XXIII, „о милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 664 - 665; Бесѣда XI на посланіе къ Римлянамъ, т. 9, стр. 616—617 и мн. др

даже среди неразумныхъ животныхъ. „Развѣ не зло—спрашиваетъ святитель, — что одинъ владѣетъ тѣмъ, что принадлежитъ Господу, и что одинъ пользуется общимъ достояніемъ? Не Божія ли земля и исполненіе ея? Поэтому, если наши блага принадлежатъ общему Владыкѣ, то они въ равной степени составляютъ достояніе и нашихъ сорабовъ: что принадлежитъ Владыкѣ, то принадлежитъ вообще всѣмъ. Развѣ мы не видимъ такого устройства въ большихъ домахъ? Именно, всѣмъ поровну выдается опредѣленное количество хлѣба, потому что онъ исходитъ изъ житницъ домохозяина: домъ господскій открытъ для всѣхъ. И все царское принадлежитъ всѣмъ города, площади, улицы принадлежатъ всѣмъ мы всѣ въ равной мѣрѣ пользуемся ими. Посмотри на строительство Божіе. Онъ сотворилъ нѣкоторые предметы общими для всѣхъ, чтобы хотя такимъ образомъ пристыдить человѣческій родъ, какъ-то: воздухъ, солнце, воду, землю, небо, море, свѣтъ, звѣзды,—раздѣлилъ между всѣми поровну, какъ будто между братьями. И другое содѣлалъ онъ общимъ, какъ-то: бани, города, площади, улицы. И замѣть, что касательно того, что̀ принадлежитъ всѣмъ, не бываетъ ни малѣйшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить въ свою собственность, то происходятъ распри, какъ будто вслѣдствіе того, что сама природа негодуетъ, что въ то время, когда Богъ отовсюду собираетъ насъ, мы съ особеннымъ усердіемъ стараемся разъединиться между собою, отдѣлиться другъ отъ друга, образуя частное владѣніе, и говорить эти холодныя слова. „то твое, а это мое“. Тогда возникаютъ споры, тогда огорченія. А гдѣ нѣтъ ничего подобнаго, тамъ ни споры ни распри не возникаютъ Слѣдовательно, для насъ предназначено скорѣе общее, чѣмъ отдѣльное владѣніе вещами, и оно болѣе согласно съ самой природой. Отчего никто не заводитъ никогда тяжбы о владѣніи площадью? Не потому ли, что она принадлежитъ всѣмъ? Между тѣмъ видимъ, что о домахъ, объ имѣніяхъ всѣ заводятъ тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится въ общемъ владѣніи всѣхъ, мы не наблюдаемъ общенія во владѣніи даже ничтожнѣйшими предметами. Между тѣмъ для того-то Богъ и далъ намъ первое въ общее употребленіе, чтобы мы научились изъ этого, что и послѣднія должны быть у насъ общими со всѣми“ [1]).

Подобная мысль не разъ высказывалась св. Іоанномъ, при чемъ онъ, подобно св. Амвросію, даже въ жизни природы и неразумныхъ животныхъ видѣлъ доказательство того, что нормальный порядокъ людскихъ взаимоотношеній предполагаетъ равенство имуществен-

[1]) Толк. на I посланіе къ Тимоѳею. Бесѣда XII, т 11, стр. 704—705.

ныхъ правъ. „Не будемъ—поучаетъ св отецъ—свирѣпѣе безсловесныхъ животныхъ. У нихъ все общее—и земля, и источники, и пастбища, и горы, и лѣса, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ больше другого; а ты, человѣкъ, кротчайшее животное, дѣлаешься свирѣпѣе звѣря, заключая въ одномъ своемъ домѣ пропитаніе тысячи и даже многихъ тысячъ бѣдныхъ, между тѣмъ какъ у насъ одна, общая природа и многое другое, кромѣ природы: общее небо, солнце, луна, хоръ звѣздъ, воздухъ, море, огонь, вода, земля, жизнь, смерть, юность, старость, болѣзнь, здоровье, потребность пищи и одежды. Также общія и духовныя блага священная трапеза, Тѣло Господа, честная Кровь Его, обѣтованіе царствія, баня возрожденія, очищеніе грѣховъ, правда, освященіе, искупленіе, неизреченныя блага.. Поэтому не безумно ли тѣмъ, которые имѣютъ между собою столько общаго, и природу, и благодать, и обѣтованія, и законы, быть такъ пристрастными къ богатству, не соблюдать и въ этомъ равенства, но превосходить свирѣпость звѣрей и притомъ тогда, когда предстоитъ необходимость скоро оставить все это“ [1]). Итакъ, воля Божія въ отношеніи насъ состоитъ въ томъ, чтобы въ пользованіи земными благами царило между людьми равенство и совершенное общеніе. Но если такъ, то почему Богъ, сдѣлавъ общимъ все необходимое, допустилъ существованіе громадной разницы въ имущественномъ положеніи людей? Св. Іоаннъ Златоустъ самъ ставитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него указаніемъ на свободу человѣка, благодаря чему Богъ предоставилъ ему свободно устроять такъ, чтобы все было распредѣлено равномѣрно, и человѣкъ являлся вѣрнымъ домоправителемъ Божіимъ. Если поэтому Богъ даетъ одному много, то „для того, чтобы, по апостольскому увѣщанію, твой избытокъ восполнялъ недостатки другихъ“ [2]). „Не для того ты получилъ деньги, чтобы тратить на удовольствія, а для того, чтобы употреблять на милостыню... Тебѣ ввѣрено достояніе бѣдныхъ... Если тебѣ по великому милосердію дано повелѣніе давать изъ своего имущества, то не думай поэтому, что оно и твое, и не обращай чрезмѣрнаго человѣколюбія въ поводъ къ неблагодарности. Развѣ Богъ не могъ отнять у тебя все? Но Онъ не дѣлаетъ этого, предоставляя въ твою волю обнаруживать щедрость въ отношеніи къ нуждающимся“ [3]). „Для чего—прямо спрашиваетъ св. Іоаннъ—Богъ сдѣлалъ общимъ то, что́ важнѣе и необходимѣе, отъ чего зависитъ наша жизнь, а то, что маловажнѣе и ничтожнѣе, не

---

[1]) Бесѣда на псаломъ CL, т. 5, стр. 579 580. Очень близко къ этимъ словамъ поучаетъ св. Іоаннъ и въ бесѣдѣ XV на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 167. [2]) Бесѣда XX на книгу Бытія, т. 4, стр. 186 [3]) „О милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 659; сравн. бес. LXXVII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 780—781.

составляетъ общей собственности,—разумѣю деньги? Для чего? Чтобы жизнь наша была обезпечена, и мы имѣли поприще для добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если бы необходимое не было общимъ, быть можетъ богатые, по обычному любостяжанію, подавили бы бѣдныхъ; потому что, если они это дѣлаютъ въ отношеніе денегъ, то чего не сдѣлали бы въ отношеніе тѣхъ благъ. Опять, если бы и деньги были общими, и всѣмъ равно принадлежали, не было бы случая къ милостынѣ и повода къ благотворительности. Итакъ... чтобъ намъ имѣть случаи заслужить вѣнцы и похвалы, для этого деньги не сдѣланы общими,—дабы мы, отвращаясь любостяжанія и любя правду и раздавая свое имѣніе нуждающимся, могли такимъ способомъ получать облегченіе въ своихъ грѣхахъ“ [1]).

Какъ видимъ, св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ ученіи о христіанскомъ отношеніи къ собственности идеалъ такого отношенія видитъ въ свободномъ общеніи имуществъ всѣхъ вѣрующихъ на основѣ братолюбія. И для святителя это не отвлеченный только, хотя бы то и прекрасный, идеалъ, неосуществимый въ дѣйствительности, но идеалъ реальный, уже осуществившійся въ жизни первенствующей церкви „Видѣлъ ли ты успѣхъ благочестія?—спрашиваетъ св. отецъ относительно жизни первыхъ христіанъ. Отказывались отъ имущества и родовались, и велика была радость потому, что пріобрѣтенныя блага были больше... Не было холоднаго слова мое и твое: поэтому была радость при трапезѣ... Не считали чужимъ того, что принадлежало братьямъ,—такъ какъ то было Господне; не считали и своимъ, но—принадлежащимъ братьямъ. Ни бѣдный не стыдился, ни богатый не гордился: вотъ что значитъ—радоваться“ [2]) Ставя вопросъ: „любовь ли родила нестяжаніе, или нестяжаніе—любовь“ первыхъ христіанъ, св. Златоустъ отвѣчаетъ, что „любовь—нестяжаніе, которое укрѣпило ее еще болѣе“ [3]). И не разъ св. Іоаннъ возвращается къ этой, радостной для него, картинѣ жизни первенствующей Церкви Въ одной изъ своихъ бесѣдъ, приведши слова книги Дѣяній: „*ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща*“,—св. отецъ говоритъ далѣе: когда былъ исторгнутъ корень золъ—разумѣю сребролюбіе—, то привзошли всѣ блага, и они (вѣрующіе) тѣсно были соединены другъ съ другомъ, такъ какъ ничто не раздѣляло ихъ. Это жестокое и произведшее безчисленныя войны во вселенной выраженіе: мое и твое было изгнано изъ той святой Церкви, и они жили на землѣ, какъ ангелы на небѣ: ни бѣдные не завидовали богатымъ, потому что не было богатыхъ; ни богатые не презирали бѣдныхъ,

[1]) Бесѣда о статуяхъ II, т. 2, стр. 37. [2]) Бес. VII на книгу Дѣяній, т. 9, стр. 73. [3]) Бесѣда XI, стр. 110.

потому что не было бѣдныхъ... не такъ было тогда, какъ бываетъ нынѣ. Нынѣ подаютъ бѣднымъ имѣющіе собственность, а тогда было не такъ... во всемъ у нихъ было равенство, и всѣ богатства были смѣшаны вмѣстѣ“ [1]).

Такова идеальная точка зрѣнія св. Іоанна Златоустаго по отношеніи христіанина къ своей собственности и такова его этическая оцѣнка права собственности. И св. Іоаннъ остается вѣренъ основнымъ началамъ своихъ воззрѣній на это право и на это отношеніе, несмотря на то, что дѣйствительная жизнь церкви представляла и въ его время разительный контрастъ такому идеальному порядку вещей. Хотя св. отецъ свидѣтельствуетъ, что и въ его время можно было „назвать многихъ и въ городахъ и селахъ“, которые раздали свое имущество, но въ общемъ, въ представленіи св. отца, „зло (любостяжаніе) увеличилось до такой степени, что добродѣтель нестяжанія стала, повидиму, невозможной“ [2]). „Отъ неистовой любви къ деньгамъ все погибло. Кого, кого мнѣ винить—спрашиваетъ св. отецъ?—не знаю; до такой степени это зло овладѣло всѣми,—правда одними въ большей, другими въ меньшей мѣрѣ,—однако всѣми“ [3]). Но св. Іоаннъ Златоустый не преклонился предъ подобнымъ господствующимъ настроеніемъ, но неизмѣнно въ заповѣдяхъ Господа и въ сіяніи первохристіанской любви указывалъ тотъ свѣтъ, который долженъ освѣщать жизненный путь и современныхъ ему вѣрующихъ. Хотя въ церкви не было уже общенія имуществъ; хотя гражданскіе законы строго охраняли неприкосновенность частной собственности, но съ этической точки зрѣнія законы христіанской любви оставались неизмѣнными, и имущество вѣрующаго не было его собственностію, но собственностію бѣдныхъ [4]), и онъ долженъ смотрѣть на него, какъ на общее достояніе [5]). Только тогда христіанинъ можетъ считать себя оправданнымъ, когда ничѣмъ не будетъ владѣть: „только тогда ты оправдаешься, когда ничего не будешь имѣть, когда ничѣмъ не будешь владѣть; а пока ты что-нибудь имѣешь, то хотя бы ты далъ тысячамъ людей, а остаются еще другія алчущіе, нѣтъ тебѣ никакого оправданія“ [6]). Такимъ образомъ св. Іоаннъ Златоустый видитъ идеалъ христіанскаго отношенія къ собственности въ совершенномъ отказѣ отъ нея. По взгляду св. Іоанна, и въ условіяхъ современной ему жизни можно „истощать все свое и все иждивать“ на Христа, достигая этимъ даже еще большаго совершенства, чѣмъ во время Его земной жизни, такъ какъ нужно отказаться отъ всего своего

---

[1]) Бесѣда на слова 1 Кор. XI, 19, т. 3, стр. 257—258. [2]) Бесѣда LXV на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 441. [3]) Бесѣда XVII на 1 Тимоѳ., т 11, стр. 748 [4]) Бесѣда LXXVII на Ев. Матеея, т. 7, стр. 781. [5]) Бесѣда XIV на 1 Коринѳ., т. 10, стр. 150. [6]) „О милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 664—665.

„въ исполненіе только Его заповѣди“ [1]). Считаемъ нелишнимъ отмѣтить, что св. Іоаннъ Златоустый не склоненъ былъ ограничивать требованія совершеннаго отказа отъ собственности условіями только монашеской жизни. Онъ очень опредѣленно утверждаетъ, что ошибочно думать, будто „иное требуется отъ мірянина, а другое отъ монаха; разность между ними въ томъ, что одинъ вступаетъ въ бракъ, а другой нѣтъ; во всемъ же прочемъ они подлежатъ одинаковой отвѣтственности... Всѣмъ людямъ должно восходить на одну и туже высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаемъ, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочимъ можно жить безпечно“ [2]). Въ одной изъ своихъ бесѣдъ на книгу Дѣяній [3]), св. Іоаннъ рисуетъ опредѣленную картину такого возможнаго общенія имуществъ въ условіяхъ общехристіанской жизни, какъ идеалъ ея устроенія. „Пусть—говоритъ онъ—всѣ продадутъ все, что имѣютъ, и принесутъ на средину,—только словомъ говорю. никто не смущайся—ни богатый, ни бѣдный. Сколько думаете было бы собрано золота. Я полагаю—съ точностію сказать нельзя,—что, если бы всѣ мужчины и всѣ женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имѣнія, и жилища .., то, вѣроятно, собралась бы тысяча тысячъ литровъ золота или, лучше сказать, даже два или три раза столько. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, сколько теперь вообще жителей въ нашемъ городѣ? Сколько, думаете вы, въ немъ христіанъ? Думаете ли, что сто тысячъ, а прочіе язычники и іудеи? А какъ велико число бѣдныхъ? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысячъ. И чтобы кормить ихъ каждый день, много ли было бы нужно? При общемъ содержаніи и за общимъ столомъ, конечно, не потребовалось бы большихъ издержекъ. Что же, скажутъ, мы будемъ дѣлать, когда истратимъ свои средства? Уже ли ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состоянія? Не въ тысячи ли разъ больше была бы благодать Божія?.. И что же? Не сдѣлали бы мы землю небомъ? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось съ такою славою, и никто изъ нихъ не жаловался на бѣдность,—то не тѣмъ ли болѣе въ такомъ множествѣ? Даже и изъ внѣшнихъ (не христіанъ), кто не сдѣлалъ бы приношенія? А чтобы видѣть, что раздѣленіе сопряжено съ убытками и производитъ бѣдность, представимъ себѣ домъ, въ которомъ десять человѣкъ дѣтей, жена и мужъ, она, положимъ, прядетъ пряжу, а онъ получаетъ доходы извнѣ. Скажи же мнѣ, когда больше они издержатъ, вмѣстѣ ли питаясь и живя въ одномъ домѣ, или раздѣлившись? Очевидно, что раздѣлившись: если десятеро дѣтей захо-

[1]) Бесѣда LXXXVIII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 870—871. [2]) „Слово третье къ вѣрующему отцу“, т. 1, стр. 105—106. [3]) Бес. XI, т. 9, стр. 113—114.

тятъ раздѣлиться, то понадобится десять домовъ, десять трапезъ, десять слугъ и постольку же прочихъ принадлежностей... Раздѣленіе всегда приноситъ убытокъ, а единомысліе и согласіе—прибыль. Такъ, живутъ теперь въ монастыряхъ, какъ жили нѣкогда вѣрные И умеръ ли кто съ голода? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься въ неизмѣримое и безпредѣльное море. Но если бы мы сдѣлали опытъ, тогда положились бы на это дѣло. И какая была бы благодать!. Послушайте меня и устроимъ дѣла такимъ порядкомъ; и если Богъ продлитъ жизнь, то, я увѣренъ, мы скоро будемъ вести такой образъ жизни". Хотя печальная дѣйствительность, представлявшая рѣзкую противоположность между идеальными требованіями Евангелія и наличной дѣйствительностію, заставляли св. Іоанна „оставлять строгость" и умалять о пожертвованіи $^1/_2$, $^1/_3$ и $^1/_{10}$ части, но всюду въ этихъ случаяхъ выступаетъ ясно, что подобная мѣра не есть выраженіе истинно христіанскаго духа любви, но примѣненіе къ общему упадку безкорыстной любви и страсти къ деньгамъ [1]). Когда у насъ въ послѣдующихъ главахъ будетъ рѣчь о милостынѣ и христіанскомъ взглядѣ на богатство, тамъ мы будемъ имѣть случай сказать болѣе подробно о воззрѣніяхъ св. Іоанна Златоуста на мѣру подаянія. Теперь же, чтобы заключить обзоръ ученія св. отца о правѣ собственности и отношеніи христіанина къ этому праву, намъ остается только отмѣтить тотъ пунктъ въ этомъ ученіи, который является прямымъ слѣдствіемъ основъ святоотеческаго воззрѣнія на предметъ,—именно, что исключительное пользованіе своею собственностью есть тоже воровство. Въ самомъ дѣлѣ, если богатые владѣютъ собственностью бѣдныхъ [2]), какъ и вообще наши имущества ихъ собственность [3]), такъ что бѣдные просятъ у насъ лишь возвратить имъ принадлежащее ихъ Отцу [4]), то ясно, что не давать своего нуждающимся значитъ похищать чужое. „Не удѣлять изъ своего имущества есть также похищеніе—говоритъ св. Іоаннъ Златоустый. Можетъ быть слова мои кажутся вамъ удивительными, но не удивляйтесь, я представлю вамъ изъ Божественныхъ писаній свидѣтельство о томъ, что не только похищать чужое, но и не удѣлять изъ своего другимъ означаетъ хищеніе, и любостяжаніе, и отнятіе. Какое же это свидѣтельство? Укоряя іудеевъ, Богъ чрезъ пророка говоритъ: *земля принесла плоды свои, а вы не внесли десятинъ, но похищенное у бѣднаго въ домахъ вашихъ* [5]). Такъ какъ вы, говоритъ, не дали обыкновенныхъ приношеній, то похитили собственность

---

[1]) Напр, бесѣда XIX на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 129, бес. XXI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 248, бесѣда XLV на Ев Матѳея, т. 7, стр. 478—479, бесѣда на псаломъ CL, т. 5, стр. 578 и др. [2]) Напр., „о Лазарѣ слово II", т. 1, стр. 796. [3]) Напр., слово „о милостынѣ и страннолюбіи", т. 12. стр. 659. [4]) Тамъ же, стр. 664. [5]) Малах. III, 10.

бѣдныхъ .. Итакъ, изъ этого мы поучаемся, что „когда мы не подаемъ милостыни, то будемъ наказаны наравнѣ съ похитителями [1])".

Мы остановились на изложеніи воззрѣній св. Іоанна Златоустаго по интересующему насъ вопросу дольше, чѣмъ на ученіи другихъ святыхъ отцовъ, но все же могли лишь отмѣтить основные пункты въ ученіи этого святителя. Только непосредственное знакомство съ его твореніями способно дать почувствовать всю силу его христіанскихъ убѣжденій въ томъ, что для вѣрующаго невозможна дума и забота о своемъ правѣ собственности, но лишь о томъ, чтобы отказаться отъ своего ради ближнихъ. Въ послѣдующихъ главахъ нѣсколько яснѣе выступитъ взглядъ св. отца на должное отношеніе наше къ своей собственности, но, конечно, все же краткія выдержки не могутъ въ полной мѣрѣ отразить въ себѣ тотъ духъ христіанской любви и чистой истины, какимъ дышатъ слова святителя.

Въ твореніяхъ св Іоанна Златоустаго христіанское ученіе о собственности затронуто со всѣхъ сторонъ и раскрыто на столько обстоятельно, что изложеніемъ воззрѣній этого св. отца мы могли бы заключить настоящую главу нашего труда. Но для полноты обзора святоотеческаго ученія отмѣтимъ согласные со св. Іоанномъ взгляды его западныхъ современниковъ—бл. Августина и Іеронима.

Бл. Августинъ также держался того взгляда, что имѣющіе много владѣютъ чужимъ имуществомъ [2]). Поэтому и на все, что у насъ есть, надо смотрѣть лишь, какъ на ввѣренное намъ для раздачи нуждающимся. „Все, что Богъ далъ, говоритъ бл. отецъ, сверхъ необходимаго, Онъ, собственно говоря, не отдалъ намъ, но только поручилъ намъ, чтобы оно могло черезъ насъ перейти въ руки бѣдныхъ. Удерживать это значитъ обладать тѣмъ, что принадлежитъ другимъ" [3]). Согласно со св. Іоанномъ Златоустымъ, бл. Августинъ думаетъ, что всякая борьба въ мірѣ, войны, мятежи, преступленія, убійства, неправды—возникаютъ изъ-за того, чѣмъ мы владѣемъ лично. Изъза тѣхъ предметовъ, которыми мы владѣемъ сообща, какъ, напримѣръ, солнце и воздухъ, не возникаетъ борьбы. „Будемъ же, братія мои— убѣждаетъ бл. отецъ—, воздерживаться отъ частной собственности или, по крайней мѣрѣ, отъ любви къ ней, если не можемъ воздержаться отъ владѣнія ею" [4]).

Бл. Іеронимъ высказываетъ свои взгляды на право собственности и отношеніе къ нему со стороны христіанъ согласно со св. Іоанномъ Златоустымъ. Все, чѣмъ мы живемъ, Богъ даровалъ, по

[1]) „О Лазарѣ слово II", т. 1, стр. 796, срав. слово „о корыстолюбіи", т. 12, стр. 593, бесѣда LXIII на Ев. Матѳея. т 7, стр. 645—646 и др. [2]) „О градѣ Божіемъ", кн. 21, гл. 27, т. 6, стр. 232—233 [3]) Бесѣда на псаломъ CXLVII, цит. по Ульгорну, стр 271. [4]) Бесѣда на псал. CXXXI, тамъ же, стр. 269.

взгляду бл. Іеронима, „всѣмъ сообща равно“ [1]) Но Богъ также даровалъ людямъ и „свободное произволеніе., чтобы всякій жилъ не въ силу власти Божіей, а въ силу собственной покорности..., чтобы имѣла мѣсто добродѣтель“ [2]). Поэтому отъ насъ требуется, чтобы мы, владѣя не своимъ, а чужимъ,—а чужое для насъ все, что принадлежитъ этому вѣку“,—были вѣрными распорядителями ввѣреннаго намъ [3]). И единственно правильный путь владѣнія, — это путь раздачи своего [4]), а не путь бережливости: „не береги своего, какъ будто бы оно было для тебя чужимъ... Груды золота и серебра для насъ—чужія; наше имущество есть духовное [5]). Поэтому и въ міросозерцаніи бл. Іеронима необходимымъ признакомъ христіанскаго совершенства является полное отреченіе отъ собственности и внутреннее и внѣшнее [6]), подобно Павлѣ подражаютъ, „ничего неимѣющему Господу, возвращая Ему все“ [7]). Изложеннымъ нами ученіемъ святыхъ отцовъ первыхъ четырехъ вѣковъ о собственности мы и закончимъ первую главу нашего труда. Взглядовъ послѣдующихъ отцовъ мы не излагаемъ потому, что существенно новаго, восполняющаго древнеотеческое ученіе, мы не встрѣтили въ этихъ взглядахъ Равнымъ образомъ мы не касались и ученія по интересующему насъ предмету святыхъ подвижниковъ древней церкви. Всегда въ древности монашеская жизнь неразрывно связывалась съ отреченіемъ отъ собственности, и обѣтъ отреченія отъ послѣдней всегда составлялъ одинъ изъ основныхъ монашескихъ обѣтовъ во всѣхъ древнихъ иноческихъ уставахъ.

Теперь мы можемъ сдѣлать общіе выводы изъ древнецерковнаго ученія о собственности, изложеннаго нами. Выводы эти вполнѣ опредѣленные и могутъ быть выражены кратко, такъ какъ древнецерковное ученіе не знало различія во взглядѣ на предметъ. Право собственности не принадлежитъ къ области благодатной христіанской жизни, къ сферѣ Божьяго царства и потому не можетъ быть разсматриваемо, какъ святыня, для христіанской совѣсти и къ нему не можетъ быть прилагаемъ предикатъ „священное“, но лишь неприкосновенное. Это потому, что право частной собственности, какъ оно осуществляется въ жизни людей, принципіально противорѣчитъ началу всеобъемлющей христіанской любви, не знающей границъ моего для другого; право собственности возникаетъ, поэтому, не на основѣ христіанскаго братства людей, но на основѣ недостатка такого братолюбія, когда человѣкъ противопола-

---

[1]) Письмо къ Дамасу о двухъ сыновьяхъ, т 1, стр. 82, рус переводъ. [2]) Тамъ же, стр. 83. [3]) Письмо къ Алгазію, т. 3, стр 190. [4]) Письмо къ Павлину, т. 2, стр. 130. [5]) Письмо къ Евстохіи, т. 1, стр. 133. [6]) Письмо къ Паммахію, т. 2, стр. 223 - 224. [7]) Письмо къ Евстохіи, т. 3, стр. 36.

гаетъ себя и свое другимъ Право собственности, однако, является неприкосновеннымъ для христіанина, даже до такой степени, что грѣшно желать чужого, въ силу, съ одной стороны, того общаго закона христіанской морали, что всякое насиліе не должно имѣть мѣста въ устроеніи христіанской жизни; а съ другой—потому, что христіанство не отрицаетъ формъ естественнаго права и естественныхъ человѣческихъ отношеній, но одухотворяетъ и возвышаетъ эти формы, преобразуя ихъ по духу Христовой истины. И христіанская любовь, разрушающая эгоистическія перегородки жизни, ставитъ идеаломъ своимъ не отобраніе чужого, но свободное отданіе своего на общую пользу. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, только тотъ истинно владѣетъ своимъ имуществомъ, кто разсматриваетъ его въ качествѣ общаго достоянія и служитъ своимъ общей пользѣ, согласно съ волей Бога, верховнаго Владыки всего сущаго и съ законами человѣческой любви, счастіе и полнота которой не въ пріобрѣтеніи и обладаніи, но въ дареніи и жертвѣ. Ясно само по себѣ, что, при такомъ отношеніи къ началу личной собственности, идеаломъ устроенія матеріальной стороны жизни членовъ христіанской церкви должно явиться общеніе имуществъ на основѣ свободной братской любви по примѣру жизни первохристіанской общины.

II.

Жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія.

Лук., XII, 15

Кто любитъ ближняго, какъ самого себя, тотъ ничего не имѣетъ у себя излишняго передъ ближнимъ... Поэтому, чѣмъ больше у тебя богатства, тѣмъ меньше въ тебѣ любви.

Св. Василій Великій.

Въ живой неразрывной связи съ отвѣтомъ на вопросъ объ отношеніи христіанства къ праву собственности находится и рѣшеніе вопроса о христіанскомъ взглядѣ на богатство и бѣдность. Второй вопросъ представляетъ собою по существу лишь болѣе частную, конкретную постановку перваго или основного вопроса объ отношеніи христіанина къ собственности вообще. Поэтому уже раскрытое нами ученіе древней Церкви о правѣ собственности и объ отношеніи къ этому праву со стороны христіанъ даетъ намъ достаточно данныхъ и для характеристики христіанскаго отношенія къ богатству и бѣдности. Такъ, напримѣръ, если изъ откровеннаго и святоотеческаго ученія съ несомнѣнностію вытекаетъ, что началомъ истинно христіанскаго отношенія къ собственности является долгъ дѣлиться своимъ съ другими, то ясно, что на всякое богатство, какъ на скопленіе въ рукахъ одного лица гораздо большаго числа предметовъ первой необходимости, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія его личныхъ потребностей, христіанство не можетъ смотрѣть иначе, какъ на уклоненіе отъ начала братской любви, то-есть, иными словами, неодобрительно. Равнымъ образомъ, съ точки зрѣнія этого же долга дѣлиться своимъ съ другими, несомнѣнно, выступаетъ въ ореолѣ христіанской добродѣтели добровольная бѣдность. Такъ, говоримъ мы, такое или иное рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ праву собственности предрѣшаетъ необходимо такой или иной взглядъ на богатство и бѣдность. Но намъ нѣтъ нужды и побужденій ограничиваться попытками приложить добытыя нами общія начала къ уясненію частныхъ сторонъ предмета нашего изслѣдованія и, напротивъ, очень много побужденій по вопросу о христіанскомъ отношеніи къ богатству и бѣдности изложить въ возможной полнотѣ ученіе древней вселенской Церкви. Во-первыхъ, идя такимъ путемъ, мы получимъ возможность болѣе разносторонне выяснить церковную точку зрѣнія на предметъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься выводами изъ уже пред-

ставленнаго церковнаго ученія о собственности, мы, излагая откровенное и святоотеческое ученіе о богатствѣ и бѣдности, этимъ самымъ констатируемъ уже совершенное согласіе и строжайшее единство церковныхъ воззрѣній на устроеніе матеріальнаго быта вѣрующихъ. А вмѣстѣ съ этимъ полнѣйшимъ принципіальнымъ согласіемъ въ церковномъ ученіи по вопросу о богатствѣ и бѣдности выступятъ передъ нами такія новыя детали, такія частныя черты, которыя сообщатъ христіанскому ученію характеръ особой конкретности и жизненной наглядности Это одна сторона дѣла.

Съ другой стороны, расчленить вопросъ о христіанскомъ отношеніи къ собственности и отдѣльно остановиться на уясненіи христіанскаго взгляда на богатство и бѣдность побуждаетъ насъ та неправильная постановка въ опытахъ уясненія этого послѣдняго вопроса, какая существуетъ и, даже болѣе того, господствуетъ въ нашемъ современномъ богословіи. Основная тенденція современнаго русскаго богословія въ отношеніи къ поставленному нами вопросу выражается въ томъ, что всѣми возможными путями стремятся доказать, будто въ христіанской жизни „богатство есть путь истинный и достойный уваженія“ [1]) Наше богословіе потратило много усилій для того, чтобы доказать, будто служеніе Богу можетъ быть совмѣщено со служеніемъ маммонѣ, и на пути къ достиженію этой грустной цѣли не останавливалось даже передъ униженіемъ христіанскаго ученія. Такъ было уже упомянуто о перетолкованіи Іак. I, 17—18. Множество по существу даже непонятныхъ усилій было приложено къ тому, чтобы смягчить опредѣленное сужденіе Христа Спасителя о богатствѣ въ Его ученіи, особенно какъ это ученіе передано въ Евангеліи св. Луки и въ притчахъ Господа. Самое святоотеческое ученіе о богатствѣ и бѣдности излагается и очень кратко и крайне односторонне и совершенно неправильно, когда святые отцы выставляются какъ бы покровителями богатыхъ въ дѣлѣ „охраненія и умноженія“ ими своего богатства. Со спокойною убѣжденностію утверждаемъ, что подобное представленіе совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности, и послѣ изученія святоотеческой литературы, мы готовы скорѣе признать чрезмѣрную остроту въ сужденіяхъ о богатствѣ нѣкоторыхъ святыхъ отцовъ, чѣмъ въ комъ бы то ни было изъ нихъ видѣть защитника возможности для христіанина собирать себѣ богатство на землѣ и безпечально имъ наслаждаться. Впрочемъ, оставимъ полемику въ сторонѣ, такъ какъ прямая задача нашего труда— положительное раскрытіе ученія древней вселенской Церкви. Согласно принятому нами плану работы, изложенію собственно церковнаго

[1]) Слова преосвящ Гавріила въ его „Православномъ нравственномъ богословіи“, стр. 686.

ученія, мы должны предпослать краткій обзоръ по интересующему насъ вопросу ученія ветхозавѣтнаго. Этотъ обзоръ особенно необходимъ въ данномъ случаѣ. Прежде всего онъ поможетъ намъ лучше понять въ отдѣльныхъ случаяхъ Евангельское ученіе, такъ какъ это ученіе было обращено прежде всего къ іудеямъ, воспитаннымъ на ветхозавѣтномъ кодексѣ морали. Затѣмъ, ветхозавѣтный взглядъ на интересующій насъ предметъ въ значительной степени утверждается на характеристикѣ душевнаго настроенія богатаго и бѣднаго, какая точка зрѣнія имѣетъ извѣстное приложеніе для этической оцѣнки богатства и бѣдности въ любой системѣ морали. Наконецъ, мы не вправѣ игнорировать и того замѣчательнаго явленія, что наше современное богословіе, при уясненіи христіанскаго отношенія къ богатству и бѣдности, очень любитъ утверждаться на Ветхомъ Завѣтѣ Дѣлается это очень просто. Высказывается извѣстное положеніе,—всегда утверждающее въ такой или иной формѣ совмѣстимость служенія Богу и маммонѣ;—затѣмъ приводится текстъ изъ ветхозавѣтнаго откровенія, преимущественно изъ учительныхъ книгъ, и вопросъ считается рѣшеннымъ съ христіанской точки зрѣнія. При этомъ какъ бы совершенно забывается, что въ Евангеліи Матѳея имѣется цѣлая глава (пятая), говорящая о томъ, что христіанское ученіе далеко не совпадаетъ съ ветхозавѣтнымъ. Объ этомъ широко распространенномъ и глубоко ошибочномъ методѣ раскрывать христіанское ученіе мы уже имѣли случай высказаться въ печати[1]) и здѣсь не станемъ повторяться. Но тѣмъ съ большей внимательностію отнесемся къ тому, чтобы изложить ветхозавѣтное ученіе и оттѣнить его существенное отличіе во взглядѣ на богатство и бѣдность сравнительно съ ученіемъ христіанства.

Обычный взгладъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ богатство считалось благомъ, а бѣдность—зломъ. Этотъ взглядъ высказывался еще святыми отцами[2]) и, дѣйствительно, находитъ подтвержденіе въ Откровеніи. „*Имущество богатаго*—по словамъ книги Притчей—*крѣпкій городъ его*“ [3]). Богатство — „*вѣнецъ мудрыхъ*“ [4]). Оно „*возвышаетъ сердце*“ [5]); оно благо, если въ немъ „*нѣтъ грѣха*“ [6]), и „*богачъ счастливъ*“, если онъ „*оказался безукоризненнымъ и не гонялся за золотомъ*“ [7]). Вообще богатство разсматривается какъ благо и какъ проявленіе милости Божіей къ человѣку [8]).

Но и ветхозавѣтный взглядъ на богатство, какъ на благо и на благословеніе Божіе, не является безусловнымъ, но обусловливается

[1]) „Нѣсколько мыслей по поводу защиты смертной казни въ русской богословской литературѣ послѣдняго времени“. Кіевъ, 1907 года, стр. 15—22. [2]) Напр, св. Іоаннъ Златоустъ въ бесѣдѣ XVIII на посланіе къ Евреямъ, т. 12, стр 160. [3]) X, 15. [4]) Притч., XIV, 24 [5]) Сир., XL, 26. [6]) Тамъ же, XIII, 30. [7]) Тамъ же, XXXI, 8 [8]) Напр., 1 Цар. II, 7; Сир., XI, 21, Еккл , V, 18, и др.

такими этическими требованіями, которыя приближаютъ ветхозавѣтное ученіе къ христіанскому. Первое требованіе подобнаго рода то, чтобы богатство было пріобрѣтаемо честнымъ путемъ. Мы выдѣли уже, что такой богачъ называется счастливымъ [1]). Наоборотъ, богатство, пріобрѣтенное неправеднымъ путемъ, сурово осуждается. „*Лучше малое со справедливостію*—читаемъ въ книгѣ Товита,—*нежели многое съ неправдою; лучше творить милостыню, нежели собирать золото*“ [2]). „*Лучше немногое при страхъ Господнемъ, нежели большое сокровище и при немъ тревога; лучше блюдо зелени и при немъ любовь, чѣмъ откормленный быкъ и при немъ ненависть*“ [3]). „*Лучше бѣдный, ходящій въ своей непорочности, нежели богатый со лживыми устами*“ [4]). Еще сильнѣе и выразительнѣе говоритъ о грѣховности неправеднаго богатства книга Іисуса, сына Сирахова, когда считаетъ преступленіемъ самыя жертвы Богу изъ неправедно пріобрѣтеннаго. „*Что заколающій на жертву сына предъ отцомъ его, то приносящій жертву изъ имѣнія бѣдныхъ; хлѣбъ нуждающихся есть жизнь бѣдныхъ отнимающій его есть кровопійца. Убиваетъ ближняго, кто отнимаетъ у него пропитаніе, и проливаетъ кровь, кто лишаетъ наемника платы*“ [5]). Въ книгѣ Псалмовъ и въ книгѣ пророка Амоса мы встрѣчаемъ рѣдкія по силѣ выразительности мѣста, рисующія и осуждающія неправые пути обогащенія. „*По гордости своей* — повѣствуется въ первой книгѣ—*нечестивый преслѣдуетъ бѣднаго... Ибо нечестивый хвалится похотью души своей, корыстолюбецъ ублажаетъ себя... Глаза его подсматриваютъ за бѣднымъ, подстерегаютъ въ потаенномъ мѣстѣ, какъ левъ въ логовищѣ; подстерегаетъ въ засадѣ, чтобы схватить бѣднаго, увлекая въ сѣти свои; сгибается, прилегаетъ, и бѣдные падаютъ въ сильныя когти его; говоритъ въ сердцѣ своемъ: забылъ Богъ, закрылъ Лице Свое, не увидитъ никогда. Возстани, Господи Боже, вознеси руку Твою, не забудь униженныхъ Твоихъ до конца*“ [6]). Подобное же описываетъ и св. пророкъ Амосъ: „*Выслушайте это*—говоритъ онъ—, *алчущіе поглотить бѣдныхъ и погубить нищихъ; вы, которые говорите: когда-то пройдетъ новолуніе, чтобы намъ продавать хлѣбъ, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить мѣру, увеличить цѣну сикля и обманывать невѣрными вѣсами; чтобы покупать неимущихъ за серебро и бѣдныхъ за пару обуви, а высѣвки изъ хлѣба продавать. Клялся Господь славою Іакова: поистинѣ во вѣки не забуду ни одного изъ дѣлъ ихъ*“ [7]). И не только осуждается такая крайняя жадность въ дѣлѣ пріобрѣтенія богатства, но мы встрѣчаемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и цѣлый рядъ законовъ, ограничивающихъ

[1]) Сир. XXXI, 8. [2]) Тов., XII, 8. [3]) Притч., XV, 16—17. [4]) Тамъ же, XIX, 1. [5]) XXXIV 20—22, ср. притч , XXVIII, 6; Исх., X, 2—3. [6]) Пс. IX, 23—33. [7]) VIII, 4—7.

пути обогащенія даже на основѣ юридическаго права, и высокій взглядъ на долгъ богатаго соблюдать внутреннюю независимость отъ богатства и не смотрѣть на него, какъ на орудіе личнаго только благополучія. Что касается относящихся сюда законовъ, то они уже отчасти были ранѣе названы нами. Такъ, запрещалось притѣснять ближнихъ, особенно вдовъ и сиротъ [1]), запрещалось отдавать деньги въ ростъ единоплеменникамъ [2]), брать въ залогъ дольше вечера предметы первой необходимости [3]). Напротивъ, предписывается давать взаймы бѣдному [4]), прощать долги въ седьмой годъ [5]) и т. д. Что касается собственно этической оцѣнки богатства, то идеаломъ въ отношеніе его даже въ Ветхомъ Завѣтѣ ставилось не „охраненіе и умноженіе“ его, но милосердіе, готовое дѣлиться своимъ съ другими. „*Добрый человѣкъ*“ съ этой точки зрѣнія не тотъ, что пріумножилъ свое достояніе, но тотъ, который „*расточилъ, раздалъ нищимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ*“ [6]). И обратно: „*кто закрываетъ глаза свои*“ отъ неимущаго, „*на томъ много проклятій*“ [7]). Несомнѣнно, что дѣйствительность въ жизни израильскаго народа глубоко расходилась съ такимъ идеаломъ, и картины, переданныя нами изъ книги псалмовъ и прор. Амоса, были взяты изъ жизни. Поэтому, чѣмъ дальше шла исторія, тѣмъ яснѣе мы слышимъ предостерегающій голосъ учителей народа отъ обольщенія богатствомъ и готовность въ немъ видѣть свою опору. Напротивъ, съ силою подчеркивается суетность богатства и призывъ сохранять внутреннюю независимость отъ него. *Не заботься о томъ*,—совѣтуетъ книга Притчей,—*чтобы нажить богатство; оставь такія мысли твои. Устремишь глаза свои на него и—его уже нѣтъ, потому что оно сдѣлало себѣ крылья и, какъ орелъ, улетѣло къ небу*“ [8]). „*Не поможетъ богатство въ день гнѣва... Надѣющійся на богатство свое упадетъ*“ [9]). Вообще выразительно оттѣняются, какъ характерныя черты богатства, его непостоянство и кратковременность, благодаря чему оно всегда оставляетъ человѣка при смерти. Въ этомъ—утѣшеніе бѣдному и урокъ богатому не полагаться на свое достояніе. „*Не бойся, когда богатѣетъ человѣкъ, когда слава дома его умножается; ибо умирая не возьметъ ничего, не пойдетъ за нимъ слава его*“ [10]). „*Есть мучительный недугъ*—разсказываетъ Екклесіастъ—, *который видѣлъ я надъ солнцемъ: богатство, сберегаемое владѣльцемъ, во вредъ ему. И гибнетъ богатство это отъ несчастныхъ случаевъ... Какъ вышелъ онъ нагимъ изъ утробы матери своей, такимъ и отходитъ, какимъ пришелъ, и ни-*

---

[1]) Исх. XXII, 21—24. [2]) Исх. XXII, 24, Лев. XXV, 36. [3]) Втор. XXIV, 6, Исх. XXII, 26—27. [4]) Втор XV, 7—11 и др. [5]) Втор. XV, 1—4. [6]) Псал., CXI, 9 [7]) Притч., XXVIII, 27. [8]) Тамъ же, XXIII, 4—5. [9]) XI, 4, 28 [10]) Псал. XLVIII, 17—18.

чего не возьметъ отъ труда своего... И это тяжкій недугъ“ [1]). Поэтому богатый не долженъ хвалиться богатствомъ своимъ [2]), но сохранять внутреннюю независимость отъ него, подобно праведному Іову: „*полагалъ ли я*—спрашивалъ этотъ праведникъ—*въ золотѣ опору мою и говорилъ ли сокровищу: ты надежда моя. Радовался ли я, что богатство мое было велико, и что рука моя пріобрѣла много?*“ [3]). Существенно ту же мысль исповѣдуетъ и псалмопѣвецъ, давая совѣтъ: „*Когда богатство умножается, не прилагайте къ нему сердца*“ [4]). Если къ сказанному присоединить, что для сознанія ветхозавѣтнаго вѣрующаго были ясны отрицательныя стороны богатства и въ отношеніи настроенія владѣющихъ имъ, какъ-то: тревога [5]), пресыщеніе [6]), утомительная бдительность [7]) и т д., то понятна будетъ молитва древняго праведника „*прошу у Тебя... нищеты и богатства не давай мнѣ,—питай меня насущнымъ хлѣбомъ. Дабы, пресытившись, я не отрекся отъ Тебя и не сказалъ: кто Господь, и чтобы обѣднѣвъ, не сталъ красть и употреблять имя Бога моего всуе*“ [8]). Такимъ образомъ, хотя безспорно въ ветхозавѣтномъ міровоззрѣніи богатство оцѣнивалось какъ жизненное благо, но какъ низшее, сравнительно съ другими, не только съ такимъ безусловнымъ благомъ, какъ, напримѣръ, страхъ Божій [9]), но и по сравненію съ такими условными благами, какъ добрая слава у людей: „*доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота*“ [10]).

Послѣ сдѣланныхъ указаній на отношеніе къ богатству въ міросозерцаніи ветхозавѣтнаго вѣрующаго, намъ нетрудно установить и взглядъ ветхозавѣтнаго Откровенія на бѣдность. Какъ богатство есть въ условномъ смыслѣ жизненное благо, такъ бѣдность есть несчастіе. Ветхозавѣтныя писанія полны изображеніями страданій бѣдняковъ и всюду дышатъ горячею, сострадательною любовію къ послѣднимъ. „*Бѣдный ненавидимъ бываетъ даже близкими своими*“ [11]). „*Съ мольбою говоритъ нищій, а богатый отвѣчаетъ грубо*“ [12]). „*Богатый господствуетъ надъ бѣднымъ, и должникъ дѣлается рабомъ заимодавца*“ [13]). „*Мудрость бѣдняка пренебрегается, и словъ его не слушаютъ*“ [14]). „*Богачъ обидѣлъ,—и самъ же грозитъ; бѣднякъ обиженъ, - и самъ же упрашиваетъ . Отвратительно для гордаго смиреніе, такъ отвратителенъ для богатаго бѣдный*“ [15]). Вообще „*жизнь нищаго тяжела для сердца*“ [16]), настолько тяжела, что, по взгляду ветхозавѣтнаго мудреца, „*лучше умереть, нежели просить милостыню*“ [17]).

[1]) Еккл , V, 12—15. [2]) Іер., IX, 23. [3]) Іов., XXXI, 24 - 25. [4]) Псал. LXI, 11. [5]) Притч , XV, 16. [6]) Еккл., V, 11 [7]) Сир., XXXI, 1. [8]) Притч , XXX, 7—9. [9]) Притч., XV, 16, 33 и др. [10]) Притч., XXII, 1. [11]) Причт , XIV, 20. [12]) Причт., XVIII, 24. [13]) Причт., XXII, 7—9. [14]) Еккл., IX, 16. [15]) Сир., XII, 4, 24. [16]) Сир., XXXVIII, 19. [17]) Сир. XL, 29.

Но это житейское злополучіе бѣдняка въ сознаніи ветхозавѣтнаго человѣчества не совпадало съ нравственнымъ достоинствомъ неимущаго. Хотя указывается, что бѣдность иногда является результатомъ безпечности и лѣности [1]), но вообще бѣдность не только не разсматривается въ качествѣ возмездія за неблагочестивую и недобрую жизнь, но скорѣе напротивъ· бѣдные поставляются въ особенно близкія отношенія къ Богу. Мы уже говорили, что великій Законодатель далъ народу Израильскому цѣлый рядъ гуманныхъ законовъ въ виду того горестнаго предвидѣнія, что всегда будутъ нищіе среди земли [2]). И постояннымъ сильнымъ покровителемъ послѣднихъ выступаетъ въ сознаніи вѣрующаго самъ Господь. Онъ, именно, „*спасаетъ бѣднаго отъ бѣды его*“ [3]). „*Тебѣ*—говоритъ Господу псалмопѣвецъ—*предаетъ себя бѣдный; сиротѣ Ты помощникъ... Открой ухо Твое, чтобы дать судъ сиротѣ и угнетенному*“ [4]). „*Ради страданія нищихъ и воздыханія бѣдныхъ нынѣ возстану, говоритъ Господь, поставлю въ безопасность того, кого уловить хотятъ*“ [5]). Нищій взываетъ, и Господь слышитъ его и избавляетъ отъ всѣхъ бѣдъ [6]). „*Господь внемлетъ нищимъ*“ [7]). Онъ извлекаетъ бѣднаго изъ несчастій [8]) Онъ—*отецъ сиротъ и судья вдовъ во святомъ своемъ жилищѣ Господь не уважитъ лица передъ бѣднымъ и молитву обиженнаго услышитъ; Онъ не презритъ моленій сироты, ни вдовы, когда они будутъ изливать прошеніе свое* [9]). Господь всегда пребываетъ „*убѣжищемъ бѣдныхъ, убѣжищемъ нищаго въ тѣсное для него время*“ [10]) Именно эта особенная близость бѣдняковъ къ Богу, ихъ Покровителю, Отцу сиротъ, дѣлаетъ то, что милосердіе къ бѣднымъ разсматривается въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ религіозный долгъ вѣрующаго: „*кто тѣснитъ бѣднаго, тотъ хулитъ Творца его; имущій же Его благотворитъ нуждающемуся*“ [11]). „*Кто ругается надъ имущимъ, хулитъ Творца его*“ [12]). И обратно: „*благотворящій бѣдному въ займы даетъ Господу, и Онъ воздаетъ ему за благодѣяніе его*“ [13]). Но подробнѣе объ этомъ ниже. Здѣсь скажемъ вообще, что долгъ благотворенія бѣднымъ поставляется въ ветхозавѣтномъ нравоученіи на самое видное мѣсто [14]), а угнетеніе бѣдняка оцѣнивается, какъ тяжкій грѣхъ [15]).

Мы не находимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ опредѣленныхъ указаній на то, чтобы бѣдность разсматривалась съ этической точки

---

[1]) Притч., XIII, 24, XX, 4, XXIV, 30 -34 и др. [2]) Втор., XV, 11. [3]) Іов XXXVI, 15. [4]) Пс. IX, 35, 39. [5]) Пс. XI, 6. [6]) Пс. XXXIII, 7. [7]) Пс LXVIII, 34. [8]) Пс CVI, 41. [9]) Сир., XXXV, 13 -15 [10]) Ис., XXV, 4 [11]) Притч., XIV, 31. [12]) Притч., XVII, 5. [13]) Притч., XIX, 17 [14]) Напр., Лев XXV, 35--36, Втор., XV, 7—11, Пс. LXXXI, 2—4; Сир., IV, 1—10; XXIX, 11—13, Ис, LVIII, 6—10, Іер., XXII, 3; Іез., XVIII, 7—8 и мн. др. [15]) Исх, XXII, 26 -27; Пс. IX, 23—34, Притч., XXI, 13, Ис.. III, 14—15: V, 8; X, 1—3 Іер, XXII, 13; Іез., XVIII, 12—13 и мн. др.

зрѣнія въ качествѣ болѣе удобнаго пути Богоугожденія, чѣмъ жизнь въ достаткѣ и согласно съ заповѣдями закона. Однако, и въ періодъ ветхозавѣтнаго домостроительства идея произвольной бѣдности разсматривается, какъ нравственный подвигъ. Вдохновенные образы пророковъ наглядно проповѣдывали народу, что ради служенія Богу нужно иногда отрекаться отъ всего. И величайшій изъ пророковъ Ветхаго Завѣта—Предтеча Небеснаго Учителя—явился именно въ такомъ образѣ совершеннаго небреженія о земномъ ради правды Божіей.

Нетрудно намъ сдѣлать общіе выводы изъ кратко изложеннаго ветхозавѣтнаго взгляда на богатство и бѣдность. И то и другое разсматривается какъ состояніе, имѣющее лишь условное значеніе: первое—жизненнаго блага, а второе—такого же зла. И то и другое были ничто въ отношеніи безусловнаго блага—вѣры въ Бога и страха Божія [1])—и опредѣленно указывается, что въ очахъ Божіихъ нѣтъ различія между богатымъ и бѣднымъ [2]). Скорѣе напротивъ: суровыя обличенія богатыхъ за притѣсненія бѣдныхъ и постоянная рѣчь о близости бѣдныхъ къ Іеговѣ, что мы уже раскрыли достаточно подробно, даютъ косвенное основаніе думать, что и въ древности были ясны соблазны богатства на пути истинно богоугодной жизни [3]) Поэтому нравственной нормой въ отношеніи богатства ставляется внутренняя независимость отъ него: не желать богатства [4]), когда оно течетъ, не прилагать къ нему сердца [5]); не надѣяться на богатство [6]), и не бояться потерять его [7]).

Что касается, наконецъ, связанныхъ съ вопросомъ о богатствѣ и бѣдности грѣховъ и добродѣтелей, то въ ветхозавѣтномъ Откровеніи мы встрѣчаемъ ясныя сужденія объ этомъ: сребролюбіе и корыстолюбіе, какъ мы видѣли, равно какъ и скупость [8]) всегда осуждаются. Обратно: щедрая благотворительность признается высокою добродѣтелью.

Изложеніе ветхозавѣтнаго ученія о богатствѣ и бѣдности, несомнѣнно, показало, что въ основѣ этого ученія лежитъ начало любви къ ближнему. Этимъ только могутъ объясняться настойчивыя указанія на долгъ помогать нуждающимся и суровыя обличенія за скупость и желаніе увеличивать богатство, пользуясь нуждою ближнихъ. Но какъ въ вопросѣ объ отношеніи къ собственности вообще принципъ любви не нашелъ въ Ветхомъ Завѣтѣ совершеннаго выраженія, такъ точно не выразился онъ всецѣло и въ оцѣнкѣ жизненныхъ явленій, связанныхъ съ вопросомъ объ отношеніи къ богатству и бѣдности. Только въ новозавѣтномъ От-

[1]) Притч , XV, 16, Пс. CXVIII, 72. [2]) Притч., XXII, 1—2 [3]) Напр , Притч., XXX, 8 [4]) Напр., Притч , XXIII, 4. [5]) Псал. LXI, 11. [6]) Напр., Притч., XI, 4, 28. [7]) Напр., Еккл , V, 13 [8]) Напр , Притч., XXI, 13.

кровеніи Божіемъ міру мы встрѣчаемъ совершенное ученіе о любви, какъ единомъ верховномъ началѣ жизни, и въ лучахъ этого новозавѣтнаго солнца намъ представляются ясными всѣ христіанскія отношенія къ міру и его благамъ. И прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному изложенію новозавѣтнаго взгляда на богатство и бѣдность, мы должны опредѣленно отграничить то рѣшеніе вопроса, какое предлагалось въ Ветхомъ Завѣтѣ, отъ того, какое дано міру Христомъ Спасителемъ. Разница между этими рѣшеніями, конечно, очень существенная, соотвѣтственно различію основного начала нравственной жизни до-христіанской и христіанской. Какъ мы уже сказали, Евангеліе вывело законъ любви изъ ограниченія его числомъ и мѣстомъ и поставило передъ вѣрующими идеалъ безконечнаго нравственнаго совершенствованія въ единеніи съ Богомъ. Эта абсолютность христіанской морали не могла не отразиться и на оцѣнкѣ частныхъ явленій и отношеній человѣческой жизни, и теперь мы кратко отмѣтимъ то существенное различіе, какое выступаетъ между ветхозавѣтной и новозавѣтной оцѣнкой богатства и бѣдности.

Прежде всего, если въ Ветхомъ Завѣтѣ богатство разсматривалось, какъ благо само по себѣ, хотя и условно, а бѣдность, какъ зло, хотя и не нравственнаго порядка, то въ христіанствѣ не могло быть и рѣчи о такой оцѣнкѣ богатства и бѣдности самихъ по себѣ И первое и второе являлись чѣмъ-то несущественнымъ по сравненію съ верховнымъ благомъ—Царствомъ Божіимъ: *„жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“* [1]). Эти слова Христа Спасителя являются прямымъ выраженіемъ абсолютной христіанской точки зрѣнія, высота которой, сравнительно съ ветхозавѣтнымъ взглядомъ, опредѣленно отмѣчены и святыми отцами. Св. Іоаннъ Златоустъ, напримѣръ, говоритъ, что „такъ какъ многіе слабы душой, то Богъ даровалъ имъ и чувственныя блага. Такимъ образомъ онъ руководилъ народъ іудейскій: у нихъ и богатство текло, и жизнь продолжалась до старости... Но когда пришелъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, призывающій насъ на небо, убѣждающій презирать блага здѣшнія, внушающій любовь къ благамъ тамошнимъ и отторгающій насъ отъ всего житейскаго, то справедливо... все богатство заключено въ благахъ будущихъ, такъ какъ мы сдѣлались совершенными“ [2]). Св. Златоустъ утверждаетъ поэтому, что, если въ Ветхомъ Завѣтѣ и сказано было, что *„богатство и нищета отъ Господа“* [3]), то сказано лишь іудеямъ „не знавшимъ ничего, кромѣ предметовъ чувственныхъ“, сказано „подобно тому, какъ и мы не одинаково говоримъ съ дѣтьми и людьми взрослыми“ [4]). И разница между ветхозавѣтной

---

[1]) Лук., XII, 15. [2]) Бесѣда на псаломъ 4, т. 5, стр. 30. [3]) Сир., XI, 14. [4]) Бес. XXXIV на I Коринѳ., т. 10, стр. 350.

и новозавѣтной точкой зрѣнія въ данномъ вопросѣ такъ велика, что оцѣнка богатства и бѣдности прямо противоположна, по взгляду св. Іоанна, въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ „богатство считалось весьма важнымъ, а бѣдность была презираема; одно было проклятіемъ, а другое—благословеніемъ. А теперь не такъ... даже надобно искать бѣдности, если ея нѣтъ. Такое она составляетъ благо... Христосъ назвалъ еѐ совершенствомъ добродѣтели [1]). Это Онъ выразилъ словами, показалъ и дѣлами, преподалъ и черезъ учениковъ“ [2]). Иными словами: сознаніе новозавѣтнаго вѣрующаго навсегда вынуждено разстаться съ тѣми ожиданіями, которымъ даже невольно отдавался ветхозавѣтный вѣрующій,—что внѣшнее благополучіе и богатство суть блага, которыя слѣдуютъ за праведникомъ, а бѣдность есть зло, которое составляетъ законный удѣлъ нечестиваго. Много волненій доставляло уму и сердцу ветхозавѣтнаго вѣрующаго то, что не видѣлъ онъ такого соотвѣтствія въ дѣйствительности. Вся книга Іова—живой свидѣтель этихъ треволненій и попытокъ выяснить трудный жизненный вопросъ. Но для христіанскаго сознанія самый вопросъ отпадаетъ: жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія. Передъ лицомъ истинной жизни въ общеніи съ Богомъ ничтожны и самый міръ съ его благами [3]) и временныя страданія въ этой жизни [4]), и самая земная жизнь человѣка есть лишь начало лучшей будущей жизни [5]). Поэтому св. апостолъ не смущается выразить ту поражающую умъ нашъ мысль, что „*вси, желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы. Злые же люди и обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ*“ [6]).

Такая абсолютная точка зрѣнія обусловливаетъ то, что первая заповѣдь христіанину въ отношеніи его къ міру и благамъ міра—не собирать себѣ здѣсь сокровищъ, имѣя въ виду сокровище лучшее, небесное [7]), не заботиться о пищѣ и одеждѣ [8]), даже не заботиться о завтрашнемъ днѣ [9]). Христіанство не можетъ такимъ образомъ видѣть въ богатствѣ, самомъ по себѣ, блага, а въ бѣдности, самой по себѣ, зла, потому что это лишь внѣшнія условія временной жизни, даже для нея не имѣющія существеннаго значенія. Въ христіанскомъ жизнепониманіи и богатство и бѣдность, говоря словами св. Іоанна Златоуста, не истина, но лишь „пріятныя и благозвучныя названія“ [10]); это лишь „картины“, „тѣнь дѣйствительности“ [11]) и обманчивый театръ [12])

Въ виду такого отношенія христіанства къ богатству и бѣдности

[1]) Мѳ., XXI, 19. [2]) Бесѣда XVIII на посланіе къ Евреямъ, т. 12, стр 160—161. [3]) 1 Іоан, II, 16—17. [4]) Рим. VIII, 18. [5]) Мѳ, X, 28, Лк, XII, 4 и мн. др. [6]) 2 Тим., III, 13. [7]) Мѳ, VI, 20; 1 Тим. VI, 19 и др. [8]) Мѳ, VI, 31. [9]) Мѳ., VI, 36. [10]) Бесѣда на Псал XLIII, т. 5, стр. 168. [11]) 4 слово о Лазарѣ, т. I, стр 819. [12]) Слово VI о Лазарѣ, т. I, стр. 877.

самимъ по себѣ ясно, что оцѣнка этихъ явленій жизни должна имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ не отношеніе ихъ къ земному благополучію человѣка, но къ дѣлу его спасенія, процессу постепеннаго совершенствованія. Иными словами, мы вправѣ ожидать найти въ новозавѣтномъ Откровеніи ту собственно этическую оцѣнку богатства и бѣдности, какая осталась далеко не раскрытой въ ветхозавѣтномъ Откровеніи И мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ такую именно оцѣнку и притомъ выраженную столь опредѣленно, что перетолкованіе новозавѣтнаго ученія невозможно безъ извращенія его прямого смысла, или же безъ замалчиванія прямо относящихся къ данному вопросу мѣстъ. Мы не можемъ не поражаться, читая Евангеліе и посланіе святыхъ апосталовъ, какъ много и выразительно говоритъ Новый Завѣтъ объ отношеніи человѣка къ богатству и бѣдности, несмотря на то, что, согласно сказанному, сами по себѣ они ничто въ христіанскомъ міровоззрѣніи. Неизмѣримая высота Евангельскаго ученія о предметахъ духовныхъ, высочайшей цѣнности, не помѣшала удѣлить много вниманія и вопросамъ нашей обыденной жизни и освѣтить ихъ, а въ томъ числѣ и вопросъ о богатствѣ и бѣдности, своимъ новымъ свѣтомъ. Для раздѣльности, изложимъ взглядъ новозавѣтнаго Откровенія на богатство и бѣдность отдѣльно, хотя, конечно, въ идейной связи, такъ какъ Евангельское ученіе о бѣдности и нельзя было бы правильно понять безъ предварительнаго уясненія его отношенія къ богатству.

Итакъ, прежде всего, какъ смотритъ Евангеліе на богатство?

Согласно только что сказанному нами, христіанство не можетъ разсматривать богатства изолированно, внѣ его отношенія къ личности обладателя, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отношеніе новозавѣтнаго Откровенія къ богатству безусловно отрицательное. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ сознанію вѣрующихъ ясно была видна та темная сторона богатства, что оно по природѣ своей тлѣнно и скоропреходяще. Эта сторона выпукло обозначена и въ Новомъ Завѣтѣ. „*Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ*—училъ Господь—, *гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ*“ [1]) „*Послушайте вы, богатые. плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро проржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствовать противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни*“ [2]). Подобное пишетъ и св. апостолъ Павелъ Тимоѳею: „*богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ увѣщевай, чтобы они не высоко думали о себѣ и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго*“ [3]).

[1]) Мѳ, VI, 19 [2]) V, 1—3. [3]) 1 Тим., VI, 17.

Притча Христа Спасителя о неразумномъ богачѣ съ образной выразительностію противоставляетъ полное ничтожество всѣхъ надеждъ на богатство передъ лицомъ одного несомнѣннаго для человѣка факта—неизбѣжности смерти [1]). Какъ увидимъ, притча эта постоянно напоминается и изъясняется святыми отцами въ ихъ поученіяхъ. Это безспорно потому, что ничтожество богатства въ виду неизбѣжности смерти наиболѣе доступно сознанію каждаго, и эта сторона дѣла была ясна и ветхозавѣтному человѣчеству. Но въ новозавѣтной характеристикѣ богатства мы встрѣчаемъ еще черту, какой не видѣли въ Ветхомъ Завѣтѣ, и которая усвояетъ богатству неизбѣжно осуждающій приговоръ именно съ этической точки зрѣнія. Это та характеристика богатства, когда оно называется по самому своему существу „*неправеднымъ*“. *Пріобрѣтайте себѣ друзей*—училъ Христосъ Спаситель—*богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители. Вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ; а невѣрный въ маломъ, невѣренъ и во многомъ. Итакъ, если вы въ неправедномъ богатствѣ не были вѣрны, кто повѣритъ вамъ истинное? И если въ чужомъ не были вѣрны, кто дастъ вамъ ваше?*“ [2]). Ниже, когда мы будемъ излагать святоотеческое ученіе о богатствѣ, то встрѣтимъ обстоятельное раскрытіе мысли о неправедности всякаго богатства Теперь же мы должны отмѣтить неразрывную связь этой Евангельской характеристики всякаго богатства, какъ неправеднаго, съ раскрытымъ уже нами христіанскимъ взглядомъ на право личной собственности.

Если, какъ мы видѣли, въ отношеніи своего имущества человѣкъ, съ христіанской точки зрѣнія, есть лишь „приставникъ“ и „управитель“ въ „чужомъ достояніи“, обязанный управлять этимъ достояніемъ согласно съ волей Божіей; если вѣрность этой волѣ Божіей состоитъ въ томъ, чтобы не былъ обиженъ никто изъ дѣтей одного небеснаго Отца, то само собою несомнѣнно, что всякое богатство, какъ скопленіе въ однѣхъ рукахъ излишковъ, есть и невѣрность Богу и обида ближняго, а потому всякое богатство, по самой своей природѣ, является „неправеднымъ“. Эта важная въ христіанскомъ міровоззрѣніи черта, характеризующая богатство, подробно выясняется святыми отцами, и поэтому теперь мы не будемъ долго останавливаться на детальномъ выясненіи этой черты, но перейдемъ къ дальнѣйшему раскрытію того отношенія къ богатству, какое составляетъ долгъ христіанина.

Если, какъ мы отмѣтили, въ отношеніи нашихъ ближнихъ богатство характеризуется въ Евангеліи, какъ „неправедное“, то въ отношеніи конечной цѣли христіанской жизни, въ отношеніи Божьяго

[1]) Лук., XII, 16—20. [2]) Лук., XVI, 9—12.

Царствія, богатство признается тяжелымъ бременемъ, затрудняющимъ для богатаго путь въ Царство Божіе: „*Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: истинно говорю вамъ, что трудно богатому войти въ Царство Небесное. и еще говорю вамъ: удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе*“ [1]). И въ Евангеліи мы находимъ прямой отвѣтъ, почему это такъ, то-есть почему богатство всегда оказывается неудобоносимымъ бременемъ на пути въ Царство Небесное: „*гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше*“ [2]), говоритъ Христосъ Спаситель. „*Никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо, или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ* (богатству). *Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что̀ вамъ пѣсть и что пить; ни для тѣла вашего, во что одѣться... Ищите же прежде Царствія Божія и правды Его, и это все приложится вамъ*“ [3]). И на эту же по существу сторону дѣла обращаетъ вниманіе св. апостолъ, когда утверждаетъ, что „*желающіе обогащаться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть, и во многія безразсудныя и вредныя похоти*“ [4]). И поэтому апостолъ съ силою говоритъ, что сребролюбіе есть „*корень всѣхъ золъ*“ и приводитъ къ потерѣ вѣры въ истиннаго Бога [5]), вслѣдствіе чего св. апостолъ не усумнился любостяжаніе назвать идолослуженіемъ [6]), разумѣя здѣсь, несомнѣнно, того же самаго бога—маммону, служеніе которому несовмѣстимо со служеніемъ истинному Богу.

Насъ не можетъ, поэтому, удивлять, что въ Евангеліи и апостольскихъ посланіяхъ мы встрѣчаемъ въ отношеніи богатыхъ и богатства опредѣленно осуждающій приговоръ. „*Горе вамъ, богатые!*—Возвѣщаетъ Самъ Спаситель,—*потому что вы уже получили свое утѣшеніе; горе вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо взалчете*“ [7]). Св. апостолъ Іаковъ, обличая богатыхъ, обращаетъ вниманіе на обычное угнетеніе ими ближнихъ: „*не богатые ли*—пишетъ онъ—*притѣсняютъ васъ, и не они ли влекутъ васъ въ суды? не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь?*“ [8]). И самимъ богатымъ говоритъ: „*вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни. Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ, и стоны жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа. Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія*“ [9]). Предупреждаетъ и св. апостолъ Павелъ богатыхъ отъ опасности сдѣлаться рабами богатства, вмѣсто служенія Богу [10]).

---

[1]) Матѳ., XIX, 23—24. [2]) Мѳ., VI, 21. [3]) Мѳ., VI, 24—25, 33. [4]) 1 Тим., VI, 9. [5]) 1 Тим., VI, 10. [6]) Кол , III, 5. [7]) Лук., VI, 24—25. [8]) II, 6 – 7 [9]) V, 3—5. [10]) 1 Тим., VI, 6—10.

И если такъ, если богатство въ отношеніи къ ближнимъ всегда соединяется съ неправдой, а въ отношеніи Царствія Божія есть бремя, затрудняющее шествованіе въ это Царство путемъ узкимъ, то намъ понятно это отрицательное отношеніе новозавѣтнаго Откровенія къ богатству и понятно также то, что единственный путь сдѣлать богатство свободнымъ отъ этого осудительнаго приговора есть путь раздачи его нуждающимся. Въ такомъ только отношеніи къ богатству найдетъ удовлетвореніе и правда Божія, требующая „вѣрности“ въ „управителѣ“ при распредѣленіи благъ міра; и чувство любви къ ближнимъ, не позволяющее „утѣшаться“ богатствомъ, когда братъ страдаетъ отъ нищеты, и наконецъ, будетъ снято тяжкое бремя съ плечъ „странника“ на пути его къ истинному отечеству.

И дѣйствительно, въ Евангеліи мы находимъ прямые совѣты раздавать свои имѣнія. Богатому юношѣ Христосъ Спаситель опредѣленно указалъ, что для достиженія нравственнаго совершенства необходимо продать все, что юноша имѣлъ, и отдать нищимъ [1]). И общая заповѣдь Христа Спасителя говоритъ: „*продавайте имѣнія ваши и давайте милостыню*“ [2]); „*пріобрѣтайте друзей богатствомъ неправеднымъ*“ [3]). И мы уже видѣли, что на зарѣ христіанства такъ именно вѣрующіе и поступали [4]).

Являлось ли это требованіе раздавать свое богатство „евангельскимъ совѣтомъ“, обязательнымъ лишь для „совершенныхъ“, или же такое отношеніе къ богатству есть норма общехристіанской жизни? Мы ставимъ вопросъ такъ, какъ онъ обычно ставится въ нашихъ богословскихъ системахъ. Отвѣтъ послѣднихъ, въ общемъ, извѣстенъ: это совѣтъ для „совершенныхъ“ или же вообще для отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ совершенству, но отказъ отъ богатства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ общехристіанскаго долга. Но мы думаемъ, что самая постановка вопроса въ корнѣ неправильна. Все Евангельское нравоученіе предлагаетъ рядъ нормъ идеальныхъ, то-есть такихъ, слѣдованіе которымъ ведетъ человѣка къ нравственному совершенству. Дѣло нашей свободы—принять христіанское ученіе или отвергнуть; дѣло нашей совѣсти—исполнять евангельскія заповѣди или же нарушать ихъ. Одного только права мы не имѣемъ: называясь христіанами, измѣнять ученіе Того, Кого зовемъ своимъ Учителемъ. Вѣрно, что заповѣдь раздавать имѣнія свои обращена Господомъ къ желающимъ совершенства; но вѣдь христіанинъ и обязанъ его желать [5]). И развѣ заповѣди о полной негнѣвливости [6]), чистотѣ помысловъ [7]), совер-

---

[1]) Мѳ., XIX, 21—29; Мрк., X, 21—31; Лук., XVIII, 22—30. [2]) Лук., XII, 33. [3]) Лук., XVI, 9. [4]) Дѣян.. II, 44—46, IV, 32—35 [5]) Мѳ., V, 48, Іак., I, 4; Еф., IV, 13; Кол., I, 28; IV, 12; Евр., XI, 40 и др. [6]) Мѳ., V, 22. [7]) Мѳ., 5, 28.

шенной кротости [1]), любви ко врагамъ [2]) и другія,—развѣ эти заповѣди не имѣютъ въ виду совершенства христіанской жизни? Все христіанское ученіе проповѣдуетъ идеалъ высочайшій, святой, совершенный. И если заповѣдь раздавать богатство свое имѣетъ въ виду лишь совершенныхъ или вообще не всѣхъ, то какъ же всѣ могутъ исполнять безусловно уже общую заповѣдь: *„всякому просящему у тебя давай?“* [3]). Исполняйте эту только заповѣдь, имѣющую значенія элементарнаго выраженія братской любви, исполняйте ее, не думая о совершенствѣ, и неминуемо произойдетъ то, что требуется будто бы только отъ совершенныхъ: имѣніе будетъ раздано. *„Если братъ или сестра наги*—учитъ святой апостолъ Іаковъ—*и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы?“* [4]). Едва ли кто-нибудь искренно станетъ отрицать, что единственный способъ сохранить богатство, это именно говорить ближнимъ то, что̀ предвидѣлъ св. Іаковъ, или же и вовсе „замыкать сердце свое отъ вопля бѣдныхъ“.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что заповѣдь раздавать богатство свое есть иное словесное выраженіе той же заповѣди давать просящимъ. Это не идеалъ недосягаемый, а одно изъ условій того христіанскаго совершенства, котораго всѣ мы должны желать и искать, пока считаемъ себя учениками Христовыми. И мы уже говорили, что такое отношеніе къ своей собственности есть необходимое выраженіе любви, какъ общеніе съ любимымъ во всемъ. И до тѣхъ поръ, пока началомъ христіанской нравственной жизни признается любовь, т. е, иными словами, пока Евангеліе будетъ для насъ верховнымъ авторитетомъ, до тѣхъ поръ невозможно будетъ найти основанія для защиты съ христіанской точки зрѣнія права „хранить и умножать“ богатство. Хранить—это значитъ замыкать свое сердце для любви, не слышать молящаго голоса нуждающагося брата или отвѣчать отказомъ на просьбу; умножать—это значитъ собирать себѣ сокровище здѣсь и притомъ неправедное: не только не давать своего, но и брать чужое. Поэтому, между прочимъ, христіанство не можетъ не отнестись отрицательно и ко всякаго рода роскоши; оно не можетъ считать добродѣтелью ту бережливость, которая является путемъ собиранія богатства; оно строго и безпощадно должно осудить корыстолюбіе и любостяжаніе. Всѣ эти мысли нашли опредѣленное раскрытіе и всестороннее обоснованіе въ святоотеческой письменности. Но мы думаемъ, что и помимо этого ясно для каждаго согласіе ихъ съ духомъ Евангелія. Такъ, напримѣръ, роскошь. Мы уже говорили, что Христосъ Спаситель и апостолы жили въ бѣдности.

---

[1]) Мѳ., V, 39. [2]) Мѳ , V, 44. [3]) Лук., VI, 30. [4]) II, 15—16.

Если св. апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ умѣетъ жить и въ скудости и въ изобилiи [1]), то нужно знать, что́ онъ разумѣетъ подъ изобилiемъ *„имѣя пропитание и одежду, будемъ довольны тѣмъ“*—заповѣдуетъ онъ [2]). И по нашему убѣжденiю, можетъ произвести только тяжелое впечатлѣнiе попытка утверждать законность роскоши въ христiанской жизни вообще, а на основанiи жизни Христа Спасителя въ особенности. Эти послѣднiя удивительныя попытки заслуживаютъ того, чтобы о нихъ сказать нѣсколько словъ, особенно потому, что онѣ иногда принадлежатъ серiознымъ ученымъ, труды которыхъ пользуются большимъ уваженiемъ и широкимъ распространенiемъ у насъ въ Россiи. Для примѣра назовемъ два Евангельскихъ повѣствованiя изъ жизни Христа Спасителя, которыя разсматриваются въ качествѣ основанiй для оправданiя и даже утвержденiя законности роскоши въ жизни христiанина. Первый разсказъ о помазанiи мvромъ ногъ Христа Спасителя. Еп. Мартенсенъ [3]) и проф. Пибоди [4]) видятъ въ этомъ разсказѣ доказательство „нравственнаго права роскоши“ въ жизни христiанина. Извѣстна эта трогательная и глубокопоучительная исторiя: здѣсь, дѣйствительно, на лицо противопоставленiе милостыни и другого добраго дѣла [5]). Но какого? Очевидно, предполагается, роскоши, если этимъ фактомъ стремятся оправдать законность избытка въ жизни христiанина. Не будемъ говорить, какъ не подходитъ къ образу Христа Спасителя такая мысль о Его любви къ умащиванiю. Приведемъ Его подлинныя слова: *„возливши миро сiе на Тѣло Мое, она приготовила Меня къ погребенiю“* Гробъ и роскошь! Любящее снисхожденiе къ доброму порыву сердца, вопреки лицемѣрной заботѣ о нищихъ [6]) и законность для христiанина роскоши, законность „носить на себѣ цѣлыя состоянiя сиротъ“, говоря образомъ ст. Златоуста [7]).

Еще удивительнѣе защита роскоши въ христiанской жизни на основанiи того, что Iисусъ Христосъ имѣлъ хитонъ *„не сшитый, а тканый весь сверху“* [8]). Торжественно указывается, что Христосъ Спаситель имѣлъ дорогую одежду, говорится о законности роскоши и въ жизни Его учениковъ и даже о долгѣ одѣваться богато для лицъ высокопоставленныхъ [9]). Спросимъ сначала, говоритъ ли что-нибудь о роскоши этотъ фактъ, даже если допустить, вопреки святоотеческому пониманiю, что хитонъ, дѣйствительно, имѣлъ значительную цѣнность? Вѣдь возможно, что здѣсь также мы встрѣчаемся съ дѣломъ любви, не отвергнутой милосердымъ Господомъ. Не сшитый,

---

[1]) Фил., IV, 12. [2]) 1 Тим., VI, 8. [3]) „Христiанское ученiе о нравственности“, т. 2, стр. 373. [4]) „Iисусъ Христосъ и соцiальный вопросъ“, стр. 186. [5]) Мѳ., XXVI, 8—12. [6]) Iоан., XII, 6. [7]) Бес. на псал. 150, т. 5, стр. 576—577 [8]) Iоан., XIX, 23. [9]) Напр., Мартенсенъ, т. 2, стр. 373 и 374

а сотканный хитонъ есть во всякомъ случаѣ не та роскошь, которая зиждется на обѣдѣ сиротъ, а результатъ труда любящихъ рукъ. Такимъ образомъ насъ не можетъ смутить и хорошая одежда на Христѣ Но еще очень большой вопросъ, была ли дѣйствительно богатая одежда этотъ хитонъ. Весь міръ христіанскій признаетъ въ лицѣ св. Іоанна Златоустаго великаго знатока св. писанія и его истолкователя. И вотъ что говоритъ этотъ св. отецъ о хитонѣ Христовомъ: „такъ какъ въ Палестинѣ ткутъ одежды, сложивъ вмѣстѣ два куска матеріи, то Іоаннъ, чтобы показать, что таковъ именно былъ хитонъ, говоритъ: „свыше истканъ". А говоритъ онъ объ этомъ, мнѣ кажется, для того, чтобы указать на бѣдность одеждъ и на то, что Христосъ, какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ одеждѣ наблюдалъ простоту[1]). Итакъ, исчезаетъ даже призракъ роскоши. По взгляду св. Іоанна, тотъ самый хитонъ, который даетъ богословамъ право отъ лица Христова разрѣшать христіанамъ роскошь говоритъ какъ разъ объ обратномъ—о любви Христа Спасителя къ простотѣ! Думаемъ, что сказанное нами о хитонѣ Христовомъ даетъ намъ право на такое заключеніе: этотъ хитонъ ни мало не говоритъ въ защиту роскоши въ христіанской жизни Это важно было и отмѣчено евангелистомъ потому, что въ этомъ фактѣ (т. е что хитонъ оказался не сшитымъ) исполнилось пророчество относительно дѣленія одеждъ Христа[2]). И ниже мы увидимъ, какъ горячо и негодующе говорятъ св. отецы о всякомъ видѣ роскоши.

Далѣе, мы сказали, что христіанство даетъ новое освѣщеніе бережливости, какъ добродѣтели. Эта добродѣтель также красуется въ языческомъ освѣщеніи на столбцахъ нашихъ богословскихъ системъ. Но, думается, нѣтъ и нужды доказывать, что бережливость, какъ путь собиранія и умноженія богатства, какъ способность дрожать надъ тѣмъ, что тлѣетъ и ржавѣетъ, какъ умѣнье сдѣлать свое сердце глухимъ къ голосу совѣсти, что такая бережливость есть тяжкое преступленіе завѣта Христова, а не добродѣтель. Знаетъ и христіанство бережливость и цѣнитъ её, какъ добродѣтель. Но бережливость эта другого порядка: отказъ себѣ даже въ необходимомъ, чтобы имѣть возможность помочь ближнему. „*Кто крадъ*—пишетъ апостолъ Ефесянамъ—*впередь не кради, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся*"[3]). Вотъ куда, а не въ ящикъ подъ замкомъ, направляются христіанскія сбереженія, и вотъ истинная природа бережливости, какъ добродѣтели.

О томъ, что христіанству глубоко противны сребролюбіе и корыстолюбіе, излишне говорить подробно. Даже наше бого-

---

[1]) Бесѣда LXXXV на Ев Іоанна, т. 8, стр. 874—875. [2]) Іоан., XIX, 24. [3]) Еф, IV, 28.

словіе, разрѣшающее христіанину отдавать деньги на проценты, все же не беретъ сребролюбія подъ прямую защиту Говоримъ: подъ прямую, потому что косвенная защита само собою предполагается, когда христіанину разрѣшается „хранить и умножать“ богатство. Надо поистинѣ больше любить серебро, чѣмъ души человѣческія, чтобы собирать и охранять первое и не пожалѣть вторыя. Въ новозавѣтномъ же Откровеніи всюду сурово осуждается любостяжаніе и сребролюбіе [1]). Апостолъ Павелъ съ силою говоритъ, что сребролюбіе есть *корень всѣхъ золъ* [2]), а любостяжатель есть тотъ же идолопоклонникъ [3]), и говоритъ это, конечно, въ совершенномъ согласіи съ ученіемъ Господа [4]).

Теперь намъ нужно охарактеризовать отношеніе христіанства къ бѣдности по даннымъ новозавѣтнаго Откровенія. Это мы можемъ сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ послѣ того, какъ уяснили христіанскій взглядъ на богатство. Уже то, что было сказано по вопросу о богатствѣ, говоритъ съ несомнѣнностію, что христіанство должно было отнестись къ бѣдности иначе, чѣмъ ветхозавѣтное нравоученіе, и видѣть въ ней не зло, но условное добро, именно какъ благопріятное условіе для вступленія въ Царство Божіе. Мы видѣли двѣ стороны въ богатствѣ, которыя отмѣчены новозавѣтнымъ Откровеніемъ, какъ отрицательныя. Это—неправедность богатства и то его свойство, что оно затрудняетъ свободное слѣдованіе за Христомъ. Оба эти отрицательныя свойства чужды бѣдности. Въ ней нѣтъ „неправды“ въ отношеніи имущественнаго благосостоянія ближнихъ, и она не является тѣмъ бременемъ, тѣмъ мнимымъ „сокровищемъ“, которое могло бы отвлекать сердце человѣка отъ служенія Богу. Это именно и дѣлаетъ бѣдность наиболѣе способной къ воспріятію Евангельскаго ученія, проповѣдующаго любовь къ ближнимъ и совершенное самоотреченіе. И если мы видѣли опредѣленно отрицательное отношеніе новозавѣтнаго Откровенія къ богатству, то видимъ такое же опредѣленно положительное отношеніе къ бѣдности. „*Блаженны нищіе*—читаемъ мы въ Евангеліи отъ Луки [5]),—*ибо ваше есть Царствіе Божіе Блаженны алчущіе нынѣ, ибо насытитесь*“. Точно также безспорно, что и образъ „нищихъ духомъ“ въ заповѣдяхъ блаженства, какъ онѣ переданы св. евангелистомъ Матѳеемъ, заимствованъ отъ нищихъ въ собственномъ смыслѣ

---

[1]) Напр., Мѳ., VI, 19—34; XXIII, 15; Лук., XII, 15; Іак., V, 1—5 и мн. др. [2]) 1 Тим., VI, 10. [3]) Еф., V, 5. [4]) Мѳ., VI, 24—34 [5]) Лук., VI, 20—21. Въ нашемъ славянскомъ и русскомъ переводахъ прибавлено къ слову: „нищіе“ слово: духомъ, соотвѣтственно передачѣ заповѣди блаженства у св. ев. Матѳея. Но въ греческомъ подлинникѣ стоитъ: μακάριοι οἱ πτωχοί, ὅτι ὑμετέρα ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ,—т. е. безъ прибавленія слова „духомъ“. Такая прибавка не отвѣчаетъ и контексту рѣчи, такъ какъ далѣе говорится о богатыхъ. „напротивъ, горе вамъ, богатые!“ ст. 24.

слова, только этому образу усвоенъ духовный, высшій смыслъ [1]). И апостолъ свидѣтельствуетъ, что именно „*бѣдныхъ міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками Царствія, которое Онъ обѣщалъ любящимъ Его*“ [2]). Это самое утверждаетъ и св. апостолъ Павелъ съ фактической стороны, когда говоритъ, что среди христіанъ его времени было „*не много мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ*“ [3]). А объ апосталахъ св. Павелъ прямо говоритъ: „*мы нищи, но многихъ обогащаемъ; мы ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ*“ [4]). Не считаемъ нужнымъ даже приводить полностію тѣ многочисленныя мѣста новозавѣтнаго Откровенія, которыя со всею силою и опредѣленностію говорятъ объ исключительной милосердой любви Христа Спасителя къ нищимъ [5]) и о той трогательной заботѣ, какую имѣли о бѣдныхъ св. апостолы и первые христіане вообще [6]). Все это совершенно несомнѣнно и хорошо извѣстно каждому, знакомому съ Евангельской исторіей и съ исторіей первенствующей Церкви. Мы считаемъ нужнымъ поставить лишь одинъ центральный вопросъ о томъ, что разумѣетъ Евангеліе подъ бѣдностію, какъ условіемъ истинно христіанской жизни.

Мы видѣли, что Евангеліе ублажаетъ „нищихъ“, но думаемъ, что здѣсь взятъ предѣлъ страданія въ извѣстномъ направленіи, но что та „бѣдность“, которую восхваляетъ Евангеліе и которая является нормой христіанской жизни, это есть не нищета непремѣнно въ собственномъ смыслѣ слова, но, какъ противоположность богатству, отсутствіе его или отказъ отъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе заботы о завтрашнемъ днѣ. Нигдѣ, конечно, Евангеліе не говоритъ, что человѣкъ призванъ голодать или зябнуть отъ холода. Напротивъ, призывъ Евангельской любви требуетъ, чтобы не было этого, чтобы не было нищихъ, лишенныхъ хлѣба и крова. Христіанская бѣдность это не нищета въ собственномъ смыслѣ слова, но прежде всего путь къ искорененію нищеты въ человѣческомъ обществѣ. „*Трудящійся достоинъ пропитанія*“ [7])—таковъ законъ христіанской жизни. И естественный порядокъ въ Церкви тотъ, чтобы не было ни богатыхъ, ни нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова, но чтобы была „равномѣрность“, какъ пишетъ, напримѣръ, апостолъ Павелъ церкви Коринѳской· „*нынѣ вашъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была равномѣрность, какъ написано: кто собралъ много, не имѣлъ лишняго; а кто—мало, не имѣлъ недо-*

---

[1]) Мѳ V, 3. „Нищіе духомъ“ здѣсь переданы. „οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι“, т. е. также образъ заимствованъ отъ нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова. [2]) Іак., II, 5. [3]) 1 Кор., I, 26 [4]) 2 Кор , VI, 10. [5]) Лук., IV, 18; Мѳ, XIX, 21; Лук., XVIII, 22; XIV, 13, 21 и др. [6]) Іак., II, 2—6; Гал., II, 10, Дѣян., VI, 34 и др. [7]) Мѳ., X, 10.

спатка [1]). Нищета предъ лицомъ христіанской любви такъ же ненормальна, какъ и богатство. Могутъ быть обстоятельства, когда трудящійся живетъ пожертвованіями другихъ, каковъ былъ подвигъ самаго Христа Спасителя [2]) и Его учениковъ во время ихъ первой проповѣди [3]). Могутъ быть стѣсненныя обстоятельства жизни не только у отдѣльныхъ лицъ, но и у цѣлой церкви помѣстной, какъ это было съ церковію Іерусалимской во дни св. апостала Павла [4]), когда къ помощи ей призывались другія церкви. Но это лишь состоянія временныя, и здѣсь мѣсто милостынѣ. Общая же норма та, чтобы каждый трудился, *„дѣлая своими руками“* и отдавалъ избытокъ нуждающимся. Таково и было идеальное устройство жизни первенствующей церкви: *„не было между ними никого нуждающагося* [5]).

Такимъ образомъ мы думаемъ, что нормальное христіанское общежитіе не можетъ и не должно знать нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова [6]), и евангельскую бѣдность мы должны понимать именно и прежде всего въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ богатству и довольство необходимымъ, при отсутствіи заботы о завтрашнемъ днѣ, хотя, конечно, вполнѣ понятна забота Евангелія и христіанской Церкви о нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова, какъ страдающихъ отъ недостатка братской любви и потому прежде всего ея требующихъ.

Переходя послѣ изложенія Откровеннаго ученія о богатствѣ и бѣдности къ ученію по этимъ вопросамъ святыхъ учителей древней Церкви, мы безъ тѣни колебанія можемъ констатировать, прежде всего, совершенное согласіе святоотеческаго ученія съ основами Евангельскихъ воззрѣній. Мѣнялись внѣшнія условія церковной жизни; ослабѣвала первая любовь, и на видное мѣсто выдвигались эгоистическія стремленія; языческій міръ, принявшій христіанство, но не усвоившій его чистую душу, дѣлалъ незамѣтныя, но страшныя усилія, „омірщить“ небесную религію, низвести абсолютный

---

[1]) 2 Кор., VIII, 12—15. [2]) Лук., VIII, 13. [3]) Мѳ., X, 9—10 [4]) Напр , 1 Кор., XII, 1—3. [5]) Дѣян., IV, 34 [6]) Если Христосъ Спаситель говоритъ. „нищихъ всегда имѣете съ собою“ (Мѳ., XXVI, 11; Мрк., XIV, 7, Іоан. XII, 8), то, разумѣется, не узаконяетъ этими словами нищенства въ своемъ Царствѣ на землѣ, но ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду тотъ порядокъ, какой былъ на землѣ во дни Его жизни и, естественно, не могъ не продолжаться и при жизни Его слушателей. Вполнѣ несомнѣнно, конечно, что Сердцевѣдецъ зналъ, что и съ распространеніемъ Его Царства на землѣ нищета не исчезнетъ, такъ какъ даже къ концу временъ по причинѣ умноженія беззаконій вовсе охладѣетъ любовь (Мѳ , XXIV, 12). Но во всякомъ случаѣ видѣть въ этихъ словахъ Господа оправданіе дѣленія людей даже въ Церкви на богатыхъ и бѣдныхъ, какъ очень часто дѣлаютъ наши богословы-апологеты неправды нашей христіанской жизни—нѣтъ никакихъ основаній. Сравн. Толкованіе этихъ слов. св. Іоанномъ Златоустомъ, бесѣда L на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 523.

идеалъ нравственнаго совершенства на уровень гражданскаго права и житейскихъ обычаевъ, и такія усилія имѣли большой, грозный успѣхъ... Но среди всѣхъ испытаній, какъ во время гоненій на Церковь, такъ и во время еще большихъ соблазновъ ея видимаго „торжества“, святые отцы непоколебимо стояли на стражѣ чистаго небеснаго ученія, и ихъ вѣрность Христу Спасителю была вѣрностію до конца. Такъ было вообще въ отношеніи Евангельскаго ученія, такъ было и въ частности въ отношеніи вопроса о богатствѣ и бѣдности. И мы даже можемъ здѣсь же отмѣтить одну интересную черту въ святоотеческомъ ученіи по этому вопросу, черту, всецѣло объяснявшуюся вѣрностію святыхъ отцовъ основамъ ученія своего Учителя. Пока жила первая любовь, пока богатые и бѣдные составляли дѣйствительно братскую общину, до тѣхъ поръ увѣщанія святыхъ руководителей церковной жизни дышатъ кротостію и спокойствіемъ. Они говорятъ о суетности богатства и преимуществахъ бѣдности въ христіанской жизни; призываютъ дѣлиться своимъ достаткомъ съ другими, не заботиться о завтрашнемъ днѣ и т. д., но говорятъ все это безъ гнѣва и раздраженія, безъ призыванія небеснаго грома на богатыхъ. Но тонъ святоотеческихъ наученій рѣзко мѣняется тогда именно, когда Церковь явилась уже большимъ, внѣшне организованнымъ, обществомъ, когда христіанство въ значительной части вѣрующихъ являлось религіей наслѣдственной, какъ, напримѣръ, въ половинѣ третьяго вѣка, и особенно, когда въ Церковь хлынули, вслѣдъ за равноапостольнымъ императоромъ, знатные міра, богатые и сильные властью. Въ это время въ святоотеческихъ поученіяхъ мы встрѣчаемся уже не со спокойными разсужденіями и добрыми отеческими увѣщаніями, но рѣчь святыхъ отцовъ нерѣдко дышетъ огненной ревностію о попираемой правдѣ, горячимъ гнѣвомъ въ отношеніи богатыхъ, замыкающихъ сердце свое отъ вопля бѣдноты, и трогательною ласковостію и заботливой думой въ отношеніи всѣхъ нищихъ и обездоленныхъ въ этомъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, если до половины третьяго вѣка мы не видимъ рѣзко отрицательнаго отношенія къ богатству и даже имѣемъ интересный, хотя и одиноко стоящій памятникъ въ видѣ сочиненія Климента Александрійскаго „Кто изъ богатыхъ спасался“, говорящій о томъ, что не всегда богатство закрываетъ путь въ Царство Божіе,—то, начиная съ писаній св. Кипріана Карѳагенскаго, мы слышимъ непримиримыя рѣчи въ отношеніи богатства. Опытъ церковной жизни, видимо, убѣдилъ ея руководителей, что справедливая сама по себѣ мысль о первенствующемъ значеніи отрѣшенія сердца отъ привязанности къ богатству, сравнительно съ внѣшнимъ отказомъ отъ него (утвержденіе Климента),—что такая мысль является мечтательной теоріей. И св. отцы уже съ силою оттѣняютъ, что дѣло

христіанскаго спасенія требуетъ вырывать зло съ корнемъ, устранять изъ своей жизни самый соблазнъ прилѣпляться душою къ богатству, что было возможно лишь при совершенной нестяжательности и раздачѣ своего имущества. Такъ поступали и сами св. отцы, къ этому же призывали они и всѣхъ, желавшихъ быть вѣрными своему Учителю. Конечно, отмѣченная нами разница въ характерѣ наставленій учителей Церкви разныхъ эпохъ ея жизни имѣетъ относительное значеніе и касается болѣе характера выраженія мыслей, чѣмъ различія послѣднихъ, какъ ясно увидимъ далѣе. Но всѐ же считаемъ не лишнимъ отмѣтить это различіе, чтобы болѣе понятною сдѣлать различную постановку вопроса объ отношеніи къ богатству въ первые дни христіанства и нѣсколько позднѣе, когда жизнь Церкви пришла въ болѣе широкое столкновеніе съ жизнію міра.

Если мы начнемъ обзоръ святоотеческаго ученія по вопросу объ отношеніи христіанина къ богатству и бѣдности съ писаній мужей апостольскихъ, то въ этихъ писаніяхъ встрѣтимъ взгляды, согласные съ высказанными въ апостольскихъ писаніяхъ, согласные иногда и по словесному выраженію. Такъ, въ посланіи св. Поликарпа мы находимъ предостереженіе противъ сребролюбія, при чемъ св. Поликарпъ повторяетъ слова апостола Павла: „Начало всѣхъ бѣдъ—пишетъ святитель—есть сребролюбіе. Итакъ, зная, что мы ничего не принесли въ міръ и ничего не вынесемъ изъ него, вооружимся орудіемъ правды... Умоляю васъ, берегитесь любостяжанія.. Кто предается любостяжанію, тотъ оскверняется идолослуженіемъ и достоинъ считаться въ ряду язычниковъ [1]). Бѣдныхъ же св. отецъ называетъ, согласно съ ученіемъ Господа, блаженными [2]). Самый обычный призывъ мужей апостольскихъ къ богатымъ есть призывъ дѣлиться своимъ имуществомъ съ бѣдными. „Богатый—пишетъ, напримѣръ, св. Климентъ Римскій—подавай бѣдному, а бѣдный благодари Бога, что Онъ даровалъ ему чрезъ кого можетъ быть восполнена его скудость“ [3]). Какъ мы видѣли, св. ап. Варнава указывалъ норму христіанскихъ отношеній въ общеніи имуществъ [4]). А въ „Пастырѣ“ Ерма встрѣчаемъ уже довольно подробное изложеніе взгляда его на богатство. Послѣднее, по воззрѣніямъ Ерма, есть препятствіе на пути ко спасенію. Въ „третьемъ видѣніи“, гдѣ разсказывается о строеніи башни (Церкви) называются, между прочимъ, „круглые и бѣлые“ камни, которые не могли войти въ зданіе башни. „Это тѣ, которые имѣютъ вѣру, но имѣютъ и богатство вѣка сего; и когда придетъ гоненіе,

---

[1]) Гл. 4 и 11 посланія къ Филиппійцамъ. Русскій перев. прот. П. Преображенскаго, стр. 443 и 448. [2]) Гл. 2, стр. 443. [3]) 1 посланіе къ Коринѳянамъ, гл. XXXVIII, стр. 139 рус. перевода. [4]) „Посланіе“, гл. 19, стр. 73 рус. перевода.

то ради богатствъ своихъ и попеченій отрицаются Господа... Когда обсѣчены будутъ богатства ихъ, которыя ихъ утѣшаютъ, тогда они будутъ полезны Господу для зданія. Ибо какъ круглый камень, если не будетъ обсѣченъ и не откинетъ отъ себя кое-чего, не можетъ быть квадратнымъ; такъ и богатые въ нынѣшнемъ вѣкѣ, если не будутъ обсѣчены ихъ богатства, не могутъ быть угодными Господу.. Вы, которые превосходите другихъ богатствомъ, отыскивайте алчущихъ, пока еще не окончена башня... Смотрите вы, гордящіеся своими богатствами, чтобы не возстенали терпящіе нужду, и стонъ ихъ взойдетъ ко Господу, и исключены будете со своими сокровищами за двери башни" [1]). Ермъ опредѣленно указываетъ на то, что забота о здѣшнемъ богатствѣ несовмѣстима съ думой о горнемъ отечествѣ, и, поэтому, возставалъ, какъ мы видѣли [2]) противъ пріобрѣтенія земными „странниками" какой-либо недвижимой собственности. Признавалъ Ермъ богатство несовмѣстимымъ и съ началомъ братской любви вѣрующихъ и, поэтому, рѣшительно возставалъ противъ роскоши и настаивалъ на долгѣ каждаго довольствоваться необходимымъ. „Нѣкоторые—по его словамъ—отъ многихъ яствъ причиняютъ слабость своей плоти и истощаютъ плоть свою. А у другихъ, неимѣющихъ пропитанія, тоже истощается плоть отъ того, что не имѣютъ достаточной пищи, и гибнутъ тѣла ихъ. Такое невоздержаніе вредно для васъ, которые имѣете и не дѣлитесь съ нуждающимися. Подумайте о грядущемъ судѣ" [3]). „Злая похоть состоитъ въ томъ..., чтобы желать великаго богатства, множества роскошныхъ яствъ и питій и другихъ наслажденій: ибо всякое наслажденіе безсмысленно и суетно для рабовъ Божіихъ. Таковы пожеланія злыя, умерщвляющія рабовъ Божіихъ" [4]). Вѣрующіе, подобно странникамъ на чужой сторонѣ, не должны „приготовлять себѣ ничего, какъ сколько необходимо для жизни". Они не должны „желать богатства язычниковъ, ибо не свойственны они рабамъ Божіимъ", но „богатство и всѣ состоянія свои употребляетъ на такого рода дѣла, на которыя и получили ихъ отъ Господа" [5]). И при такомъ отношеніи къ богатству, и богатые и бѣдные въ Церкви будутъ взаимно служить другъ другу: богатый помогать неимущему, а послѣдній молиться за помогающаго ему. Въ этомъ случаѣ Ермъ сравниваетъ отношенія богатаго и бѣднаго съ отношеніемъ вяза и виноградной лозы. Первый безплоденъ, но виноградная лоза, опираясь на него, приноситъ больше плода, какъ бы и за себя и за вязъ. Такъ и бѣдные въ своихъ молитвахъ за богатыхъ помогаютъ ихъ духовной бѣдности, а

---

[1]) „Видѣніе III", гл. 6 и 9, стр. 240—241, 244 рус. перев. [2]) Стр. 28 настоящаго сочиненія. [3]) „Видѣніе III", гл. 9, стр 244. [4]) „Заповѣдь 12", гл. 2, стр. 277. [5]) „Подобіе I", стр. 282—283.

богатые въ свою очередь, помогая бѣднымъ, „ободряютъ ихъ души“ [1]). Общій взглядъ на богатство Ерма, какъ видимъ, нетрудно формулировать: „такимъ людямъ (богатымъ) трудно войти въ Царство Божіе“, говоря словами „Пастыря“ [2]); „Богатые съ трудомъ вступаютъ въ общеніе съ рабами Божіими... Какъ разутыми ногами трудно ходить по колючимъ растеніямъ, такъ и людямъ этого рода трудно войти въ Царство Божіе Но и имъ есть покаяніе... Покаявшись и дѣлая добрыя дѣла, они будутъ потомъ съ Богомъ“ [3]).

Въ христіанскихъ апологіяхъ мы встрѣчаемъ сравнительно съ послѣдующею церковною письменностію немного разсужденій на тему о богатствѣ и бѣдности. Эти творенія имѣли свое опредѣленное назначеніе и лишь мимоходомъ касались частныхъ вопросовъ христіанскаго нравоученія, въ томъ числѣ и вопросовъ о богатствѣ и бѣдности Мы видѣли уже подобное, какъ бы случайное, замѣчаніе въ апологіяхъ св. Іустина Философа, гдѣ онъ утверждаетъ, что среди христіанъ его времени не было рѣзкой грани между богатыми и бѣдными, но существовало общеніе имуществъ. Подобныя же цѣнныя указанія по интересующему насъ вопросу мы встрѣчаемъ въ апологіяхъ Татіана и Минуція Феликса. Первый говоритъ въ своей апологіи о преимуществахъ бѣдности предъ богатствомъ съ этической точки зрѣнія и о безразличіи ихъ передъ лицомъ смерти. „Я вижу—пишетъ Татіанъ—, что одно и тоже солнце для всѣхъ, что одна смерть постигаетъ всѣхъ, живетъ ли кто въ удовольствіи или въ бѣдности... Богачи умираютъ, такой же исходъ жизни имѣютъ и нищіе. Богатые нуждаются въ очень многомъ, хотя пользуются довѣренностію и честью; а бѣдный и умѣренный легче достигаетъ того, чего онъ желаетъ для себя. Что за судьба такая, что ты не спишь ночей ради сребролюбія?... Умри для міра, отвергнувъ его безуміе; живи же для Бога“ [4]).

Минуцій Феликсъ говоритъ въ своемъ „Октавіи“ о томъ, что христіанъ считали бѣдняками и ставили имъ это въ упрекъ. „Мы—говоритъ онъ о христіанахъ—по большей части слывемъ бѣдными; это не порокъ для насъ, а слава, потому что душа какъ разслабляется отъ роскоши, такъ укрѣпляется отъ умѣренности. Да и какъ можетъ быть бѣденъ тотъ, кто не имѣетъ недостатка, не жаждетъ чужого, кто богатъ въ Богѣ? Скорѣе бѣденъ тотъ, кто имѣя многое, домогается еще большаго. Я скажу, какъ думаю: никто не можетъ быть такъ бѣденъ, какъ онъ родился... Мы владѣемъ всѣмъ, коль скоро ничего не желаемъ. Какъ путешественнику тѣмъ удобнѣе итти, чѣмъ меньше онъ имѣетъ съ собою груза, такъ точно на этомъ

---

[1]) „Подобіе II“, стр. 284. [2]) „Подобіе IX“, гл. 20, стр. 334. [3]) Тамъ же. [4]) „Рѣчь противъ Эллиновъ“, гл. 11, атр 20 рус. перев. прот. Преображенскаго.

жизненномъ пути блаженнѣе человѣкъ, который облегчаетъ себя посредствомъ бѣдности и не задыхается отъ тяжести богатства... Мы лучше хотимъ презирать богатство, нежели владѣть имъ... болѣе стараемся быть добрыми, чѣмъ расточительными... Но можетъ быть васъ обольщаетъ то, что, и не зная Бога, многіе изобилуютъ богатствомъ, пользуются почестями, обладаютъ могуществомъ? Несчастные! Они возвышаются для того, чтобы глубже пасть... Царь ли ты? самъ столько же боишься, сколько тебя бояться... Богатъ ли ты? опасно полагаться на фортуну; большіе запасы для краткаго пути жизни составляютъ не подспорье, но тяжелое бремя“ [1]).

Въ вѣкъ христіанскихъ же апологетовъ мы встрѣчаемъ и болѣе подробное раскрытіе христіанскаго взгляда на богатство и бѣдность въ сочиненіяхъ Тертулліана и Климента Александрійскаго.

Тертулліанъ высказалъ свой взглядъ на богатство и бѣдность главнымъ образомъ въ своемъ трактатѣ „о терпѣніи“. Мы уже приводили выдержки изъ этого сочиненія, характеризующія взглядъ Тертулліана на отношеніе христіанина къ своему праву собственности. Въ полномъ согласіи съ этимъ смотритъ Тертулліанъ и на христіанское отношеніе къ богатству. „Господь—говоритъ Тертулліанъ—тысячекратно повелѣваетъ тебѣ презирать міръ или, лучше сказать, поучаетъ тебя, какъ презирать временныя блага, потому что нигдѣ самъ онъ не оказываетъ къ нимъ ни малѣйшаго уваженія. Повсюду оправдываетъ онъ бѣдныхъ, повсюду осуждаетъ богатство.:. Надобно намъ отвлекать сердце свое отъ привязанности къ богатству... ни во что ставить потерю онаго. Мы обязаны спокойно смотрѣть, когда кто лишаетъ насъ части или даже и всего имущества, какъ такой вещи, которую запрещено намъ любить. Духъ Святый объявилъ намъ устами апостола, что сребролюбіе есть корень всѣхъ золъ. Но мы не должны полагать, чтобы сребролюбіе состояло только въ желаніи овладѣть благами ближняго нашего. Нѣтъ! Даже и то, что мы считаемъ своимъ, не есть наше... все принадлежитъ Богу... Итакъ, когда случится намъ что потерять, и мы переносимъ то съ нетерпѣніемъ, то чрезъ сіе показываемъ, что мы несвободны еще отъ сребролюбія, потому что жалѣемъ о томъ, что намъ не принадлежитъ... Изъ любви къ временнымъ вещамъ онъ угнетаетъ душу свою, сотворенную единственно для благъ небесныхъ... Кто не жалѣетъ терять, тотъ не жалѣетъ и давать. Какъ хотите вы, чтобы человѣкъ, имѣющій двѣ ризы, отдалъ одну изъ нихъ бѣдному, когда онъ не расположенъ уступить срачицы тому, кто отнялъ у него ризу? [2]). Какъ можемъ мы пріобрѣсть друзей своими богатствами, когда сердце наше такъ къ нимъ при-

---

[1]) Гл. XXXVI и XXXVII, стр. 267—269. [2]) Лук., VI, 29.

вязано, что потеря ихъ дѣлаетъ насъ неутѣшными? Мы столько несчастны, что въ состояніи погибнуть вмѣстѣ съ ихъ лишеніемъ.. Что касается насъ, христіанъ, то мы .. должны жертвовать не душею деньгамъ, но деньгами душѣ, охотно давая и теряя безропотно“ [1]).

Въ бѣдности Тертулліанъ видѣлъ состояніе, особенно благопріятное для вступленія въ Божіе Царство. „Въ нашей Церкви—свидѣтельствуетъ онъ—не много богатыхъ... Если Царство Божіе не принадлежитъ богатымъ, то бѣдные неминуемо должны имѣть его своимъ удѣломъ“ [2]). Вообще христіане времени Тертулліана, по словамъ послѣдняго, обращались съ бѣдными, „какъ съ такими людьми, на которыхъ Божество обращаетъ взоры свои съ наибольшимъ благоволеніемъ [3]).

Клименту Александрійскому принадлежитъ цѣлое сочиненіе, посвященное вопросу объ отношеніи богатства къ дѣлу христіанскаго спасенія. Это—извѣстное его разсужденіе. „кто изъ богатыхъ спасется“, то разсужденіе, на которое у насъ обращаютъ особенно благосклонные взоры... Дѣйствительно, это оригинальное произведеніе, стоящее особнякомъ среди всѣхъ твореній древнихъ церковныхъ писателей, относящихся къ вопросу о богатствѣ и бѣдности. Слѣдуя крайнему аллегорическому методу въ истолкованіи священнаго писанія, Климентъ стремится доказать въ этомъ разсужденіи, что совѣтъ Христа Спасителя богатому юношѣ пойти продать все свое имѣніе и раздать нищимъ имѣлъ не буквальный смыслъ, а иносказательный, и касался не богатства его въ собственномъ смыслѣ слова, но страстей душевныхъ. Толкованіе это, конечно, ошибочно по существу, такъ какъ оно совершенно расходится со всѣми данными Евангельскаго повѣствованія. Насколько неосновательнъ былъ аллегоризмъ Климента въ толкованіи даннаго мѣста, видно уже изъ того одного, что это толкованіе не удержалось даже въ Александрійской школѣ дольше самаго Климента, такъ что уже Оригенъ толковалъ это мѣсто Евангелія въ буквальномъ смыслѣ. Но если оставить въ сторонѣ эту ошибочность толкованія Климентомъ Евангельскаго текста, повлекшую за собою и рядъ дальнѣйшихъ ошибочныхъ доказательствъ, то въ названномъ сочиненіи Климента мы находимъ очень много цѣнныхъ данныхъ для выясненія собственно христіанскаго взгляда на богатство. Общій ходъ разсужденій въ этомъ интересномъ памятникѣ древней письменности по вопросу объ отношеніи къ богатству можно передать въ такомъ видѣ.

Климентъ думаетъ, что совѣтъ Господа богатому юношѣ имѣлъ въ виду не раздачу имущества, но указывалъ на долгъ „выкинуть“

---

[1]) Гл. 7, т. 2, стр. 63—65 рус. пер. Карнеева. [2]) „Посланіе къ женѣ“, т. 2, стр. 222 - 223 рус. перевода. [3]) „Апологія“, гл. 39, стр 82—83, т. I, рус. перев.

изъ души ложныя мнѣнія о богатствѣ своемъ. Почему именно такъ думаетъ Климентъ? „Потому—отвѣчаетъ онъ—, что вовсе не представляетъ собою чего-либо великаго и достойнаго подражанія въ чемъ-нибудь недостатокъ имѣть безъ отношенія къ (вѣчной) жизни. Если бы это было такъ, то вовсе ничего не имѣющіе, но, ходя обнаженными, выпрашивающіе, что необходимо на день, по дорогамъ располагающіеся нищіе, Бога же и праведности Божіей не знающіе, единственно изъ-за этой крайней нищеты своей, изъ-за этой безпомощности жизни, изъ-за этого неимѣнія вещей ничтожнѣйшихъ должны были бы быть считаемы за людей счастливѣйшихъ и богоугоднѣйшихъ и за наслѣдниковъ жизни вѣчной. И это не новое что-либо отъ богатства отрекаться и оное нищимъ или бѣднымъ раздавать; многіе это дѣлали и до пришествія Спасителя... Итакъ, что же это за новое повелѣніе даетъ Спаситель?... Онъ заповѣдуетъ большее, божественнѣйшее и совершеннѣйшее, а именно самую душу и ея образъ мыслей и расположеній обнажать отъ того, что страстями порождается и съ корнемъ инородное изъ сердца вырывать и выбрасывать.. Отрекшійся отъ своего богатства, тѣмъ не менѣе, могъ бы твердо удерживать въ себѣ жажду и стремленіе къ нему и жить съ ними. Онъ разстался бы со своимъ имѣніемъ; но, терпя недостатки и желая розданное возвратить, онъ могъ бы вдвойнѣ опечаленнымъ оставаться... Поистинѣ, богатство и собственность существуютъ и подчинены намъ нѣкоторымъ образомъ такъ же, какъ матеріалъ и орудіе, знающему доброе употребленіе ихъ... Богатство есть орудіе. Ты можешь правымъ образомъ имъ пользоваться: тогда оно служитъ къ твоему оправданію; если же кто не умѣетъ пользоваться имъ такъ, какъ слѣдуетъ, тогда оно становится орудіемъ неправедности... Оттого отрѣшаться должно не столько отъ богатства, сколько душу отъ страстей освобождать... Повелѣвающій отказываться отъ имѣній, врядъ-ли отъ того повелѣваетъ отказываться, по отреченіи отъ чего страсти еще остаются... Только душа чистая отъ страстей, т. е. бѣдная и обнаженная, можетъ и при богатствѣ прислушиваться къ слову Спасителя: приходи и слѣдуй за Мною... И бѣдность достойна прославленія, конечно, духовная... Нищій въ духѣ есть въ собственномъ смыслѣ бѣднякъ; бѣдный же съ точки зрѣнія міра не есть въ собственномъ смыслѣ бѣднякъ“... Установивши такимъ образомъ „высшій“ смыслъ совѣта Господа, Климентъ подробно говоритъ о томъ, какъ должно съ христіанской точки зрѣнія относиться къ богатству, чтобы оно не служило препятствіемъ ко спасенію. „Возможно—утверждаетъ Климентъ—и при богатствѣ получить спасеніе, если кто отъ богатства видимаго будетъ обращаться къ духовному..., если богатствомъ, къ коему онъ остается равнодушнымъ,

будетъ располагать онъ хорошо... Если кто, живя среди своихъ владѣній, можетъ предохранить себя отъ роскоши, быть умѣреннымъ... если кто Бога лишь ищетъ, къ Богу страстію воспаряетъ и предъ Нимъ ходитъ, тотъ бѣднякъ, тотъ исполняетъ заповѣди, тотъ свободенъ, богатствомъ не побѣжденъ... Пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ... Даетъ симъ знать Господь, что по природѣ своей хотя и всякое богатство, какимъ бы кто ни владѣлъ, не составляетъ прямой собственности того, но что возможно изъ сей неправоты создавать дѣло правое и спасительное. Вотъ прекраснѣйшая торговля! Вотъ Божественный товаръ! Деньгами пріобрѣтать вѣчность и, раздавая міру преходящее, получать за это вѣчное жилище на небесахъ! О, плыви къ этому рынку богачъ!.. Почему такъ радуютъ тебя блестящіе камни, смарагды и палаты—это пища огня, игра времени... Открой сердце для всѣхъ..., не отвращая презрительно взоровъ своихъ . Собирай для себя войско, войско безоружное, къ войнѣ неспособное, отъ пролитія крови отвращающееся, незлобивое, непорочное, состоящее изъ богобоязливыхъ старцевъ, Богу любезныхъ сиротъ, кротостію отличающихся вдовъ, любовію украшенныхъ мужей. Вотъ какихъ стражей набирай для охраненія твоего богатства, твоихъ тѣла и души: предводителемъ этого войска состоитъ Богъ Самъ... Вотъ это истинные воины и стражи вѣрные... Если мы обязаны жизнь свою слагать за братьевъ и желаемъ войти въ этотъ союзъ со Спасителемъ, то стоитъ ли намъ скряжнически удерживать то, что принадлежитъ этому міру, что собою представляетъ нѣчто нищенское, чуждое нашему существу и бренное? Къ чему мы другъ отъ друга запирать будемъ то, что вскорѣ огонь пожретъ?“ [1]).

Мы передали словами Климента наиболѣе существенныя мысли изъ его сочиненія „кто изъ богатыхъ спасется“. Нетрудно замѣтить, что въ этомъ сочиненіи Климентъ глухо борется съ какимъ-то направленіемъ христіанской мысли въ отношеніи богатства. И мы думаемъ, что не будетъ натяжкой предположить, что въ данномъ случаѣ Климентъ имѣлъ въ виду тотъ крайній буквализмъ въ пониманіи словъ Христовыхъ богатому юношѣ, который могъ представлять дѣло такъ, что раздача имѣнія сама по себѣ служила признакомъ нравственнаго совершенства и какъ бы оправдывала другіе грѣхи,—съ какимъ ложнымъ представленіемъ боролся и блаженный Августинъ [2]). Разсужденіе Климента со стороны его основной идеи и направлено, какъ намъ думается, къ раскрытію ложности такого пониманія христіанскаго идеала, и въ данномъ случаѣ Климентъ внесъ цѣнную черту въ уясненіе христіанскаго

[1]) Выдержки приведены по переводу Н. Корсунскаго. Ярославль, 1888 г.
[2]) „О градѣ Божіемъ“, кн. XXI, гл. 27, т. 6, стр. 331—332 рус. перевода.

отношенія къ богатству, когда приложимъ къ нему общій христіанскій принципъ, что возвышаетъ и оскверняетъ человѣка не внѣшнее, но то, что исходитъ изъ нашего сердца. Что же касается той мысли Климента, будто въ понятіе христіанскаго совершенства не входитъ признакъ и внѣшняго отреченія отъ богатства, то здѣсь онъ стоитъ совершенно одиноко въ ряду древне-церковныхъ писателей. И эта мысль Климента не только не согласна съ ученіемъ отцовъ и учителей церкви, но въ дѣйствительности не мирится и со взглядами самаго Климента на этотъ вопросъ въ его другихъ сочиненіяхъ, и даже въ значительной мѣрѣ съ совѣтами этого же сочиненія—„кто изъ богатыхъ спасется“. Какъ только Климентъ заговорилъ о должномъ отношеніи къ богатству, такъ заговорилъ общецерковнымъ языкомъ. Онъ утверждаетъ, что надо давать всякому просящему, вовсе безъ разбора [1]),—что подробнѣе мы раскроемъ въ слѣдующей главѣ нашего труда; а для защиты и охраны богатства, какъ мы видѣли, приглашаетъ собрать такое войско, которое „сохранитъ“ богатство только въ истинно христіанскомъ смыслѣ, т. е. оно немедленно утечетъ къ нуждающимся. Вообще, Климентъ настойчиво проводитъ ту идею, что владѣть богатствомъ нужно не ради себя, а болѣе „изъ-за собратій“ [2]), и въ направленіи къ осуществленію этого принципа послѣдовательно приходитъ къ выводу, что идеаломъ христіанскаго общежитія должно быть общеніе имуществъ и отсутствіе дѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, какъ мы уже видѣли это раньше [3]); а въ отношеніи каждаго къ богатству онъ признаетъ „лучшимъ и славнѣйшимъ ученіемъ“ именно то, которое рекомендуетъ раздачу богатства, именно то, противъ чего такъ односторонне возставалъ самъ Климентъ въ своемъ трудѣ, „кто изъ богатыхъ спасется“. „Лучшимъ и славнѣйшимъ ученіемъ—говоритъ онъ—постоянно должно быть считаемо это: мужъ добрый, мудрый и праведный собираетъ себѣ сокровища на небѣ. Онъ обращаетъ свое земное имущество въ деньги и раздаетъ оныя бѣднымъ, получая за то непреходящее сокровище тамъ, гдѣ нѣтъ ни моли, ни воровъ. Такой, по-истинѣ, блаженъ, хотя бы онъ малозначителенъ былъ, слабъ и безславенъ: онъ становится собственникомъ богатства величайшаго и нетлѣннаго. Не тотъ богатъ, кто владѣетъ имуществомъ и оное бережетъ, а тотъ, кто имъ дѣлится: даяніе, а не обладаніе насъ осчастливаетъ. Но щердролюбіе есть плодъ душевной настроенности; истинное богатство заключается, значитъ, въ душѣ. Только люди добрые могутъ быть считаемы за истинно богатыхъ“ [4]). Ясно само собою, что при такомъ взглядѣ на богатство и при убѣжденіи

[1]) Гл. 31. [2]) „Кто изъ богатыхъ спасется“, гл. 16, стр. 16 рус. перевода. [3]) Стр. 31 настоящаго сочиненія. [4]) „Педагогъ“, кн. III, гл. 6, стр. 278—280 рус. перев.

въ желательности общенія имуществъ и равномѣрности въ обладаніи благами міра въ средѣ христіанъ Климентъ былъ горячимъ противникомъ роскоши въ христіанской жизни. „Знаю—разсуждаетъ онъ—что Богъ далъ намъ право наслаждаться, но только въ предѣлахъ необходимаго, и по Его волѣ наслажденіе должно быть общимъ. Это не въ порядкѣ вещей, чтобы одинъ въ изобиліи жилъ, тогда какъ многіе терпятъ нужду. Какъ много славнѣе благодѣтелями многихъ быть, нежели въ великолѣпномъ домѣ жить! Какъ много умнѣе свое имущество на людей издерживать, чѣмъ на золото и драгоцѣнные камни!... Кому расширенное помѣстье столько пользы принесетъ, какъ расточеніе благодѣянія!... Простота есть предвѣстница святости: она сглаживаетъ неравенство имуществъ, она помогаетъ отъ своихъ излишковъ нуждѣ“ [1]). И какъ на примѣръ простоты и въ качествѣ доказательства грѣха роскоши въ христіанской жизни, Климентъ указываетъ на примѣръ Христа Спасителя. „Слѣдуй за Господомъ—поучаетъ Климентъ,—освободившись отъ суетности, отъ блеска скоропреходящаго... Наблюдайте: Господь ѣлъ изъ обыкновеннаго блюда и повелѣлъ своимъ ученикамъ возлечь на землѣ, на травѣ; ихъ ноги Онъ омылъ, подпоясавшись льнянымъ полотенцемъ. Богъ и Господь вселенной, Онъ смиренно, безъ серебрянаго умывальника сошелъ съ неба; у Самарянки, черпавшей изъ колодца глинянымъ сосудомъ, просилъ Онъ пить; и не изъ царскаго золота утолялъ Онъ жажду... Вообще пища, одежда, домашняя утварь, короче—все въ дому должно быть согласовано съ закономъ христіанской жизни... Что не тяжело пріобрѣсть, то съ легкимъ сердемъ и употребляется, то беречь легко, разставаться съ тѣмъ легко... дешевое, слѣдовательно, лучше чѣмъ дорогое. Вообще богатство, дурно управляемое, есть цѣлая гора грѣха и злодѣянія“ [2]).

Такимъ образомъ, тотъ взглядъ Климента Александрійскаго, по которому онъ аллегорически объясняетъ совѣтъ Христа Спасителя богатому юношѣ, не мѣшаетъ Клименту вообще смотрѣть на богатство согласно съ Церковію и видѣть его богоугодное назначаніе въ раздаваніи бѣднымъ, а не въ услажденіи роскошью. И должно сказать, что все же Климентъ остался единственнымъ представителемъ въ церковной письменности упомянутаго аллегорическаго истолкованія словъ Христовыхъ и защитникомъ снисходительнаго взгляда на богатство, по которому возможно, не раздавая его, исполнять волю Божію. Ничего равнаго сужденіямъ Климента по этимъ вопросамъ мы не находимъ, и даже Оригенъ, этотъ преемникъ Климента и носитель традицій Александрійской школы, совершенно буквально тол-

---

[1]) „Педагогъ“, кн. II, гл. 12, стр. 235—240 русскаго перевода. [2]) „Педагогъ“, кн. II, гл. 3, стр. 147—150.

куетъ совѣтъ Господа богатому юношѣ[1]) и видитъ истинно христіанское отношеніе къ богатству въ совершенной раздачѣ бѣднымъ, когда человѣкъ всецѣло отдается Богу и не ищетъ уже земного[2]).

Чтобы представить изложенніе взглядовъ на богатство и бѣдность въ древней Церкви до торжества христіанства въ сравнительной полнотѣ, намъ нужно изложить воззрѣнія по интересующему насъ вопросу св. Кипріана Карѳагенскаго. Этотъ великій епископъ въ своихъ сочиненіяхъ удѣляетъ довольно много вниманія вопросу о христіанскомъ отношеніи къ богатству и бѣдности и по выраженію христіанскихъ взглядовъ на этотъ предметъ близко примыкаетъ къ отцамъ и учителямъ четвертаго вѣка. Св. Кипріанъ уже не развиваетъ той безспорной мысли, что главное въ отношеніи христіанина къ богатству—полное отсутствіе сердечной привязанности къ нему, что такъ усердно раскрывалъ Климентъ Александрійскій. Св. Кипріанъ, видимо, уже не вѣрилъ въ самую возможность того, чтобы обладающій богатствомъ и не отказывающійся отъ него оставался внутренно равнодушнымъ къ богатству и видѣлъ въ немъ прежде всего орудіе для служенія ближнимъ. Св. Кипріанъ горячо осуждаетъ и богатство само по себѣ, видя въ немъ непосильное бремя на пути ко спасенію, и богатыхъ, какъ непремѣнно представителей языческаго пристрастія къ міру и чуждыхъ христіанской любви.

Въ „книгѣ о падшихъ“ святитель въ очень яркихъ чертахъ изображаетъ то отрицательное значеніе, какое имѣетъ въ христіанской жизни обладаніе богатствомъ, и не щадитъ яркихъ образовъ для того, чтобы заклеймить богатство печатью его противохристіанскаго вліянія. Поводомъ къ такому обличенію послужило отпаденіе богатыхъ христіанъ отъ вѣры во время гоненія. „Многихъ—говоритъ св. отецъ—обманула слѣпая любовь къ наслѣдственному ихъ достоянію: не были готовы и не могли отступить тѣ, которыхъ, подобно путамъ, связывали ихъ богатства. Это для остающихся были узы, это были цѣпи, которыя задержали ихъ доблесть, подавили вѣру, побѣдили умъ, оковали душу—и привязанные къ земному сдѣлались добычею и пищею змія. Вотъ почему Господь, наставляя насъ добру и предостерегая на будущее время, сказалъ: *„аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небесехъ, и гряди въ слѣдъ Мене“*. Если бы такъ поступали богатые, то они не погибали бы чрезъ свое богатство; если бы слагали свое сокровище на небѣ, то у нихъ не было бы теперь до-

---

[1]) „Origenis commentaria in Matthoeum“, tomus decimus quintus, p.p 381 ete, ed. Rothomagi, a. M. DCLXVIII. [2]) „Origenis comment. in Levit“, XI, 1. Ср. Ульгорнъ, цит. соч., стр. 197.

машняго врага... Отрѣшенный и свободный онъ слѣдовалъ бы за Господомъ, какъ это дѣлали апостолы и многіе при апостолахъ, какъ это часто дѣлали и другіе, которые, оставивши свое имущество и родныхъ, неразрывнымъ союзомъ прилѣпились ко Христу. А то какъ могутъ слѣдовать за Христомъ тѣ, коихъ удерживаютъ узы наслѣдства? Какъ достигнуть неба, взойти на высоту и въ горняя тѣмъ, кои отягчены земными пожеланіями? Ради своего богатства—они почитаютъ себя обладателями, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они обладаемы; нѣтъ, они не господа, а невольники своихъ денегъ... не должно ни беречь, ни любить наслѣдство, которымъ кто-либо былъ обманутъ и побѣжденъ. Надобно удаляться отъ имущества, какъ непріятеля; убѣгать отъ него, какъ отъ разбойника, бояться, какъ меча и яда для обладающихъ имъ... Все наше богатство и имущество пусть будетъ отдано, для приращенія, Господу, Который будетъ судить насъ Такъ процвѣтала вѣра при апостолахъ! Такъ первые христіане исполняли велѣнія Христовы! Они, съ готовностію и щедростію отдавали все апостоламъ для раздѣла и тѣмъ искупали не такіе грѣхи [1])".

Въ „книгѣ о благотвореніяхъ и милостыняхъ" св. Кипріанъ преимущественно характеризуетъ вторую отрицательную сторону богатства: онъ разсматриваетъ его, какъ выраженіе жестокосердія въ отношеніи ближнихъ. Въ этомъ сочиненіи подробно раскрыто св. отцомъ христіанское ученіе о милостынѣ, но объ этомъ—въ слѣдующей главѣ. Что же касается богатства и отношенія къ нему христіанъ, то святитель въ этомъ сочиненіи указываетъ, какъ на идеалъ христіанскаго отношенія къ богатству, на совершенное и безбоязненное его раздѣленіе нуждающимся и рѣшительно отклоняетъ всѣ возраженія противъ такого отношенія къ своему имуществу и дѣйствительное основаніе этихъ возраженій видитъ въ жестокосердіи и невѣріи. „Ты опасаешься—говоритъ св. отецъ—, чтобы, начавши много благодѣтельствовать и иждивши все свое достояніе черезъ щедрость, самому не впасть въ нищету. Будь спокоенъ съ этой стороны: откуда производится трата для Христа, чѣмъ стяжевается небесное богатство, тамъ оскудѣнія быть не можетъ... Самъ Господь... говоритъ, что ищущимъ Царствія Божія и правды Божіей все будетъ приложено и дано, такъ какъ, по слову Господа, въ послѣдній день суда онѣ наслѣдуютъ царство, которые благодѣтельствовали въ Церкви Его. Боишься, чтобъ не оскудѣло имѣніе твое, если будешь щедро благодѣтельствовать изъ него; а не знаешь, несчастный, что вслѣдствіе боязни, чтобы не оскудѣло твое богатство, оскудѣваетъ жизнь твоя и здоровье..., такъ что

[1]) Т. 2, стр. 150 - 152, 168 рус. перевода

въ то самое время, когда опасаешься за погибель своего богатства, вмѣсто него погибаешь самъ. Посему справедливо объявляетъ и говоритъ апостолъ: *ничто же внесохомъ*... 1 Тим., VI, 7—10... Богъ питаетъ птицъ и воробьямъ доставляетъ дневную пищу; такимъ образомъ и у тѣхъ, которые не имѣютъ никакого понятія о вещахъ божественныхъ, нѣтъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ питіи. А ты думаешь, что христіанину, рабу Божію, который любезенъ своему Господу, не достанетъ чего-либо? Откуда такой маловѣрный помыселъ? Откуда такое нечестивое и богохульное разсужденіе?... Зачѣмъ считается и называется христіанином ъ тотъ, кто вовсе не вѣруетъ во Христа? Тебѣ болѣе прилично названіе фарисея. Ибо когда Господь въ Евангеліи разсуждалъ о милостынѣ и давалъ вѣрныя и спасительныя наставленія о томъ, чтобы мы предусмотрительнымъ благотвореніемъ отъ земныхъ прибытковъ содѣлывали себѣ друзей, которые впослѣдствіи приняли бы насъ въ небесные кровы, то Божественное Писаніе присоединяетъ къ этому слѣдующія слова: *слышаху сія вся фарисеи, сребролюбцы суще, и ругахуся Ему.* Видимъ и нынѣ въ Церкви подобныхъ людей, у которыхъ загражденъ слухъ, и у которыхъ омраченныя сердца не попускаютъ въ себя свѣта духовныхъ и спасительныхъ наставленій... Что ты находишь для себя хорошаго и спасительнаго въ этихъ нелѣпыхъ и глупыхъ разсужденіяхъ, когда опасеніемъ и безпокойствомъ за будущее отвлекаешься отъ благодѣяній? Зачѣмъ ты выставляешь какія-то призраки и обманы въ напрасное извиненіе? Исповѣдуй лучше истину, и такъ какъ ты не можешь обмануть знающихъ, открой сокровенныя тайны помысловъ своихъ. Обложила твою душу *тьма немилосердія* и, по изшествіи изъ нея свѣта истины, глубочайшій мракъ скупости совершенно ослѣпилъ грубое твое сердце. Ты плѣнникъ и рабъ денегъ; ты опутанъ сѣтями и узами жадности; ты, котораго разрѣшилъ уже Христосъ, снова связанъ. Ты бережешь деньги, которыя, будучи сбережены, не сберегутъ тебя; ты умножаешь имущество, которое тѣмъ болѣе обременяетъ тебя своею тяжестію, и не помнишь ты, что отвѣтилъ Господь богатому, который въ безумномъ восторгѣ величался изобильнымъ урожаемъ плодовъ земныхъ. *Безумне*, сказалъ Онъ ему, *въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовилъ еси, кому будутъ?*... Зачѣмъ, въ осужденіе свое, увеличиваешь тяжесть имущества своего, чтобы, становясь болѣе и болѣе богатымъ въ этой жизни; тѣмъ бѣднѣйшимъ явиться предъ Богомъ?“. Далѣе св. отецъ предвидитъ новыя возраженія противъ щедраго раздаванія имущества: заботу о дѣтяхъ и домочадцахъ. Святитель рѣшительно отклоняетъ и эти отговорки. „Если мы любимъ—говоритъ онъ—Бога всѣмъ сердцемъ; то ни родителей, ни дѣтей не должны предпочитать Богу... Грѣшитъ въ Церкви тотъ, кто, предпочитая себя и дѣтей сво-

ихъ Христу, бережетъ свои богатства... Чѣмъ больше у тебя семейство, тѣмъ болѣе ты долженъ быть щедродательнымъ Ты за многихъ долженъ молиться Богу, прегрѣшенія многихъ должны быть искуплены... чѣмъ больше будетъ число домочадцевъ, тѣмъ больше должно быть совершаемо и добрыхъ дѣлъ... Итакъ, если ты истинно любишь дѣтей своихъ,... то тѣмъ болѣе долженъ благотворить, чтобы чрезъ благотворенія содѣлать дѣтей своихъ угодными Богу. И не того почитай отцомъ дѣтей своихъ, кто самъ временененъ и слабъ; но пріобрѣти для нихъ Отца чадъ духовныхъ, Который вѣченъ и могущъ. Ему назначь богатства свои, которыя блюдешь для наслѣдниковъ; пусть для дѣтей твоихъ Онъ будетъ покровителемъ, попечителемъ и... заступникомъ ихъ во всѣхъ временныхъ обидахъ. Имущества, порученнаго Богу, ни государство не отниметъ, ни казна не захватитъ, ни общественное какое-либо бѣдствіе не разстроитъ. Въ совершенной безопасности находится то наслѣдство, которое хранитъ самъ Богъ... Заботясь о земномъ наслѣдіи болѣе, чѣмъ о небесномъ, ты дѣлаешь дѣтей своихъ угодными діаволу, а не Христу, и грѣшишь сугубо, дѣлаешь два преступленія: во-первыхъ—, что не предуготовляешь для дѣтей своихъ помощи Отца-Бога; во-вторыхъ—, что учишь дѣтей своихъ любить имущество больше, чѣмъ Христа [1])".

Вообще противопоставленіе благъ духовныхъ и чувственныхъ такъ же обычно у св. Кипріана, какъ ярко оно проведено и въ самомъ Откровеніи. „Богатыя—разсуждаетъ, напримѣръ, св. отецъ въ „книгѣ объ одеждѣ дѣвственницъ"—говорятъ, что онѣ должны же пользоватся своими благами. Таковыя пусть знаютъ, что та собственно богата, которая богата въ Богѣ...; пусть знаютъ, что блага истинныя суть блага духовныя, общественныя, небесныя, которыя приводятъ насъ къ Богу и у Бога составляютъ иное вѣчное стяжаніе. Затѣмъ все земное, пріобрѣтаемое въ семъ мірѣ и въ немъ же оставляемое, должно быть презираемо.. Твердишь, что тебѣ слѣдуетъ пользоваться этими благами, коими Господь надѣлилъ тебя. Пользуйся ими, употребляй, но на дѣла спасительныя... на то, на что Богъ заповѣдалъ... Пусть чувствуютъ твое богатство бѣдные, пусть ощущаютъ твой достатокъ неимущіе. Отдай твое имущество для приращенія Богу, напитай Христа... Скрывай сокровища свои тамъ, гдѣ никакой тать не подкапываетъ, куда никакой злобный хищникъ не проникаетъ. Пріобрѣтай себѣ стяжанія, но болѣе небесныя, тамъ, гдѣ пріобрѣтенія твои не подвержены никакимъ случайностямъ и отъ всѣхъ вражескихъ неправдъ вѣка сего свободны, гдѣ ихъ ни ржа не истребитъ, ни градъ не изобьетъ, ни солнце не сожжетъ, ни дождь не повредитъ [2])".

---

[1]) Т. 2, стр. 263—271. [2]) Т. 2, стр. 129, 132.

Св. Кипріанъ разсматриваетъ богатство одновременно и какъ прямую противоположность христіанской любви къ братьямъ по вѣрѣ и даже личному сознанію простого житейскаго благополучія Въ посланіи „къ Донату о благодати Божіей“ св. отецъ изображаетъ настроеніе богатаго съ отмѣченной стороны въ такихъ чертахъ, которыя были обычны въ твореніяхъ отцовъ четвертаго вѣка. „Богатые—пишетъ св. Кипріанъ Донату—, проводящіе жизнь въ безпрестанныхъ забавахъ; которые, не терпя того, чтобы съ ними въ сосѣдствѣ жили бѣдные, расширяютъ на безконечное пространство свои помѣстья; у которыхъ множество серебра и золота, у которыхъ насыпаны или зарыты въ землѣ огромныя груды денегъ;—и они трепещутъ со всѣми своими сокровищами, мучатся опасеніями, чтобы не разграбилъ ихъ тать, не разорилъ разбойникъ или какой-нибудь болѣе богатый врагъ изъ зависти не потревожилъ ихъ несправедливыми тяжбами. Богачъ не ѣстъ, не спитъ. Вздыхаетъ на пиршествахъ, хотя бы пилъ изъ сосудовъ, осыпанныхъ драгоцѣнными каменьями; и хотя изсохшее тѣло его покоится на самомъ великолѣпномъ ложѣ, однако, онъ и въ пуху не засыпаетъ... О ужасное ослѣпленіе сердца! О глубокое омраченіе неистовой страсти! Вмѣсто того, чтобы свергнуть съ себя тяжкое бремя, человѣкъ продолжаетъ гоняться за мучительнымъ счастьемъ.. Онъ не оказываетъ никакой щедрости... нисколько не удѣляетъ неимущимъ: деньги называетъ онъ своею собственностію, и какъ чужое имущество... стережетъ съ безпокойной заботливостію [1])“.

И св. Кипріанъ опредѣленно училъ, что въ понятіе христіанскаго совершенства входитъ, въ качествѣ необходимаго признака, совершенное отреченіе отъ богатства и готовность жить безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. „Отрекшись отъ вѣка сего—пишетъ онъ, въ „книгѣ о молитвѣ Господней“—и отказавшись отъ его богатствъ и почестей, памятуя наставленіе Господа, Который говоритъ: *иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быть Мой ученикъ*,—мы просимъ одной только пищи и пропитанія... Ученикъ Христовъ, которому воспрещается заботиться о завтрашнемъ днѣ, праведно испрашиваетъ себѣ дневной пищи: было бы противорѣчіе и несообразность, если бы мы искали въ семъ вѣкѣ продовольствіе на долгое время, когда просимъ о скоромъ пришествіи Царствія Божія. Блаженный апостолъ... учитъ [2]), что не только надобно презирать богатства, но что они и опасны: въ нихъ корень льстивыхъ золъ, обольщающихъ слѣпоту человѣческаго ума скрытымъ коварствомъ... Напротивъ, Господь учитъ, что тотъ вполнѣ совершенъ, кто, продавъ все свое имѣніе и раздавъ въ пользу нищихъ,

---

[1]) Т. 1, стр. 17—18. [2]) 1 Тим., VI, 7 - 10.

заготовляетъ себѣ сокровище на небѣ. Тотъ, по словамъ Господа, можетъ слѣдовать за Нимъ и подражать славѣ страданія Господня, кто въ готовности и охотѣ своей не задерживается никакими сѣтями домашняго хозяйства, но, предпославъ свое имущество къ Богу, отрѣшенный и свободный и самъ идетъ туда же [1]).

Въ лицѣ св. Кипріана мы, такимъ образомъ, встрѣчаемъ суроваго обличителя богатыхъ и защитника Евангельской простоты жизни. Самый обличительный тонъ поученій святителя ясно говоритъ, что въ Церкви его времени уже не было того полнаго братскаго общенія, какое царило ранѣе, и какое св. отецъ, согласно сказанному нами въ первой главѣ, признавалъ нормою христіанскихъ отношеній. Очевидно, напротивъ, то раздѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ, которое такъ ярко выступало на фонѣ языческой жизни, проникло и въ среду христіанъ, хотя все же отсутствіе жалобъ на невозможность напитать всѣхъ нищихъ и увѣренный тонъ св. Кипріана, что въ его церкви всегда найдется помощь неимущему [2]), какъ будто бы даетъ право сдѣлать заключеніе, что церковь обладала еще достаточными благотворительными суммами.

Но какъ мы сказали, и какъ это предполагается само собою, съ настоящимъ великимъ соблазномъ принять выработанныя многовѣковой языческой культурой нормы общественныхъ отношеній, Церковь должна была встрѣтиться тогда, когда христіанство было объявлено государственной религіей. Это былъ рѣшительный моментъ, когда внѣшняя борьба съ христіанствомъ была оставлена, но необходимо болѣе горячо разгорѣлась внутренняя борьба двухъ жизнепониманій. Эта борьба касалась многихъ сторонъ церковной жизни и въ числѣ ихъ вопроса объ отношеніи къ богатству и бѣдности. Насколько противоположно было отношеніе къ этимъ состояніямъ христіанства и язычества, думается, не нужно и говорить. Какъ велика была противоположность между христіанской и языческой оцѣнкой богатства и бѣдности, лучше всего раскрывается въ картинѣ той горячей борьбы святыхъ защитниковъ Христовой истины, какую они вели въ цѣляхъ выяснить высоту христіанскаго воззрѣнія на предметъ и указать на совершенную несовмѣстимость для христіанъ служить двумъ господамъ... Картина этой борьбы особенно ярко и жизненно выступаетъ въ твореніяхъ святыхъ отцовъ перваго вѣка торжества христіанства въ предѣлахъ Римской имперіи, и этимъ вѣкомъ ограничимъ наше изложеніе древне-церковнаго ученія, такъ какъ позднѣе мы встрѣтили только повтореніе сказаннаго въ этотъ именно золотой вѣкъ церковной письменности. Да и горячность между

---

[1]) Т. 2, стр. 205–206 [2]) Напр., „письмо къ Евкратію о комедіантѣ“, т. 1, стр. 19—20.

началами культуры христіанской и языческой постепенно слабѣла,— почему? не будемъ говорить здѣсь.

Изъ отцовъ Церкви Восточной мы остановимся на ученіи св. великихъ Капподакійцевъ—этихъ несравнимыхъ поборниковъ Христовой истины—и св. Іоанна Златоустаго, у котораго ученіе о богатствѣ и бѣдности изложено съ исчерпывающей полнотой. А изъ западныхъ авторитетовъ изложимъ мнѣнія по интересующему насъ вопросу св. Амвросія, св. Астерія, блаж. Августина и блаж Іеронима.

Св. Василій Великій принадлежалъ къ числу тѣхъ епископовъ Церкви, которые совершенно отказывались отъ личной собственности и проводили жизнь въ добровольной бѣдности[1]). Если таковъ былъ личный практическій идеалъ св. отца въ отношеніи имущества, то ясно, что онъ не считалъ богатство такимъ даромъ Божіимъ, который должно „хранить и умножать", но, напротивъ, въ добровольной бѣдности видѣлъ большія преимущества на пути къ достиженію Божьяго Царства. Въ сочиненіяхъ св Василія мы, правда, не встрѣчаемъ такихъ безпощадно рѣзкихъ осужденій богатства, какъ, напримѣръ, у св. Іоанна Златоустаго; но, несмотря на это, отрицательное отношеніе св. Василія къ богатству выступаетъ съ неменьшею опредѣленностію.

Какъ всѣ почти св. отцы, Василій Великій прежде всего ярко подчеркиваетъ, что богатство не есть истинное благо, какимъ нерѣдко его считаютъ, но по существу обманчивый призракъ блага и нѣчто совершенно ничтожное по сравненію съ истинной жизнію. „Если видишь—говоритъ святитель—, что иной черезъ мѣру богатъ, не почитай жизни его блаженною... Свойство богатства—текучесть. Быстрѣе потока протекаетъ оно мимо владѣющихъ имъ.. Не пристращайся къ нему душею своею... не люби его чрезъ мѣру, и какъ одному изъ благъ не дивись ему, но употребляй его въ служеніе, какъ орудіе"[2]). *„Не убойся егда разбогатѣетъ человѣкъ.* Когда видишь—говоритъ пророкъ—, что неправедный богатъ, а праведный бѣденъ, не убойся самъ въ себѣ, не смущайся мыслію,

---

[1]) Св. Григорій Богословъ, близко знавшій жизнь св. Василія, говоритъ въ своемъ надгробномъ словѣ, что у св Василія не было ничего „кромѣ тѣла и необходимыхъ покрововъ для плоти. Его богатство—ничего у себя не имѣть, и жить съ единымъ крестомъ, который почиталъ онъ для себя дороже многихъ стяжаній... Пока былъ живъ, поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ и одну зналъ роскошь—не имѣть и вида роскоши, но взирать на крины и на птицъ... У св. Василія одинъ былъ хитонъ, одна была верхняя ветхая риза; а сонъ на голой землѣ, бдѣніе, неупотребленіе омовеній составляли его украшеніе Самою вкусною вечерію и снѣдію служили хлѣбъ и соль—новаго рода приправа; и трезвенное не оскудѣвающее питіе, какое и не трудящимся приносятъ источники". Творенія Григорія Богослова въ русскомъ переводѣ, т. 4, стр. 94-95. [2]) Бесѣда на псал. LXI, т. 1, стр. 394—395 русскаго перевода.

будто уже вовсе нѣтъ Божія Промысла, назирающаго дѣла человѣческія.. Богатому нѣтъ никакой пользы въ богатствѣ, когда онъ умираетъ, потому что не можетъ взять его съ собою... Счастливъ онъ, если получитъ въ удѣлъ немного земли, которую изъ жалости дадутъ ему погребающіе... Посему не малодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни; ибо тогда увидишь, что праведнику служитъ во благо и нищета, и безславіе, и лишеніе наслажденій. И не смущайся, видя, что нынѣ мнимыя блага раздѣляются какъ бы неправедно. Ибо услышишь, какъ будетъ сказано богатому: *воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ,* а бѣдному, что онъ принялъ злая въ жизни своей Посему справедливо одинъ утѣшается, а другой страждетъ“ [1]) Вообще, изображеніе совершеннаго ничтожества богатства предъ лицомъ будущей жизни—очень обычная тема разсужденій св. Василія. „Есть у тебя—говоритъ, напримѣръ, о богатомъ святитель—такое-то число десятинъ обработанной земли и еще такое же число, заросшей лѣсомъ, горы, равнины, овраги, рѣки, луга. Что жъ послѣ сего? Не всего ли три локтя земли ожидаютъ тебя?.. Для чего трудишся?.. Для чего собираешь своими руками безплодное? и, о если еще только безплодное, а не пищу для вѣчнаго огня! Отрезвишься ли когда-нибудь отъ сего упоенія?. Придешь ли въ себя самого.. Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болѣзнь ради денегъ“ [2]). „Богатство остается здѣсь, золото расхищается, серебро идетъ въ раздѣлѣ, помѣстья продаются, снова забывается, владычество прекращается, страхъ угасаетъ... Богачъ предстаетъ тамъ нагимъ. Если имѣетъ добродѣтели, и тамъ онъ богатъ. А если обнаженъ отъ нихъ, то вѣчный нищій“ [3]). Тамъ нѣтъ витій, нѣтъ убѣдительнаго краснорѣчія, которое бы могло скрыть истину предъ Судіею. Туда не сопровождаютъ ни льстецы, ни деньги, ни величіе сана. Предстанешь одинъ безъ друзей, безъ помощниковъ, не защищаемый, не оправдываемый, постыженный, печальный, унылый, всѣми оставленный, не смѣющій отверсть устъ“ [4]).

Такимъ образомъ, по взгляду св. Василія Великаго, богатство не благо само по себѣ, но лишь его обманчивый призракъ. Какова же этическая оцѣнка этого призрачнаго блага у св. отца? На этотъ наиболѣе важный для насъ вопросъ есть отвѣтъ у св. Василія, отвѣтъ совершенно опредѣленный. По воззрѣнію св. отца, на пути къ истинному нашему отечеству, гдѣ и сокровище наше истинное, богатство есть тяжелое бремя. Онъ сравниваетъ жизнь нашу съ плаваніемъ корабля по бурному морю, когда необходимо бываетъ

---

[1]) Бесѣда на псал. XLVIII, т. 1, стр. 371—373. [2]) Бесѣда 7 „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 112—114. [3]) Бесѣда XXV!, „Утѣшеніе больному“, т. 4, стр. 402—403. [4]) Бесѣда „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 113.

выбрасывать все лишнее для облегченія плаванія кораблю. Подобно этому предлагаетъ св. Василій смотрѣть и на богатство въ настоящей жизни и поступать съ нимъ подражая мореплавателямъ. „Они безъ пощады выкидываютъ товаръ въ море..., чтобы самимъ, если можно, хотя душу и тѣло спасти отъ опасности. А намъ, конечно, гораздо больше ихъ надо подумать объ этомъ и дѣлать это. Они, если что сбросятъ, теряютъ это въ ту же минуту, и ихъ окружаютъ уже невзгоды нищеты. А мы, чѣмъ больше уменьшаемъ лукавое бремя, тѣмъ большее и лучшее копимъ богатство для душъ... Имущества, прекрасно изринутыя, не погибаютъ для тѣхъ, которые ихъ низринули и бросили, но, какъ будто переложенныя въ какіе-то другіе надежные корабли, то-есть въ утробы бѣдныхъ, спасаются и достигаютъ пристаней... Итакъ, возлюбленные, положимъ сами о себѣ человѣколюбивое опредѣленіе, и бремя богатства, если хотимъ обратить его въ свою прибыль, раздѣлимъ многимъ такимъ, которые съ радостію понесутъ его и положатъ на сохраненіе въ нѣдрахъ Владыки,—въ этихъ безопасныхъ сокровищницахъ“ [1]).

И въ твореніяхъ св. Василія мы находимъ достаточное объясненіе того, почему богатство является такимъ тяжелымъ бременемъ на пути нашемъ въ Царство Небесное: основаніе для этого св. отецъ видитъ въ настроеніи богатаго, равно далекаго и отъ сознанія личнаго удовлетворенія, и отъ мысли о горнемъ отечествѣ, и отъ братской любви къ своимъ ближнимъ. Св. отецъ ярко и не разъ изображаетъ тѣ тревоги богатаго, его постоянныя опасенія и неудовлетворенность, которыя, вопреки естественному предположенію, лишаютъ богатыхъ даже простого житейскаго благополучія. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ настроеніе бѣднаго св. Василій въ своей превосходной бесѣдѣ на евангельскую притчу о безумномъ богачѣ [2]). „*Что сотворю“?* разсуждалъ богачъ; „кто не пожалѣетъ о человѣкѣ—спрашиваетъ св. Василій—, который въ такомъ стѣснительномъ положеніи. Жалкимъ дѣлаетъ его урожай, жалкими дѣлаютъ настоящія блага, а еще болѣе жалкимъ дѣлаетъ ожидаемое. Земля ему приноситъ не дары, но произращаетъ воздыханія; не урожай плодовъ доставляетъ она, но заботы и скорби и страшное затрудненіе. Онъ сѣтуетъ подобно бѣднякамъ..., мучится въ сердцѣ, снѣдаемый заботою... Не радуетъ его, что все въ домѣ у него наполнено; но текущее къ нему и льющееся черезъ края хранилищъ богатство уязвляетъ душу его опасеніемъ, чтобъ не перепало чего-нибудь постороннимъ“ [3]). „Богатый—по наблюденіямъ св. отца, высказаннымъ въ другой бесѣдѣ—всего боится,—боится дней, какъ

---

[1]) Бесѣда XXI, „о томъ, что не должно прилѣпляться къ житейскому“, т. 4, стр. 333. [2]) Лук., XII, 18. [3]) Т. 4, стр. 86—87.

времени судопроизводствъ; боится вечеровъ, какъ удобныхъ ворамъ; боится ночей, какъ мученій отъ заботъ; боится утренняго времени, какъ доступа къ нему льстецовъ; боится не только времени, но и мѣста. Его приводятъ въ ужасъ нападенія разбойниковъ, злоумышленія воровъ, клеветы притѣснителей, расхищенія сильныхъ, злодѣянія домашнихъ, любопытство доносчиковъ... разсужденія сосѣдей, гнилость стѣнъ, паденіе домовъ, нашествіе варваровъ, коварство согражданъ, приговоры судей, потеря того, что имѣетъ, отнятіе того, чѣмъ владѣлъ. О человѣкъ, если такова зима обладанія, то гдѣ же весна наслажденія? Есть *снисканіе веліе благочѣстіе съ довольствомъ* Оно не заключается вмѣстѣ съ настоящею жизнію... Это стяжаніе безсмертное“ [1]).

Уже изъ того, какъ св. Василій изображаетъ настроеніе богатаго, ясно видно, что, по взгляду св. отца, въ сердцѣ такого человѣка не можетъ быть истинной любви къ ближнимъ и искренней думы о будущей жизни. И въ твореніяхъ св. Василія мы встрѣчаемъ совершенно опредѣленное выраженіе той мысли, что самое обладаніе богатствомъ есть признакъ холодности сердца въ отношеніи ближнихъ. Останавливаясь, напримѣръ, на исторіи евангельскаго богатаго юноши, св. отецъ прямо заключаетъ, что этотъ юноша и не могъ имѣть любви къ ближнимъ, заповѣдь о которой считалъ уже исполненной, такъ какъ въ противномъ случаѣ юноша этотъ не былъ бы обладателемъ большого имѣнія. „Видно—говоритъ св. Василій, какъ бы обращаясь къ юношѣ—, что далекъ ты отъ заповѣди и ложно засвидѣтельствовалъ о себѣ, что возлюбилъ ближняго, какъ самого себя. Ибо вотъ, повелѣваемое Господомъ, вполнѣ изобличаетъ тебя, что нѣтъ въ тебѣ истинной любви. Если бы справедливо было утверждаемое тобой, что отъ юности сохранилъ ты заповѣдь любви, и столько же воздавалъ каждому, сколько и себѣ, то откуда у тебя такое огромное имѣніе? Попеченіе о нуждающихся расточительно для богатства. Хотя каждый на необходимое содержаніе беретъ немного, однако же, поелику всѣ вмѣстѣ получаютъ часть изъ имѣнія, то издерживаютъ его на себя. Поэтому, кто любитъ ближняго, какъ самаго себя, тотъ ничего не имѣетъ у себя излишняго передъ ближними. Но ты оказываешься имѣющимъ стяжанія много. Откуда же это у тебя? Не ясно ли изъ этого видно, что собственное свое удовольствіе предпочитаешь ты облегченію участи многихъ? Поэтому, чѣмъ больше у тебя богатства, тѣмъ меньше въ тебѣ любви. Давно бы ты позаботился разстаться съ деньгами, если бы любилъ ближняго... Если бы одѣвалъ ты нагого, если бы отдавалъ хлѣбъ свой алчущему, если бы дверь

[1]) Бесѣда 26, „Утѣшеніе больному“, т. 4, стр. 401.

твоя отворена была всякому страннику, если бы ты былъ отцомъ сиротъ, если бы сострадалъ ты всякому немощному: то о какомъ имѣніи ты сталъ бы скорбѣть теперь?.. Сверхъ того, никто не скорбитъ, когда отдаетъ свою собственность на торжищѣ и взамѣнъ пріобрѣтаетъ, что для него нужно .. А ты скорбишь, отдавая золото, серебро и стяжанія, т. е. уступая камни и прахъ, чтобы пріобрѣсти на нихъ блаженную жизнь... Страшное безуміе—копаться въ землѣ, пока золото еще въ рудокопнѣ, а когда оттуда вынуто, опять прятать въ землѣ.. Думаю, бываетъ то, что, зарывая богатство, зарываешь съ нимъ вмѣстѣ и сердце.. Знаю многихъ, которые постятся, молятся, вздыхаютъ, оказываютъ всякое неубыточное благоговѣніе, но не даютъ ни одного овола тѣснимымъ нуждою. Какая же для нихъ польза отъ прочихъ добродѣтелей? Ихъ не пріемлетъ Царствіе Божіе“ [1]). Въ упомянутой уже бесѣдѣ на слова Ев. Луки: *„разорю житницы моя, и большия созижду“*, св. Василій особенно ярко изображаетъ жестокосердіе богатаго, который „стараясь о настоящемъ, презираетъ чаемое“ [2]). Не приводимъ здѣсь этихъ словъ, оставляя это ближайшему будущему. Вообще же, по взгляду св. Василія Великаго, хотя „душѣ благочестивой“ богатство можетъ служить средствомъ дѣлать добро, но вообще всякое собираніе богатства грѣшно. „Если думаетъ кто—говоритъ въ этомъ случаѣ св. отецъ—, что обогащающійся по какому-либо предлогу, почитаемому благовиднымъ, не грѣшитъ, тотъ пусть вспомнитъ евангельскую заповѣдь, которая ясно воспрещаетъ собирать себѣ сокровища на землѣ“ [3]).

Если мы сопоставимъ то, что сейчасъ было сказано о взглядѣ св. Василія Великаго на богатство въ его отношеніи къ дѣлу христіанскаго спасенія, съ тѣмъ, что ранѣе отмѣтили мы въ его воззрѣніяхъ на право частной собственности вообще, то для насъ совершенно ясно выступитъ, почему св. отецъ такими отрицательными чертами характеризуетъ всякое богатство, а также понятно будетъ и то, почему единственно достойнымъ со стороны христіанина отношеніемъ къ богатству должно явиться не „сохраненіе и умноженіе“ его, но раздача, всегдашняя готовность всѣмъ своимъ подѣлиться съ ближними. Идеальнымъ отношеніемъ къ имуществу въ этомъ случаѣ будетъ совершенная раздача своего богатства; общимъ же минимальнымъ требованіемъ является, по взгляду святителя, владѣть своимъ имуществомъ сообща съ другими. „Желающему слѣдовать за Господомъ—говоритъ св. отецъ—далъ Онъ совѣтъ продать все имѣніе на благотвореніе нищимъ, и потомъ уже

---

[1]) Бесѣда VII „къ обогащающимся“, т 4, стр. 101—105. [2]) Т. 4, стр. 89—92. [3]) Мѳ., VI, 19. Толкованіе на прор. Исаію, гл. 2, т. 2, стр. 107.

слѣдовать за Нимъ. Но какъ послѣдователямъ Своимъ и достигшимъ совершенства повелѣваетъ вдругъ и совершенно исполнить дѣло милостыни, чтобы, совершивъ служеніе своимъ имѣніемъ, приступили они къ служенію словомъ и духомъ; такъ прочимъ предписываетъ всегдашнія подаянія и всегдашнее общеніе того, что имѣютъ, чтобы черезъ это, ставъ жалостливыми, общительными и милостивыми, оказались подражателями Божію человѣколюбію“ [1]).

И св Василій предусматриваетъ обычные предлоги, какими во всѣ времена пытаются оправдать нарушеніе прямого требованія христіанской любви раздавать свое богатство нуждающимся. Такъ, напримѣръ, св. Василій съ силою опровергаетъ ссылку на дѣтей, какъ на основаніе къ тому, чтобы хранить свое имущество. По словамъ святителя, „это благовидный предлогъ любостяжательности: ссылаетесь на дѣтей, а удовлетворяете собственному сердцу.. Развѣ не для вступающихъ въ браки написаны Евангелія? Ужели когда у Господа просилъ ты благочадія, когда молился, чтобы быть тебѣ отцомъ дѣтей, присовокуплялъ въ молитвахъ это: дай мнѣ дѣтей, чтобы преслушать заповѣди Твои; дай мнѣ дѣтей, чтобы не достигнуть Небеснаго Царствія? Кто же будетъ поручителемъ за произволеніе сына, что употребитъ данное, какъ должно?.. Смотри, чтобы тебѣ... не приготовить для другихъ удобства ко грѣхамъ, и потомъ не понести двойнаго наказанія—и за то, что самъ дѣлалъ неправду, и за то, что другого снабдилъ къ тому средствами... Доселѣ сказанное—продолжаетъ св. отецъ—говорено было отцамъ. Бездѣтные же какую представятъ намъ благовидную причину бережливости?—„Не продаю имѣніе, не даю нищимъ, по причинѣ необходимыхъ нуждъ въ жизни“! Слѣдовательно, не Господь—твой Учитель; не Евангеліе служитъ правилами для твоей жизни, но самъ ты даешь себѣ законы. Смотри же, въ какую опасность впадаешь, разсуждая такъ! Если Господь предписалъ намъ сіе, какъ необходимое, а ты отвергаешь, какъ невозможное; то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнѣе Законодателя... Или повѣримъ Ему, какъ мудрому и знающему, что для насъ полезно; или потерпимъ Его, какъ возлюбившаго насъ, и воздадимъ Ему должное, какъ своему Благодѣтелю. Непремѣнно же исполнимъ повелѣнное намъ, чтобы стать наслѣдниками вѣчной жизни“ [2]). „Но хотя приговоръ такъ ясенъ—говоритъ св. отецъ—, Изрекшій не лживъ, однако же убѣжденныхъ не много. Говорятъ: „какъ же будемъ жить, оставивъ все? Какой видъ приметъ жизнь, если всѣ станутъ продавать, всѣ отказываться отъ имѣній“? Св. Василій здѣсь ставитъ такое возраженіе противъ принципа

---

[1]) Бесѣда XXV „о милости и о судѣ“, т. 4, стр. 396. [2]) Бесѣда VII „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 115—116, 119—120.

раздачи своего имущества, какія, увы, дѣлаются теперь не скупыми, но самыми современными богословами въ ихъ любопытной полемикѣ въ защиту богатства. И св. Василій Великій отвѣчаетъ указаніемъ безусловной авторитетности велѣній Господа для каждаго, называющаго себя Его ученикомъ. „Не спрашивай—говоритъ онъ—у меня разумѣнія Владыческихъ заповѣдей: Законодатель знаетъ, какъ и невозможное согласить съ закономъ. Испытывается же твое сердце какъ бы на вѣсахъ, куда оно наклонно: къ истинной ли жизни, или къ настоящимъ наслажденіямъ“ [1]).

Насколько далеко простиралъ св. Василій требованіе дѣлиться своимъ имуществомъ съ другими, мы уже видѣли, когда отмѣтили въ первой главѣ нашего очерка, что, по взгляду св. Василія, отказъ въ помощи нуждающимся есть совершенно такой же грѣхъ, какъ и прямая обида ближняго [2]). И ясно само по себѣ, что при такихъ взглядахъ на отношеніе христіанина къ богатству, св. отецъ безпощадно строго осуждаетъ скупость и любостяжательность, объединяемыя въ понятіи сребролюбія, равно какъ находитъ вовсе несовмѣстимой съ христіанскимъ построеніемъ роскошь въ жизненной обстановкѣ. Намъ не кажется нужнымъ подробно раскрывать взглядъ св. Василія на грѣховность сребролюбія. Много поразительныхъ по силѣ мыслей и христіанскаго чувства страницъ мы встрѣчаемъ въ бесѣдахъ св. Василія, посвященныхъ изображенію всей несовмѣстимости сребролюбія съ христіанскимъ братолюбіемъ, при чемъ любостяжательность и скупость поставляются на одной ступени грѣховности съ убійствомъ ближняго. „У тебя въ виду золото, а на брата не обращаешь вниманія—говоритъ св. отецъ, обращаясь къ скупому богачу—; знаешь чеканъ монеты, и различаешь настоящую монету отъ поддѣльной, но вовсе не узнаешь брата въ нуждѣ. Тебя крайне веселитъ доброцвѣтность золота, но не разсчитываешь, сколько вздоховъ бѣднаго сопровождаетъ тебя“. Дальше св. отецъ рисуетъ потрясающую картину горя многосемейнаго бѣдняка, который крайнею нуждою и боязнью гибели всѣхъ дѣтей вынуждается продавать одного изъ своихъ сыновей, равно ему дорогихъ и незамѣнимыхъ. „А тебя—продолжаетъ св. отецъ—не трогаетъ страданіе; ты не хочешь взойти въ чувствованія природы! Этого несчастнаго угнетаетъ голодъ, а ты медлишь и смѣешься, способствуя тому, чтобы продлилось его бѣдствіе... Ни слезы не возбуждаютъ въ тебѣ жалости, ни воздыханія не смягчаютъ сердца... Во всемъ видишь золото; вездѣ представляешь золото; о немъ грезишь и во снѣ, о немъ думаешь и во время бодрство-

---

[1]) Бесѣда VII „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 106 [2]) Стр. 37 настоящаго сочиненія.

ванія. Какъ сумасшедшіе, въ припадкѣ бѣшенства, не дѣйствительныя видятъ вещи, но представляютъ, что производятъ въ нихъ болѣзнь, такъ и у тебя душа, одержимая сребролюбіемъ, во всемъ видитъ золото, во всемъ видитъ серебро .. Говоритъ богатый: *душе, имаши многа блага лежаща: яждь, пій, веселися* ежедневно. Какое безуміе! Если бы у тебя была душа свиньи, чѣмъ инымъ, кромѣ этого, порадовалъ бы ты ее? Столько ты скотоподобенъ, до того несвѣдущъ въ духовныхъ благахъ, что предлагаешь душѣ плотскія снѣди... Мыслишь ты земное, чрево у тебя богомъ, весь ты сталъ плотскимъ, порабощился страстями.. У тебя одно натвержено слово: „нѣтъ у меня, не дамъ, потому, что самъ бѣденъ“ Дѣйствительно, ты бѣденъ и скуденъ всякимъ добромъ, бѣденъ ты любовію, бѣденъ человѣколюбіемъ, бѣденъ вѣрою въ Бога, бѣденъ вѣчнымъ упованіемъ .. Ты любостяжателенъ .. ты хищникъ. Кто обнажаетъ одѣтаго, того назовутъ грабителемъ; а кто не одѣваетъ другого, хотя можетъ это сдѣлать, тотъ достоинъ ли другого какого названія“ [1]) „Какихъ достоинъ наказаній—спрашиваетъ св. отецъ—, кто проходитъ мимо человѣка съ изможденнымъ тѣломъ?... Не стоитъ ли онъ того, чтобы причислить его къ лютымъ звѣрямъ, признать злодѣемъ и человѣкоубійцею Кто имѣетъ возможность уврачевать зло, но добровольно и по любостяжательности откладывать сіе, того, по справедливости, можно осудить наравнѣ съ убійцами“ [2])

Не умножаемъ выдержекъ изъ твореній св. Василія, говорящихъ о грѣховности любостяжанія Позволимъ себѣ остановиться лишь на одной частности въ осужденіи св Василіемъ грѣха сребролюбія, это на взглядъ св. отца на тотъ путь обогащенія, когда даютъ деньги въ ростъ. Хорошо сознаемъ, конечно, что процентныя операціи во многомъ различаются теперь сравнительно съ тѣмъ характеромъ, какой онѣ имѣли въ вѣкъ Василія Великаго. Но все же считаемъ не лишнимъ отмѣтить взглядъ св. отцовъ на этотъ вопросъ, какъ полную противоположность миролюбивымъ рѣчамъ современныхъ богослововъ о согласіи съ христіанскими началами жизни давать деньги взаймы подъ проценты. „Крайне безчеловѣчно—разсуждатъ св. отецъ—, когда одинъ, имѣя нужду въ необходимомъ, проситъ въ заемъ, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращеніемъ даннаго въ заемъ, но придумывать, какъ извлечь для себя изъ несчастій убогаго доходъ и обогащеніе. Посему Господь далъ намъ ясную заповѣдь, сказавъ: *„и хотящему отъ тебе заяти не отвращи“*. Но сребролюбецъ... не думаетъ объ единствѣ природы, не склоняется на просьбы, но стоитъ непреклоненъ и неумолимъ, не уступаетъ моль-

---

[1]) Бесѣда VI на слова Ев. Луки, XII, 18, т. 4, стр 89—97. [2]) Бесѣда VIII, говоренная во время голода и засухи, т. 4, стр. 136.

бамъ, не трогается слезами... А какъ скоро просящій въ займы помянетъ о ростѣ и поименуетъ залоги, тотчасъ понизивъ брови, улыбается, иногда припомнитъ и о дружбѣ своей съ отцомъ его, назоветъ его своимъ знакомымъ и пріятелемъ... Обольщая и заманивая бѣднаго, беретъ съ него письменное обязательство и, при обременительномъ убожествѣ, отнявъ у него даже и свободу, оставляетъ его... Скажи мнѣ, денегъ ли и прибыли ищешь ты у бѣднаго? Если бы онъ могъ обогатить тебя, то чего бы сталъ просить у дверей твоихъ? Онъ пришелъ за помощію, а нашелъ врага.. Надлежало облегчить убожество человѣка, а ты увеличиваешь нужду. Какъ если бы врачъ, пришедшій къ больнымъ, вмѣсто того, чтобы возвратить имъ здравіе, отнялъ у нихъ и малый остатокъ силъ; такъ и ты несчастія бѣдныхъ обращаешь въ случай къ своему обогащенію... Послушайте богатые..., какой совѣтъ даетъ Господь: *взаимъ дадите отъ нихъ же не чаете воспріяти.* Скажешь, какой же это заемъ, съ которымъ не сопряжена надежда возвращенія?... Когда будешь давать бѣдному ради Господа, это будетъ и даръ и заемъ,—даръ, по безнадежности получить обратно;—заемъ, по великодаровитости Владыки, Который Самъ за него заплатитъ... Отдай серебро, которое лежитъ у тебя напрасно, не отягощая бѣднаго приращеніями, и будетъ хорошо обоимъ,—тебѣ потому, что серебро сбережется въ безопасности, и взявшему у тебя потому, что онъ чрезъ употребленіе извлечетъ изъ него пользу... Если берешь съ бѣднаго, то сіе верхъ человѣконенавистничества. Ты изъ чужихъ несчастій извлекаешь прибыль; со слёзъ собираешь деньги; душишь нагого, бьешь голоднаго... И ты называешь человѣколюбивыми получаемые такимъ образомъ прибытки! *Горе глаголющимъ горькое сладкое и сладкое горькое*, и называющимъ безчеловѣчіе человѣколюбіемъ“ [1]).

Чтобы закончить изложеніе воззрѣній св. Василія Великаго на богатство, намъ нужно только отмѣтить еще строгое осужденіе св. отцомъ всякаго вида роскоши въ жизни христіанъ. Если, по взгляду св. Василія, любящій ближняго не долженъ имѣть ничего лишняго [2]), то ясно, что всякая роскошь есть признакъ недостатка любви къ ближнему и даже безчеловѣчна, когда она существуетъ рядомъ съ нищетой. „Ты—говоритъ св. Василій—, отдавая золото и пріобрѣтая коня, не унываешь, а уступая тлѣнное и получая взамѣнъ небесное, проливаешь слезы, отказываешь просящему... Что будешь отвѣчать Судіи ты, который одѣваешь тканями стѣны, а не одѣнешь человѣка; убираешь коней, а равнодушно смотришь на брата, одѣтаго гнусно... А если и сожи-

[1]) Бесѣда „по окончаніи XIV псалма“, т. 1, стр. 213—224. [2]) Бесѣда VII „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 101.

тельница твоя женщина богатолюбивая, то двойная болѣзнь. Ни на минуту не даетъ вздохнуть мужу, муча его непрестанными своими приказами. Золото, служа оправой драгоцѣннымъ камнямъ, составляетъ у нихъ уборъ то на челѣ, то на шеѣ, то на поясахъ, или оковываетъ собою руки и ноги. Ибо златолюбивымъ женщинамъ пріятно носить на рукахъ оковы, только бы оковывало ихъ золото.. Богатство, расточаемое на столько предметовъ и мужемъ и женою.., естественнымъ образомъ, не имѣетъ уже никакого случая перейти къ постороннимъ... Не видишь ли этихъ стѣнъ, разрушенныхъ временемъ, и которыхъ остатки, подобно какимъ-то курганамъ, возвышаются по всему городу? Когда воздвигали ихъ, сколько было въ городѣ бѣдныхъ, которыхъ тогдашніе богачи презрѣли, заботясь объ этихъ зданіяхъ? Гдѣ же эти пышныя постройки? Гдѣ возбуждавшій соревнованіе такимъ великолѣпіемъ? Не обращено ли все въ кучу и не истреблено ли, подобно тому, что дѣти для забавы вылѣпливаютъ изъ песку; а строитель не въ адѣ ли раскаивается, что заботился о суетномъ? Старайся имѣть великую душу, а стѣны, малы ли или велики, той же удовлетворяютъ нуждѣ. Когда вхожу въ домъ человѣка глупаго и не кстати богатаго, и вижу, что домъ испещренъ всякаго рода цвѣтами, тогда узнаю, что у этого человѣка нѣтъ другихъ драгоцѣнностей, кромѣ видѣнныхъ, что онъ украшаетъ бездушныя вещи, а душа у него не украшена. Скажи мнѣ, къ какому выгоднѣйшему употребленію служатъ серебряныя ложи и серебряные столы, постели и сѣдалища изъ слоновой кости, между тѣмъ какъ ради ихъ богатство не переходитъ къ бѣднымъ, хотя они тысячами стоятъ у дверей и оглашаютъ ихъ всякими жалобными стонами? Но ты отказываешь въ подаяніи, говоря, что невозможно удовлетворить просящихъ. Твой языкъ подтверждаетъ это клятвою, но рука обличаетъ въ противномъ, она безмолвно разглашаетъ твою ложь, сіяя дорогимъ камнемъ въ перстнѣ. Одинъ твой перстень сколько человѣкъ можетъ освободить отъ долговъ? Сколько поправить падающихъ домовъ? Одинъ твой сундукъ съ одеждами можетъ одѣть цѣлый народъ, цѣпенѣющій отъ холода. Но ты съ ожесточеніемъ отсылаешь бѣднаго ни съ чѣмъ, не страшась праведнаго воздаянія отъ Судіи. Ты не помиловалъ, и не будешь помилованъ; не отворилъ дома, и не будешь допущенъ въ Царствіе; не далъ хлѣба, и не получишь жизни вѣчной“ [1]).

О подвижническихъ уставахъ и монашескихъ правилахъ св. Василія Великаго не говоримъ въ данномъ мѣстѣ. Ясно само по себѣ, что, если св. отецъ въ основу монашескаго общежитія полагалъ отказъ отъ собственности, то всякое имущество, сохраняемое монахами, свидѣтельствовало о нарушеніи устава и являлось, по существу, измѣной монашескимъ обѣтамъ [2]).

[1]) Бесѣда VII „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 106—109. [2]) Напр., т. V, стр. 49, 75, 123, 125 и мн. др.

Взглядъ св. Василія Великаго на бѣдность, конечно, находится въ прямой связи съ его отношеніемъ къ богатству. Уже однѣ суровыя нападки св. отца на богатыхъ за ихъ нежеланіе дѣлиться своимъ съ нуждающимися и суровое осужденіе роскоши, существующей рядомъ съ нуждою, опредѣленно говорятъ, что въ бѣдности св. Василій видѣлъ такое тяжелое жизненное положеніе, которое должно привлекать къ себѣ все вниманіе христіанскаго любящаго сердца. И эти страданія и невзгоды бѣдняка изображались не разъ святымъ отцомъ съ потрясающей картинностію и горячимъ сочувствіемъ, которыя должны были тронуть даже холодное сердце [1]).

Но передъ лицомъ великой нравственной задачи—воспитанія духа для вѣчной жизни—св. Василій съ большою силою оттѣнялъ благопріятное вліяніе бѣдности вообще и добровольной въ частности на развитіе христіанскаго характера. И здѣсь, прежде всего, если богатство является бременемъ для его обладателя, доставляя душевныя тревоги и волненія, препятствуя думѣ о высшемъ сокровищѣ—небесной жизни, то бѣдный по преимуществу есть свободный и независимый въ духовно-религіозномъ отношеніи. „Мы бѣдные — говоритъ святитель, справедливо относя и себя къ числу бѣдняковъ — отличаемся отъ богатыхъ однимъ— свободою отъ заботъ; наслаждаясь сномъ, смѣемся надъ ихъ безсонными ночами; не зная безпокойствъ и будучи свободны, смѣемся надъ тѣмъ, что они всегда связаны и озабочены“ [2]). Св. Василій съ силою христіанскаго убѣжденія изображаетъ тѣ истинныя блага, какими обладаетъ всякій бѣднякъ и его преимущества въ отношеніи верховнаго блага истинной вѣчной жизни. „Ты человѣкъ— говоритъ св. отецъ, обращаясь къ бѣднякамъ—низкаго рода, не славный, ты бѣднякъ изъ бѣдняковъ, нѣтъ у тебя ни дома, ни отечества, ты немощенъ, не имѣешь насущнаго пропитанія, трепещешь людей сильныхъ, всѣхъ боишься по причинѣ низкаго своего состоянія? Не отчаявайся въ себѣ и не теряй вовсе доброй надежды отъ того, что въ настоящемъ нѣтъ для тебя ничего завиднаго, но возводи душу свою къ благамъ, какія даны уже тебѣ отъ Бога и какія по обѣтованію уготованы впослѣдствіи. Итакъ, во-первыхъ, ты человѣкъ, одинъ изъ земныхъ тварей богосозданъ... Ты получилъ разумную душу, которою уразумѣваешь Бога... Почему малодушествуешь отъ того, что у тебя нѣтъ среброуздаго коня? Но есть у тебя солнце, которое въ самомъ быстромъ своемъ теченіи въ продолженіе всего дня носитъ предъ тобою свѣтильникъ. У тебя нѣтъ блещущаго золота и серебра, но есть луна, которая озаряетъ тебя своимъ, въ тысячу

---

[1]) Напр., Бесѣда VI, т. 4, стр. 90—91; Бесѣда VIII, т. 4, стр. 135—136 и др.
[2]) Бесѣда „по окончаніи XIV псалма“, т. 1, стр 218—219.

разъ большимъ свѣтомъ.. Не спишь ты на ложѣ изъ слоновой кости, но имѣешь у себя землю, которая дороже многихъ слоновъ, имѣешь сладкое на ней упокоеніе, скорый и беззаботный сонъ. Не лежишь ты подъ золотой кровлею, но имѣешь надъ собою небо, сіяющее неизреченными красотами звѣздъ. Но это еще человѣческое, а есть и другое—болѣе важное. Для тебя Богъ между человѣками, для тебя раздаяніе даровъ Св. Духа, разрушеніе смерти, надежда воскресенія..., уготованное Царство Небесное, вѣнцы правды" [1]). И передъ лицомъ этой высшей правды и высшаго блага нищета есть истинное богатство, какимъ обладали и св. апостолы и Самъ Спаситель во время Своей земной жизни. „Ничто не богатѣе добродѣтельной нищеты. Петръ нищъ, но взялъ добычу со смерти. Іоаннъ нищъ, но исправилъ ноги хромому. Филиппъ нищъ, но въ Сынѣ видѣлъ Отца Матѳей нищъ, потому что оставилъ богатство вмѣстѣ съ хищеніемъ. Ѳома нищъ, но открылъ некрадомое сокровище—ребро Владыки. Павелъ нищъ, но сталъ наслѣдникомъ рая. Владыка нищъ по плоти, потому что безмѣрно богатъ по Божеству" [2]). Вообще, по воззрѣнію св. Василія, „нищета—наставница благочестію" [3]), и поэтому, несомнѣнно, такъ строго требовалъ св. отецъ совершеннаго отказа отъ собственности со стороны каждаго, ищущаго совершенной жизни въ ея монашеской формѣ [4]). При этомъ, съ нравственной точки зрѣнія, вполнѣ естественно, св. отецъ на особую высоту ставитъ добровольную нищету, хотя считаетъ высокимъ подвигомъ и смиренное несеніе невольнаго жизненнаго креста въ бѣдности. „Нищіе духомъ—говоритъ св. Василій—суть тѣ, которые обнищали не ради другой причины, но по ученію Господа, сказавшаго: *иди, продаждь, вся елика имаши, и даждь нищимъ*. Но если кто, пріявъ и какъ ни есть приключившуюся ему нищету, управитъ собою по волѣ Божіей, какъ Лазарь, то сей не чуждъ блаженства" [5]).

Совершенно согласно со св. Василіемъ Великимъ раскрываетъ христіанскій взглядъ на богатство и бѣдность св. Григорій Нисскій. Какъ уже было нами указано, св. Григорій Нисскій идеальное распредѣленіе имущества видѣлъ въ томъ, чтобы всѣ имѣли поровну [6]). Съ такой точки зрѣнія всякое богатство, какъ соединеніе въ рукахъ одного человѣка большихъ избытковъ, въ сравненіи съ другими, должно было представляться св. Григорію явленіемъ ненормальнымъ въ христіанской жизни, и прямой путь къ искорененію

---

[1]) Бесѣда V на слова: „внемли себѣ". Втор. XV, 9, т. 4, стр. 41—42. [2]) Бесѣда XXVI, „Утѣшеніе больному", т. 4, стр 403. [3]) Толкованіе на прор. Исаію, гл. 2, т. 2, стр. 107. [4]) Напр., „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ", т. V, стр. 257 ср. стр. 75, 464—465 и мн. др. [5]) Тамъ же, стр. 312. [6]) „Слово о нищелюбіи и благотворительности", т. 7, стр. 407.

этой ненормальности могъ явиться только въ видѣ отказа богатаго отъ своего богатства, готовности раздавать его каждому нуждающемуся. „Страхъ Божій—наставляетъ св. Григорій—да будетъ справедливымъ уравнителемъ. Благоразумнымъ воздержаніемъ уврачуй два противоположныя страданія: свое пресыщеніе и голодъ брата... Мы же каждою буквою писанія наставляемые соревновать Господу и Зиждителю .. все обращаемъ къ собственному наслажденію: одно отдѣляемъ для собственной жизни, другое сберегаемъ наслѣдникамъ; о несчастныхъ же ни слова, о нищенствующихъ—никакого благого попеченія. О немилосердое сердце! Человѣкъ видитъ человѣка, нуждающагося въ хлѣбѣ, неимѣющаго необходимой живительной пищи; но не помогаетъ ему съ готовностію и не подаетъ ему спасенія, а оставляетъ безъ вниманія какъ какое-нибудь зеленѣющее растеніе, несчастно засыхающее отъ недостатка воды; и это дѣлаетъ человѣкъ, обладая черезъ край текущимъ богатствомъ и имѣя возможность на многихъ излить утѣшеніе отъ имущества! Ибо какъ разливъ одного источника утучняетъ много пространныхъ равнинъ, такъ и богатство одного дома достаточно для спасенія множества бѣдныхъ,—если только скупое и необщительное сердце, какъ камень, попавшій при выходѣ, не задержитъ разлива“ [1]). И св. отецъ въ отказѣ отъ богатства въ пользу неимущихъ видитъ путь къ совершенной христіанской жизни чрезъ облегченіе пути въ Царство Небесное. „Не отринь, братъ—говоритъ св. Григорій—урока нищеты, какъ служащаго къ пріобрѣтенію небеснаго богатства. Господь говоритъ: *продаждь все имѣніе твое и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ Мене. и имѣти имаши сокровище на небеси... Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть Царствіе Небесное.* Хочешь ли уразумѣть, кто обнищавшій духомъ? Кто душевное богатство вымѣнялъ на тѣлесное изобиліе, кто земное богатство отрясъ отъ себя, какъ легкую тяжесть, ставъ выспреннымъ и воздухоноснымъ,—взойдти горѣ, вмѣстѣ съ Богомъ, какъ говоритъ апостолъ, воспаривъ на облакѣ. Золото есть тяжелое нѣкое достояніе, тяжело и всякое вещество вожделѣваемое, какъ богатство; но легкая и горѣ несущаяся вещь—добродѣтель. А тяжесть и легкость между собою противоположны Посему невозможно кому-либо стать легкимъ, пригвоздивъ себя къ тяжести вещества. Поэтому, если надлежитъ намъ взойдти въ горнее, то обнищаемъ влекущимъ долу, чтобы стать въ горнемъ. Какой же къ тому способъ? указуетъ его псалмопѣніе: *расточи, даде убогимъ: правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка.* Кто вступилъ въ общеніе съ нищимъ, тотъ поставилъ себя въ единую часть съ обнищавшимъ ради насъ“ [2]). И

---

[1]) „О нищелюбіи и благотворительности“ слово I, т. 7, стр. 405—406. [2]) „О блаженствахъ“ слово I, т. 2, стр. 373 - 374.

естественно при такомъ взглядѣ на предметъ св. Григорія, что скупость, нежеланіе разстаться со своимъ богатствомъ, равно какъ любостяжаніе, стремленіе все больше и больше умножать свое имущество сурово осуждается св. отцомъ. „Скажи мнѣ ты—обращается св. отецъ къ скупому—, неодушевленное вещество имуществъ предпочитающій будущему блаженству: что за блескъ такой у золота? что за сіяніе такое у дорогихъ камней? что за убранство такое отъ одеждъ въ сравненіи съ онымъ благомъ, предлагаемымъ упованію?... А кто богатство свое тщательно скрывалъ подъ печатями, запорами, за желѣзными дверями, въ безопасныхъ тайныхъ мѣстахъ, и стекающееся у него вещество прятать и хранить у себя предпочиталъ великой заповѣди; того, если повлечется въ вѣчный огонь, всѣ, въ этой жизни испытавшіе его жестокость и немилосердіе, станутъ укорять и скажутъ ему: помяни, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ; въ твердыняхъ съ богатствомъ своимъ заключилъ ты милость, и на землѣ оставилъ милосердіе; не принесъ въ эту жизнь человѣколюбія, и не имѣешь, чего не имѣлъ... ни на кого не смотрѣлъ сострадательно, и на тебя никто не посмотритъ съ сожалѣніемъ; презиралъ ты скорбящаго, презрятъ и тебя гибнущаго; бѣгалъ ты случаевъ оказать милость, и отъ тебя побѣжитъ милость; гнушался ты нищаго, возгнушается и тобою, кто отъ тебя былъ въ нищетѣ. Если сказано будетъ это и подобное этому, то гдѣ окажется золото? гдѣ блестящіе сосуды... Гдѣ записанныя въ книгахъ примѣты? Что онѣ значатъ противъ плача и скрежета зубовъ? [1]) Такъ св. отецъ возстаетъ противъ „добродѣтели бережливости“, насколько она простирается на отказъ просящимъ и нуждающимся. Подобно этому же св. Григорій возстаетъ и противъ стремленія не только „хранить“, но и „умножать“ свое имущество. Особенно горячо возстаетъ св. Григорій, подобно своему брату Василію, противъ того пути умноженія имущества, какой представляетъ собою отдача денегъ въ ростъ на проценты.

Въ особомъ словѣ „противъ ростовщиковъ“ [2]) св. отецъ изображаетъ образно и страданіе бѣдныхъ, вынужденныхъ по нуждѣ еще болѣе связывать свою жизнь тяжелымъ оброкомъ; и недоброе настроеніе сердца того, кто ищетъ прибыли отъ бѣдности и страданій другого, и даже прикрывается видами человѣколюбія; и убѣжденный призывъ миловать нуждающихся и довѣрчиво относиться къ каждому просящему. Сущность воззрѣній св. отца выражена въ заключительныхъ словахъ названной бесѣды его: „я прежде всего проповѣдаю и увѣщаю дарить; затѣмъ приглашаю и давать въ займы (ибо даяніе въ займы есть второй видъ даренія); но дѣлать это безъ лихвы и приращеній, но какъ повелѣло намъ слово Божіе. Ибо одинаково

---

[1]) „О блаженствахъ“, слово V, т. 2, стр. 433—435. [2]) Т. VII, стр. 457—473

повиненъ наказанію и не дающій взаймы, и дающій съ лихвою, поелику первый осуждается въ нечеловѣколюбіи, а послѣдній въ барышничествѣ“ [1]). Св Григорій не усумнился поставить съ точки зрѣнія этической оцѣнки ростъ на одну линію съ разбоемъ и убійствомъ. Св. отецъ думаетъ, что, если кто назоветъ „лукавое примышленіе ростовъ... новымъ разбоемъ и убійствомъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо какая разность имѣть у себя чужое, что тайно награблено изъ подкопанной стѣны, и убивъ прохожаго, сдѣлаться обладателемъ его собственности, или вынужденнымъ ростомъ пріобрѣсть себѣ непринадлежащее? Какое худое проименованіе: ростъ служитъ именемъ разбою!... Если кто насильно отниметъ или тайно украдетъ у другого путевой запасъ, называютъ его грабителемъ, воромъ и тому подобными именами, а кто причиняетъ засвидѣтельствованную обиду и жестокость, договорами подтверждаетъ беззаконіе, того называютъ человѣколюбивымъ, благодѣтелемъ, спасителемъ и всѣми добрыми именами. Пріобрѣтенное грабежемъ называютъ кражею, а кто при такой нуждѣ обнажаетъ Христа, того жестокость величается человѣколюбіемъ; ибо такъ называютъ наносимый ущербъ бѣднякамъ“ [2])

Св. Григорій выступалъ также ревностнымъ противникомъ роскоши въ христіанской жизни, какъ несовмѣстимой съ христіанскимъ настроеніемъ и въ отношеніи будущихъ небесныхъ благъ и съ отношеніемъ къ бѣдствующей братіи. Если, какъ мы уже упомянули, по взгляду св. Григорія, первымъ долгомъ для каждаго имущаго является то, чтобы дѣлиться своимъ достаткомъ съ неимущимъ, то ясно, что какъ бережливость есть тяжкій грѣхъ, служа выраженіемъ жестокосердія,—что было уже нами указано,—такъ и роскошь свидѣтельствуетъ объ этомъ же эгоизмѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ христіанскимъ настроеніемъ. И ветхозавѣтный прообразъ манны [3]) и, особенно, прошеніе молитвы Господней *„хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“* поучаютъ насъ, по взгляду св. Григорія, что необходимо въ жизни ограничиваться только необходимымъ. Въ яркихъ образахъ рисуетъ св. Григорій контрастъ роскоши и параллельно съ ней существующей нищеты, чтобы показать всю несовмѣстимость роскоши и всякаго рода излишества въ жизни христіанина, пока въ мірѣ существуетъ бѣдность и недостатокъ въ насущно необходимомъ. „Вы, сотворенные разумными и имѣющіе умъ, который служитъ истолкователемъ и учителемъ Божественныхъ повелѣній, не обольщайтесь преходящимъ, убѣждаетъ св. Григорій... Опредѣлите мѣру жизни... Что же влечетъ за собою роскошь? Гдѣ не появится это зло, оно, какъ болѣзнь, необходимо влечетъ за собою и свои

---

[1]) Стр. 472—473. [2]) „Точное истолкованіе Екклесіаста Соломонова“, бесѣда IV, т. 2, стр. 265—267. [3]) „О жизни Моисея Законодателя“, т. 1, стр. 307.

бурныя послѣдствія. Рѣшившіеся имѣть роскошный и изнѣженный столъ необходимо вовлекаются въ постройку великолѣпныхъ зданій и издерживаютъ много богатства на обширные дома и изысканное украшеніе ихъ, при этомъ заботятся о красотѣ одровъ, убирая ихъ цвѣтными и всячески испещренными коврами; дѣлаютъ очень дорогіе серебряные столы... Обрати со мною вниманіе и на другое: чаши, треножники, кружки, рукомойные сосуды, блюда, безчисленные ряды стакановъ; шутовъ, актеровъ, музыкантовъ, пѣвчихъ... Въ то время, какъ все это совершается внутри дома, у воротъ просидятъ безчисленные Лазари. одни—покрыты тяжкими язвами, другія—съ выбитыми глазами, иныя—оплакиваютъ потерю ногъ, а нѣкоторые изъ нихъ совершенно ползаютъ, потерпѣвъ лишеніе всѣхъ членовъ. Но, взывая, они не бываютъ услышаны; ибо мѣшаетъ шумъ трубъ, пѣсни пѣвцовъ и грохотъ сильнаго смѣха. Если же бѣдные какъ-нибудь посильнѣе постучатъ въ двери, дерзкій привратникъ немилостиваго господина, выскочивъ откуда-нибудь, отгоняетъ ихъ палками, зоветъ безпощадныхъ собакъ и бичами растравляютъ ихъ раны. И отходятъ други Христовы, о которыхъ прежде всего говорятъ заповѣди, не получивъ ни куска хлѣба, ни кушанья, съ однимъ прибыткомъ обидъ и ударовъ.. Двойной грѣхъ обитаетъ въ этомъ домѣ: одинъ—пресыщеніе упивающихся, другой—изгнаніе голодающихъ нищихъ. Если Господь видитъ это (а Онъ, конечно, видитъ), то что, по вашему мнѣнію, послѣдуетъ за такую жизнь? Не будемъ мертвы для вѣры и безсмертны для наслажденій А такого образа мыслей держимся мы, когда желаемъ всѣмъ жертвовать плотскому обольщенію, какъ домовладыки, имѣющіе наслѣдниковъ, какъ постоянные господа на землѣ... Помыслимъ, какъ существа разумные, что жизнь наша преходяща, что время текуче, непостоянно и неудержимо, какъ какой-нибудь рѣчной потокъ, который все, что ни попадетъ въ него, несетъ къ конечной погибели [1]).

Какъ видимъ, св. Григорій Нисскій на богатство смотрѣлъ сходно со св. Василіемъ Великимъ, хотя взглядовъ своихъ не выразилъ съ такою опредѣленностію и силою выраженія, какъ св. Василій. Сходно смотрѣли святые братья и на бѣдность, при чемъ св. Григорій Нисскій особенно картинно и въ то же время сердечно изображалъ страданія бѣдняковъ, которые должны были привлечь любящее вниманіе христіанъ. О произвольной бѣдности св. Григорій говорилъ мало, хотя, несомнѣнно, ставилъ такую нищету на высоту нравственной добродѣтели, такъ какъ подъ „нищими духомъ“, ублажаемыми Евангеліемъ, видѣлъ и тѣхъ христіанъ, которые добровольно отказывались отъ своего богатства для слѣдованія за Господомъ [2]).

[1]) „О нищелюбіи и благотворительности“, слово I, т 7, стр. 406—411. [2]) „О блаженствахъ“, т. 2, стр. 373—374.

Но съ особенно живымъ чувствомъ св. Григорій изображаетъ бѣдствія нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова, и эти изображенія говорятъ съ несомнѣнностію о тѣхъ сердечныхъ переживаніяхъ страданій бѣдняковъ, какими дѣлился св. Григорій со своими пасомыми. Мы позволимъ себѣ привести одно изъ изображеній св. Григоріемъ страданій бѣдняковъ, чтобы видна была вся теплота того чувства, какое изливалось на нищихъ въ древней Церкви со стороны архипастырей ея „Почему—спрашиваетъ св. Григорій—никто изъ тѣхъ (нищихъ больныхъ), кого ты видишь, не возбуждаетъ въ тебѣ сожалѣнія? Видишь скитающихся людей: подобно животнымъ разсѣялись они для отысканія пищи. Рубища, коими владѣютъ,—ихъ одежда; палки въ рукахъ—это оружіе, это и опора... Дырявая котомка и кусокъ хлѣба, испорченный плесенью и гнилью; эта котомка составляетъ для нихъ очагъ, домъ, подстилку, кровать, кладовую, столъ и все, что требуется для жизни... Одни нищіе съ одними собою только обращаются.., составляя предметъ отвращенія для другихъ, они по необходимости не гнушаются другъ другомъ. Отовсюду изгоняемые, они стекаясь другъ къ другу, составляютъ особый народъ. Видишь ли нерадостныхъ пѣвцовъ, этотъ печальный и плачевный хоръ? Какъ они дѣлаютъ зрѣлище изъ своего безобразнаго тѣла, какъ бы какія показывагели рѣдкостей.. Поэты печальныхъ пѣсней, пѣвцы горькихъ пѣснопѣній, слагатели новой и жалкой трагедіи, пользующіеся не чужими трагическими разсказами для изображенія страданій, но своими собственными бѣдами пополняющіе театральное представленіе. Какія изображенія! Какія повѣствованія! Какіе разсказы отъ нихъ слышимъ! Слышимъ, какъ они были отринуты родителями безъ всякой вины; какъ отгоняютъ ихъ отъ общественныхъ собраній, праздниковъ и торжествъ, какъ бы какихъ человѣкоубійцъ... Поэтому-то по необходимости бросаются эти жалкіе къ ногамъ людей, умоляя каждаго встрѣчнаго. Часто плакалъ я при этомъ печальномъ зрѣлищѣ.. Видѣлъ я зрѣлище полное слезъ... Вѣчно въ жизни бѣдствуя, они имѣютъ постоянный поводъ для плача... По причинѣ болѣзни имѣютъ нужду въ другихъ, которые вели бы ихъ; а по причинѣ скудости опираются другъ на друга... Будучи и каждый самъ по себѣ жалокъ, они, чтобы болѣе возбудить состраданія людей, слагаютъ вмѣстѣ взаимныя страданія... привлекая милосердіе каждый особымъ какимъ-либо видомъ страданія“,—и далѣе св. отецъ призываетъ не только къ милосердію въ отношеніи такихъ несчастныхъ, но и къ братскому общенію съ ними [1]).

Въ твореніяхъ св. Григорія Богослова по вопросу объ отношеніи христіанина къ богатству и бѣдности встрѣчаются по су-

[1]) „О нищелюбіи и благотворительности“, т. 7, стр. 418—423.

ществу тѣ же мысли, что и двухъ другихъ „великихъ Каппадакійцевъ“, только св. Григорій Богословъ съ особенною любовію останавливается на преимуществахъ въ нравственномъ отношеніи бѣдности и отмѣчаетъ въ ней цѣлый рядъ такихъ сторонъ, благопріятствующихъ дѣлу духовнаго возрастанія, которыя ранѣе не были отмѣчаемы, а позднѣе нашли еще болѣе яркое развитіе въ твореніяхъ Іоанна Златоустаго.

Во взглядѣ на богатство св. Григорій оттѣнялъ тѣ же стороны его, какія оттѣняли и другія отцы: призрачность и суетность богатства по существу его, недоброе вліяніе на настроеніе обладающаго богатствомъ, несовмѣстимость пріобрѣтенія богатства и обладанія имъ съ истинно братскою любовію къ ближнимъ. „Здѣшнія блага—говоритъ св. Григорій—быстро протекаютъ, даются на часъ, и, подобно какъ камешки въ игрѣ, перекидываются съ мѣста на мѣсто и переходятъ то къ тѣмъ, то къ другимъ; ничего здѣсь нельзя назвать своимъ, все или время отниметъ или зависть переведетъ въ чужія руки. Но и это самое, что ни одно изъ здѣшнихъ благъ невѣрно людямъ и не прочно, мнѣ кажется прекраснымъ, какъ и все прочее, устроено предусмотрительнымъ Художникомъ... направлено къ тому, чтобы мы, усмотрѣвъ ихъ непостоянство и перемѣнчивость, скорѣе устремились къ пристанищу будущей жизни [1]).

„Кто ты—спрашиваетъ св. отецъ человѣка, мысли котораго устремлены къ пріобрѣтенію богатства—, отваживающійся на такія дѣла? Почему такъ поступаешь? И на что надѣешься? Можетъ быть настоящая ночь застигнетъ тебя уже мертвымъ, похитивъ изъ среды всего тобою вожделѣваемаго. Какъ это ужасно! Другіе все и тѣло и имущество приносятъ въ даръ Богу, отъ Котораго все; а ты всего домогаешься, все тебѣ надобно имѣть. Что же пріобрѣтаешь, какія страшныя сокровища? У тебя на столѣ груды снѣдей: это отрада узкой гортани, о которой всѣ твои заботы... у тебя огромные дома, въ которыхъ большая часть стоитъ пустою, съ золотыми потолками и блещущими картинами; у тебя слуги, наряженные на подобіе женщинъ..., у тебя пьянство, лики поющихъ, дружныя рукоплесканія, при которыхъ растлѣвается красота образа Божія... Что же еще у тебя драгоцѣннаго? Можетъ быть хочешь оставить дѣтей богатыми... Это значило бы еще что-нибудь, если бы сбылись твои надежды. А теперь никто не знаетъ, гдѣ сотлѣетъ твой прахъ... Ты трудишься, и по дому, быть можетъ, не спишь, и ночи наравнѣ съ днями проходятъ у тебя въ заботахъ; отъ того больше имѣешь горестей, нежели наслажденій... Но это сберегается не для тебя, и не для кого ты надѣешься, а достанется кому-нибудь, можетъ быть человѣку для

[1]) „Слово о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 20.

тебя стороннему... Такъ суетны мечты человѣческія! Для этого, если можешь что выдумать, присовокупляй къ пріобрѣтенному, мучь себя, дѣлай насилія, не оставляй безъ испытанія никакихъ худыхъ мѣръ... Еще немного и богатство... потечетъ, какъ излишнее бремя изъ пресыщеннаго чрева. Еще немного подождать и наступитъ судъ, или еще здѣсь, что гораздо лучше, или если не здѣсь, то въ будущей жизни... Пріймешь ли это или не пріймешь, но напомню тебѣ гробъ. Это—предѣлъ всѣхъ худыхъ дѣлъ, и у тебя будетъ такой же конецъ, какъ и у всякаго“ [1]). И всякое богатство, это золото и серебро, искони и прозрачные камни, это „вещество земное, преходящее и на землѣ остающееся, котораго всегда больше имѣютъ злые—рабы дольняго, рабы міродержителя“ [2]),—всякое богатство не столько доставляетъ отрады его владѣльцу, сколько скорбей и грѣха, дѣлая богатаго въ одно и то же время жалкимъ и неправеднымъ. „Для чего изнурять себя?—говоритъ св. отецъ. Простое дѣло—довольствоваться тѣмъ, что имѣешь. А при неумѣренномъ пріобрѣтеніи великъ и трудъ: ссоры, тяжбы, обманы, ложныя клятвы; кромѣ же всего прочаго, забота, какъ мгла, всегда приноситъ имъ что-нибудь чуждое... Жадность вездѣ отвратительна, но не такой представляется тебѣ, у котораго разумъ подавленъ. Однимъ уже владѣешь, другого желаешь, третьяго надѣешься... Ты чтишь золото; снѣдь моли—одежды похоронены у тебя въ сундукахъ; всегда окруженъ ты скупщиками хлѣба, торгуешь самымъ безвременьемъ. Одни плачутъ, другіе питаются надеждой, потому что надежда есть легкая греза на яву. А ты на однѣ житницы кладешь печать, а другіе предусмотрительно открываешь... Увы! Увы! Ты берешь подать съ несчастія бѣдныхъ, собираешь плоды съ чужого невзгодья; затруднительное положеніе другихъ для тебя своего рода жатва... Не отдать ли тебѣ одному всю землю? Но если отдадимъ это, не останется ли еще чего? Что будешь ты дѣлать? Не употребишь ли усилій пріобрѣсти и то? Непрестанно будешь трудиться, потому что ты нищій, пока не получишь остального... Какъ не утоляетъ жажды морская вода и любви—продолжительное смотрѣніе на любимый предметъ, напротивъ того, любовь воспламеняется вдвое; такъ для ненасытныхъ пріобрѣтаемое ими дѣлается отравой, которая непрестанно возбуждаетъ въ нихъ пожеланіе еще большаго... Многое именуется грѣхомъ и дѣйствительно грѣхъ; но идолослужителемъ (а это есть самый тяжкій грѣхъ въ мірѣ) называется тотъ, кто ничего не знаетъ и не ставитъ выше денегъ“ [3]). Какъ видимъ, св. Григорій въ своей рѣчи о любящихъ богатство ставилъ пріобрѣтеніе его въ очень тѣсную

---

[1]) „На богатолюбцевъ“, т 5, стр. 183—185, 190. [2]) Слово 1 на Пасху, т. 1, стр. 4. [3]) „На богатолюбцевъ“, т. 5, стр. 183, 186, 191.

связь съ обидой ближняго. Горячій призывъ св. отца, поэтому, не дозволять себѣ „обогащаться нищетою другихъ". „Не отступимъ—говоритъ онъ—такъ далеко отъ Божіей правдивости, не смѣшаемъ богатства своего съ чужими слезами" [1]). Но и вообще, во взглядѣ на происхожденіе богатства, на начало того порядка жизни, когда люди начали дѣлиться на богатыхъ и бѣдныхъ, св. Григорій видитъ нарушеніе основного Божественнаго закона жизни, какъ это уже отчасти было отмѣчено нами въ первой главѣ. „Послѣдуемъ — говоритъ святитель—высочайшему и первому закону Самого Бога..., Который всѣмъ человѣкомъ даровалъ въ изобили первыя потребности жизни, кои ни власти не подлежатъ, ни закономъ не ограничиваются, ни предѣлами государствъ не преграждаются, но предложены всѣмъ и каждому въ богатой мѣрѣ, и, между тѣмъ, нисколько отъ того не оскудѣваютъ... А люди, зарывъ въ землю золото и серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтные камни и другія подобныя драгоцѣнности—сіи свидѣтельства брани, междоусобій и древняго насильства восхитителей верховной власти,— послѣ того, безумные, поднимаютъ еще брови и бѣдствующимъ сродникамъ своимъ по естеству отказываютъ въ милосердіи, не желая даже излишками своими помочь имъ въ нуждахъ ихъ. Какое невѣжество! Какая глупость! Не говорю уже о другомъ; по крайней мѣрѣ то представили бы они, что бѣдность и богатство, свободное, въ обыкновенномъ смыслѣ понимаемое, состояніе... въ послѣдствіи времени появились въ родѣ человѣческомъ и, какъ нѣкоторыя недуги, вторглись вмѣстѣ съ неправдою, которая и изобрѣла ихъ" [2]). Повидимому, уже во дни св. Григорія были именующіе себя христіанами, которые лицемѣрно оправдывали пресыщеніе богатствомъ на ряду со страданіями бѣдности ссылками на то, что богатство—даръ Божій. Св. Богословъ рѣшительно отклоняетъ такое оправданіе. „Когда мы слышимъ—говоритъ онъ—слова: *нищъ и богатъ срѣтоста другъ друга: обоихъ же Господь сотвори;* то не думай, будто Господь сотворилъ одного нищимъ, а другого богатымъ для того, чтобы ты еще больше могъ нападать на нищаго: ибо неизвѣстно, отъ Бога ли произошло такое раздѣленіе. Въ сихъ словахъ писанія показывается только то, что и нищій, и богатый равно созданы Богомъ, хотя и неодинакова ихъ внѣшняя участь" [3]). По вопросу объ отношеніи къ богатству въ виду окружающей нужды св. Григорій, конечно, смотрѣлъ согласно со всѣми истинными учителями Церкви и видѣлъ долгъ вѣрующаго не въ томъ, чтобы хранить и умножать имущество, но раздавать его, и поэтому горячо осуждалъ

---

[1]) Слово 29, т. 2, стр. 127. [2]) „Слово о любви къ бѣднымъ", т. 2, стр. 25—26. [3]) Тамъ же, стр. 36 - 37.

всякую роскошь въ жизни христіанъ. Идеаломъ, въ этомъ случаѣ, для св. Григорія являлось совершенное отреченіе отъ имущества, а наименьшею мѣрою христіанской справедливости — подѣлиться своимъ богатствомъ съ бѣдными. „Намъ должно—говоритъ онъ—или все оставить для Христа, дабы взявъ крестъ, истинно слѣдовать за Нимъ, и сдѣлавшись легкими, развязанными и ничѣмъ не увлекаемыми внизъ, какъ на крыльяхъ летѣть къ горнему міру, и возвысившись смиреніемъ, обогатившись убожествомъ, въ замѣну всего пріобрѣсть Христа; или раздѣлить свое имущество со Христомъ, дабы и самое обладаніе имуществомъ освятилось чрезъ то, что мы будемъ обладать имъ, какъ должно, и соучастниками въ немъ будутъ неимущіе. Если же буду я сѣять для одного себя, то скажу словами Іова. пусть я посѣю, *а инии да поядятъ; вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми крапива; а вмѣсто ячменя—терніе* [1]) Пусть жгучій вѣтръ убьетъ и вихрь развѣетъ мой посѣвъ такъ, чтобы всѣ труды мои остались напрасными. Если я стану строить житницы, собирая сокровища отъ маммоны и для маммоны, то пусть въ сію же ночь истяжутъ душу мою, для истребованія отчета въ зломъ стяжаніи богатства“ [2]). „Не люби богатства - увѣщеваетъ св. отецъ—, если оно не помогаетъ бѣднымъ“ [3]). „Откажись отъ всего и стяжи одного Бога.. А если не хочешь оставить все, отдай большую часть. Если же и того не хочешь, по крайней мѣрѣ излишки употребляй благочестиво“ [4]). Излишки, т. е. все то, что превосходитъ мѣру необходимаго. Вотъ въ какихъ чертахъ св. Григорій описываетъ эту простоту христіанской жизни. „Мы не высоко думаемъ о богатствѣ, къ которому, аще течетъ, законъ намъ повелѣваетъ не прилагать сердца; не высчитываемъ у себя годовыхъ и ежедневныхъ доходовъ: не тщеславимся грузомъ стола и приправами для безчувственнаго чрева..., но живемъ просто, не запасаясь на завтрашній день, мало чѣмъ различаясь отъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ ни сосудовъ, ни запасовъ“ [5]). Вообще св. Григорій горячо возставалъ противъ роскоши, отмѣчая съ выразительностію ея совершенное несогласіе съ началомъ христіанской, братской любви. Нарисовавши потрясающую картину бѣдствій нищихъ прокаженныхъ, сонаслѣдниковъ нашихъ предъ лицомъ будущей жизни, св. отецъ обращается къ своимъ пасомымъ съ призывомъ къ милосердію и отказу отъ роскоши въ жизни. „Что же мы—спрашиваетъ онъ—, наслѣдовавшіе сіе великое и новое имя, чтобы называться по Христѣ народомъ святымъ..., учениками крѣпкаго и человѣколюбиваго Христа... что сдѣлаемъ? Пре-

---

[1]) Іов., XXXI, 8, 40. [2]) „Слово о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 18. [3]) Слово 44 на недѣлю новую. т 4, стр. 119. [4]) „Мысли, писанныя четверостишіями“, т. 5, стр. 173. [5]) Слово 33 противъ аріанъ, т 3, стр. 140—141

зримъ мы ихъ (нищихъ прокаженныхъ)? Пробѣжимъ мимо?... Нѣтъ, братья. Не тому учитъ насъ—овецъ Своихъ—добрый Пастырь, Христосъ.. не то внушаетъ и природа человѣческая... Ужели они будутъ томиться подъ открытымъ небомъ, а мы станемъ жить въ великолѣпныхъ домахъ, разцвѣченныхъ всякаго рода камнями, блещущихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоръ? Да еще въ однихъ будемъ жить, а другіе строить?. Они будутъ трястись отъ стужи въ разорванныхъ рубищахъ, а можетъ еще и тѣхъ имѣть не будутъ, а мы будемъ нѣжить себя, покрываясь мягкою и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шелку, и между тѣмъ, какъ одними уборами будемъ не столько украшать себя, сколько обезображивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразіемъ), другіе наряды.. будутъ лежать у насъ въ кладовыхъ. Они будутъ нуждаться—о пагубная моя роскошь! О бѣдственное ихъ томленіе!—будутъ нуждаться и въ необходимой пищѣ; будутъ въ изнеможеніи, голодные валяться у воротъ нашихъ, не имѣя даже столько силъ, чтобы просить, не имѣя голоса, чтобы рыдать; рукъ, чтобы протянуть ихъ для приведенія насъ въ жалость; ногъ, чтобы подойти къ богатымъ... Таково ихъ состояніе! А мы, роскошно одѣтые, будемъ съ важностію возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ.. Намъ нужно, чтобы всѣ стихіи,—и воздухъ, и земля, и вода,—въ обилии доставляли намъ дары свои, и столъ нашъ весь былъ уставленъ и обремененъ мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваровъ и пекарей... Для нихъ много значитъ утолить жажду и водою, а у насъ пѣнится въ чашахъ вино: пей до упоенія даже до безчувствія, если кто невоздержанъ. Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностію разсуждать... Что это такое, други и братья?.. Для чего не спѣшимъ, пока еще есть время, помогать сродникамъ нашимъ по естеству? Для чего, будучи сами плоть, не покрываемъ безобразія плоти? Для чего предаемся нѣгѣ, видя бѣдствіе нашихъ братій? Не дай мнѣ Богъ, ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здоровьемъ, когда не подамъ помощи къ уврачеванію ихъ ранъ, ни имѣть достаточной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, когда не раздѣлю съ ними хлѣба, не снабжу ихъ, по возможности, одеждою, и не успокою подъ моимъ кровомъ“ [1]).

Обращаясь послѣ изложенія взглядовъ св. Григорія Богослова на богатство и должное отношеніе къ нему христіанъ, обратимся къ изложенію воззрѣній этого св. отца на бѣдность, то, согласно сказанному, найдемъ въ твореніяхъ святителя очень опредѣленное

[1]) „О любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 15--18.

выясненіе того отношенія, въ какомъ находится имущественная бѣдность, и особенно добровольная, къ дѣлу христіанскаго спасенія. Уже одно то, что св. Григорій видѣлъ идеальное отношеніе къ имуществу въ томъ, чтобы совершенно раздать его и „стяжать одного Бога“, уже это ясно говоритъ, что, несмотря на ясное сознаніе неизбѣжныхъ страданій, связанныхъ съ бѣдностію, св. отецъ въ послѣдней видитъ высокія преимущества, въ отношеніи нравственнаго совершенствованія личности. Много разъ мы встрѣчаемъ въ его твореніяхъ прямыя указанія на личную добровольную бѣдность [1]). И это могло служить естественнымъ побужденіемъ для святителя выяснить передъ своими слушателями высокія преимущества бѣдности, сравнительно съ попеченіями о богатствѣ и вообще земномъ благополучіи.

Мы не будемъ приводить отдѣльныхъ, довольно многочисленныхъ выдержекъ изъ сочиненій св. Григорія, гдѣ онъ говоритъ о преимуществахъ бѣдности съ этико-христіанской точки зрѣнія, такъ какъ въ общемъ, все высказанное въ отдѣльныхъ мѣстахъ по этому поводу, приведено св. отцомъ къ единству въ его діалогѣ „сравненіе жизни духовной и жизни мірской“. Вотъ существенныя мѣста этого діалога, имѣющія отношеніе къ интересующему насъ вопросу. „Жизнь мірская“ похваляется богатствомъ и указываетъ на его преимущества. „Жизнь духовная“ похваляется нищетою и говоритъ о благахъ, доставляемыхъ ею. Ж. М.: у меня есть богатство; оно низлагаетъ враговъ, снѣдаетъ завистію злыхъ, пріобрѣтаетъ лишь друзей, даетъ престолы и право величаться въ обществѣ. Ж. Д. А у меня есть нищета; она доставляетъ мнѣ то, что не имѣю враговъ. Безопаснѣе же возбуждать состраданіе, чѣмъ зависть. И престолы шатки, и друзья по большей части бываютъ только при времени... Ж. М. Но чѣмъ нищему обезопасить жизнь? Гдѣ у него стрѣлы, двери, боевыя орудія, оруженосцы? Ж. Д. Нужныя лишь для того, чтобы не украли тѣла! Оно одно и небольшое рубище составляютъ все мое имущество. Разбойникъ или притѣснитель пусть идетъ къ другимъ... У меня одно богатство — Богъ. Если Онъ пріобрѣтенъ мною, никто Его не похититъ, хотя возьметъ все прочее... Никто не живетъ въ такой безопастности, какъ человѣкъ бѣдный. Богачъ приноситъ жертвы *своей* мрежи [2]), самъ у себя *лобзаетъ руку* [3]), какъ друга, а не славословитъ Бога, подателя благъ. И, наконецъ, собранное имъ перейдетъ въ руки чужому... Но у меня, если умру, со мною пойдетъ все, лично нажитое, ничего не останется ни зависти, ни превратному счастію“. Ж. М. Какъ хорошо не смот-

---

[1]) Напр., „на богатолюбцевъ“, т. 5, стр 189; „Слово противъ аріанъ“, т. 3, стр. 140—141, „Слово о себѣ самомъ“, т. 2, стр. 249 и др. [2]) Ав. I, 16. [3]) Іов. XXXI, 27.

рѣть въ руки сосѣдямъ, тогда какъ другіе, можетъ быть и благочестивые, смотрятъ мнѣ въ руки! Ж. Д. Какъ хорошо смотрѣть въ руки одному Богу.., не дѣлать ничего постыднаго изъ желанія пріобрѣсть....не искать удовольствія въ пресыщеніи и въ удовлетвореніи чреву... Мое лакомство—хлѣбъ; для меня самая вкусная приправа—соль, имѣя ихъ, призираю затѣи роскошныхъ, какъ горечь. Ж. М. Мое наслажденіе—благовоніе мазей, пѣсни, рукоплесканія, мѣрные перегибы ногъ подъ ладъ многозвучныхъ органовъ. Ж. Д. А по мнѣ за сіе-то самое и худо богатство, какъ учитель пороковъ. Для насъ лучше твоихъ органовъ псалмопѣніе, которое настраиваетъ душу для мысленнаго міра. Всякаго же мира благоуханнѣе Христосъ.. Я рукоплещу, когда вижу паденіе моего убійцы, внушившаго мнѣ какое-нибудь худое слово или дѣло У меня есть и пляска —это восторженіе къ Богу Ж М. Ты, можетъ быть, скажешь еще, что нищета помогаетъ въ болѣзняхъ, служитъ лучшимъ врачеваніемъ для раба. Ж. Д. Этого не скажу, потому что неправда. Лучше пусть будетъ сказано, что справедливо. Бѣдный гораздо крѣпче силами, нежели достаточный... Онъ терпитъ голодъ и стужу, въ полдень опаляется солнцемъ, утомляется ходьбою, обременяется ношами, мокнетъ на дождѣ.. Что еще сказать о презорствѣ, о гнѣвѣ, объ изступленіи, о дерзости, о пьянствѣ, о необузданномъ смѣхѣ, о срамномъ смѣхѣ, о пренебреженіи Бога, родства, дружбы? Все это не въ той мѣрѣ бываетъ у бѣдныхъ, какъ въ богатыхъ, потому что богатство приноситъ съ собою... погибель... Ты презираешь нищихъ, какъ будто у нихъ другой Богъ; но я знаю одну тварь, знаю, что всѣ явимся на одинъ судъ... Ты превозносишься удобствами жизни, а меня уцѣломудриваетъ страхъ. Ничто не кажется тебѣ страшнымъ; ты не боишься и самыхъ великихъ пороковъ; потому что роскошная жизнь препятствуетъ тебѣ судить здраво. А мнѣ и малые проступки кажутся достойными слезъ. Какъ же могу стерпѣть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сонъ, удобно лежитъ ребро съ ребромъ, для тебя пріятны сновидѣнія... Меня пугаютъ видѣнія жестокой ночи: судъ; Судія неподкупный, трепетное предстояніе судилищу... И Богъ тебѣ въ Бога, когда только подаетъ во всемъ успѣхъ; а для меня Онъ досточтимъ, хотя посылаетъ и противное... Чѣмъ сильнѣе меня угнетаютъ, тѣмъ болѣе приближаюсь къ Богу; страданія тѣснѣе соединяютъ меня съ Богомъ... Мнѣ и въ голодѣ, и въ холодѣ, и въ скорби опора и отрада—Богъ. Обижай меня, бей, укоряй въ подлости рода и нищетѣ, попирай, притѣсняй... я все терплю для Бога, къ Нему обращаю взоры, простираюсь мыслію въ жизнь послѣдующую, тѣмъ упокаиваюсь, но не знаю ничего дальняго... Для меня достаточно Бога, хотя бы все прочее присвоилъ себѣ другой“ [1]). При этомъ,

[1]) Т. 5, стр. 159—165

св. Григорій съ опредѣленностію оттѣнялъ, что истинную силу и нравственное величіе бѣдности придаетъ добровольность подвига ради высшихъ цѣлей духовнаго совершенствованія „Но что же—слышитъ св. отецъ искушающій голосъ,—развѣ и у тебя (бѣднаго) нѣтъ болѣзней и бѣдствій? Не скудна ли и не бездомна ли твоя жизнь?“. „Опять—отвѣчаетъ святитель—ты хватаешься за чужія бѣдствія. Что тебѣ до этого? Это мои несчастія... Но послушай еще: у насъ съ тобой и страданія неравны. Изъ этого иное самъ я избралъ, а не по неволѣ стражду. Добровольно хочу быть нищимъ и скитальцемъ, чтобы освободиться отъ узъ и не на землѣ имѣть свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротивъ... Ты почитаешь это бѣдствіемъ? Оно и дѣйствительно для тебя бѣдствіе. А для меня, хотя и болѣзненно, потому что и я, какъ человѣкъ (не отрекусь отъ этого) имѣю перстный составъ, ношу въ себѣ слѣды древа и доставленнаго имъ удовольствія, однакоже я переношу это и даже терплю съ любовію. Мое страданіе лучше твоей крѣпости“ [1]). „Охотно бы совлекъ я съ себя и сіи рубища, чтобы безъ нихъ итти по терніямъ жизни! Охотно, какъ можно скорѣе, сложилъ бы съ себя и этотъ тяжелый хитонъ, чтобы получить болѣе легкій“ [2]). „Всего безопаснѣе человѣкъ неимущій. Онъ обращенъ къ Богу и на него одного взираетъ“ [3]).

Таково согласное въ основахъ ученіе о богатствѣ и бѣдности великихъ Капподакійцевъ, и мы вправѣ разсматривать ихъ ученіе, какъ выраженіе мыслей всего православнаго Востока этого періода Но съ наибольшею полнотою, рѣдкой выразительностію и горячей убѣжденностію воззрѣнія православно-церковной мысли на древнемъ христіанскомъ Востокѣ по интересующему насъ предмету выражены величайшимъ изъ учителей Церкви св. Іоанномъ Златоустымъ. Св. Іоаннъ стоитъ всецѣло на той же почвѣ при разъясненіи интересующаго насъ вопроса, на какой утверждались и предшествовавшіе отцы Церкви. Но въ бесѣдахъ св. Іоанна вопросъ разсматривается такъ всесторонне, а церковныя воззрѣнія выражены такъ выразительно и рѣзко опредѣленно, что эти бесѣды должны быть признаны совершеннѣйшимъ выраженіемъ христіанскаго церковнаго сознанія по вопросу объ отношеніи къ богатству и бѣдности. Поэтому мы и попытаемся изложить взглядъ св. Іоанна въ возможно стройной системѣ, по возможности не опуская ничего существенно важнаго, съ одной стороны, и соблюдая соразмѣрность въ раскрытіи частныхъ сторонъ предмета, съ другой. Наша задача—проникнуть въ самый духъ ученія святителя, не утверждаться на

---

[1]) „На богатолюбцевъ“, т 5, стр 189. [2]) „Слово о себѣ самомъ“, т. 2, стр. 249. [3]) т. 5, стр. 173.

отдѣльныхъ его выраженіяхъ, но стремиться постигнуть основы свято отеческихъ воззрѣній и притомъ дать возможность самому читателю провѣрить правильность нашихъ обобщеній чрезъ приведеніе или указаніе цѣлаго ряда мѣстъ въ твореніяхъ св. Іоанна, относящихся къ уясненію извѣстнаго вопроса. Дать такую возможность мы считаемъ своимъ долгомъ особенно въ отношеніи св. Іоанна Златоуста. Достаточно, конечно, извѣстно, что въ религіозно-этической и исторической литературѣ были попытки характеризовать до противоположности различно отношеніе великаго учителя Церкви къ имущественному вопросу. Одни готовы были видѣть въ немъ озлобленнаго врага привеллигированныхъ классовъ и богатыхъ, своего рода вождя демократіи, а другіе—защитника тѣхъ взглядовъ на богатство, какіе такъ усердно развиваются въ нашей современной литературѣ. Первыя сужденія высказывались еще многими современниками святителя и повторяются до нашихъ дней въ извѣстныхъ кругахъ религіозно-общественной мысли. По этому поводу мы ничего не можемъ сказать больше того, что было сказано въ отношеніе своего ученія самимъ Іоанномъ Златоустымъ. Такъ какъ эта сторона дѣла имѣетъ важное принципіальное значеніе для выясненія основной идеи, лежащей въ центрѣ воззрѣній св. отца, то мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ бесѣдъ св. Іоанна, гдѣ онъ касается неправильнаго пониманія его учительства въ смыслѣ ненависти къ богатымъ. „Опять, скажутъ мнѣ, ты противъ богатыхъ—говоритъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ святитель, очевидно слышавшій такіе упреки—? А вы—отвѣчаетъ святитель—опять противъ бѣдныхъ?... Вы не насыщаетесь, пожирая и терзая бѣдныхъ, а я не насыщаюсь, исправляя васъ... Я не противъ богатыхъ, но за богатыхъ... Скажешь: ты ненавидишь меня. Нѣтъ, я люблю тебя. Я имѣю заповѣдь Господа моего: *любите враги ваша.* Я не перестану врачевать тебя... Развѣ тебя я преслѣдую? Я преслѣдую страсть твою. Развѣ съ тобою я сражаюсь? Съ порокомъ твоимъ. И ты не считаешь меня благодѣтелемъ, не считаешь меня покровителемъ, не считаешь меня твоимъ защитникомъ больше всѣхъ? Кто же другой скажетъ тебѣ объ этомъ? .. Всѣ боятся тебя, а я не смотрю на тебя... не боюсь тебя... презираю страсть твою. Я дѣлаю разрѣзъ. ты кричишь, но я не боюсь крика твоего, а желаю твоего спасенія, потому что я—врачъ“ [1]). Стоя на такой именно духовно-пастырской точкѣ зрѣнія, св. Іоаннъ положительно утверждаетъ, что въ своихъ призывахъ на защиту бѣдныхъ и обличеніяхъ богатыхъ онъ больше заботится о душахъ послѣднихъ, чѣмъ о бѣдныхъ, которые получатъ свое утѣшеніе [2]). „Я объ одномъ только забочусь—о преспѣяніи

[1]) Бесѣда на псаломъ CL, т 5, стр. 565—566. [2]) Бесѣда XXVII на Ев. Іоанна т 8, стр. 177.

слушателей. И бѣдные—мои дѣти, и богатые—мои дѣти; одна и та же утроба болѣла обоими, въ однѣхъ и тѣхъ же мукахъ родились и тѣ и другіе. Пусть убиваетъ, кто хочетъ, пусть ненавидитъ, кто хочетъ, пусть злоумышляетъ, кто хочетъ“ [1]).

И дѣйствительно, каждый, кто знакомъ съ бесѣдами св. Іоанна Златоустаго, не можетъ не почувствовать, что его гнѣвныя рѣчи противъ богатыхъ—это не рѣчи страстнаго агитатора, призывающаго къ борьбѣ однихъ противъ другихъ, но рѣчи любящаго отца, только рѣчи не льстивыя, не искательныя, а дышащія огненной ревностію о правдѣ Божіей на землѣ и о спасеніи душъ человѣческихъ. Св. Іоаннъ и не могъ говорить иначе, какъ любящій отецъ, онъ не могъ ненавидѣть богатыхъ по тому одному, что въ богатствѣ онъ видѣлъ обманчивый призракъ, а не благо, и жалѣлъ бѣдныхъ, страдалъ за нихъ своимъ пастырскимъ сердцемъ, какъ за людей въ христіанскомъ смыслѣ больныхъ душевно, идущихъ по опасному жизненному пути.

Что касается попытокъ представить св. Іоанна принципіальнымъ защитникомъ того взгляда, будто богатство есть всегда даръ Божій, что оно вполнѣ совмѣстимо со званіемъ христіанина, и послѣдній можетъ „хранить и умножать“ свое богатство подъ рыданія и стоны нищеты, то ясно, откуда могутъ исходить такія попытки: онѣ исходятъ оттуда, гдѣ хотятъ и Христовымъ именемъ оправдать всѣ неправды нашей жизни. Понятно желаніе такихъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій и св. Іоанна Златоуста нарядить въ свои одѣянія. Но повѣритъ этимъ рѣчамъ только тотъ развѣ, кто полѣнится прочитать хотя бы одинъ томъ твореній св. отца. Сомнѣнія нѣтъ, напримѣръ, что когда Златоустъ разсматриваетъ богатство само по себѣ, какъ собраніе предметовъ внѣшняго міра, слѣдовательно твореніе Бога, то онъ рѣшительно заявляетъ, что не богатство зло, а худое его употребленіе. И весь вопросъ именно въ томъ, какое употребленіе богатства св. отецъ считаетъ добрымъ, то ли, какое проповѣдуется современными богословами и пастырями, или же то, какое заповѣдано Христомъ Спасителемъ. Изложеніе воззрѣній св. Іоанна выяснитъ для насъ этотъ вопросъ, и начать такое изложеніе намъ кажется всего удобнѣе съ выясненія взгляда св. отца на самую природу богатства, почитаемаго за благо въ нашей жизни.

Разсматривая богатство само по себѣ, св. Іоаннъ Златоустый съ особенною силою оттѣняетъ то положеніе, что въ отношеніи къ жизни богатство есть нѣчто несущественное и само по себѣ не можетъ быть ни почитаемо за благо, ни называемо

---

[1]) „О богатствѣ и бѣдности“, т. 12, стр. 357—358, сравн. „Бесѣда, когда Евтроній былъ схваченъ“, т. 3, стр. 412; „Бесѣда, когда Сатурнинъ и Аврелианъ были отправлены въ ссылку, т. 3, 431.

зломъ. И богатство и бѣдность въ настоящей жизни это какъ бы театральныя маски. „Посему—говоритъ святитель—какъ ты, сидя въ театрѣ и увидя кого-либо изъ играющихъ внизу, представляющимъ лицо царя, не называешь его счастливымъ и не считаешь за царя... не считаешь его счастливымъ за маску и одежду и не по нимъ судишь объ его жизни..., такъ и здѣсь въ мірѣ, какъ бы сидя въ театрѣ и смотря на играющихъ на сценѣ, когда увидишь многихъ богатѣющими, не почитай ихъ истинно богатыми, но только представляющими мнимыя лица богатыхъ... Если снимаешь съ него маску, раскроешь совѣсть и вникнешь въ душу, то найдешь тамъ великую бѣдность въ добродѣтели, и его — самымъ безчестнымъ изъ всѣхъ людей... Ибо какъ въ театрѣ, по наступленіи вечера... эти представлявшіеся всѣмъ царями и военачальниками... являются уже тѣмъ, что̀ они на самомъ дѣлѣ; такъ и теперь, когда приходитъ смерть и зрѣлище закрывается, всѣ отходятъ туда, сложивъ съ себя мнимые виды богатства и бѣдности и только, судя по дѣламъ, оказывается, кто изъ нихъ истинно богатые и кто бѣдные“ [1]). Богатство въ жизни—это лишь „обольстительное названіе“ и нисколько не лучше сновидѣнія. Какъ тѣ, которые грезятъ во снѣ, будто они обладаютъ богатствомъ, хотя бы казались обладателями царскихъ сокровищъ, съ наступленіемъ дня бываютъ бѣднѣе всѣхъ, такъ и тотъ, кто изъ настоящей жизни ничего не можетъ принести туда, будетъ бѣднѣе всѣхъ, хотя бы здѣсь обладалъ всѣмъ,—потому что онъ богатъ только во снѣ“ [2]). Поэтому именно, съ христіанской точки зрѣнія „и богатство ничто, и бѣдность ничто, и безчестіе ничто, и честь ничто... и различается одно отъ другого однимъ только названіемъ [3]). Поэтому и богатство не есть добро, и бѣдность не есть зло, но и то и другое сами по себѣ безразличны“ [4]). „Богатство—не зло, но зло—худое употребленіе богатства; ни бѣдность—не добро, но доброе пользованіе бѣдностію добро... Изъ предметовъ одни хороши по своему свойству, другіе напротивъ, а иные ни хороши, ни худы, но занимаютъ среднее мѣсто. Благочестіе хорошо по своему свойству, нечестіе худо; добродѣтель хороша, порокъ худъ; а богатство и бѣдность сами по себѣ ни то, ни другое, но по волѣ пользующихся ими становятся или тѣмъ, или другимъ... сами по себѣ они вещи безразличные“ [5]), и на небо ведутъ не богатство и не бѣдность, но „добрая воля“ [6]). Отношеніемъ послѣдней къ богатству и бѣдности и опредѣляется ихъ моральная цѣнность.

---

[1]) „О Лазарѣ“, слово II, т. 1, стр. 794. [2]) Бесѣда на псаломъ XLIII, т. 5, стр. 168. [3]) Бесѣда XXXVIII на 1 Кор., т. 10, стр. 396 [4]) Толкованіе на 2 Ѳессалон., бес. II, т. 11, стр 587. [5]) „Бесѣда о томъ, что не должно разглашать грѣховъ братій“, т 3, стр. 366 – 367, сравн „бесѣду на слова пророка· Азъ Господь Богъ, сотворихъ свѣтъ и тьму“, т. 6, стр. 436 и др. [6]) Бесѣда X на посланіе къ Филиппійцамъ, т. 11, стр. 313.

И какъ только проповѣдникъ становится на эту, именно, этическую точку зрѣнія,—естественную для него, какъ имѣющаго въ виду воспитать добрую волю у своихъ пасомыхъ,—то онъ съ силою и горячностію, съ удивительнымъ постоянствомъ и настойчивостію оттѣняетъ ту мысль, что богатство является великимъ соблазномъ въ жизни христіанина, опаснымъ подводнымъ камнемъ на пути нашего плаванія по житейскому морю, и будучи само посебѣ (богатство) чѣмъ-то несущественнымъ, какъ призракъ, сонъ, можетъ приносить страшные плоды [1]). Въ виду такой возможности, св. Іоаннъ Златоустый оттѣняетъ отрицательныя стороны богатства въ отношеніи истинной цѣли нашей жизни съ поражающею полнотою и яркостію. Онъ прежде всего со всею выразительностію опровергаетъ то естественное заблужденіе, что богатство является жизненнымъ благомъ, и указываетъ, какъ на его ничтожество предъ лицомъ вѣчной жизни, такъ и на постоянныя страданія, спеціально присущія богатымъ, неразрывно связанныя съ обладаніемъ богатствомъ. А затѣмъ, картинами страданій бѣдныхъ и рядомъ доказательствъ, что обладаніе богатствомъ, безъ помощи бѣднымъ, само по себѣ есть величайшее преступленіе, побуждаетъ видѣть истинное обогащеніе въ раздачѣ имущества. Самъ св отецъ говоритъ о необходимости соблюдать извѣстную постепенность въ наставленіи богатому: не нужно „тотчасъ говорить, что богатство есть зло“, но постепенно приводить мысль къ этому сознанію, указаніемъ сначала на „богатство истинное, доставляющее радости вѣчныя“, и на то, что не нужно обогащаться путемъ корыстолюбія и насилія. „Расположивъ ихъ (богатыхъ) къ себѣ такими словами, не будемъ еще говорить имъ о геенне, потому что больной сначала не можетъ переносить этихъ напоминаній, а будемъ въ разсужденіяхъ своихъ касаться болѣе предметовъ настоящихъ“, и далѣе св. отецъ рисуетъ, о чемъ именно разсказывать: о страданіяхъ и скудости бѣдныхъ, благодаря чему даже звѣрь будетъ пораженъ и почувствуетъ состраданіе. Дальше говорить о превратности судьбы и „другими страшными событіями трогать ихъ душу“... Когда же увидимъ, что они тронуты этими разсказами, тогда, наконецъ, будемъ говорить съ ними и о геенне... Вразумляя ихъ такими разсказами, мы исправимъ и ихъ и себя самихъ, скоро исцѣлимъ ихъ отъ болѣзни“ [2]).

Такимъ, именно, путемъ и идетъ самъ проповѣдникъ, останавливая мысль своихъ слушателей прежде всего на призрачности богатства, почитаемаго за благо. Множество мѣстъ въ его бесѣ-

---

[1]) Бесѣда XXXVI на 1 Коринѳ, т. 10, стр. 376. [2]) Бесѣда XI на 1 Коринѳ., т. 10, стр. 106—108

дахъ рисуютъ ничтожество благъ, доставляемыхъ богатствомъ, предъ лицомъ одного неизбѣжнаго факта человѣческой жизни,—предъ лицомъ смерти. Это любимая мысль проповѣдника, когда онъ говоритъ о богатствѣ и стремится отвлечь отъ заботъ о немъ своихъ пасомыхъ. „Доколѣ ты богатъ, а тотъ бѣденъ—спрашиваетъ св отецъ? До вечера,—не долѣе. Жизнь такъ коротка, и все уже при дверяхъ, такъ что на все нужно смотрѣть, какъ на короткій часъ[1])". *Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ*... Если богатый обольщаетъ тебя при жизни, то посмотри на него во время его кончины. Отходя отсюда, беретъ ли онъ съ собою что-нибудь изъ своего богатства? Онъ умираетъ, и лежитъ нагимъ тотъ, который облекался шелковыми одеждами.. лежитъ нагимъ въ ямѣ, и рабъ отходитъ и приходитъ, и никто изъ нихъ не заботится о немъ... Онъ отошелъ, и ничего не осталось послѣ него... Отходя отсюда, онъ не можетъ взять ничего... выносится одинъ. Его превозносятъ похвалами, но что отъ этого ему?.. Отходитъ въ гробъ тотъ, кто расхищалъ все, помѣщается на трехъ аршинахъ земли, и больше ничего; предъ лицомъ его земля и крышка гроба... Гдѣ же богатство? гдѣ слуги? гдѣ великолѣпіе? гдѣ пространный и прекрасный домъ? Все оставляетъ его... И этимъ оканчивается все? Да,—потому что онъ отошелъ, не имѣя при себѣ ничего собственнаго[2])". И передъ такою совершенною безпомощностію богатаго при смерти горькой ироніей является пышность при его погребеніи. „*Умре же богатый и погребоша его*... Не оставляй—говоритъ св. отецъ по поводу этихъ словъ въ евангельской притчѣ—безъ вниманія, возлюбленный, словъ: *погребоша его*, но представъ здѣсь посеребреные столы, постели, ковры, покрывала, всѣ прочія домашнія вещи, масти, ароматы, множество вина, разнообразныя яства, сласти, поваровъ, льстецовъ, оруженосцевъ, рабовъ и всю прочую роскошь,—померкшею и исчезнувшею. Все—пепелъ, все прахъ и пыль, слезы и вопли; никто уже не можетъ ни помочь, ни возвратить отшедшую душу. Тогда обличилась сила золота и великаго богатства... Онъ отводимъ былъ нагимъ и одинокимъ, безсильнымъ унести отсюда что-нибудь изъ такого богатства, оставленнымъ всѣми, безпомощнымъ... Пришла смерть и все истребила[3]). „Смерть, такимъ образомъ, является уравнительницею людей и передъ ея призракомъ теряется всякое утѣшеніе богатствомъ. И послѣднее не имѣетъ, благодаря этому, истинной цѣнности и ничто по сравненію съ безмѣрной цѣнностію будущей жизни—нашего истиннаго блага. Господь учитъ насъ,—по словамъ св. Іоанна,—„презирать блага здѣшнія", а все богатство наше заключено въ благахъ будущихъ[4]). Богатство тѣнь и дымъ, сравни-

[1]) Бесѣда LXXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 518—519. [2]) Бесѣда на псаломъ CL, т. 5, стр. 573. [3]) „О Лазарѣ", слово II, т. 1, стр. 793—794. [4]) Бесѣда на псаломъ IV, т. 5, стр. 30.

тельно съ безмѣрной цѣнностію нашей вѣчной души [1]), для которой истинное богатство въ блаженной будущей жизни [2]). Но и въ земной жизни ошибочно считать богатство за благо и въ немъ полагать опору счастья. Богатый человѣкъ, „богатый только до вечера“, и въ этой кратковременной жизни не можетъ наслаждаться покоемъ, но всегда полонъ тревогъ за свое богатство и справедливо, такъ какъ это не надежное убѣжище въ жизни. „Истинное богатство—говоритъ св. отецъ—состоитъ въ благахъ совершенныхъ и неподверженныхъ никакой перемѣнѣ. Но... нѣтъ ничего столь ненадежнаго, какъ богатство: это—бѣглецъ неблагодарный, рабъ невѣрный; наложи на него тысячу цѣпей,—онъ уйдетъ и съ цѣпями... Что можетъ быть ненадежнѣе богатства? Что жалче тѣхъ, которые такъ заботятся о немъ? Они всѣми силами стараются собрать то, что такъ скоро гибнетъ и исчезаетъ“ [3]). А между тѣмъ собираніе и охраненіе богатство,—это не радость и утѣшеніе для человѣка, но всегда т р у д ъ и з а б о т а, а нерѣдко и своего рода подвижничество. „Тѣ, которые надѣются на блага житейскія, не лучше птицы, которая, надѣясь на пустыню, дѣлается легко уловимою для всѣхъ. Таковъ—надѣющійся на богатство. Какъ птица уловляется и дѣтьми, и сѣтями, и силками, и другими безчисленными средствами, такъ и богатый уловляется и друзьями, и врагами. Онъ живетъ даже въ бо́льшей опасности, нежели птица, имѣя множество людей, которые ловятъ его... Онъ боится и гнѣва царя, и коварства отъ льстецовъ, и обмана отъ друзей Когда возстаютъ на него враги, онъ трепещетъ больше всѣхъ; и когда бываетъ миръ, онъ опасается козней, потому что не имѣетъ богатства прочнаго и неотъемлемаго“ [4]). „Кратковременно богатство... и, что еще хуже, оно не только подвергаетъ человѣка опасностямъ тогда, когда оставляетъ его, но еще прежде, нежели оставитъ, тревожитъ и смущаетъ его. Не смотри на то, что онъ одѣтъ въ шелковыя одежды, умащенъ благовоніями, окруженъ слугами; но посмотри въ его совѣсть, обнажи его душу, когда онъ еще богатъ, и ты увидишь внутри его бури и смятенія... *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ*... Почему боишься человѣка, который самъ всегда находится въ страхѣ? Почему боишься человѣка, который всегда находится въ постоянномъ трепетѣ? Рабъ твой не боится тебя, когда ты въ отсутствіи; а богатый носитъ своего господина внутри себя: куда бы онъ ни пошелъ, любостяжаніе слѣдуетъ за нимъ и дѣлаетъ врагами всѣхъ—и родныхъ, и домашнихъ, и друзей, и завистниковъ, и благодѣтелей“ [5]).

---

[1]) Бесѣда на псаломъ XLVIII, т. 5, стр. 239. [2]) Напр., бесѣда XXXIX на 1 Кор., т. 10, стр. 396. [3]) Бесѣда II о статуяхъ, т. II, стр 32—33, ср. „Бесѣду, когда Евтропій былъ схваченъ“, т. 2, стр. 411; бесѣда XI на 1 Коринѳ., т. 10, стр. 106 и мн. др. [4]) Бесѣда на псаломъ X, т. 5, стр. 137. [5]) Бесѣда на псаломъ CL, т 5, стр 562—563.

Пристрастный къ богатству „и родства не знаетъ, ни знакомства не помнитъ.., никого не имѣетъ другомъ, но ко всѣмъ проявляетъ враждебное расположеніе, больше же всѣхъ—къ самому себѣ, не потому только, что губитъ душу свою, но и потому, что обременяетъ себя безчисленными заботами, трудами, печалями“ [1]). „Ты завидуешь, что такой-то богатъ? Между тѣмъ онъ-то и достоинъ сожалѣнія и слезъ. Но ты скажешь тотчасъ съ усмѣшкой: я достоинъ слезъ, а не онъ. И ты достоинъ слезъ, не потому, что бѣденъ, но потому, что считаешь себя жалкимъ... Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что онъ подвергаетъ себя большимъ безпокойствамъ и тягчайшему рабству? Что онъ своими стяжаніями связанъ, какъ бы какой песъ, безчисленными цѣпями? Пришелъ вечеръ, настала ночь; но для него и это время есть время смятенія, неудовольствія, печали и заботы. Послышался шумъ? Онъ тотчасъ вскочилъ Кого-нибудь ограбили? Онъ, не лишившись ничего, безпокоится болѣе того, кто лишился.. Онъ озабоченъ непрестанно, даже когда настаетъ ночь, предѣлъ нашихъ бѣдъ... Угрожаетъ смерть? Онъ болѣе смерти поражается тѣмъ, что его стяжанія достанутся другимъ. Имѣетъ дитя? Хочется ему быть богаче, и все-то ему кажется, что онъ бѣденъ. Не имѣетъ дѣтей? Еще больше скорбитъ. Ужели же ты почитаешь счастливымъ того, кого ничто не можетъ порадовать? Тому ли, кого обуреваютъ волны, завидуешь ты, находящійся въ тихой пристани—бѣдности?“ [2]) Уже одна ненасытность богатаго дѣлаетъ его несчастнымъ и не владыкой своего достоянія, но жалкимъ, трепещущимъ рабомъ его. „Не столько имѣютъ препятствій—говоритъ св отецъ—на пути ко спасенію тѣ, которые владѣютъ немногимъ, сколько тѣ, которые погружены въ бездну богатства,—потому что страсть къ богатству тогда бываетъ сильнѣе. И я никогда не перестану повторять, что приращеніе богатства все болѣе и болѣе возжигаетъ пламя страсти и дѣлаетъ богачей бѣднѣе прежняго, возбуждая въ нихъ безпрестанно новыя пожеланія, заставляетъ черезъ то сознавать всю свою нищету“ [3]). Поучимся богатыхъ не называть блаженными, а бѣдныхъ — несчастными... Богатъ не тотъ, кто имѣетъ многое, но тотъ, кто не нуждается во многомъ... Итакъ, если ты увидишь кого, желающимъ многаго, то считай его бѣднѣе всѣхъ, хотя бы онъ владѣлъ имѣніями всѣхъ... Мы обыкновенно судимъ о богатствѣ и бѣдности по расположенію души, а не по мѣрѣ имущества... непрестанно желающихъ и жаждущихъ чужого никогда не будемъ считать здоровыми и наслаждающимися здоровьемъ“ [4]). „Кто владѣетъ многимъ, стано-

---

[1]) Бесѣда LXXXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 597. [2]) Бес. II на посл. къ Филип., т. 11, стр. 238—239. [3]) Бесѣда LXIII на Ев. Матеея, т. 7, стр. 645. [4]) „О Лазарѣ“, слово II, т. 1, стр. 790.

вится рабомъ многаго“ [1]). Нѣтъ ничего неразумнѣе раба денегъ: будучи обладаемъ, онъ думаетъ, что обладаетъ; будучи рабомъ, онъ думаетъ, что господствуетъ; наложивъ на себя цѣпи, онъ величается, какъ будто властвуетъ надъ всѣми... Итакъ, не думай, что отъ обладанія богатствомъ для тебя происходитъ какое-либо удовольствіе.. Если ты желаешь быть богатымъ, то никогда не перестанешь мучиться, потому что любовь къ богатству безконечна, и чѣмъ дальше ты будешь итти, тѣмъ дальше будешь отстоять отъ конца, и чѣмъ больше будешь желать чужого, тѣмъ сильнѣе будутъ увеличиваться мученія... Подобно тому, какъ узника ты считаешь особенно несчастнымъ, когда видишь его съ цѣпями на спинѣ и на рукахъ, а часто и на ногахъ; такъ точно и богатого, когда увидишь его владѣющимъ безчисленными имѣніями, считай по тому-то самому несчастнымъ. Вмѣстѣ съ другими узами онъ имѣетъ и жестокаго тюремщика—несчастную любовь къ деньгамъ, который не позволяетъ ему переступить за порогъ этой темницы..., ввергая его во внутреннѣйшую темницу, убѣждаетъ и услаждаться этими узами, чтобы онъ не нашелъ даже какой-нибудь надежды на освобожденіе отъ угнетающихъ ранъ“ [2]).

Вообще св. Іоаннъ Златоустый постоянно утверждаетъ, что блага жизни, доставляемыя богатствомъ, по существу призрачны. Не разъ онъ сравниваетъ эти блага съ тѣми страданіями, какія неразлучны съ богатствомъ, и приходитъ къ выводу, что послѣднія далеко перевѣшиваютъ удовольствія. Такъ, если богатство какъ будто бы гарантируетъ защиту отъ голода, то за то оно представляетъ много другихъ случаевъ быть убитымъ и погибнуть [3]). Самая роскошь богатыхъ—не условіе счастія для нихъ Самыя трапезы богатыхъ, при всемъ ихъ изобиліи, доставляютъ богатымъ много вреда отъ пресыщенія и менѣе утѣшенія, чѣмъ скудное пропитаніе бѣдняка [4]). Если богатый имѣетъ много, то онъ лишь стражъ своего имущества и услаждается лишь однимъ представленіемъ, „что это мое [5]). Если богатый думаетъ, что онъ страшенъ для другихъ, то гораздо болѣе самъ всѣхъ долженъ бояться. Если богатый услаждается тѣмъ, что ему завидуютъ, то ошибочно: это должно быть не предметомъ гордости, но скорби. Богатаго не веселитъ ни небо, потому что оно не приноситъ ему золота, ни солнце, потому что оно не испускаетъ золотыхъ лучей. А если богатые не скупы, но дѣлаютъ громадныя издержки на удовлетвореніе прихотей и страстей, то они вдвойнѣ несчастны „потому что, кромѣ той страсти (къ деньгамъ),

---

[1]) Бесѣда на слова „цѣлуйте Прискиллу и Акилу“, т. 3, стр. 197. [2]) Слово „о богатствѣ и бѣдности“, т. 12, стр. 564. [3]) Бесѣда X на св. Матѳея Евангелиста, т. 7, стр. 98. [4]) „Слово о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ, тому никто вредить не можетъ“, т. 3, стр. 484. [5]) Бесѣда LXXXIII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 833.

порабощаются еще множеству другихъ: служатъ каждый день, какъ лютымъ владыкамъ, чреву, сладострастію, пьянству и другимъ видамъ невоздержанія“ [1]). Всѣ удовольствія, какія только можетъ доставить богатство, и честь, какая оказывается богатому, и та власть, кокою обладаетъ богатый,—все это, по воззрѣнію святителя, пыль и стыдъ, и зло. Удовольствія –быстротечны и „проходятъ скорѣе пыли“. „Если честь пріобрѣтена не усиліемъ воли, не доблестью душевною, то не ты пользуешься честію, а богатство: такая честь дѣлаетъ богача безчестнѣе всѣхъ... Лучше умереть, чѣмъ пользоваться такою честію“ [2]). Та слава, которою гордятся богатые, это высшій позоръ ихъ, такъ какъ эта слава не имъ принадлежитъ „*Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его*—приводитъ святитель слова псалма и продолжаетъ: когда ты войдешь въ домъ какого-нибудь богача, и увидишь огромныя колонны, золотые карнизы, обложенныя мраморомъ стѣны, фонтаны... множество слугъ, устланный коврами полъ... то все это—слава дома, а не слава человѣка. Славу человѣка составляютъ: благочестіе, скромность, милосердіе, кротость, смиренномудріе, миръ, правда, нелицемѣрная любовь ко всѣмъ,—все это—слава человѣка. Богатство .. только украшеніе дома. Стѣны обложены мраморомъ: какое же отношеніе къ человѣку, живущему въ нихъ? Потолки въ золотѣ: какое отношеніе къ ихъ владѣльцу? Главы колоннъ золотыя: какое отношеніе къ головѣ хозяина, осквернненной грѣхами? Полъ чистъ? Но совѣсть не чиста. Одежды шелковыя? Но душа покрыта рубищемъ. Домъ богатъ? Но хозяинъ дома—нищій... Всегда ты говоришь о стѣнахъ, всегда о мрамарахъ, всегда о фонтанахъ... Самъ хозяинъ остается неувѣнчаннымъ, а вещи, находящіяся около него, удостоиваются похвалъ“ [3]). Наконецъ, что касается власти, принадлежащей богатому, то она можетъ выразиться лишь въ мести врагамъ, что свойственно только дикимъ и свирѣпымъ звѣрямъ, и „по этому самому нужно избѣгать богатства... Мщеніе есть столь великое зло, что и Божіе человѣколюбіе прекращалось отъ него“ [4]). Вообще, такимъ образомъ, радость богатыхъ призрачна, и если сумѣть отрѣшиться отъ этой призрачности, то могло бы легко стать яснымъ, что богатые нерѣдко суть нищіе, душа которыхъ одѣта въ рубище, и одинока, и беззащитна [5]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что св. Іоаннъ Златоустый очень часто обращался къ доказательству того, что богатство не благо для владѣющихъ имъ и приноситъ съ собою далеко не однѣ радости. Но это лишь какъ бы подготовительная ступень къ той собственно эти-

---

[1]) Бесѣда LXXXIII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 833—834. [2]) Бесѣда VII на посланіе къ Колоссянамъ, т. 11, стр. 414—415. [3]) Бесѣда на псаломъ CL, т. 5, стр. 572 –573 [4]) „Слово о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ, тому никто вредить не можетъ“, т. 3, стр. 486. [5]) Бесѣда IV на посланіе къ Римлянамъ, т. 9, стр. 522—523 и др.

ческой оцѣнкѣ богатства и характеристикѣ богатыхъ, какія дѣлаетъ св. отецъ съ христіанской точки зрѣнія. Собственно нравственная оцѣнка имѣетъ всегда исходнымъ пунктомъ то положеніе, въ какомъ находится извѣстное явленіе жизни, а въ томъ числѣ, конечно, и богатство къ волѣ человѣка. И съ этой точки зрѣнія отношеніе св. Іоанна къ богатству, вообще говоря, отрицательное: св. отецъ находитъ несоединимымъ „храненіе и умноженіе“ богатства съ доброю волей христіанина и христіанское отношеніе къ богатству видитъ прежде всего въ его раздачѣ, „раздѣленіи съ неимущими“. И въ выраженіи этихъ своихъ убѣжденій св. отецъ оставался всегда строго послѣдовательнымъ, не останавливаясь ни предъ какими возраженіями въ защиту возможности для христіанина безраздѣльно владѣть своимъ богатствомъ. Если онъ въ своихъ поученіяхъ дѣлалъ уступки и приглашалъ пожертвовать въ пользу бѣдныхъ хоть половину и даже десятую часть своего имущества, то лишь опредѣленно указывая на фактъ общаго сребролюбія, характеризуя настроеніе своихъ современниковъ-христіанъ такими чертами, которыя говорили объ очень далекомъ разстояніи богатыхъ пасомыхъ святителя отъ идеала христіанской любви. Это мы раскроемъ ниже; теперь же переходимъ къ изложенію воззрѣній св. Іоанна Златоустаго на богатство въ его отношеніи къ волѣ человѣка, т. е., частнѣе, къ долгу любить ближнихъ и къ дѣлу своего спасенія. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ, неразрывно связанныхъ между собою, св. Іоаннъ видитъ въ богатствѣ явленіе ненормальное, несовмѣстимое съ истинно христіанскимъ настроеніемъ въ отношеніи къ ближнимъ и Небесному Царству. Если богатство не раздаютъ нуждающимся, то оно неизбѣжно, съ точки зрѣнія святителя, является „зломъ и коварствомъ“ уже по одному тому, что „одинъ владѣетъ тѣмъ, что принадлежитъ Господу, и что одинъ пользуется общимъ достояніемъ... Если наши блага принадлежатъ общему Владыкѣ, то они въ равной степени составляютъ достояніе и нашихъ сорабовъ: что принадлежитъ Владыкѣ, то принадлежитъ вообще всѣмъ“ [1]). И если послѣдовательно утверждаться на такой исходной точкѣ зрѣнія, то неизбѣжно логически придти къ такому заключенію, что всякое богатство, хотя бы то и наслѣдственно полученное и пріобрѣтенное честнымъ путемъ, есть по самому своему происхожденію „неправедное“, соединяемое всегда съ большей или меньшей обидой ближняго. Такой взглядъ и выражается св. Іоанномъ съ совершенной опредѣленостію“. Не съ богатствомъ приходитъ правда“, по словамъ святителя [2]), но совершенно напротивъ: всякое богатство имѣетъ въ корнѣ

---

[1]) Бесѣда XII на первое посланіе къ Тимоѳею, т. 11, стр. 704. [2]) Бес. XIX на 2 Кор., т. 10, стр. 642.

какую-либо неправду. „Невозможно—разсуждаетъ св. отецъ—разбогатѣть тому, кто не дѣлаетъ несправедливости На это и Христосъ указываетъ, говоря: *сотворите себѣ други отъ маммоны неправды* Но что, скажешь ты, если кто-нибудь отъ отца получилъ наслѣдство? Онъ получилъ собранное неправдою Вѣдь, безъ сомнѣнія, не отъ Адама предокъ его былъ богатъ, но, конечно, многіе другіе прежде него являлись на свѣтъ и между многими могъ найтись такой, который незаконно похитилъ и воспользовался тѣмъ, что принадлежало другимъ... Поэтому скажи мнѣ: откуда ты пріобрѣлъ богатство? Отъ кого ты получилъ его? А другой откуда взялъ? Отъ дѣда, скажешь ты, отъ отца. Но можешь ли ты, восходя чрезъ длинный рядъ поколѣній, доказать такимъ образомъ, что имущество это законно пріобрѣтено Никакъ не можешь этого сдѣлать. Напротивъ, начало и корень его непремѣнно должны скрываться въ какой-нибудь несправедливости. Почему такъ? Потому, что сначала Богъ не сдѣлалъ одного богатымъ, а другого бѣднымъ“ [1]).

Поэтому, между прочимъ, св. Іоаннъ возстаетъ противъ того обычнаго словоупотребленія, что богатство дается человѣку Богомъ. Доказывая безполезность богатства, св. отецъ предвидитъ такое возраженіе. „если, скажешь, богатство безполезно, то для чего оно дано Богомъ? А откуда извѣстно, что богатство отъ Бога?.. Откуда же, скажешь, богатые? Вѣдь сказано: *богатство и нищета отъ Господа.* Но спросимъ возражающихъ намъ: всякое ли богатство и всякая ли бѣдность отъ Господа. Кто можетъ сказать это? Мы видимъ, что многіе собираютъ великое богатство хищеніемъ... и, владѣя имъ, даже недостойны жизни. Что же, отвѣчай мнѣ, можно ли сказать, что это богатство отъ Бога? Нѣтъ. Откуда же? Отъ грѣхи... Итакъ, Писаніе говоритъ ложь? Да не будетъ! Но заблуждаются тѣ, которые не изслѣдуютъ всего написаннаго съ надлежащимъ тщаніемъ. Вѣдь если извѣстно, что Писаніе не ложно, и если доказано, что не всякое богатство отъ Бога, то недоумѣніе происходитъ отъ вины невнимательныхъ читателей... Богъ не одинаково бесѣдуетъ со всѣми, подобно какъ и мы неодинаково говоримъ съ дѣтьми и съ людьми взрослыми. Когда же это сказано, кѣмъ и кому? Соломономъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ, іудеямъ, не знавшимъ ничего, кромѣ предметовъ чувственныхъ, и по нимъ судившимъ о силѣ Божіей... Такимъ образомъ они судили о Богѣ; потому премудрый говоритъ имъ, что для Бога возможно и это,—дѣлать и богатыми и бѣдными, не потому, будто Онъ непремѣнно дѣлаетъ это, но можетъ дѣлать, когда хочетъ“ [2]). Поэтому, напри-

---

[1]) Бесѣда XII на 1 Тимоѳ., т. 11, стр. 703—704. [2]) Бесѣда XXXIV на 1 Кор., т. 10, стр. 349—351.

мѣръ, если богатѣютъ люди злые, неправедные, преступные, хищники, лихоимцы, то „не Богъ даруетъ имъ это,—нѣтъ Но какъ же Богъ попускаетъ? Какъ попускалъ нѣкогда и богачу, соблюдая его для большого наказанія“ [1]). „Богъ попускаетъ такимъ людямъ дѣлаться богатыми, потому что Онъ долготерпѣливъ и хочетъ привести насъ къ покаянію; потому что Онъ уготовалъ геенну и назначилъ день, въ который будетъ судить вселенную... Онъ долго терпитъ, призывая всѣхъ къ покаянію“ [2]).

Такимъ образомъ, по взгляду св. Іоанна, то раздѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ, какое существовало въ его время, существуетъ теперь и, конечно, переживетъ вѣка, что такое дѣленіе въ основѣ имѣетъ начало неправды, какъ это болѣе подробно было выяснено въ первой главѣ настоящаго сочиненія, и всякое богатство въ процессѣ пріобрѣтенія соединяется съ извѣстной, хотя бы и незамѣтной на первый взглядъ, неправедливостію въ отношеніи къ ближнимъ.

Но и независимо отъ процесса пріобрѣтенія богатства, самый фактъ обладанія имъ, храненіе его и умноженіе говоритъ о недостаткѣ истинно христіанской любви къ ближнему. Эту мысль свою св. Іоаннъ Златоустый поясняетъ, между прочимъ, на конкретномъ примѣрѣ Евангельскаго богатаго юноши По мысли св. отца, юноша очень ошибался, когда съ увѣреностію отвѣтилъ Господу, что соблюлъ заповѣдь о любви къ ближнему, такъ какъ такое исполненіе несовмѣстимо съ фактомъ обладанія богатствомъ. „Юноша—говоритъ св. отецъ, разсказавъ Евангельскую бесѣду—самъ себя обличилъ въ пустомъ самодовольствѣ: вѣдь если онъ жилъ въ такомъ изобиліи, а другихъ, находившихся въ бѣдности, презиралъ, то какъ же онъ могъ сказать, что возлюбилъ ближняго. Значитъ и то (что исполнилъ заповѣди) говорилъ несправедливо“ [3]). И то, что казалось св. отцу несомнѣннымъ относительно евангельскаго юноши, это самое казалось ему несомнѣннымъ и вообще, т. е., что обладаніе богатствомъ несовмѣстимо съ дѣйствительною любовію. Если, по воззрѣнію св. Іоанна, „неимѣніе денегъ служитъ признакомъ добраго человѣка“ [4]), то наоборотъ—обладаніе большимъ богатствомъ всегда наводитъ на мысль объ извѣстной долѣ жестокосердія. Спрашивая, какимъ образомъ имѣющій богатство можетъ быть добрымъ, св. отецъ разсуждаетъ такъ: „онъ (богатый) становится благимъ, когда раздастъ свое богатство..., а до тѣхъ поръ, пока удерживаетъ его при себѣ, онъ не бываетъ благимъ... Если, имѣя случай

---

[1]) Бесѣда XLIV на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 288. [2]) Бесѣда XXXIV на 1 Кор., т. 10, стр. 352. [3]) Бесѣда XXXIX на Ев. Іоанна, т. 8, стр 262. [4]) Бесѣда XII на 1 Тимое. т 11, стр. 705.

получить его, не возмешь, то опять ты сдѣлаешься добрымъ. Поэтому, если, имѣя богатство, раздаемъ его другимъ, или предложеннаго намъ не беремъ, мы бываемъ добры; напротивъ, если беремъ или пріобрѣтаемъ его, то становимся недобрыми" [1]).

Именно золото, по взгляду св. отца, прежде всего другого „не позволяетъ людямъ быть людьми, но дѣлаетъ ихъ звѣрями и демонами" [2]), и „деньги являются причиною всѣхъ золъ" [3]). И всякое „храненіе" богатства св. отецъ разсматриваетъ, какъ неизбѣжную причину и вмѣстѣ проявленіе жестокосердія. „Богатство—по словамъ св. отца—неблагодарный рабъ, неумолимый человѣкоубійца, неукротимый звѣрь, скала, обрывистая со всѣхъ сторонъ, подводный камень, обуреваемый волнами, море, вздымаемое безчисленными вѣтрами, свирѣпый тиранъ, властелинъ жесточе всякаго варвара, врагъ непримиримый, непріятель неумолимый... Для чего же вы гоняетесь за тѣмъ, что враждебно, убійственно, злѣе всякаго звѣря?... Какъ львы, тигры и медвѣди, будучи заперты и заключены во мракѣ, приходятъ въ ярость и сильно зляться, такъ и богатство, если его запираютъ и закапываютъ, бываетъ свирѣпѣе льва. А если ты выведешь его изъ мрака и посѣешь въ нѣдры бѣдныхъ, то этотъ звѣрь становится овцою, предатель—защитникомъ, подводный камень — пристанью, кораблекрушеніе—тишиною [4]). Вообще любовь къ богатству „преодолѣла всякую другую любовь и изгнала вонъ изъ души" [5]), такъ что, „кто любитъ богатство, тотъ не будетъ любить даже ближняго", въ то время какъ „намъ заповѣдано, ради Царствія, любить самихъ враговъ" [6]). Въ то самое время, какъ у богатаго, хранящаго свое богатство, „одежды ветшаютъ, золото ржавѣетъ, пшеницу изъѣдаютъ черви", въ это самое время „душа обладающаго всѣмъ этимъ больше всего ржавѣетъ и сгниваетъ отъ заботъ" [7]).

Въ какомъ же отношеніи находится обладаніе богатствомъ къ дѣлу христіанскаго спасенія, по взгляду св. Іоанна Златоустаго? Уже то, что было изложено нами изъ его воззрѣній, несомнѣнно говоритъ, что на поставленный нами теперь вопросъ святитель могъ отвѣчать только указаніемъ на затрудненіе пути въ Царство Небесное каждому, обладающему богатствомъ. Если, какъ мы уже видѣли, богатство по существу не есть благо, по взгляду Іоанна Златоустаго, но скорѣе, напротивъ, осложняетъ нашу жизнь многими тревогами и житейскими заботами, а въ отношеніи

---

[1]) Бесѣда XII на 1 Тимоѳ., т. 11, стр. 705. [2]) Бес. XXXIX на 1 Кор., т. 10, стр. 409. [3]) Бесѣда X на 1 Ѳессал., т 11, стр. 560. [4]) Бесѣда, „когда Сатурнинъ и Аврелианъ были отправлены въ ссылку", т 3, стр. 431—432. [5]) „Слово о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ...", т. 3, стр. 483 [6]) Бесѣда LXXXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр 597 [7]) Бес. XLVII на Ев. Матѳея, т. 7, стр 494.

къ ближнимъ всегда предрасполагаетъ къ равнодушію и даже къ жестокосердію, то ясно, что на христіанскомъ пути въ горнее отечество богатство является тяжелымъ бременемъ, которое христіанину нужно сбросить, чтобы имѣть возможность служить Богу такъ, какъ Онъ этого желаетъ. Богатство, по слову св отца, служитъ „препятствіемъ для послѣдованія Христу“ [1]). Поэтому богатство—бремя и терніи на пути ко Христу. „Отверженіе богатства—говоритъ святитель—приноситъ великую пользу... Какъ людей нагихъ, когда они бѣгутъ, не скоро можетъ поймать кто-нибудь, а слишкомъ одѣтыхъ и влекущихъ за собою множество тяжестей легко можетъ схватить всякій,—такъ бываетъ и съ богатымъ и съ бѣднымъ... первый задерживается своими собственными путами, тысячами заботъ, скорбей, волненій, раздраженій. Все это обрушивается на душу и... эти трудности человѣкъ создаетъ самъ для себя: ему не заповѣдано собирать богатство, а напротивъ; онъ же самъ себѣ приготовляетъ множество соблазновъ и затрудненій... Путь тѣсный принимаетъ скорбящихъ, сѣтующихъ, и не несущихъ съ собою ничего, кромѣ того бремени, какое можно нести по нему, т. е. милостыни, человѣколюбія, честности, кротости... Далѣе, если самое богатство есть терніе, то что же любостяжаніе? Для чего несешь ты его сюда? Для того, чтобы зажечь сильнѣйшій пламень, подложивъ ношу подъ огонь?“ [2]). И, по взгляду св. Іоанна, не разъ имъ высказываемому, тяжесть бремени богатства, нераздѣльно съ нимъ связанныхъ заботъ и попеченій такъ велика, что заботящійся о богатствѣ и хранящій его не можетъ уже какъ должно служить Богу, быть рабомъ Христовымъ. Приведши слово Христа Спасителя о невозможности служить двумъ господамъ [3]), св. Іоаннъ такъ разсуждаетъ по поводу этихъ словъ: „что можетъ быть поразительнѣе теперь произнесенныхъ словъ, если богатство въ самомъ дѣлѣ можетъ отлучать насъ отъ работанія Христу? И что вмѣстѣ вожделѣнное, если, презирая богатство, можемъ имѣть истинное расположеніе и любовь ко Христу... Не потому именно, говоритъ Христосъ, вредно для васъ богатство, что оно вооружаетъ противъ васъ разбойниковъ и совершенно помрачаетъ умъ вашъ, но преимущественно потому, что оно, дѣлая васъ плѣнниками бездушнаго богатства, удаляетъ васъ отъ служенія Богу, и такимъ образомъ вредитъ вамъ и тѣмъ, что дѣлаетъ васъ рабами вещей, надъ которыми вы должны господствовать; и тѣмъ, что не позволяетъ служить Богу, Которому всего болѣе вы должны служить“ [4]). И послѣднюю мысль о невозможности для христіанина, оставаясь богатымъ, служить Богу св. Іоаннъ оттѣняетъ съ особою силою. Святитель

---

[1]) Бесѣда VI на посл. къ Титу, т 11, стр. 879. [2]) Тамъ же стр. 880—881. [3]) Мѳ., VI, 24. [4]) Бесѣда XXI на Ев. Матеея, т. 7, стр. 242.

въ этомъ случаѣ исходитъ изъ того принципіальнаго соображенія, что всякая дума о богатствѣ, стремленіе хранить и умножать его по существу противоположны основамъ христіанской жизни, заповѣдямъ нашего истиннаго Владыки. „Не можете Богу работати и маммонѣ— приводитъ святитель слова Христовы и объясняетъ далѣе, почему такъ: потому что маммона требуетъ совершенно противнаго Христу. Христосъ говоритъ: подай нуждающимся, а маммона: отними у нуждающихся; Христосъ говоритъ: прощай злоумышляющимъ на тебя и обидящимъ, а маммона, напротивъ... Христосъ говоритъ· будь человѣколюбивъ и кротокъ, а маммона напротивъ будь жестокъ и безчеловѣченъ, считай ни за что слезы бѣдныхъ“ [1]). Итакъ, если мы будемъ работать маммонѣ, то не будемъ уже оставаться подъ владычествомъ Божіемъ“ [2]). Богъ однажды навсегда сказалъ, что служеніе Богу и маммонѣ не можетъ быть соединено вмѣстѣ. Поэтому ты не говори, что можетъ быть соединено. Когда маммона велитъ похищать чужое, а Богъ повелѣваетъ отдавать и собственное... когда Богъ повелѣваетъ презирать настоящія мірскія блага, а маммона—прилѣпляться къ нимъ; когда маммона заставляетъ удивляться мраморамъ, стѣнамъ и крышамъ, а Богъ—все это презирать и почитать истинную мудрость: какъ же ты говоришь, что служеніе Богу и маммонѣ можетъ быть соединено вмѣстѣ?... Не только попеченіе о снисканіи богатствъ для васъ вредно, но даже вредна излишняя заботливость о самонужнѣйшихъ вещахъ... Показавъ величайшій вредъ отъ пристрастія къ богатству, Христосъ простираетъ далѣе Свое повелѣніе Онъ те только повелѣваетъ презирать богатство, но запрещаетъ пещись и о лучшей пищѣ, говоря: *не пецытеся душею вашею, что ясте*“ [3]).

Св. отецъ, какъ мы говорили, множество разъ обращался къ мысли о несоединимости служенія Богу и маммонѣ и энергично возставалъ противъ попытокъ доказать соединимость подобныхъ служеній. Очевидно, уже были извѣстны святителю попытки хитраго человѣческаго ума перетолковать слова Спасителя, но со стороны св. Іоанна эти попытки встрѣтили твердый протестъ, несмотря на то, что, по словамъ самого св. отца, недугъ любостяжанія „объялъ всю вселенную, обладаетъ душами всѣхъ,—и, поистинѣ, велика сила маммоны“, такъ велика, что „мы искуплены Христомъ, а служимъ золоту; проповѣдуемъ владычество одного, а покоряемся другому, и чтобы онъ не приказалъ, исполняемъ съ усердіемъ... Никто не обращаетъ взоровъ на небо, никто не помышляетъ о будущемъ“ [4]). Св. Іоаннъ

---

[1]) Бесѣда XL на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 270. [2]) Бесѣда LIX на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 391. [3]) Бесѣда XXI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 244—245, сравн. бесѣду VIII на Ев. Іоанна, т. 8, стр 61—62. [4]) Бесѣда LXXVII на Ев Іоанна, т. 8, стр. 509—510

видѣлъ, что въ его дни, какъ и въ наше время, великое множество людей поклонялось золоту, а не Богу живому; св. Іоаннъ зналъ, что слово Христово—юродство для этого міра. Предъ святителемъ стояла проблема: или преклониться предъ дѣйствительностію и говорить по сердцу богатыхъ, доказывая, что богатство и „даръ Божій“ и „не препятствіе на пути ко спасенію“, почему должно „хранить его и умножать“; или же не постыдиться словъ Христовыхъ и учить о такомъ отношеніи къ богатству, которое бы дѣлало христіанина не рабомъ его, но истиннымъ владыкой. Едва ли надо и говорить, что св. Іоаннъ предпочелъ: служеніе Богу или злому недугу, объявшему вселенную. Много разъ онъ говоритъ о ненависти къ нему богатыхъ, ненависти, готовой умертвить его [1]), но въ словѣ святителя немолчно и горячо звучалъ призывъ служить Богу. а не маммонѣ, владѣть богатствомъ, а не быть его рабомъ. И теперь, послѣ того, какъ мы изложили основы воззрѣнія св. Іоанна на богатство, мы можемъ яснѣе понять его ученіе о должномъ или христіанскомъ отношеніи къ богатству. Отчасти мы уже видѣли, какое отношеніе къ нему, какъ и къ имуществу вообще, считается нормальнымъ въ представленіи св. Іоанна. Здѣсь же полнѣе формулируемъ отвѣтъ св. отца на интересующій насъ вопросъ.

Если богатство само по себѣ не благо, но лишь его обманчивый призракъ, то единственно достойное христіанина отношеніе къ нему должно, прежде всего, выразиться въ совершенной внутренней независимости отъ богатства. Это одна сторона дѣла—отрицательная. Но это еще не полнота отвѣта на вопросъ о должномъ отношеніи къ богатству. „Не довольно—говоря словами самого св. Іоанна—презирать богатство, а надобно еще напитать нищихъ, и—главное—послѣдовать за Христомъ“ [2]). Если богатство есть бремя на пути въ Царство Божіе и признакъ недостатка любви къ ближнимъ и къ самому Богу, то надо, чтобы не было такъ, но чтобы богатсто являлось орудіемъ къ нашему спасенію черезъ служеніе ближнимъ и исполненіе воли Божіей. Это—положительная сторона въ христіанскомъ ученіи объ отношеніи къ богатству. И обѣ эти стороны какъ отрицательная, такъ и положительная—со всею выразительностію и полнотою отмѣчены св. Іанномъ Златоустымъ.

Итакъ, прежде всего, въ чемъ видѣлъ св. отецъ внутреннюю независимость человѣка отъ богатства, не рабское, а владычественное къ нему отношеніе?

Самъ Христосъ Спаситель, по взгляду св. отца, научаетъ насъ презирать имущество [3]). И поэтому, христіанинъ долженъ относиться

[1]) Стр. 114—115 настоящаго сочиненія. [2]) Напр., бесѣда VIII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 61. [3]) Бесѣда XX на Ев. Матѳея, т. 7, стр 235, ср. бесѣду XX на кн. Бытія, т. 4, стр. 185.

къ своему богатству безъ заботы о завтрашнемъ днѣ. Христіанинъ не долженъ бояться возможной потери богатства [1]), но, напротивъ, потому, что истинное богатство состоитъ въ презрѣніи богатства, и „не въ томъ состоитъ богатство, чтобы имѣть богатство, но въ томъ, чтобы не заботиться о снисканіи его“ [2]). Съ этой точки зрѣнія „богатъ не тотъ, кто имѣетъ многое, но тотъ, кто не нуждается во многомъ“ [3]), и „богатство состоитъ не въ томъ, чтобы богатѣть, а въ томъ, чтобы не желать богатства“ [4]), быть не рабомъ богатства, но его дѣйствительнымъ владыкой. „Презирай имѣющееся богатство—поучаетъ святитель —, чтобы, если нѣкогда оно и отойдетъ, тебѣ не предаваться скорби. Трать его на нужное... Для того оно и называется имуществомъ (χρήματα), чтобы мы употребляли его на нужное, а не зарывали бы его; для того называется стяжаніемъ (κτήματα), чтобы мы владѣли имъ, а не были его владѣніемъ... Будемъ пользоваться имъ на должное, чтобы намъ, пріобрѣтши на непрочное богатство прочныя блага, наслѣдовать уготованное на небесахъ сокровище“ [5]). „Кто желаетъ Царства Небеснаго, тотъ смѣется надъ корыстолюбіемъ. Рабъ Христовъ не будетъ рабомъ богатства, но его властелиномъ [6]). И по мысли св. отца гораздо легче быть владыкой надъ богатствомъ и надъ страстію къ нему, чѣмъ надъ другими страстями „Любовь къ богатству—страсть неестественная. Естественныя пожеланія вложены въ насъ съ самаго начала, а о золотѣ и серебрѣ долгое время это не было извѣстно, существуютъ ли они... Изъ пожеланій одни необходимы, другія естественны, а иныя ни то, ни другое. Такъ, всѣ тѣ желанія, отъ неудовлетворенія которыхъ гибнетъ животное, естественны и необходимы, какъ, напримѣръ, желаніе пищи, питья и сна. Вожделѣніе плотское естественно, но не необходимо, такъ какъ многіе преодолѣли его, и, однако, не погибли. А желаніе богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотимъ, то и не подчинимся ему“ [7]).

Такова въ изображеніи св. Іоанна Златоустаго первая или отрицательная сторона христіанскаго отношенія къ богатству — внутренняя независимость отъ него. Но, какъ мы сказали, это еще не полнота отвѣта на вопросъ объ отношеніи христіанина къ богатству. Онъ долженъ соблюдать не только эту независимость отъ богатства, но и владѣть имъ, въ случаѣ имѣетъ богатство, согласно съ

---

[1]) Бесѣда, „когда Сатурнинъ и Аврелианъ были отправлены въ ссылку“, т. 3, стр. 432—433. [2]) Бесѣда XII на 2 Кор., т. 10, стр 590. [3]) „О Лазарѣ слово II“, т. 1, стр. 790. [4]) Бесѣда на псал. CL, т. 5, стр. 563. [5]) Бесѣда „о мученикахъ“, т. 2, стр. 698. [6]) Бесѣда X на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 98. [7]) Бесѣда LXXIV на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 496.

волей Божіей. Какъ мы уже видѣли, по воззрѣніямъ св. Іоанна, повторять которыя здѣсь излишне, богатый всегда владѣетъ достояніемъ Божіимъ [1]), которое также должно принадлежать и бѣднымъ [2]). Поэтому, какъ казнохранители и приставники при чужомъ имуществѣ, христіане, имѣющіе достатокъ, должны отдать отчетъ въ должномъ употребленіи своего богатства [3]). И въ случаѣ должнаго распоряженія богатствомъ, послѣднее можетъ явиться не бременемъ на пути въ Царство Небесное, какъ бываетъ при рабствѣ богатству, но средствомъ пріобрѣсти вѣчную правду [4]). И мы уже знаемъ, какое употребленіе богатства св. Іоаннъ считаетъ должнымъ или нормальнымъ. это то, чтобы раздавать его нуждающимся, которымъ оно собственно и принадлежитъ по волѣ Божіей [5]), а черезъ это и возвращать Богу, верховному собственнику то, что Имъ дано намъ заимообразно [6]). Съ этой точки зрѣнія всякое „храненіе“ богатства есть не законное право, а тѣмъ болѣе не долгъ христіанина, но тяжкое преступленіе, такъ какъ, если наше богатство по праву принадлежитъ бѣднымъ, то не давать имъ изъ того, что̀ есть у насъ, значитъ похищать чужое [7]). Поэтому также только тотъ истинный владыка своего богатства, кто его щедро раздаетъ, но не тотъ, кто не смѣетъ къ нему прикоснуться; кто сѣетъ на небѣ, а не на землѣ: земная расточительность презрѣнна, а для Бога—достойна [8]). Поэтому только тѣ истинно владѣютъ своимъ богатствомъ, которые и „употребленіемъ его не дорожатъ и наслажденіе имъ презираютъ... Итакъ, кто хочетъ и пріобрѣсть богатство, и пользоваться, и владѣть имъ, тотъ пусть откажется отъ всего имѣнія“ [9]). Мы видимъ теперь, что значитъ съ христіанской точки зрѣнія „хранить и умножать“ имущество: это значитъ раздавать его. Единственно надежный способъ „сохранить“ богатсто—это отдать его нуждающимся. „Хочешь ли сберечь богатство—спрашиваетъ св. отецъ —, хочешь ли удержать его? Не зарывай его, но отдай въ руки бѣдныхъ. Богатство, какъ дикій звѣрь: если удерживаютъ его, оно убѣгаетъ; если расточаютъ, остается... Расточай, чтобы оно оставалось; не зарывай, чтобы не убѣгало“ [10]). И такъ поступать, значитъ одновременно и сохранять и умножать богатство. „Будемъ

---

[1]) Напр, бесѣда LV на кн. Бытія, т. 4, стр. 593, бесѣда LXXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 518 и др. [2]) Напр., „о Лазарѣ слово II“, т. I, стр. 796. [3]) Тамъ же. Сравн. бес LXXVII на Ев Матѳея, т. 7, стр. 779 780, „Слово о милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 664—665. Бесѣда XI на посл. къ Римл., т 9, стр. 616—617 и др. [4]) Бесѣда VII о покаяніи, т. 2, стр. 374 [5]) Напр., бесѣда LXXVII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 780 и мн. др. [6]) Напр., бесѣда LV на кн. Бытія, т. 4, стр. 593. [7]) „О Лазарѣ, слово II“, т. I, стр 796, сравн. „Слово о корыстолюбіи“ т. 12, стр. 593; Бесѣда LXIII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 645 - 646. [8]) „Къ вѣрующему отцу“ слово III, т. 1, стр. 110 - 111. [9]) Бесѣда II „о статуяхъ“, т. 2, стр. 36—37. [10]) Бесѣда, „когда Евтропій былъ схваченъ“, т. 3, стр. 411.

давать просящему Христу и откладывать въ нерасхищаемую сокровищницу, чтобы намъ быть увѣренными и въ сбереженіи и въ доходѣ. Онъ не только тщательно сохранитъ то, что взялъ, но и опять отдастъ тебѣ это съ очень многимъ прибавленіемъ. Не будемъ думать, что у насъ уменьшается имущество, когда мы подаемъ милостыню. Оно не уменьшается, но возрастаетъ; не издерживается, но умножается“ [1]). „Кто трудится для неба, тотъ... можетъ быть увѣренъ въ цѣлости и капитала, и имущества, если только можно назвать процентами приращеніе, которое гораздо больше самаго капитала. Здѣсь капиталъ—имущество, а приращеніе—Царство Небесное .. Это ты получишь .., не изнуряясь заботою о настоящемъ, но окрыляясь надеждою будущаго“ [2]). „Полагая сокровище на небѣ..., ты не закапываешь, а насаждаешь свое золото. Тогда оно вмѣстѣ бываетъ тебѣ и сокровищемъ и сѣменемъ, или и того и другого лучше“ [3]). „Итакъ, зачѣмъ ты отдаешь деньги на храненіе людямъ? Передъ тобою стоитъ Христосъ, готовый принять и сохранить, и не только сохранить, но и умножить... Для того Богъ и велитъ тебѣ давать деньги другому, чтобы ты самъ владѣлъ ими, потому, что пока ты одинъ только будешь имѣть ихъ и самъ не будешь владѣть ими; а когда дашь другому, тогда и самъ получишь... Дай ихъ, говоритъ (Богъ) нуждающимся... Если дашь ихъ мнѣ въ лицѣ бѣдныхъ, то Я тщательно сохраню тебѣ ихъ во всей цѣлости... Отдай то, что ты получилъ, и стяжи прибыль изъ пользованія. Довольно для тебя, что ты поставленъ давать, а не получать“ [4]).

Необходимо имѣть въ виду основную точку зрѣнія св. Іоанна Златоустаго въ этической оцѣнкѣ имъ богатства, чтобы понять не разъ повторяемую имъ мысль, что имущество дѣлается наиболѣе нашимъ, когда мы даемъ его другимъ и чрезъ это возвращаемъ Богу обратно данное Имъ, чтобы получить отъ Него истинное богатство въ будущей жизни [5]). Мы уже видѣли, что въ такомъ отношеніи къ богатству и вообще къ собственности проявляется вѣрность наша въ маломъ—довѣренномъ намъ на землѣ управленіи имуществомъ. Поэтому очень не рѣдкія и выразительныя слова св. Іоанна въ его бесѣдахъ о „покупкѣ неба“ [6]), нужно понимать именно въ такомъ моральномъ освѣщеніи, а не съ грубой

---

[1]) „Бесѣда о вдовицахъ“, т. 3, стр. 348, сравн. бесѣду на псаломъ XLIII, т 5, стр. 167—168. [2]) Бесѣда на псаломъ CXI, т. 5, стр. 319. [3]) Бесѣда XX на Ев Матеея, т 7, стр. 240—241. [4]) „Слово о милостынѣ“, т. 12, стр. 664, ср. стр. 657. [5]) Бесѣда LV на кн. Бытія, т 4, стр. 593 [6]) Напримѣръ: „Есть у тебя оволъ (самая мелкая монета) купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человѣколюбивъ. Нѣтъ у тебя овола? Подай чашу холодной воды... Дай хлѣбъ и возьми раи, дай малое и возьми великое; дай смертное и возьми безсмертное, дай тлѣнное и возьми нетлѣнное“—Бесѣда III о покаяніи, т. 2, стр 324.

матеріалистической окраской. Самъ святитель опредѣленно выразилъ это. „Не за деньги продаются—говоритъ онъ—блага небесныя, не деньгами покупаютъ ихъ, а свободнымъ рѣшеніемъ дающаго деньги, любомудріемъ, возвышеніемъ надъ вещами житейскими, человѣколюбіемъ и милостыней... Итакъ, не деньги нужны, а рѣшеніе. Имѣя это послѣднее, ты можешь и за двѣ лепты купить небо; а безъ него и за тысячу золотыхъ талантовъ не купишь того, что можешь купить за двѣ лепты [1]). Впрочемъ, подробная рѣчь объ этомъ болѣе умѣстна будетъ далѣе, въ рѣчи о значеніи милостыни въ дѣлѣ нашего христіанскаго спасенія, а пока мы ограничимся сдѣланнымъ небольшимъ замѣчаніемъ.

Итакъ, по взгляду св. Іоанна Златоустаго, единственно достойное христіанина отношеніе къ богатству есть то, когда не берегутъ и не умножаютъ богатства на землѣ, но раздаютъ его нуждающимся. И св. отецъ въ этомъ направленіи былъ послѣдователенъ до конца, такъ что, съ точки зрѣнія святителя, богатый только тогда могъ достигнуть полнаго мира со своею совѣстію, когда онъ все свое имущество отдастъ неимущимъ. „Тогда только ты оправдаешься, когда ничего не будешь имѣть, когда ничѣмъ не будешь владѣть; а пока ты что-нибудь имѣешь, то хотя бы далъ тысячамъ людей, а остаются еще другіе алчущіе, нѣтъ тебѣ никакого оправданія“ [2]). Въ этихъ словахъ, уже однажды приведенныхъ нами, выражена, по нашему убѣжденію, сущность воззрѣній св. Іоанна Златоустаго на христіанское употребленіе богатства. Всякія границы въ дѣлѣ его раздаванія отпадаютъ, согласно съ духомъ Евангельскаго ученія. Правда, св. отецъ признавалъ, что совѣтъ Евангельскому юношѣ былъ обращенъ непосредственно къ нему и является совѣтомъ для ищущихъ совершенства [3]). Не разъ также святитель призывалъ своихъ пасомыхъ жертвовать, если не все свое имущество [4]), то хоть половину или третью часть, сдѣлать Христа своимъ сонаслѣдникомъ [5]). Въ частности, относительно Антіохіи, Іоаннъ думалъ, что если всѣ жители дадутъ хоть половину, даже десятую часть своего имущества, то ихъ городъ могъ бы пропитать десять городовъ [6]). Слишкомъ ясно было для св. отца, что сребролюбіе овладѣло всѣми, и безполезно призывать къ отдачѣ всего, когда не хотятъ дать и малой части [7]). Но какъ только взоръ святителя обращался отъ печальной дѣйствительности къ созерцанію чистаго христіанскаго идеала жизни, то св. Іоаннъ съ горячимъ убѣжденіемъ доказываетъ, что

---

[1]) Бесѣда XV на посл. къ Филип., т 11, стр. 348. [2]) „О милостынѣ и странноліобіи“, т. 12, стр. 664—665. [3]) „Слово II объ Акиллѣ и Прискиллѣ“, т. 3, стр. 192. [4]) Напр., бесѣда XX на книгу Бытія, т. 4, стр. 186. [5]) Бесѣда XLV на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 478—479. [6]) Бесѣда LXVI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 678. [7]) Бес. LXXVI на Ев. Іоанна т. 8, стр. 509.

должно всегда давать просящему [1]), и теперь иждивать все на Христа такъ же, какъ это дѣлали первые христіане [2]) Въ частности св. Іоаннъ нерѣдко борется съ ссылками на законность заботы о дѣтяхъ, какъ на препятствіе къ раздачѣ всего имущества „Раздай (богатство) въ безчисленное множество рукъ, въ руки вдовъ и сиротъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы.. Но скажешь: что же я оставлю дѣтямъ? Я не заставляю тебя раздавать все; а если и все раздашь, то тѣмъ болѣе богатыми сдѣлаешь дѣтей своихъ, оставивъ имъ вмѣсто денегъ милостиваго Бога“ [3]). „Если желаешь—говоритъ въ другой бесѣдѣ святитель—оставить дѣтей истинно богатыми, то оставь должникомъ ихъ Бога“ [4]). Вообще, ссылку на дѣтей св отецъ называетъ просто нечестивой, такъ какъ Богъ даетъ дѣтей по человѣколюбію и нельзя обращать ихъ въ поводъ къ безчеловѣчію [5]). Очевидно, часто забывалъ св. Іоаннъ о томъ сребролюбіи, въ которомъ такъ горячо обличалъ онъ своихъ духовныхъ дѣтей; часто призывалъ ихъ „иждивать все на Христа“, если его прямо обвиняли въ томъ, что онъ всѣхъ призывалъ дѣлаться нищими. И интересно отмѣтить, какъ св. Іоаннъ отвѣчалъ на подобныя обвиненія: не позволеніемъ сохранять имущество, но противоположеніемъ небеснаго сокровища земному и призывомъ пріобрѣтать богатство на небесахъ [6]).

Достаточно сказаннаго о взглядахъ св. Іоанна Златоустаго на богатство и на христіанское отношеніе къ нему, чтобы можно было заранѣе предрѣшить, какъ смотритъ св. отецъ на роскошь—это самое обычное употребленіе богатства. Несомнѣнно, что отношеніе къ роскоши у св. Іоанна не могло быть иное, какъ отрицательное, и на этомъ вопросѣ можно было бы и вовсе не останавливаться, если бы не особенная выразительность сужденій св. отца, а еще болѣе—совершенная противоположность этихъ сужденій сравнительно съ тѣмъ, что проповѣдуется въ нашихъ системахъ нравственнаго богословія. Св. Іоаннъ Златоустый не только осуждалъ роскошь, но ставилъ ее даже въ число самыхъ тяжкихъ преступленій противъ христіанской любви.

Руководящая точка зрѣнія св Іоанна при этическомъ осужденіи имъ роскоши та, что въ христіанской жизни необходима полная умѣренность [7]); нужно быть довольнымъ, имѣя одѣяніе и пищу, а остальное раздавать. „Христосъ—говоритъ св. отецъ,—отмѣнивъ прежній законъ, не заповѣдалъ имѣть ни домовъ, ни рабовъ, ни ложъ, ни серебряныхъ сосудовъ и ничего другого подобнаго... Павелъ такъ

---

[1]) Бесѣда XI на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр. 108—109. [2]) Бесѣда LXXXVIII на Ев. Матеея, т. 7, стр. 870—871. [3]) Бесѣда на псал. CL, т. 5, стр. 578. [4]) Бесѣда VII на посл. къ Римл., т. 9, стр 565. [5]) Бесѣда III о покаяніи, т. 2, стр. 327. [6]) Бесѣда XXX на 1 Кор., т. 10, стр. 304. [7]) Напр., „О Лазарѣ слово I“, т. 1, стр. 782.

увѣщевалъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ.* А то, что превышаетъ нужду, надо издерживать на нуждающихся [1]). Въ словахъ молитвы Господней „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь", св. отецъ видитъ законъ христіанской жизни, по которому мы всегда должны были бы быть „препоясаны и окрылены вѣрою, и не болѣе уступать природѣ, чѣмъ сколько требуетъ отъ насъ необходимая нужда" [2]); „не будемъ же—увѣщеваетъ св отецъ—желать лишняго, будемъ довольны малымъ,—и мы всегда будемъ богаты. Будемъ пещись только объ одеждѣ и пищѣ" [3]). „Не для того даемъ мы эти наставленія, чтобы доводить людей до смерти или разстраивать ихъ здоровье, но чтобы отсѣчь излишество; а излишне все то, что сверхъ необходимости... Такъ будемъ разсуждать и объ одеждахъ, и о столѣ, и о жилищѣ и о всемъ прочемъ; вездѣ будемъ искать только нужнаго, а излишнее не нужно" [4]). И такая умѣренность въ жизни является необходимымъ долгомъ для христіанина потому, что всякое излишество и роскошь несовмѣстимы съ христіанскою любовію къ ближнимъ, а въ ихъ лицѣ и ко Христу, Который и донынѣ алчетъ и жаждетъ въ лицѣ каждаго нуждающагося. „Что можетъ быть—спрашиваетъ, напримѣръ, св. отецъ—хуже этой изнѣженности, какъ спать на ложахъ изъ слоновой кости? Ибо, если ты представишь, что, когда ты спишь на ложѣ изъ слоновой кости, другой не можетъ и хлѣба вкушать свободно, то не осудитъ ли тебя совѣсть и не возстанетъ ли съ обвиненіемъ противъ такой несообразности? Когда ты представишь, что въ крайнюю стужу, среди ночи, когда ты спишь на ложѣ, бѣднякъ лежитъ на соломѣ.., дрожа, корчась отъ холода и терзаясь голодомъ, то хотя бы ты былъ каменнымъ больше всѣхъ, я увѣренъ, что осудишь себя за то, что самъ нѣжишься сверхъ нужды, а ему не даешь пользоваться необходимымъ" [5]). Уже одинъ „домъ, болѣе обширный, чѣмъ нужно, препятствуетъ итти къ небу... Стыдно украшать мраморомъ стѣны безъ нужды и безъ пользы, и допускать, чтобы Христосъ ходилъ среди насъ безъ одежды... Ты хочешь строить великолѣпные, обширные дома? Не запрещаю, только строй не на землѣ, построй обители на небесахъ" [6]). Вообще, для христіанскаго сознанія нѣтъ болѣе разительнаго контраста, какъ роскошь христіанъ, и нищета Христова. „Для чего, скажи мнѣ—спрашиваетъ богатыхъ св. отецъ,—ты носишь шелковыя одежды, ѣздишь на золотосбруйныхъ коняхъ..., а бѣдный, томимый голодомъ, сидитъ при дверяхъ твоихъ, и Христосъ мучится голодомъ. О крайнее безуміе! Какое оправданіе, какое прощеніе по-

[1]) „Слово II объ Акиллѣ и Прискиллѣ", т. 3, стр. 196. [2]) Бесѣда XIX на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 224 [3]) Бесѣда XVI на 1 Кор., т 10, стр. 161 и др . [4]) Бесѣда XIX на 2 Кор., т. 10, стр. 641. [5]) „О Лазарѣ слово I", т 1, стр. 779—780. [6]) Бесѣда II „о статуяхъ", т. 2, стр 35, 34, сравн. бесѣду на псал. CL, т. 5, стр. 579.

лучишь ты?“ [1]). „О колоннѣ тщательно заботишься, а человѣкъ, или лучше Христосъ, ради этой колонны и всѣхъ вышеуказанныхъ вещей, обрекается на самый крайній голодъ. Если нужно сдѣлать кресло или подножье, все дѣлается изъ золота и серебра; между тѣмъ членъ Христа, тотъ, ради кого Онъ пришелъ съ неба, не имѣетъ даже и необходимой пищи, Христосъ сталъ для тебя всѣхъ презрѣннѣе! И что можетъ быть тягче такого беззаконія? [2]). А между тѣмъ роскошь плѣнила и христіанъ и даже проникла въ храмы. „Ты входишь въ церковь—говоритъ о христіанахъ св. отецъ—украшенная золотомъ на рукахъ и на шеѣ... Язычникъ соблазняется и говоритъ: я входилъ въ христіанскую церковь, слышалъ Павла, говорившаго· *жены да украшаютъ себя ни золотомъ, или бисеромъ*, и видѣлъ женщину, показывающую дѣлами совершенно противное“ [3]). Благодарность наша ко Христу требовала бы ничего не жалѣть для Него, не исключая души, такъ что, если бы мы имѣли въ себѣ по тысячѣ душъ, то должны были бы положить всѣ души за Него. А „мы до такой степени неблагодарны, что рабовъ, и муловъ, и коней облекаемъ въ золотые уборы, а Господа, скитающагося въ наготѣ, переходящаго отъ дверей къ дверямъ, стоящаго на распутіяхъ, простирающаго къ намъ руки, презираемъ... Ваши одежды или съѣдаются молью, или составляютъ тяжесть для сундуковъ.. а Кто даровалъ это и все прочее, Тотъ скитается нагимъ. Но вы говорите, что не складываете свои одежды въ сундуки, но сами одѣваетесь въ нихъ и украшаетесь? Скажите же мнѣ, какая вамъ отъ того польза?“ [4]). „Доколѣ будетъ такъ владѣть нами любовь къ настоящимъ вещамъ—излишнимъ и безполезнымъ... Но не пріятно ли, скажешь, строить великолѣпные дома, имѣть множество рабовъ, и, покоясь на ложѣ, смотрѣть на золотой сводъ? Да это излишне и безполезно... Хочешь ли видѣть прекраснѣйшій сводъ? Когда настанетъ вечеръ, смотри на небо, усѣянное звѣздами... Этотъ сводъ можетъ принесть величайшую пользу, потому, что своею красотою возводитъ къ Создателю; а тотъ, причиняетъ тебѣ величайшій вредъ, сдѣлавшись въ день суда твоимъ грознымъ повелителемъ, потому, что онъ былъ облеченъ золотомъ, когда Христосъ не имѣлъ и необходимой одежды“ [5]).

Св. Іоаннъ Златоустый много говоритъ о вредѣ роскоши для самихъ богатыхъ [6]) и о ея безсмысленности по существу [7]). Но основной грѣхъ роскоши въ томъ, что она находится въ прямомъ противорѣчіи съ голосомъ христіанской любви. Въ полномъ согласіи со

---

[1]) Бесѣда на псал. CL, т. 5, стр. 569. [2]) Слово „о корыстолюбіи“, т. 12, стр. 598. [3]) Бесѣда на псал. CL, т. 5, стр. 569 ср. стр. 576—577. [4]) Бесѣда XXVII на Ев Іоанна, т. 8, стр. 177. [5]) Бесѣда XLVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр 315. [6]) Напр., бесѣда XXXIX на 1 Кор., т. 10, стр. 411—412. [7]) Напр., бесѣда VII на посланіе къ Колосянамъ, т. 11, стр. 415—419.

своимъ ученіемъ объ отношеніи христіанина къ собственности, св. Іоаннъ ставитъ въ прямую связь роскошь и обиду ближняго. По взгляду св. отца, когда украшаются золотомъ кони и рабы, когда надѣваютъ на себя украшенія изъ золота, тогда „ты обнажаешь сиротъ, обижаешь вдовъ и являешься общимъ врагомъ всѣхъ“.. Обширные и великолѣпные дома говорятъ о томъ же: „каждый прохожій, при взглядѣ на высоту и величіе обширнаго и великолѣпнаго дома, скажетъ себѣ или ближнему: сколькихъ слезъ стоило построеніе этого дома? Сколько ограблено сиротъ? Сколько обижено вдовъ? Сколько людей лишено платы?“ [1]). Живущій въ роскоши, по убѣжденіямъ св. Іоанна, уже однимъ тѣмъ грѣшитъ противъ ближнихъ, что страданія неимущихъ возрастаютъ отъ одного вида той роскоши, въ какой живутъ богатые [2]).

Насколько видъ всякой роскоши казался св. Іоанну несовмѣстимымъ съ христіанскимъ настроеніемъ, видно изъ того, что его не очаровывало и роскошное убранство самыхъ храмовъ христіанскихъ Онъ не видитъ для себя въ этомъ ничего утѣшительнаго, пока за дверями храма великое множество людей страдало отъ недостатка. „Церковь—разсуждаетъ св. отецъ—не на то, чтобы въ ней плавить золото, ковать сребро; она есть торжественное собраніе ангеловъ: поэтому мы требуемъ въ даръ ваши души,—вѣдь ради душъ принимаетъ Богъ и прочіе дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не изъ золотого сосуда Христосъ давалъ пить кровь свою ученикамъ. Однако же тамъ все было драгоцѣнно, все возбуждало благоговѣніе, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить Тѣло Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагимъ. И что пользы, если здѣсь почтишь его шелковыми покровами, а внѣ храма оставишь терпѣть и холодъ и наготу.. Для этого таинственнаго Тѣла нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, т. е. нищіе, имѣютъ великую нужду въ нашемъ попеченіи. Научимся же... почитать Христа, какъ Самъ Онъ того хочетъ... Почитай Его тою честію, какую Самъ Онъ заповѣдалъ, то-есть, истощай богатство твое на бѣдныхъ. Говоря это, не запрещаю дѣлать богатые вклады; требую только, чтобы вы вмѣстѣ съ вкладами и даже прежде нихъ творили милостыню... Что пользы, если Христова трапеза полна золотыхъ сосудовъ, а Самъ Христосъ томится голодомъ. Сперва напитай Его алчущаго... Ты дѣлаешь золотую чашу, а не даешь чаши студеной воды. Что въ томъ пользы? Дѣлаешь для трапезы золототканные покровы, а Христу не даешь и нужнаго для прикрытія. Какой плодъ отъ этого? Скажи мнѣ: если ты уви-

---

[1]) Бесѣда на псал. CL, т. 5, стр. 577–579. [2]) Напр., „о Лазарѣ слово I“, т. 1, стр. 783.

дишь человѣка, не имѣющаго у себя необходимой пищи, и вмѣсто того, чтобы утолить его голодъ, обложишь столъ серебромъ, поблагодаритъ ли онъ тебя за это, или, скорѣе, огорчится?.. То же представъ и о Христѣ, когда Онъ, какъ безпріютный странникъ, ходитъ и проситъ крова, а ты, вмѣсто того, чтобы принять Его, украшаешь полъ, стѣны, верхи столбовъ, привязываешь къ лошадямъ серебряныя цѣпи, а на Христа, связаннаго въ темницѣ, и взглянуть не хочешь... Итакъ, украшая домъ Божій, не презирай скорбящаго брата: этотъ храмъ превосходнѣе перваго“ [1]).

Чтобы закончить изложеніе взглядовъ св. Іоанна на богатство и на должное къ нему отношніе, намъ остается лишь отмѣтить суровое осужденіе св. отцомъ грубыхъ злоупотребленій въ дѣлѣ умноженія богатства. Если, какъ мы уже видѣли, по взгляду св. отца, уже одно только сохраненіе своего имущества въ неприкосновенности есть по существу хищеніе [2]), то сребролюбецъ и любостяжательный не могъ представляться святителю иначе, какъ въ образѣ чудовища, вовсе лишенннаго богоподобнаго человѣческаго образа. Такъ именно рисуетъ св. отецъ сребролюбца: „представимъ себѣ человѣка—говоритъ св. Іоаннъ—извергающаго изъ очей своихъ огонь, чернаго, вмѣсто рукъ имѣющаго на обоихъ плечахъ своихъ висящихъ драконовъ; представимъ у него такія уста, въ которыхъ, вмѣсто зубовъ, вонзены острые мечи, а вмѣсто языка находится источникъ, изливающій ядъ... Представимъ, что чрево его пожираетъ болѣе всякой печи... а ноги какъ бы крылатыя и быстрѣе всякаго пламени. Пусть лицо его будетъ составлено изъ собачьяго и волчьяго; пусть онъ не будетъ произносить ничего человѣческаго, но будетъ издавать изъ себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и въ рукахъ у него будетъ пламень. Можетъ быть вамъ представляется страшнымъ сказанное мною, но я еще не изобразилъ его надлежащимъ образомъ Къ сказанному надо присовокупить и еще нѣчто· пусть онъ поражаетъ встрѣчающихся съ нимъ, пожираетъ и терзаетъ плоть ихъ. Но сребролюбецъ гораздо хуже и такого чудовища. Онъ нападаетъ на всѣхъ, все поглащаетъ, подобно аду, всюду ходитъ, какъ общій врагъ рода человѣческаго“ [3]). Вообще св. отецъ не находитъ достаточно выразительныхъ словъ и сравненій, чтобы представить весь ужасъ грѣха любостяжанія. Сребролюбецъ хуже бѣсноватаго для всего города и людей, такъ какъ на него не дѣйствуетъ и слово Христа [4]). Корыстолюбецъ хуже вора [5]), хуже пса и звѣря—они сами демоны [6]). Любостяжатель—истинный идолопоклонникъ, прино-

[1]) Бесѣда L на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 522—523. [2]) „О Лазарѣ слово II“, т. I, стр. 796 и др. [3]) Бесѣда XXVIII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 321 [4]) Тамъ же, стр 320. [5]) Бесѣда X на посл. къ Ѳессал., т 11, стр. 562—563. [6]) Бесѣда IX на 1 Корин., т. 10, стр. 89—90

сящій на алтарѣ любостяжанія и тѣло и души ближнихъ [1]). Нѣтъ возможности и особенной нужды передавать всѣ тѣ суровыя обличенія грѣха корыстолюбія, какія встрѣчаются во множествѣ бесѣдъ св. Іоанна. Можно только прибавить, что когда св. Іоаннъ говоритъ о тяжести грѣха корыстолюбія, то онъ разумѣетъ не какихъ-либо изверговъ, но очень обыкновенныхъ съ житейской точки зрѣнія людей. Объ этомъ говоритъ уже жалоба самого святителя, что сребролюбіе овладѣло душами всѣхъ [2]), и нѣтъ нужды даже объяснять это діавольскими кознями, такъ какъ нашей злобы совершенно достаточно для объясненія этого факта [3]).

Само собою понятно, что св. Іоаннъ такъ же, какъ и другіе св. отцы, возставалъ противъ отдачи денегъ въ ростъ. „Ничего, ничего нѣтъ постыднѣе и жестокосерднѣе, какъ брать ростъ... Растовщикъ обогащается на счетъ чужихъ бѣдствій, тягости другого обращаетъ себѣ въ прибыль... подъ видомъ человѣколюбія роетъ яму глубже, помогая тѣснить нищаго“ [4]).

Чтобы изложить взгляды св. Іоанна Златоустаго на богатство, намъ пришлось довольно долго останавливаться на твореніяхъ этого великаго учителя Церкви, такъ часто касался онъ интересующаго насъ предмета и такъ разносторонне его разсматривалъ. Теперь, когда намъ предстоитъ выяснить взглядъ св. отца на бѣдность, задача наша значительно облегчается тѣмъ, что многіе частные вопросы, связанные со взглядомъ на бѣдность, предрѣшаются уже такимъ или инымъ отношеніемъ къ богатству. Мы уже видѣли, что съ принципіальной точки зрѣнія св. Іоаннъ признаетъ только одну истинную бѣдность—недостатокъ добродѣтели—, и только одно истинное богатство—вѣчную жизнь. Поэтому отъ воли человѣка зависитъ быть истинно богатымъ или бѣднымъ, а теперешняя бѣдность—это такой же призракъ, маска, картина, какъ и земное богатство. Истинная оцѣнка бѣдности опредѣляется тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находится къ ней наша воля. Все это въ равной мѣрѣ приложимо и къ богатству и къ бѣдности, какъ мы сказали. Но есть въ ученіи св. отца относительно бѣдности самой по себѣ такія черты, которыя отличны отъ святоотеческой характеристики богатства. Въ то время, какъ св. Іоаннъ рѣшительно утверждаетъ, что и богатство дымъ и призракъ, и блага, имъ доставляемыя, не лучше сновидѣнія, относительно страданій бѣдныхъ святой отецъ склоненъ думать иначе, и указываетъ въ этихъ страданіяхъ такую реальность, не видѣть которой не въ правѣ христіанское сердце.

---

[1]) Бесѣда XVIII на посл. къ Ефесян., т 11, стр. 152 и др. [2]) Напр., бес. LXXVI на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 509. [3]) Бесѣда VII на кн. Дѣяній, т. 9, стр 77. [4]) Бесѣда V на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 59 и др.

Уже одинъ тотъ фактъ, что св. Іоаннъ такъ горячо осуждалъ немилосердіе богатыхъ и возмущался видомъ роскоши ихъ жизни рядомъ съ нуждою бѣдняковъ,—одинъ уже этотъ фактъ ясно говоритъ, что св. отецъ далекъ былъ отъ безстрастной точки зрѣнія въ отношеніи страдній бѣдныхъ и признавалъ эти страданія тяжкими и незаслуженными по существу. „Бѣдность—по словамъ св. отца,—дѣйствительно есть бѣдствіе; это знаютъ испытавшіе ее; никакое слово не можетъ изобразить всей скорби, какую терпятъ живущіе въ нищетѣ“ [1]). „Бѣдность—по мысли святителя—сильнѣе огня и обыкновенно сильнѣе опаляетъ“; поэтому, „кто съ благодареніемъ переноситъ нищету, тотъ равенъ тремъ отрокамъ“ [2]) Даже болѣе того. „невольная бѣдность хуже разжженной печи и звѣрей“ [3]) И св. отецъ съ горячимъ сочувствіемъ изображалъ тѣ многія скорби, какія переносили бѣдняки его времени, особенно нищіе, съ цѣлью вызвать къ нимъ состраданія. „Лучше умереть, нежели просить“, повторяетъ св. отецъ мысль ветхозавѣтнаго мудреца [4]). И по взгляду св. отца, бѣдность не только соединяется съ тяжкими страданіями, но и по существу есть выраженіе неправедной злобы въ отношеніяхъ людей между собою, какъ и богатство, согласно сказанному, всегда неправедно. „Невозможно быть одному богатымъ безъ того, чтобы напередъ другой не сдѣлался бѣднымъ“ [5]). Основная причина существованія нищеты въ мірѣ, такимъ образомъ, что мы уже подробно раскрыли ранѣе, въ неравномѣрности распредѣленія благъ земныхъ, принадлежащихъ общему нашему Отцу, не говоря о томъ уже, что святитель указываетъ цѣлый рядъ случайныхъ причинъ бѣдности: кораблекрушенія, судилища, воровства, несчастія, болѣзни [6])...

Такимъ образомъ, св. отецъ не закрывалъ глазъ на страданія, неизбѣжно соединяемыя съ бѣдностію, и даже видѣлъ въ послѣдней поводъ къ недоброму настроенію. Такъ, св. отецъ признаетъ, что, бѣдные, какъ-бы естественно завистливы [7]), наклонны ко лжи [8]); вообще „непроизвольная бѣдность дурна тѣмъ, что бываетъ ненасытна, взыскательна и неблагодарна“, такъ что въ отношеніи бѣдняка, всегда раздраженнаго своею бѣдностію, нужна терпѣливость и особенная кротость, чтобы „не прибавлять къ скорби отъ бѣдности еще скорбь и отъ обиды“ [9]).

Такою представляется въ воззрѣніи св. отца бѣдность, вынужденная и чуждая христіанскаго любомудрія. Такая бѣдность—великое бѣдствіе. Но предъ лицомъ христіанскаго жизненнаго

---

[1]) „О Лазарѣ слово I“, т. 1, стр. 782. [2]) Бесѣда IV на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 50. [3]) Бесѣда LXXXI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 815. [4]) Бесѣда XI на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр 109. [5]) Бесѣда LI на 1 Коринѳ., т. 10, стр. 419. [6]) Напр., бесѣда XI на посл къ Евреямъ, т. 12, стр. 108. [7]) Бесѣда XX на 2 Кор., т. 10, стр. 645 [8]) Бесѣда XIII на 2 Кор., т. 10, стр. 597. [9]) „О священствѣ слово III“, т. 1, стр. 432

свѣта бѣдность есть не только одинъ призракъ, нѣчто несущественное, но имѣетъ великую силу, содѣйствующую христіанскому спасенію. Такое именно значеніе принадлежитъ бѣдности тогда, когда она или добровольная или невольная, но принимаемая съ благодареніемъ Богу [1]). Св. Іоаннъ не находитъ достаточно словъ, чтобы выразить истинную красоту добровольной бѣдности и особую пригодность ея для христіанской жизни. И это понятно съ точки зрѣнія жизнепониманія св. отца уже по тому одному, что говорилъ и совѣтовалъ онъ богатому: онъ требовалъ того, чтобы отказаться отъ мысли о богатствѣ, раздать свое имущество бѣднымъ и заботиться только о настоящемъ днѣ, какъ бы забывая о будущемъ. Для этого, естественно, нужно совершенно погасить страсть къ богатству и стать черезъ это всѣхъ богаче [2]), къ чему и ведетъ только добровольная бѣдность [3]).

Нетрудно предвидѣть, какія именно стороны въ жизни бѣднаго оттѣняетъ св. Іоаннъ Златоустый, когда говоритъ о значеніи бѣдности для совершенной христіанской жизни. Самъ св. отецъ различаетъ два рода преимуществъ бѣдности сравнительно съ богатствомъ: низшія и высшія преимущества. Первыя—обнаруживаются въ области естественной человѣческой жизни; вторыя—въ жизни собственно христіанской.

Если, какъ мы видѣли, св. Іоаннъ Златоустый съ особенною силою оттѣняетъ ту сторону призрачности въ благахъ, получаемыхъ отъ богатства, что богатый всегда есть рабъ своего имущества, дрожащій сторожъ его, лишенный покоя и мира душевнаго, то и въ бѣдности святитель оттѣняетъ то ея преимущество, сравнительно съ богатствомъ, что она—залогъ мира душевнаго. „Бѣдность—по образу св. отца,—безопасное прибѣжище, тихая пристань, всегдашнее спокойствіе, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствіе, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучіе ненарушимое, источникъ мудрости, узда надменности, свобода отъ наказанія, корень смиренія“ [4]). Множество разъ сравниваетъ св. Іоаннъ значеніе богатства и бѣдности въ ихъ отношеніи къ внутреннему самочувствію человѣка и вездѣ находитъ, что даже въ отношеніи къ этой жизни бѣдный счастливѣе богатаго. Добровольно бѣдный, по мысли святителя, всегда веселъ, не озабоченъ, не огорчается потерей. Онъ—собственникъ всей земли и моря; не боится и смерти, потому что его городъ—небо. Онъ и здоровьемъ крѣпче, а потому и счастливѣе богатаго. Бѣдному даже при желаніи никто не можетъ по-

---

[1]) Напр., бесѣда LXXVI на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 518. [2]) Бесѣда IV на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 51. [3]) Бесѣда XVIII на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр. 161. [4]) Бесѣда, „когда Сатурнинъ и Аврелианъ были отправлены въ ссылку“, т. 3, стр. 431—432.

вредить, да и нѣтъ побужденій вредить: завидовать нечему, сердиться не за что [1]). „Бѣдный и спитъ, и ѣстъ, и пьетъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели богатый"; при этомъ, бѣдный ни отъ кого не зависитъ, если у него бѣдность соединяетея съ любомудріемъ [2]). И такъ какъ сила души въ ея свободѣ отъ заботъ [3]), то эта внутренняя независимость есть высокое преимущество бѣдности [4]). Мы не будемъ приводить указанныхъ нами мѣстъ, а лишь скажемъ кратко, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ св. Іоаннъ Златоустый энергично борется противъ того ложнаго, но широко распространеннаго взгляда на богатство, по которому оно—благо, а бѣдность—зло и защищаетъ, нерѣдко въ яркихъ образахъ, преимущества простоты бѣдности предъ великолѣпіемъ богатства.

Но всѣ эти преимущества бѣдности и, слѣдовательно, связанныя съ ними побужденія избѣгать богатсва и избирать бѣдность, самъ св. отецъ называетъ низшими. Но есть еще, говоря его словами, „другое утѣшеніе, но только свойственное любомудрымъ. Какое же? То что и богатство ничто, и бѣдность ничто... все это кратковременно и различается одно отъ другого однимъ только названіемъ. Кромѣ того, есть еще иное, бо́льшее (утѣшеніе), состоящее въ томъ, чтобы представлять себѣ будущія страданія и блага, страданія истинныя и блага истинныя" [5]). Только будущая жизнь есть наше истинное и вѣчное благо, и вотъ, передъ лицомъ этого истиннаго богатства бѣдность есть прямой путь для наслѣдованія вѣчной жизни Хотя св. Іоаннъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что богатство и бѣдность, какъ мы уже видѣли, не добро и не зло сами по себѣ, и являются лишь средствомъ приготовить себѣ истинное сокровище на небѣ, но бѣдность особенно располагаетъ къ совершенной христіанской жизни. Самъ Христосъ Спаситель и Его апостолы жили въ совершенной бѣдности и это высшая ей похвала [6]). И теперь „неимѣніе денегъ служитъ признакомъ добраго человѣка" [7]), и „добрый христіанинъ обнаруживается болѣе въ бѣдности, нежели въ богатствѣ..., потому что въ бѣдности онъ становится негорделивымъ, цѣломудреннѣе, честнѣе, смиреннѣе, благоразумнѣе" [8]). И св. отецъ, съ этой точки зрѣнія, рѣшительно утверждалъ, что „только малое число богатыхъ спасется, а бѣдныхъ гораздо больше" [9]). Это потому, конечно, что бѣдность особенно располагаетъ къ добродѣ-

---

[1]) „Къ невѣрующему отцу". т. 1, стр. 63, 64, 69. [2]) Бесѣда II „о статуяхъ", т. 2, стр. 39—41. [3]) Бесѣда на псал. CIX, т 5, стр. 297 [4]) Напр., бесѣда XVIII на посл. къ Евреямъ, т 12, стр 160; „слово V объ Аннѣ", т. 4, стр. 827—829; бесѣда XC на Еван. Матѳея, т. 7, стр. 887, бесѣда XII на 2 Кор., т. 10, стр. 587—590 и мн. др. [5]) Бесѣда XXXVIII на 1 Кор, т. 10, стр. 395—396. [6]) Бесѣда XVIII на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр. 160. [7]) Бесѣда XII на 1 Тимоѳ, т. XI, стр. 705. [8]) Бесѣда II на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр 25. [9]) Бесѣда XIII на 2 Кор., т. 10, стр. 597—598.

тели [1]) и въ этомъ отношеніи можетъ явиться источникомъ множества благъ [2]), надежнымъ руководителемъ на пути въ Царство Небесное [3]). Поэтому, если въ предверіи царскаго чертога строго различаютъ богатыхъ и бѣдныхъ [4]), то въ Церкви этого быть не должно: въ ней всѣ равны [5]), и даже бѣдный можетъ явиться болѣе цѣннымъ членомъ для Церкви, такъ какъ чуждъ опасеній богатаго и ничѣмъ не привязанъ къ землѣ: ни имуществомъ, ни мѣстомъ, ни самою жизнію [6]). Поэтому же въ христіанской Церкви иначе оцѣнивается бѣдность, чѣмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, и „теперь ублажается бѣдность“ [7]): въ бѣдности скрывается Богъ [8]), какъ Христосъ приходитъ къ намъ теперь не въ образѣ богатыхъ, но въ образѣ нищихъ [9]), и апостолы называютъ именно бѣдныхъ святыми“ [10]).

Такимъ въ общихъ чертахъ представляется ученіе о богатствѣ и бѣдности св. Іоанна Златоустаго. Наша задача состояла въ томъ, чтобы указать тѣ принципы, какіе лежатъ въ основѣ этической оцѣнкѣ св. отцомъ интересующихъ насъ жизненныхъ положеній. Но мы должны сознаться, что въ такой сжатой и отрывочной передачѣ воззрѣній св. отца, какая имѣетъ мѣсто въ систематическомъ трудѣ, нѣтъ, думается, и возможности передать всю силу и поражающую выразительность мысли святого защитника бѣдноты. Слово св. Іоанна дышетъ такою огненною ревностію, льется такимъ стремительнымъ потокомъ, что его невозможно заключить въ рамки сухой передачи мыслей св. отца. И самая добросовѣстная передача этихъ мыслей не можетъ дать даже понятія о томъ наслажденіи, какое переживается при чтеніи живого слова великаго учителя вселенской Церкви.

Въ ученіи св. Іоанна, собственно говоря, христіанскій взглядъ на богатство и бѣдность имѣетъ совершенное выраженіе, въ писаніяхъ позднѣйшихъ учителей церкви мы лично не встрѣтили ничего существенно дополняющаго и выясняющаго ученіе древней Церкви о богатствѣ и бѣдности. Поэтому и не будемъ останавливаться на изложеніи взглядовъ позднѣйшихъ отцовъ и писателей церковныхъ, но лишь, для полноты своего обзора ученія древней Церкви по интересующему насъ вопросу, изложимъ кратко взгляды на богатство и бѣдность представителей западной церковной мысли: св. Амвросія Медіоланскаго, св. Астерія Амасійскаго, блаж. Августина и бл. Іеронима.

---

[1]) Напр., бесѣда на псал. IX, т. 5, стр 124—125. [2]) Бесѣда XC на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 887—888 [3]) Бесѣда XVIII на посл. къ Евр, т. 12, стр. 161. [4]) Бесѣда на 1 Ѳессалон., т. 11, стр. 570—571 [5]) Тамъ же, стр. 571. [6]) „Объ Акиллѣ и Прискиллѣ слово II“, т. 3, стр. 197—198. [7]) Бесѣда XVIII на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр. 160. [8]) „О милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 665 [9]) Бесѣда XI на 1 Ѳессалон., т 11, стр. 572. [10]) Бесѣда „о милостынѣ“, т. 3, стр. 265.

Св. Амвросій въ ученіи о богатствѣ оттѣняетъ всѣ существенно важныя стороны христіанскаго взгляда на него. Указывая опредѣленно на то, что въ этой жизни вовсе нѣтъ соотвѣтствія между добродѣтелью и богатствомъ, и нерѣдко богатѣютъ злые [1]), св. отецъ настойчиво доказываетъ, что богатство и не есть такое благо, какого могъ бы желать христіанинъ, но такимъ благомъ является единственно добродѣтель. „Для блаженной жизни—говоритъ св. Амвросій—богатства совершенно безразличны. Это ясно показалъ въ Евангеліи Господь, говоря: *блаженны нищіе потому что ваше есть Царствіе Божіе* То, что кажется благомъ: богатство, достатокъ, радость, чуждая печали,—является препятствіемъ къ полученію блаженства, какъ это явствуетъ изъ изреченія Господа· *„горе вамъ, богатымъ, ибо вы уже имѣете свое утѣшеніе“*.. Отсюда Новуѳей былъ блаженъ даже тогда, когда побивался камнями по (проискамъ) богатаго; онъ былъ бѣденъ и слабъ по сравненію съ богатствомъ царя, но онъ былъ богатъ духомъ и богобоязненностію... Справедливо, что добродѣтель есть высшее и единственное благо, что одна только она можетъ дать радости блаженной жизни, и что не внѣшними или тѣлесными благами, но только добродѣтелью пріобрѣтенная блаженная жизнь—плодъ настоящаго, а вѣчная—надежда будущаго“ [2]).

И не только передъ лицомъ истинной блаженной жизни богатство оказывается не благомъ, но не составляетъ оно непремѣннаго условія и земного счастія. Св. отецъ обращаетъ вниманіе на внутреннее самочувствіе богатаго и видитъ въ немъ залогъ не счастія и довольства, но терзаній совѣсти [3]) и постоянной тревожной думы [4]). Какъ бы повторяя мысли св. Василія Великаго, св. Амвросій ярко рисуетъ жалкій образъ богатаго, думающаго имѣть въ своемъ богатствѣ радость и утѣшеніе. Не зависти заслуживаетъ такой богачъ, но сожалѣнія, когда изобиліе доставляетъ ему одни бѣдствія, и когда онъ собираетъ со своихъ полей не плоды, но печали и воздыханія [5]).

И не являясь, такимъ образомъ, условіемъ счастія на землѣ, богатство съ этической точки зрѣнія оказывается всегда противнымъ началу христіанской справедливости и препятствіемъ на пути ко спасенію. Какъ мы уже видѣли, идеаломъ пользованія благами міра, по воззрѣнію св. Амвросія, должно быть общеніе имуществъ: насиліе передѣлало общее право въ частное [6]), и всякое богатство является несогласимымъ съ высшею правдою. „Стре-

---

[1]) Слово на текстъ: „человѣку нѣкоему богату угобзися нива“, слав.-руск. переводъ, 1853 г., стр. 15. [2]) „Объ обязанностяхъ священнослужителей“, перев. Г. Прохорова кн. II, стр. 215—217. [3]) Тамъ же, кн. I, гл. 12, стр 63. [4]) Слово на текстъ: „человѣку нѣкоему...“, стр. 20. [5]) Тамъ же, стр. 17 [6]) „Объ обязанностяхъ“, кн. I, гл. 28, стр. 121.

мясь увеличить свои богатства, скопить денегъ, пріобрѣсти въ собственность земли, превзойти (другихъ) богатствомъ, мы совлекаемъ съ себя образъ справедливости“ [1]). „До какихъ границъ вы, богатые,—говоритъ св. Амвросій—будете устремлять свои неразумныя пожеланія? Неужели только вы одни населяете землю?.. Земля основана въ общее владѣніе всѣмъ—богатымъ и бѣднымъ, почему же вы, богатые, домогаетесь права собственности для себя однихъ? Природа не знаетъ богатыхъ, потому что всѣхъ рождаетъ бѣдными, потому что рождаемся мы не въ одеждахъ и безъ золота и серебра“ [2]).

И такой взглядъ святителя на происхожденіе богатства, какъ и вообще частной собственности, о чемъ была у насъ рѣчь ранѣе, обуславливаетъ собою и ученіе св. отца объ истинно христіанскомъ отношеніи къ богатству. Если христіанинъ есть лишь раздаятель Божіихъ даровъ [3]), то онъ долженъ не хранить богатства своего и этимъ служить маммонѣ, но раздавать свое золото бѣднымъ [4]). Лучшія житницы для храненія христіанами своего имущества,—это утробы нищихъ [5]), почему христіанинъ, раздавая свое богатство, никогда не долженъ страшиться возможности обнищать. „Никто не долженъ стыдиться—поучаетъ св. отецъ,—если онъ, благотворя бѣдному, изъ богатаго и самъ сдѣлается бѣднымъ, потому что и Христосъ, будучи богатымъ, сдѣлался бѣднымъ, дабы всѣхъ обогатить нищетою своею“ [6]). Поэтому истинно блаженъ, по взгляду святителя, тотъ, кто сразу и совершенно отрекается отъ имущества, хотя св. Амвросій допускаетъ и постепенность въ раздаваніи своего богатства. „Блаженъ, кто раздаетъ все и слѣдуетъ за Нимъ (Богомъ).. Впрочемъ, Богъ и не хочетъ, чтобы мы сразу отдали наше имущество, но чтобы раздавали его по частямъ, если только кто-либо не поступитъ такъ, какъ Елисей, заколовшій быковъ своихъ и напитавшій бѣдныхъ, съ тѣмъ, чтобы, забывъ о домашнихъ заботахъ и бросивъ все, онъ безпрепятственно могъ отдаться пророческому служенію [7]).

Напротивъ, если кто смотритъ на свое богатство, какъ на личную собственность, хранитъ его и заботиться объ его умноженіи, то такой человѣкъ обременяетъ себя своимъ богатствомъ подобно обремененію верблюда его горбомъ и не можетъ войти въ Царство Небесное. Въ той шкатулкѣ, въ которой хранятся деньги, заключено и благополучіе бѣдныхъ и въ ней—въ этой шкатулкѣ—какъ бы въ могилѣ похоронена жизнь неимущихъ [8]). Поэтому равнаго проклятія заслуживаетъ и грабитель, и скупой, не удѣляющій

---

[1]) „Объ обязанностяхъ“, кн. 1, гл. 28, стр. 123 [2]) De Nabuthe, cap. I, 549, Parisiis, 1615 a. [3]) Слова на текстъ: „человѣку нѣкоему...“ стр 18. [4]) Слово „о единствѣ любви“, стр. 5 [5]) Слово на текстъ: „человѣку нѣкоему...“, стр. 31. [6]) „Объ обязанностяхъ“, кн. 1, гл. 30, стр. 134, [7]) Тамъ же, стр. 132—133. [8]) Тамъ же, кн. 2, гл. 16, стр. 251.

изъ своего имѣнія нуждающимся [1]) Богатство въ этомъ случаѣ оказывается для своего владѣльца тяжкимъ бременемъ, подобнымъ горбу верблюда [2]), настолько затрудняющимъ для богатаго путь въ Царство Божіе, что войти въ него не можетъ даже богатый, изобилующій другими добродѣтелями [3]). Истинную цѣнность бережливость имѣетъ лишь тогда, когда она имѣетъ въ виду помощь неимущимъ [4]).

И насколько заслуживаетъ осужденія въ жизни христіанина скупость, настолько же противорѣчитъ любви христіанской и роскошь [5]), и вовсе несовмѣстимо съ любовію сребролюбіе и корыстолюбіе [6]).

Такого горячаго прославленія бѣдности въ жизни христіанина, какое мы встрѣчали въ твореніяхъ восточныхъ учителей церкви, мы не видимъ въ писаніяхъ св. Амвросія. Но все же онъ оттѣняетъ ту мысль, что не только въ Церкви Христовой нѣтъ повода бѣдняку стыдиться своей бѣдности [7]), но въ твореніяхъ его встрѣчаются и прямыя указанія на благотворное вліяніе послѣдней въ дѣлѣ христіанскаго спасенія. „Мудрый—по слову св. Амвросія—, ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, потому что его богатство—это цѣлый міръ. Кто славнѣе того, кто не прельщается золотомъ, кто равнодушенъ къ деньгамъ и, какъ бы съ нѣкоторой твердыни, съ презрѣніемъ смотритъ на человѣческія страсти... Развѣ не удивителенъ презрѣвшій богатства,—тѣ самыя, которыя многія предпочитаютъ собственной жизни“ [8]). И по взгляду св. отца, самая природа, когда человѣкъ нагимъ рождается, и Церковь, когда человѣкъ крещается, учитъ согласно, что путь въ Царство Небесное открытъ необремененнымъ думами о богатствѣ“ [9]).

Въ числѣ немногихъ дошедшихъ до насъ бесѣдъ св. Астерія Амасійскаго мы находимъ двѣ бесѣды, прямо касающіяся интересующаго насъ теперь вопроса: это „бесѣда на притчу о богатомъ и Лазарѣ“ и „противъ корыстолюбія“. Въ этихъ бесѣдахъ мы собственно находимъ опредѣленно выраженными мысли о ненормальности дѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ и, въ особенности, о совершенномъ несоотвѣтствіи роскоши началу христіанской любви. Мимоходомъ говорится и о непрочности тѣхъ утѣшеній, какими пользуются богатые, и объ истинной цѣнности съ христіанской точки зрѣнія бѣдности. Позволимъ себѣ отмѣтить, что эти мысли, всецѣло согласныя со взглядомъ восточныхъ учителей Церкви, выражены св. Астеріемъ,

---

[1]) Слово на текстъ: „человѣку нѣкоему ..“, стр 35—36. [2]) Слово „о вельбудѣ“, стр. 156—158. [3]) Слово о томъ „кто болій есть въ Царствіи Небесномъ“, стр. 110. [4]) Слово „на четыредесятницу“, стр. 119—120. [5]) Тамъ же, стр. 117—119; „о должностяхъ“, кн. 2, гл. 21, стр. 269—270. [6]) „Объ обязанностяхъ“, кн. 2, т. 26, стр. 181—283. [7]) „Объ обязанностяхъ“, кн. 1, гл. 30, стр. 134. [8]) „Объ обязанностяхъ“, кн. 2, гл. 14, стр. 243—244. [9]) Слово о томъ „кто болій есть...“, стр. 109.

повидимому, совершенно независимо по формѣ отъ писаній восточныхъ отцовъ, чего нельзя сказать о твореніяхъ св. Амвросія и бл. Іеронима.

Св. Астерій въ бесѣдѣ „противъ корыстолюбія“, обращаетъ вниманіе на чрезвычайно ненормальное распредѣленіе жизненныхъ благъ среди людей. Въ то время, какъ „одни чувствуютъ тошноту отъ пресыщенія избыткомъ стяжаній... другіе, удрученные голодомъ и нуждою, подвергаются опасности. Одни возлежатъ подъ золочеными крышами и обитаютъ въ домахъ, похожихъ на маленькіе городки, украшенныхъ ваннами и чертогами разнообразными, и галлереями, простирающимися на далекое разстояніе, и всевозможной роскошью. Другіе не имѣютъ крова и изъ двухъ бревенъ.. И это равночестное живое существо—человѣкъ—имѣетъ такое различіе въ образѣ жизни со своимъ однороднымъ!... Не иное что, какъ именно корыстолюбіе вводитъ этотъ безпорядокъ и неравенство. Одинъ лишенъ приличнаго вида отъ нагихъ членовъ, а другой, кромѣ того, что имѣетъ безчисленное количество одеждъ, еще и стѣны покрываетъ пурпуровыми покровами. Бѣднякъ ощущаетъ недостатокъ въ деревяномъ столѣ, чтобы разрѣзать хлѣбъ, а роскошествующій широко раздвигаетъ серебряный столъ, услаждается блескомъ матеріала. А насколько было бы справедливѣе, чтобы этотъ послѣдній угощался, насыщаясь всякимъ другимъ лакомствомъ, стоимость же стола доставила бы пропитаніе неимущимъ?... Одному масла не достаетъ, чтобы зажечь свѣтильникъ, а другой же по однимъ свѣтильникамъ—богачъ. Одинъ ложится на голой землѣ, а хвастающійся суетными богатствами блещетъ украшеніемъ своей кровати, снабженной серебряными шарами и цѣпями, вмѣсто веревокъ. Таковы слѣдствія ненасытнаго корыстолюбія. Если бы оно не ввело въ жизнь неравенства, не было бы этихъ несправедливыхъ возвышеній и униженій, и разнообразныя несчастія не дѣлали бы нашу жизнь непріятною и плачевною... А всего этого началомъ, причиною и корнемъ — желаніе большаго, неправедная любовь къ чужимъ имѣніямъ. Если же бы кто-нибудь эту страсть людскую истребилъ, то ничто не препятствовало бы, чтобы въ жизни водворился глубокій миръ... и всѣ возвратились къ естественной пріязни и дружбѣ. Посему и Господь нашъ заботливо врачуетъ эту болѣзнь своими увѣщаніями, то объявляя: *„не можете служить Богу и маммонѣ“*, то выставляя жалкимъ богача того, имѣвшаго на слѣдующій день умереть, а воображавшаго, что будетъ долго наслаждаться роскошью; то, въ другомъ мѣстѣ, поучая, что совершенъ тотъ, кто, предоставивъ нуждающимся все, что можетъ, обратится добровольно къ нестяжательному любомудрію,—матери и сожительницѣ добродѣтели“ [1]).

---

[1]) стр. 14—18 русскаго перевода

Такимъ образомъ, по мысли св. Астерія, раздѣленіе людей на богатыхъ и бѣдняковъ есть явленіе ненормальное въ нашей жизни, противное справедливости, утверждающейся на „равночестности“ и „однородности“ нашего естества. И св. отецъ опредѣленно осуждаетъ всякую роскошь въ жизни христіанъ, какъ противную началу христіанской любви. „Роскошь—говоритъ святитель, есть дѣло враждебное добродѣтельной жизни,—соединенное съ порабощеніемъ лѣности и развлеченіямъ, съ неумѣреннымъ употребленіемъ пищи и рабскими наклонностями. И хотя разсматриваемый предметъ представляетъ собою единое нѣчто, но при частномъ раскрытіи и изслѣдованіи онъ оказывается имѣющимъ составъ изъ разнообразной, весьма большой и многоглавой порочности: ибо то и не была бы роскошь, что не возращалась бы многими средствами. А накопить богатыя средства безгрѣшнымъ образомъ трудно, развѣ только кому-либо не случится—что рѣдкость—и богатѣть обильно и жить по правдѣ точно. Такъ, живущему роскошно нуженъ, во-первыхъ, драгоцѣнный домъ, украшенный по углубленіямъ камешками, мраморомъ и золотомъ... Потомъ нужна драгоцѣнная одежда для облаченія сидѣній ложъ, постелей, дверей. Все у нихъ заботливо одѣвается, даже бездушныя вещи, между тѣмъ какъ бѣдняки раздѣтыми остаются въ такомъ видѣ. Прибавь, далѣе, къ этому и сосчитай серебро въ сосудахъ, золото... всѣ прочія средства роскоши, которыя тщательно поименовать есть дѣло самихъ пользующихся ими... Затѣмъ прими во вниманіе множество прислуги столовой—трапезниковъ, виночерпіевъ... весь этотъ сбродъ—спутникъ суетности. Чтобы пріобрѣсть это, сколько бѣдняковъ обижено! Сколько сиротъ поругано! Сколько вдовъ проливаютъ слезы! Сколько отъ сильныхъ мученій спѣшатъ къ удавленію!... Подлинно, кто не испытываетъ никакой жалости къ голоду и болѣзни, тотъ есть звѣрь неразумный... и даже гораздо болѣе самыхъ звѣрей несострадателенъ. И свиньи, при закланіи свиньи, испытываютъ нѣкоторое печальное ощущеніе, и надъ только что пролитою кровью, издаютъ жалостные звуки; быки обступаютъ убитаго вола, выражая скорбь весьма печальнымъ мычаніемъ; стаи журавлей, когда одинъ изъ принадлежащихъ къ стаду попадетъ въ силки, летаютъ вокругъ пойманнаго и наполняютъ воздухъ какимъ-то жалостнымъ крикомъ, ища сородича и товарища. А человѣкъ,—существо разумное и нравственное, по подобію Божію наученное благости—, такъ мало безпокоится о ближнихъ своихъ, находящихся въ печальныхъ и бѣдственныхъ обстоятельствахъ!“ [1]).

Такимъ образомъ св. Астерій признаетъ имущественное неравенство людей результатомъ и выраженіемъ недостатка между людьми

[1]) Бесѣда на притчу „о богатомъ и Лазарѣ“, стр. 7—10.

братской любви, и корень дѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ усматриваетъ въ любостяжаніи и корыстолюбіи. И св. отецъ видитъ единственное утѣшеніе возмущеннаго несправедливостью нравственнаго чувства въ томъ, что здѣшнія утѣшенія богатыхъ призрачны и скоропреходящи, а бѣдность передъ лицомъ истиннаго блага имѣетъ великую цѣнность и найдетъ праведное воздаяніе. „Если бы—говоритъ святитель—такова была бы природа вещей, чтобы неравенствомъ этого земного житія ограничивалась жизнь наша, то я испустилъ бы громкіе вопли негодованія отъ того, что созданныя равночестно, мы столь не равную съ единоплеменниками своими проводимъ жизнь“ [1]). Но есть „вѣрный судъ Праведнаго Судіи“. „Углубись мыслію во время послѣдующее—совѣтуетъ святитель,—когда тебя не будетъ, когда небольшой клочекъ земли заключитъ твое мертвое и безчувственное тѣло, и доска въ нѣсколько пядей сокроетъ твои останки. Гдѣ тогда богатство и скопленныя сокровища?... И тогда поймешь богача, противополагаемаго Лазарю, о которомъ было читано намъ изъ Евангелія,—не басню, составленную для устрашенія, а точно переданный образъ будущаго. Виссонъ сгнилъ, царство передано другому, роскошества миновали, а грѣхъ отъ нихъ отправился вмѣстѣ, какъ тѣнь, слѣдующая за идущимъ тѣломъ“ [2]) Напротивъ, за терпѣливымъ несеніемъ своего жизненнаго креста, въ видѣ бѣдности, слѣдуетъ великая радость и утѣшеніе. „Возблагодушествуй, бѣднякъ, узнавъ блаженное наслажденіе сотоварища твоего по нищенству (Лазаря) Обрѣтешь ты вѣрный судъ Праведнаго Судіи“. При этомъ св. отецъ, продолжая свою рѣчь, опредѣленно оттѣняетъ, какой бѣднякъ въ правѣ надѣяться на милостивое воздаяніе Бога“. Двоякое значеніе—говоритъ св. Астерій—имѣетъ имущество: оно указываетъ, во-первыхъ, на недостатокъ необходимаго и, во-вторыхъ, на смиренномудріе и скромность нрава. Посему, имѣющій недостатокъ въ средствахъ, нуждающійся въ деньгахъ, одѣтый въ жалкое рубище да не присвояетъ себѣ похвалу добродѣтели и да не думаетъ, что для спасенія ему будетъ достаточно одной бѣдности. Бѣдный по неволѣ не заслуживаетъ похвалы, но добровольно умѣряющій свои помыслы вызываетъ удивленіе къ себѣ... Писаніе ублажаетъ только ищущаго, который несетъ нужды любомудрою душою, обнаруживая благородную твердость къ обстоятельствамъ жизни и не совершая ничего дурного для того, чтобы доставить тѣлу наслажденіе роскошью“ [3]).

Св. Астерій очень горячо осуждаетъ корыстолюбіе и сребролюбіе, указывая въ нихъ источникъ всѣхъ золъ и корень ихъ, и

---

[1]) Бесѣда на притчу „о богатомъ и Лазарѣ“, стр. 11. [2]) Бесѣда „противъ корыстолюбія“, стр. 10—11. [3]) Бесѣда на притчу „о богатомъ и Лазарѣ“, стр 11—14.

опредѣляя корыстолюбіе въ его сущности, какъ „желаніе во всякомъ дѣлѣ имѣть болѣе должнаго и принадлежащаго“ [1]).

Бл. Августинъ противополагаетъ богатство здѣшнее будущему истинному и при этомъ оттѣняетъ ту мысль, что̀ сущность дѣла въ душевномъ настроеніи человѣка, въ его пристрастіи къ богатству. Истинно христіанское къ нему отношеніе то, чтобы не жалѣть его, раздавая ближнимъ и черезъ это собирая неветшающее сокровище на небѣ, и не скорбѣть, теряя свое имущество, свидѣтельствуя этимъ о своей свободѣ отъ пристрастія къ видимымъ благамъ міра. „У кого во время разоренія погибли земныя богатства— говоритъ бл. отецъ—, тѣ, если смотрѣли на эти богатства такъ, какъ училъ тому этотъ бѣдный, а внутри богатый, могли сказать, какъ говорилъ оный, тяжко испытанный, но непобѣжденный: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду*... Какъ добрый рабъ, онъ считалъ за великое для себя богатство волю своего Господа, слѣдуя которой богатѣлъ умомъ и не огорчился, потерявъ при жизни тѣ вещи, которыя долженъ былъ потерять скоро со смертію. Тѣ же слабѣйшіе, которые, хотя и не предпочитали этихъ земныхъ благъ Христа, были, однакоже, хоть съ нѣкоторою страстностію привязаны къ нимъ, тѣ, теряя ихъ, почувствовали, насколько, любя ихъ, грѣшили... Апостолъ даетъ такое повелѣніе: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе; благое дѣлати, богатитися въ дѣлѣхъ добрыхъ, благоподателивымъ быти, общительнымъ, сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее, да примутъ (истинную) жизнъ*“. Кто употреблялъ свое богатство такъ, тѣ ничтожные убытки свои покрыли великими прибылями, и были болѣе оправданы тѣмъ, что, охотно раздавая, вѣрнѣе сохранили; чѣмъ опечалены тѣмъ, что, боязливо сберегая, легче потеряли... Принявъ совѣтъ Господа своего, говорящаго: не скрывайте себѣ сокровищъ на земли... они въ годину бѣдствія на опытѣ убѣдились, какъ благоразумно поступили, что не пренебрегли правдивѣйшаго Наставника и вѣрнѣйшаго, и непобѣдимѣйшаго стража ихъ сокровища... Но нѣкоторыхъ и добрыхъ христіанъ подвергли пыткамъ, чтобы они выдали врагамъ свое имущество? Но они не могли ни выдать, ни потерять добра, которое ихъ самихъ дѣлало добрыми. А если захотѣли лучше подвергнутся пыткамъ, чѣмъ выдать маммону неправды, то не были добрыми“. Какъ видимъ, бл. Августинъ говоритъ объ отношеніи къ богатству примѣнительно къ тяжелымъ обстоятельствамъ церковной жизни (разрушеніе Рима), но высказываетъ принципіальныя сужденія по интересующему насъ вопросу, при чемъ во-

[1]) Бесѣда „противъ корыстолюбія“, стр. 3, 2, 4—9, 12–16.

обще стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что осужденія достойно не столько имѣніе богатства самого по себѣ, сколько пристрастіе къ нему [1]).

Бл. Іеронимъ въ своихъ воззрѣніяхъ на богатство и бѣдность, равно какъ и въ самомъ выраженіи этихъ воззрѣній, близко примыкаетъ къ св. Іоанну Златоустому. Такъ же, какъ и послѣдній, бл. Іеронимъ разсматриваетъ богатство въ качествѣ результата такой или иной неправды, обиды ближняго. „Всякое богатство—по мысли блаженнаго—исходитъ отъ неправды, и если одинъ не потеряетъ, другой не можетъ пріобрѣсти. Отсюда и извѣстное народное мнѣніе кажется мнѣ справедливымъ: богатый или самъ неправеденъ, или наслѣдникъ неправеднаго“ [2]), и всякое вообще „богатство собирается неправдою [3]). Какое же должное отношеніе христіанина къ богатству? Прежде всего христіанинъ долженъ помнить, что всякое богатство, всѣ „груды золота и серебра для насъ—чужія“ [4]), и въ то же время составляютъ препятствіе на пути къ нашему спасенію, и христіанину не возможно соединить служеніе Богу и маммонѣ, т. е. богатству—поясняетъ блаженный Іеронимъ—, ибо на своемъ родномъ, сирскомъ языкѣ, маммона означаетъ богатство. Заботы о пропитаніи суть препятствія для вѣры“ [5]). Блаженный, подобно св. Іоанну, очень подчеркиваетъ трудность для богатаго войти въ Царство Небесное. „Господь сказалъ—говоритъ блаженный отецъ—что „*неудобь имущіи богатство въ Царствіе Божіе внидутъ*. Не сказалъ: невозможно, но трудно, хотя употребилъ сравненіе невозможности: *удобьѣе есть велбуду сквозь иглины уши проити, нежели богату въ Царствіе Божіе внити*“. Это не столько трудно, сколько невозможно: потому, что никогда не можетъ быть, чтобы верблюдъ прошелъ скозь игольныя уши. Итакъ, богатый никогда не можетъ войти въ Царствіе Божіе. Верблюдъ горбатъ, тяжелъ и обремененъ ношею; и мы, когда... обременяемся богатствомъ міра или тяжестію грѣховъ, не можемъ войти въ Царствіе Божіе“ [6]). Если за Господомъ пошли и богатые люди, каковы Матѳей и Закхей, то „здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что, когда они вошли, то уже перестали быть богатыми. Такимъ образомъ, они до тѣхъ поръ не входили, пока были богатыми“ [7]).

Ясно само по себѣ, что при такихъ взглядахъ на отношеніе богатства къ дѣлу нашего спасенія, бл Іеронимъ не могъ указать иного идеала съ христіанской точки зрѣнія въ отношеніи къ богатству, какъ путь совершеннаго отреченія отъ него. Только при такомъ отреченіи христіанинъ свободно можетъ слѣдовать за Господомъ. „Съ трудомъ—говоритъ блаженный Іеронимъ—богатые входятъ въ Царство Небесное, которое требуетъ обитателей свободныхъ, на лег-

---

[1]) „О градѣ Божіемъ“ кн. 1, гл. X, т. 3, стр 18—20 [2]) Письмо 96 къ Гебидіѣ, т. 3, стр. 134. [3]) Письмо 97 къ Алгазію, т. 3, стр 189. [4]) Письмо 21 къ Евстохіи, т. 1, стр. 133. [5]) Тамъ же. [6]) 96 письмо къ Гебидіѣ, т. 3, стр. 135. [7]) „Четыре книги толкованій на Евангеліе Матѳея“, кн. 3, т. 16, стр. 193.

кихъ крыльяхъ воспаряющихъ къ небу. *Иди*—говоритъ (—Христосъ)—*и продаждь* не часть имѣнія, а все, чѣмъ владѣешь, *и даждь нищимъ*... ничего не оставляя для себя изъ-за опасенія собственной бѣдности... Все дай нищимъ и сотвори себѣ друзей отъ маммоны неправды, чтобы они приняли тебя въ вѣчные кровы, чтобы слѣдовать за Мною и стяжаніемъ своимъ имѣть Господа міра... И еще присовокупляю: продай и отдай имѣніе, если хочешь быть совершеннымъ, если желаешь достигнуть вершины апостольской славы, если хочешь, подъявъ крестъ, слѣдовать Христу, взявшись за рало, не оглядываться назадъ" [1]). Такой совѣтъ давалъ блаженный отецъ Юліану, и не разъ онъ высказываетъ подобный взлядъ на отношеніе къ богатству. Такъ, онъ хвалитъ Павлина за то, что тотъ буквально исполнилъ совѣтъ Господа богатому юношѣ, раздавши все свое имѣніе и „за обнаженнымъ крестомъ слѣдуя обнаженнымъ" [2]). Хвалитъ также блаженный и Павлу, которая не только не оставила дочери никакого имущества, но еще и долги, несмотря на то, что могла постоянно изъ своего состоянія творить милостыню [3]). И не разъ бл. Іеронимъ увѣщеваетъ идти за неимущимъ Христомъ, свергши бремя богатства [4]). Блаженный опредѣленно указываетъ, что такое совершенное отреченіе не есть приказаніе, но какъ и все великое предоставляется свободному избранію христіанина, ищущему совершенства [5]). Однако, вообще для христіанина не должно существовать заботы о завтрашнемъ днѣ и, нужно довольствоваться малымъ, имѣя одѣяніе и пищу. „Будемъ жить—совѣтуетъ блаженный—, какъ ничего не имѣющіе и всѣмъ обладающіе. Одежда и пища—вотъ богатства христіанскія! Если ты имѣешь въ своихъ рукахъ какую-либо вещь, продай; если не имѣешь, не заботься о пріобрѣтеніи. Отнимающему ризу нужно отдать и срачицу. Если ты, откладывая постоянно до завтраго, волоча день за день, будешь осторожно и помалу продавать твои владѣньица, то Христу не будетъ чѣмъ питать бѣдныхъ Своихъ" [6]). Блаженный Іеронимъ поясняетъ не разъ, на сколько не соотвѣтствуетъ христіанскому настроенію беречь свое имущество [7]), и особенно горячо осуждаетъ р о с к о ш ь въ христіанской жизни, при-

---

[1]) 94 письмо къ Юліану, т. 3, стр. 107 [2]) 54 письмо къ Павлину, т. 2, стр 130 [3]) 88 письмо къ Евстохіи, т 3, стр. 36. [4]) Напр., 96 письмо къ Гебидіѣ, т. 3, стр. 136: „слѣдуй за Спасителемъ, за бѣднымъ и одинокимъ крестомъ иди бѣдною и одинокою"; „Если есть у тебя богатство—пишетъ бл. отецъ Рустику—, продай и раздай нищимъ, если нѣтъ, то ты освобожденъ отъ большой тяжести. За неимущимъ Христомъ иди неимущимъ. Тяжелое, великое, трудное дѣло, но за то велики и награды", т. 3, стр. 288. [5]) 62 письмо къ Памиахію, т 2, стр. 223 –224, ср. письмо къ Гебидіѣ, т. 3, стр. 136 „хочешь быть совершенною..., продай все, что имѣешь и отдай нищимъ... не хочешь быть совершенною, но хочешь удержать вторую степень добродѣтели,—оставь все, что имѣешь, отдай дѣтямъ, отдай родственникамъ". [6]) 50 письмо къ Павлину, т. 2, стр. 87—88. [7]) Напр , 21 письмо къ Евстахію, т. 1, стр. 133—134; 54 письмо къ Павлину, т. 2, стр. 136.

ближаясь по суровости обличенія въ этомъ случаѣ къ св. Іоанну Златоустому. „Нынѣ увидишь очень многихъ—говоритъ бл. Іеронимъ—, набивающихъ шкафы платьями, каждый день мѣняющихъ туники.. Окрашенъ въ пурпуръ пергаментъ, блеститъ въ буквахъ золото, переплетъ обдѣланъ драгоцѣнными каменьями,—а за дверями умираетъ обнаженный Христосъ“ [1]). „О позоръ!—говоритъ блаженный въ другомъ своемъ письмѣ—живемъ такъ, какъ будто собираемся на другой день умереть, а строимъ, какъ будто вѣчно будемъ жить въ этомъ мірѣ. Золотомъ блещутъ стѣны, золотомъ потолки, золотомъ капители колоннъ, а нагой и алчущій Христосъ, въ образѣ нищаго, умираетъ предъ нашими дверями“ [2]). И въ своемъ обличеніи роскоши бл. Іеронимъ не дѣлалъ исключенія даже для украшенія храмовъ, поставляя на первомъ мѣстѣ долгъ помогать нуждающимся. „Пусть другіе—пишетъ бл. отецъ въ одномъ письмѣ—строятъ храмы, украшаютъ стѣны мраморомъ, подвозятъ глыбы для колоннъ, золотятъ ихъ капители, не чувствующія драгоцѣннаго украшенія, пусть разукрашиваютъ двери слоновою костію и серебромъ, и раззолоченные алтари драгоцѣнными камнями. Не упрекаю, не запрещаю... Лучше дѣлать это, чѣмъ лежать на сложенныхъ сокровищахъ. Но тебѣ предназначено другое: одѣвать Христа въ лицѣ бѣдныхъ, посѣщать—въ больныхъ, питать—въ алчущихъ“ [3]). „Многіе—болѣе рѣзко говоритъ бл. Іеронимъ въ другомъ письмѣ—строятъ стѣны и ставятъ колонны церковныя; бѣлѣетъ мраморъ, потолки блестятъ золотомъ, алтарь украшенъ дорогими камнями... Не возражайте мнѣ, что въ Іудеѣ былъ богатый храмъ... Все это имѣло прообразовательное значеніе... А нынѣ, когда обнищавшій насъ ради Господь освятилъ нищету дома Своего, будемъ помышлять о крестѣ Его и считать богатство грязью. Зачѣмъ дивиться тому, что Христосъ называетъ маммоной неправедною? Зачѣмъ принимать и любить то, въ неимѣніи чего открыто признается ап. Петръ?.. Или отвергнемъ золото вмѣстѣ съ прочими іудейскими предразсудками, или если нравится золото, то пусть нравятся и іудеи, которыхъ вмѣстѣ съ золотомъ мы необходимо должны или одобрить, или осудить“ [4]). „Храмъ Христа есть душа вѣрующаго; её украшай, её одѣвай, ей приноси дары, въ ней воспринимай Христа. Какая польза, если стѣны наши блестятъ драгоцѣнными камнями, а Христосъ терпитъ крайнюю нужду?“ [5]).

Краткимъ изложеніемъ воззрѣній западныхъ отцовъ Церкви мы закончимъ настоящую главу, посвященную раскрытію православно-

---

[1]) 21 письмо къ Евстохіи, т. 1, стр 134. [2]) 104 письмо къ Гавденцію, т. 3, стр. 308. [3]) 106 письмо къ Деметріодѣ, т. 3, стр. 339. [4]) 49 письмо къ Непоціану, т. 2, стр. 67, 68. [5]) 54 письмо къ Павлину, т 2, стр. 136.

христіанскаго ученія о богатствѣ и бѣдности [1]). Думаемъ, что, хотя святоотеческое ученіе изложено нами далеко не во всей полнотѣ и выразительности, но все же мы въ правѣ указать на поражающее согласіе въ отношеніи къ этической оцѣнкѣ богатства и бѣдности представителей церковной мысли въ первые четыре вѣка жизни христіанства. Нетрудно теперь, въ заключеніе главы, сдѣлать общіе выводы о христіанскомъ взглядѣ на богатство и бѣдность.

Прежде всего христіанская Церковь непоколебимо вѣруетъ слову своего Учителя, что „*жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія*“. И богатство и бѣдность сами по себѣ не имѣютъ никакой цѣнности, такъ какъ относятся лишь къ области внѣшнихъ условій человѣческой жизни и не имѣютъ необходимо опредѣляющаго вліянія на нравственное достоинство человѣка Но самый фактъ раздѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ не есть Божескій законъ, и богатство не есть Божій даръ человѣку, но такое раздѣленіе есть результатъ недостатка братской любви среди людей и обиды слабѣйшихъ болѣе сильными. Поэтому богатство всегда по своей сущности является „неправеднымъ“, такъ какъ предполагаетъ обиду ближняго въ процессѣ его собиранія, и холодность, граничущую съ жестокосердіемъ, въ отношеніи къ ближнимъ, его обладателя и охранителя. Если св. отцы и говорятъ, что богатство можетъ явиться для человѣка даромъ Божіимъ и послужить къ его спасенію, такъ единственно лишь въ смыслѣ долга или обязанности достаточнаго человѣка дѣлиться своимъ съ другими и черезъ это исполнить волю Божію, допустившую человѣка владѣть достояніемъ другихъ; но не о правѣ человѣка хранить и умножать свое богатство и пользоваться имъ для себя. Пока остается хоть одинъ просящій и нуждающійся, до тѣхъ поръ имѣющій достатокъ въ этомъ мірѣ и не дѣлящійся своимъ съ нуждающимся братомъ, не можетъ имѣть мира со своею совѣстію и считать себя правымъ предъ лицомъ правды Божіей. Поэтому, всякое богатство, пока оно не раздано нуждающимся, есть бремя на пути

---

[1]) Въ постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ мы не встрѣтили прямыхъ указаній на отношеніе Церкви къ богатству и бѣдности, что и естественно, такъ какъ первымъ предметомъ соборныхъ разсужденій было установленіе православнаго вѣроученія, а затѣмъ установленіе порядковъ внѣшней организаціи церковнаго управленія. Лишь случайно соборныя постановленія касались нѣкоторыхъ сторонъ интересующаго насъ вопроса изъ области христіанскаго нравоученія. Такъ, 16 правило седьмого Вселенскаго собора говоритъ о томъ, что роскошь должна быть чужда „священническаго чина и состоянія“. Точно также спредѣленно запрещается взымать священнослужителямъ ростъ съ даваемаго въ заемъ (апост. прав. 44, перв. Всел. 17, шест. Всел. 10; Лаод. 4; Карѳ. 21). Въ 21 правилѣ Анкирскаго собора говорится о богатствѣ, что, если оно соединяется „съ правдою и благотвореніемъ“, то отцами „не уничижается“. Но непосредственно далѣе опредѣленно говорится, что одобряется простота въ одеждѣ, а изнѣженность отвергается.

ко спасенію, бремя тяжелое и неудобоносимое, не сбросивши которое трудно христіанину войти въ Царство Божіе. Поэтому же роскошь не только не позволительна христіанину, но напротивъ, находится въ прямомъ противорѣчіи съ его христіанскимъ призваніемъ и всегда говоритъ о бъопасномъ охлажденіи жизни сердца человѣческаго, не замѣчающаго окружающей нужды и страданій. Поэтому же, наконецъ, и бережливость является добродѣтелію въ томъ единственномъ случаѣ, если скромность въ личной жизни имѣетъ въ виду помощь бѣднымъ. Въ противномъ случаѣ, какъ путь сбереженія и увеличенія своего имущества бережливость есть та-же скупость и сребролюбіе, которыя въ нравственной жизни являются выраженіемъ жестокосердія и по существу должны быть оцѣниваемы и осуждаемы наравнѣ съ хищеніемъ у ближнихъ принадлежащаго имъ.

Что касается бѣдности, какъ недостатка необходимаго въ жизни, то христіанство не можетъ видѣть въ ней нормальнаго явленія, но результатъ того же самаго недостатка братской любви между людьми. Но насколько каждый христіанинъ, согласно апостольскому слову, болѣе долженъ желать быть обиженнымъ, чѣмъ обидчикомъ; настолько бѣдность въ отношеніи къ нашему дѣлу спасенія не является тяжелымъ бременемъ, будучи лишена принципіально неправды и обиды ближняго. Напротивъ, своими характерными свойствами: отсутствіемъ заботы о тлѣнномъ и скоропреходящемъ она содѣйствуетъ совершенной свободѣ христіанина въ его стремленіи къ нравственному совершенствованію. И если вынужденная бѣдность имѣетъ право на братскую помощь и, будучи переносима съ терпѣніемъ, говоритъ о высокомъ нравственномъ состояніи такого терпѣливаго бѣдняка, то бѣдность добровольная, какъ совершенное отреченіе отъ своего имущества ради Христа и Его правды на землѣ, является однимъ изъ выраженій истинно христіанскаго совершенства и слѣдованія по стопамъ добровольно обнищавшаго насъ ради Господа Іисуса Христа.

III.

Блаженнѣе давать, нежели принимать.

Дѣян. XX, 3—5

При раздачѣ милостыни и во всякой добродѣтели помышляй не о суровости трудовъ, но о сладости наградъ, а прежде всего имѣй въ виду Господа нашего Іисуса, для Котораго и предпринимаешь тѣ или другіе подвиги,—и ты легко выйдешь на подвиги, и въ радости проведешь все время жизни.

Св Іоаннъ Златоустый.

Нравственная жизнь христіанина есть жизнь во Христѣ: Онъ—идеалъ христіанскаго совершенства, предъ лицомъ Котораго должна протекать жизнь вѣрующаго, въ непрестанномъ единеніи съ Которымъ эта жизнь возростаетъ и утверждается. Жить, подражая Христу, таковъ первый христіанскій долгъ; преображаться въ образъ Христа, восходя отъ силы въ силу,—таковъ идеалъ христіанской жизни. Богословіе наше много говоритъ о подражаніи Христу Спасителю, разсуждаетъ о долгѣ такого подражанія, о томъ, въ чемъ оно должно состоять, какъ можетъ христіанинъ подражать Господу въ обыденныхъ условіяхъ своей жизни и тому под. Вопросъ о подражаніи Христу считается сложнымъ и труднымъ въ ряду другихъ вопросовъ, рѣшаемыхъ въ системѣ христіанскаго нравоученія. Много различныхъ теорій высказано по этому вопросу, много указано и разрѣшено недоумѣній, много порождено споровъ и возникло разногласій... Но есть такія черты въ образѣ Христа Спасителя, относительно подражанія которымъ не можетъ быть разногласій, не нужны научныя теоріи, безполезны споры. И первое мѣсто въ ряду такихъ чертъ святого и дорогого каждому облика Христа Спасителя принадлежитъ, безспорно, Его милосердію. Не разъ повѣствуетъ Евангеліе о милосердіи Господа, и въ этихъ простыхъ, трогательныхъ повѣствованіяхъ съ наибольшею полнотою выражено господствующее настроеніе Господа во время Его земной жизни. Не было ни одного вида человѣческихъ страданій, не исключая страданій отъ угрызенія совѣсти, ожесточенной грѣхами, на которыя не отозвалось бы любящее сердце Спасителя,—и какъ отозвалось! Если насъ глубоко поражаетъ и вызываетъ благоговѣйное преклоненіе Его святая молитва за враговъ на крестѣ, то, кажется, еще болѣе умиляетъ и трогаетъ всегдашнее, любовное вниманіе къ самымъ обыкновеннымъ, привычнымъ для нашего глаза страданіямъ и огорченіямъ лю-

дей Какъ жилъ Самъ Спаситель, тому же и училъ Онъ Своихъ послѣдователей. Едва ли кто-либо изъ читавшихъ Евангеліе не былъ пораженъ тѣмъ, что въ притчѣ о страшномъ судѣ—самомъ наглядномъ изображеніи тайны будущей жизни—Сердцевѣдецъ Господь прежде всего видитъ въ сердцахъ людей ихъ отношеніе къ тому горю, какое встрѣчали они въ жизни своихъ ближнихъ на своемъ жизненномъ пути. если ты, какъ бы такъ говорилъ Господь, видѣлъ во время своей земной жизни голоднаго и жаждующаго и не остался безучастнымъ зрителемъ ихъ страданія, но накормилъ и напоилъ ихъ; если ты пріютилъ въ своемъ домѣ безпріютнаго странника; одѣлъ лишеннаго одежды, посѣтилъ больного и заключеннаго въ темницѣ и этимъ доставилъ ему радость и утѣшеніе,—то приди ко Мнѣ,—ты—Мой послѣдователь, ты—членъ Моего Царства. Нѣтъ рѣчи здѣсь о героизмѣ, самопожертвованіи и высшей святости, чему также училъ Господь Своихъ учениковъ, но указано со всею ясностію, что великое въ христіанской жизни выражается и въ маломъ, въ тѣхъ дѣлахъ, какія всѣмъ доступны и какія требуютъ только одного движенія любящаго сердца. И такова прежде всего милостыня, это наиболѣе простое и доступное проявленіе христіанскаго милосердія. Насъ не можетъ поэтому удивлять, что и въ откровенномъ и въ святоотеческомъ ученіи очень много и подробно говорится о милостынѣ, и христіане призываются къ тому, чтобы въ ней проявлять свою любовь къ ближнимъ и къ Самому Христу Спасителю. И благодаря такому выдающемуся мѣсту, какое занимаетъ долгъ творить милостыню въ христіанскомъ міросозерцаніи, для настоящей главы нашего труда мы находимъ необыкновенно обильный матеріалъ въ Словѣ Божіемъ и въ ученіи Церкви. Наша задача сведется главнымъ образомъ лишь къ тому, чтобы названный матеріалъ изложить въ возможной раздѣльности частныхъ чертъ и передать въ соотвѣтствующихъ выдержкахъ изъ древнеотеческихъ твореній тотъ духъ живой любви, какой составлялъ душу собственно христіанской милостыни и какой нашелъ совершенное отраженіе въ святоотеческихъ наставленіяхъ. Конечно, этотъ же духъ дышалъ и еще болѣе наглядно выражался въ жизни великихъ христіанскихъ подвижниковъ; но такъ какъ задачею настоящей главы является уясненіе христіанскаго ученія о милостынѣ, то мы вовсе не предполагаемъ касаться исторіи христіанской благотворительности и дѣятельности отдѣльныхъ представителей христіанскаго милосердія.

Начиная изложеніе откровеннаго ученія о милостынѣ съ книгъ ветхозавѣтныхъ, мы можемъ отмѣтить, что въ вопросѣ о милостынѣ ветхозавѣтное откровеніе оттѣнило въ существенномъ всѣ тѣ стороны, какія съ совершенной полнотою раскрыты въ новоза-

вѣтномъ ученіи. Это, конечно, потому, что милостыня есть такое элементарное выраженіе любви къ ближнему, какое доступно было всегда сердцу вѣрующаго и независимо отъ опредѣленныхъ велѣній закона. Законъ, правда, опредѣлялъ частные случаи и виды благотворенія, такъ что не было совершенной свободы въ дѣлѣ милостынѣ: и въ этомъ отношеніи, какъ и вообще „*законъ ничего не довелъ до совершенства*“ [1]). Но законъ не полагалъ строго опредѣленныхъ границъ для милостыни, и въ сердцѣ вѣрующаго всегда могло найтись больше, чѣмъ заключалось въ буквѣ закона. Недоставало ветхозавѣтному взгляду на милостыню и той широты, какая присуща только проявленіямъ совершенной любви. Понятіе „*ближняго*“, которому нужно было благотворить, суживалось закономъ и въ направленіи національности и въ направленіи нравственной порядочности. Но все же высшее откровеніе богопросвѣщеннаго ветхозавѣтнаго сознанія поднималось надъ этими отношеніями, и въ пророческихъ рѣчахъ, равно какъ и въ учительныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ такое возвышенное ученіе о милостынѣ, что его безъ преувеличенія можно назвать зарею, возвѣщавшею восходъ въ Израилѣ истиннаго солнца любви.

Мы видѣли уже, что, по взгляду ветхозавѣтнаго нравоученія, долгъ творить милостыню являлся первымъ и неотложнымъ, такимъ элементарно-добрымъ дѣломъ, отсутствіе котораго говорило о совершенной неразвитости или непорочности человѣка. Такъ какъ въ рѣчи нашей объ отношеніи къ праву собственности были достаточно полно указаны тѣ постановленія закона, которыми опредѣлялась, такъ сказать, обязательная милостыня со стороны богатыхъ и вообще достаточныхъ лицъ въ пользу неимущихъ, то теперь мы остановимся лишь на вопросахъ о томъ, имѣлъ ли долгъ милостыни въ Ветхомъ Завѣтѣ всеобщее значеніе, и какими свойствами должна была обладать истинная милостыня по ветхозавѣтному на нее взгляду, и какія побужденія по этому же взгляду лежали въ основѣ долга творить милостыню.

На первый вопросъ, о томъ именно, имѣлъ ли долгъ этотъ всеобщее значеніе для ветхозавѣтнаго вѣрующаго, трудно отвѣтить со всею опредѣленностію. Скорѣе можно предположительно высказать сужденіе, что такой всеобщности не было, такъ какъ мы встрѣчаемъ ограниченія и въ направленіи того, кому нужно оказывать милостыню, и въ направленіи того, кто долженъ быть благотворителемъ. Въ первомъ случаѣ встрѣчаемъ опредѣленное разграниченіе единомышленниковъ и чужеземцевъ, равно какъ праведныхъ и грѣшныхъ. Если на „землѣ своей“ израильтянинъ долженъ

[1]) Евр., VII, 19.

былъ помогать всякому обѣднѣвшему [1]) и не брать съ него роста и прыбыли за данное въ ростъ [2]), то съ иноземца могъ и взыскивать долгъ, послѣ года прощенія [3]), и брать съ него ростъ и прибыль [4]) Подобныя же отношенія, хотя и не законодательнаго характера и въ позднѣйшее время, мы находимъ въ раздѣленіи лицъ благочестивыхъ и грѣшныхъ, при чемъ не считается обязательнымъ помогать послѣднимъ. „*Давай благочестивому*—совѣтуетъ книга Іисуса сына Сирахова,—*и не помогай грѣшнику. Дѣлай добро смиренному, и не давай нечестивому: запирай отъ него хлѣбъ и не давай ему... ибо и Всевышній ненавидитъ грѣшниковъ и нечестивымъ воздаетъ отомщеніемъ. Давай доброму и не помогай грѣшнику* [5]).

Но несмотря на подобныя ограничительныя предписанія, невозможно, сказали мы, съ увѣренностію утверждать, что долгъ милостыни не имѣлъ въ Ветхомъ Завѣтѣ всеобщаго значенія. Совѣсть вѣрующаго предстояла предъ лицомъ такой совершенной святости, чистоты и любви, что въ вѣрующемъ сердцѣ находился живой источникъ правды высшей, сравнительно съ правдой закона. Если Іосифъ Обручникъ былъ названъ „праведнымъ“ за то, что его правда была выше правды закона [6]), то въ извѣстномъ смыслѣ это же можно сказать и о милостынѣ. Въ то время, какъ лицемѣріе книжниковъ и фарисеевъ дѣлало изъ закона преграду добру и, въ частности, извратило въ корнѣ ученіе о милостынѣ [7]), совѣсть истинно вѣрующаго видѣла за оградой закона безконечный горизонтъ на пути служенія къ ближнему. И мы слышимъ въ ученіи ветхозавѣтнаго мудреца не только указаніе на границу милосердія. но и призывъ возвышаться надъ этими преградами. „*Если голоденъ врагъ твой, накорми его хлѣбомъ; и если онъ жаждетъ, напой его водою... Господь воздастъ тебѣ* [8]). Множество предписаній и совѣтовъ подавать милостыню и вообще благотворить нуждающимся не содержитъ никакихъ указаній на ограниченіе лицъ, которымъ должно благотворить [9]). Поэтому, думается, слово Христа Спасителя о помощи всякому нуждающемуся, съ особенной ясностію высказанное въ притчѣ Господа о милосердомъ самарянинѣ, не могло показаться слушателямъ призывомъ къ нарушенію закона.

Такимъ образомъ, законныя ограниченія долга творить милостыню въ отношеніи лицъ, требующихъ помощи, не имѣли, видимо, абсолютнаго значенія. Точно также не имѣло такого значенія и то наставленіе ветхозавѣтной мудрости, по которому нужно

---

[1]) Втор., XV, 7—11. [2]) Лев., XXV, 35—37. [3]) Втор., XV, 1—4. [4]) Втор., XXIII, 20. [5]) XII, 4—7. [6]) Мѳ., 1, 19. [7]) Напр., Мѳ., XV, 5 и др. [8]) Притч., XXV, 21—22 [9]) Исх., XXIII, 10—11; Лев., XIX, 9—10, XXIII, 22; Втор., XXIV, 19—21, Притч., III, 27; Сир., IV, 1—10; VII, 36; Зах., VII, 10; Тов., IV, 14—17 и др.

было творить милостыню отъ избытка, но не до скудости: „*помогай человѣку по силѣ твоей, и берегись, чтобы тебѣ не впасть въ то-же.*“ [1]· Примѣръ вдовы изъ Сарепты Сидонской [2]) наглядно говоритъ, что для нравственнаго сознанія не было такого недостатка, который бы дѣлалъ ненужной милостыню, и безспорно имѣло жизненное значеніе наставленіе книги Товита· *когда у тебя будетъ много, твори изъ того милостыню; и когда у тебя будетъ мало, не бойся творить милостыню и понемногу*“ [3]). И когда величайшій ветхозавѣтный пророкъ обратился къ народу съ такимъ призывомъ, чтобы имѣющій двѣ одежды далъ одну неимущему, и имѣющій пищу дѣлалъ бы то же [4]), то этотъ призывъ полнѣе выражалъ духъ закона, чѣмъ самодовольное пониманіе его фарисеемъ, довавшимъ десятину бѣднымъ [5]). Вообще, если мы находимъ въ законѣ указанія на долгъ каждаго давать „десятину“ для бѣдныхъ [6]), помимо десятины въ пользу левитовъ, то никогда въ законѣ мы не встрѣчаемъ мысли о правѣ ограничиваться такою мѣрою, и никогда законъ не суживаетъ возможной широты любящаго сердца.

Если послѣ сказаннаго о всеобщности долга милостыни по ветхозавѣтному ученію, мы обратимся къ изслѣдованію его взглядовъ на побужденія къ милостынѣ и на тѣ ея свойства, какія дѣлаютъ её истинной добродѣтелью, то въ этомъ случаѣ встрѣтимъ столь высокую характеристику должнаго настроенія въ лицѣ оказывающаго милостыню, что эта характеристика непосредственно примыкаетъ къ новозавѣтному ученію о милостынѣ.

Въ ряду побужденій къ милостынѣ мы на первомъ планѣ всюду, на протяженіи всей исторіи ветхозавѣтнаго домостроительства, встрѣчаемъ указаніе на богоугодность милостыни, какъ такое ея свойство, которое приближаетъ милостыню къ дѣламъ непосредственнаго служенія Богу и сообщаетъ ей религіозное освященіе. Для насъ должно быть понятно основаніе для такого взгляда, послѣ сказаннаго въ первой главѣ нашего труда. Если Господь есть верховный Владыка всего, и все, чѣмъ владѣетъ человѣкъ, по ученію ветхозавѣтнаго откровенія, принадлежитъ собственно Богу, то долгъ вѣрующаго—относиться къ своему имуществу согласно съ волей Божіей, которая опредѣленно ставила передъ человѣкомъ требованіе помогать нуждающимся. Исполняя волю Божію, вѣрующій могъ считать себя въ правѣ ожидать милости и благодѣяній отъ Господа; напротивъ, не исполнивши этого велѣнія воли Божіей, онъ (вѣрующій) не могъ не страшиться гнѣва Божія и не тревожиться за безопасность того, чѣмъ онъ владѣлъ по волѣ Божіей. „*Берегись* запо-

---

[1]) Сир. XXIX, 23. [2]) 3 Цар., XVII, 12—15. [3]) Тов., IV, 8. [4]) Лук., III, 11. [5]) Мѳ., XVIII, 12 [6]) Втор., XII, 17—18; XIV, 28—29; XVI, 11, 16 - 17; XXVI, 12—13.

вѣдуетъ прор. Моисей,—*чтобы глазъ твой не сдѣлался немилостивъ къ нищему брату твоему, и ты не отказалъ ему, ибо онъ возопіетъ на тебя къ Господу, и будетъ на тебѣ великій грѣхъ. Дай ему.., ибо за то благословитъ тебя Господь Богъ твой во всѣхъ дѣлахъ твоихъ*“ [1]). Благотвореніе неимущему прямо называется почитаніемъ Творца [2]), даваніемъ взаймы самому Богу, Который воздастъ за благодѣянія, оказываемыя бѣднымъ [3]), воздаетъ даже въ томъ случаѣ, если получившій благодѣянія не воздастъ должнаго“ [4]). Въ книгѣ Товита съ особенной опредѣленностью отмѣчена та мысль, что подаяніе милостыни есть служеніе Богу и является надежнымъ залогомъ на полученіе отъ Него милости. „*Изъ имѣнія твоего подавай милостыню, и да не жалѣетъ глазъ твой, когда будешь творить милостыню. Ни отъ какого нищаго не отвращай лица твоего, тогда и отъ тебя не отвратится лице Божіе! Когда у тебя будетъ много, твори изъ того милостыню, и когда у тебя будетъ мало, не бойся творить милостыню и понемногу: ты запасешь себѣ богатое сокровище на день нужды, ибо милостыня избавляетъ отъ смерти и не попускаетъ сойти во тьму Милостыня есть богатый даръ для всѣхъ, кто творитъ ее предъ Всевышнимъ*“ [5]). Милостыня въ этой же книгѣ поставляется на ряду съ молитвой и постомъ и вообще ей усвояется великое религіозное значеніе. „*Доброе дѣло—молитва съ постомъ и милостынею и справедливостію... Лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня отъ смерти избавляетъ и можетъ очищать всякій грѣхъ*“ [6]). И такой взглядъ на значеніе милостыни въ жизни вѣрующаго нашелъ выраженіе во многихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ. Мы уже видѣли раньше, что служеніе бѣднымъ являлось угожденіемъ Богу и дѣлало человѣка особенно достойнымъ Его милости [7]). И насколько высокій взглядъ на милостыню былъ присущъ сознанію лучшихъ изъ сыновъ избраннаго народа, видно изъ того, что милостыня поставляется не только рядомъ съ молитвой, какъ въ отмѣченномъ мѣстѣ изъ книги Товитъ, но и на ряду съ жертвой и постомъ, при чемъ самое священное въ жизни вѣрующихъ — храмовое богослуженіе—признается угоднымъ Богу только при сопутствующемъ ему милосердомъ настроеніи сердца. „*Вотъ постъ*—говоритъ великій пророкъ отъ лица Божія,—*какой Я избралъ... Раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого, одѣнь его, и отъ единокровнаго твоего не укрывайся... Когда отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца—тогда свѣтъ твой взой-*

---

[1]) Втор., XVI, 9—10. [2]) Притч., XIV, 31. [3]) Притч., XIX, 17. [4]) Сир., XII, 2. [5]) Тов., IV, 7—11. [6]) XII, 8—9. [7]) Пс. XL, 2; Притч., III, 9, XI, 25—26; XIX, 17; XXII, 7—9, Сир., XVI, 15 и мн. др.

дѣть во тьмѣ“ [1]). Этотъ же великій пророкъ прямо противополагаетъ внѣшнее богослуженіе—жертвоприношенія и праздничныя собранія—добрымъ дѣламъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ стоятъ дѣла милосердія: *научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову*“ [2]), и только подъ условіемъ такого живого сердечнаго отклика на чужое горе признается нужнымъ и богоугоднымъ молитвенное служеніе Богу. И такая точка зрѣнія обычна у пророковъ. Прор. Михей прямо противополагаетъ въ возвышенной и необыкновенно сильной рѣчи дѣла внѣшняго богослуженія и дѣла милосердія, поставляя послѣднія на несравнимую высоту [3]). А слова прор. Осіи отъ лица Божія. „*Я милости хочу, а не жертвы*“ [4]), повторялъ Самъ Спаситель міра, какъ выраженіе истиннаго духа закона [5]) И такимъ значеніемъ, усвояемымъ милосердію вообще, а милостынѣ, какъ его первому проявленію въ частности, объясняется и то, что милостыня въ глазахъ ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ имѣла не только высокую нравственную цѣнность, но и значеніе очистительное, подобное тому, какое усвоялось жертвамъ и вообще богослужебнымъ обрядамъ. Не только въ приведенномъ уже нами мѣстѣ книги Товитъ [6]) утверждается, что милостыня можетъ очищать грѣхи, но это же самое вѣрованіе мы встрѣчаемъ и у пророковъ. Пророкъ Исаія, призывая Израильтянъ возлюбить дѣла милосердія, обѣщаетъ имъ отъ лица Господа, въ случаѣ обращенія ихъ къ совершенію такихъ дѣлъ, совершенное прощеніе грѣховъ: „*если будутъ грѣхи ваши, какъ багряное,—какъ снѣгъ убѣлю; если будутъ красны, какъ пурпуръ,—какъ волну убѣлю*“ [7]). Прор. Даніилъ прямо указываетъ въ своемъ совѣтѣ царю Новуходоносору на очистительное значеніе милостыни: „*Царь!.. Искупи грѣхи твои правдою и беззаконія твои милосердіемъ къ бѣднымъ*“ [8]). Въ книгѣ Притчей исповѣдуется вѣра, что „*милосердіемъ и правдою очищается грѣхъ*“ [9]); такая же вѣра исповѣдуется и въ позднѣйшемъ произведеніи ветхозавѣтной мудрости: „*вода угаситъ пламя огня, и милостыня очиститъ грѣхи*“ [10]). Въ этой же книгѣ милостыня поставляется на ряду съ обязанностями религіознаго характера [11]).

Какъ открывается изъ сказаннаго, долгъ милостыни въ Ветхомъ Завѣтѣ утверждался прежде всего на религіозномъ основаніи. Творить милостыню считалось потому долгомъ, что это—заповѣдь Божія, и Самъ Господь, являясь защитникомъ всѣхъ нуждающихся, требовалъ служенія имъ, какъ Самому Себѣ. Иными словами, мило-

---

[1]) Ис., LVIII, 6—10. [2]) Ис., I, 11—17. [3]) VI, 6—8. [4]) VI, 6. [5]) Мѳ., IX, 13; XII, 7. [6]) Тов., XII, 9. [7]) Ис., I, 18. [8]) Дан., IV, 24. [9]) Притч., XVI, 6. [10]) Сир., III, 30. [11]) VII, 31—36

стыня потому составляетъ нравственный долгъ для вѣрующаго, что она—богоугодна. Сознаніе того, что милостыня можетъ явиться и залогомъ земного благополучія милосердаго [1]) и имѣетъ силу очищать грѣхи, всецѣло покоилось на этой религіозной основѣ. Другія побужденія къ милостынѣ, сравнительно съ религіозными, стояли на второмъ планѣ. Истинно гуманныя основы милостыни выступаютъ со всею ясностію не въ качествѣ обоснованія долга благотворить нуждающемуся, но въ указаніяхъ на свойства истинной милостыни, какія свойства опредѣляются, какъ тѣмъ, что милостыня совершается ради Господа, такъ и тѣмъ, что она имѣетъ дѣло съ чуткимъ человѣческимъ сердцемъ И эти свойства истинной милостыни указаны съ большою выразительностію и полнотою. Это: щедрость, свобода и любящая настроенность.

Первое свойство истинно богоугодной милостыни—щедрость. Нужно давать всегда нуждающемуся, когда только есть возможность [2]), давать и изъ многаго и изъ малаго такъ, чтобы не жалѣлъ глазъ творящаго милостыню [3]); сыпать щедро, а не быть сверхъ мѣры бережливымъ [4]). Свобода творящаго милостыню должна выражаться въ томъ, чтобы милостыня была радостью для души благотворящаго [5]). Не должно скорбѣть сердце человѣка, когда онъ даетъ бѣдному [6]), потому что только добровольно дающаго любитъ, Богъ [7]). Наконецъ, любящая настроенность при совершеніи милостыни сама собою вытекаетъ изъ того чувства братскаго единства, какое требуетъ не дѣлать другимъ того, чего каждый не желалъ бы и для себя [8]). Прекрасныя наставленія по этому поводу мы находимъ въ книгѣ Іисуса сына Сирахова. Здѣсь требуется отъ благотворящаго такая высота благожелательнаго настроенія, что совѣты этой книги по данному предмету могутъ быть признаны имѣющими вѣчное значеніе. „*Сынъ мой!*—учитъ мудрецъ—*не отказывай въ пропитаніи нищему и не утомляй ожиданіемъ очей нуждающихся; не опечаль души алчущей и не огорчай человѣка въ его скудости, не смущай сердца уже огорченнаго и не откладывай подавать нуждающемуся... Приклони ухо твое къ нищему и отвѣчай ему ласково, съ кротостію*“ [9]). „*Сынъ мой! при благотвореніяхъ не дѣлай упрековъ, и при всякомъ дарѣ не оскорбляй словами. Роса не охлаждаетъ ли зноя? Такъ слово—лучше нежели даяніе. Поэтому, не выше ли даянія слово? А у человѣка доброжелательнаго и то и другое. Глупый немилосердно укоряетъ, и подаяніе неблагорасположеннаго изсушаетъ*

---

[1]) Напр, Тов., IV, 7—11; Притч., XI, 24—28, XIX, 17, XXII, 7—9; Сир., XII, 2—7; XXIX, 14—16 и мн. др. [2]) Притч, III, 27—28; Сир., IV, 4—5. [3]) Тов., IV, 7—11. [4]) Притч., XI, 24—28. [5]) Притч., XIX, 22. [6]) Втор., XV, 10. [7]) Притч., XXII, 8. [8]) Тов., IV, 15 [9]) Сир., IV, 1—3, 8.

глаза“ [1]). *„Къ бѣдному будь снисходителенъ, и милостынею ему не медли“* [2]). *Тяжелъ для человѣка съ чувствомъ упрекъ за пріютъ въ долгъ и порицаніе за одолженіе* [3]).

Чтобы заключить нашъ очеркъ ветхозавѣтныхъ воззрѣній на милостыню, остается сказать лишь нѣсколько словъ относительно видовъ благотворенія. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ указанія на всѣ обычные виды милостыни: помощь нищему и вообще бѣдному [4]); указанія на долгъ накормить голоднаго [5]) и напоить жаждущаго [6]), помочь больному и калѣкѣ [7]), позаботиться объ узникахъ [8]), поддержать вдову и сироту [9]), оказать гостепріимство бездомнымъ [10]), одѣть нагого [11]), оказать гостепріимство странникамъ [12]), согрѣть озябшаго [13]), совершать погребеніе умершихъ бѣдняковъ [14]) и т. д.

Намъ не трудно теперь подвести итоги и сдѣлать общую характеристику ветхозавѣтнаго ученія о милостынѣ. Это ученіе является возвышеннымъ и дышетъ такою религіозностію и гуманнымъ чувствомъ въ отношеніи бѣдствующихъ, что въ значительной степени можетъ быть признано отвѣчающимъ глубочайшимъ требованіямъ нашей совѣсти. Если призывы къ милостынѣ носятъ иногда юридическій характеръ, такъ что имъ не достаетъ совершенной свободы; если побужденія творить милостыню указываются не только въ благоговѣніи передъ заповѣдію Господа, но и въ земномъ благополучіи милосердаго, какъ наградѣ за его благотворительность,—то все это было естественно въ религіи подзаконнаго человѣчества, и все это не мѣшало одухотворять букву закона и возводить ее къ совершенству абсолютныхъ требованій любви и свободы, какъ это мы видимъ особенно въ пророческихъ созерцаніяхъ. Но, конечно, такой совершенный путь въ пониманіи духа закона могъ быть и дѣйствительно былъ не единственнымъ. Можно было букву закона не одухотворять и не расширять до высоты требованій совершенной любви, но матеріализовать и суживать до совершеннаго извращенія истины. Евангельскія повѣствованія даютъ намъ возможность ясно видѣть, до какой степени извращенія можно было довести ученіе о милостынѣ ветхозавѣтнаго Откровенія [15]). На ветхозавѣтномъ ученіи о милостынѣ лежала та же печать ограниченности, какая характери-

---

[1]) XVIII, 15 - 18. [2]) XXIX, 11. [3]) XXIX, 31. [4]) Напр., Іов., XXIX, 16; Лев., XXV, 35—36; Втор., XV, 7—11; Тов, IV, 7 и др [5]) Напр, Тов., I, 17; Ис, LVIII, 7 и др. [6]) Напр., Притч., XXV, 21 и др. [7]) Напр., Іов, XXIX, 15; 2 Мак., VIII, 28 и др. [8]) Напр, Ис., LVIII, 6; LXI и др. [9]) Напр., Іов., XXIX, 12—13, XXXI, 16—17, Притч., XXXI, 8—9; Сир., IV, 10 и др. [10]) Напр, 2 Цар., XVII, 27—29; Ис., LVIII, 7 и др. [11]) Напр., Іов., XXXI, 19—20, Тов, I, 17 и др. [12]) Напр., Суд., XIX, 14—24 и мн. др. [13]) Напр., Іов., XXXI, 20 и др. [14]) Напр., Тов., I, 18, II, 7 [15]) Напр., Ме., XXIII, 23; Лук., XI, 41—42; Ме, XV, 4—6; Мрк., VII, 10 и др.

зуетъ и ветхозавѣтное ученіе о любви. Только ученіе о совершенной любви во Христѣ могло и взгляду на милостыню сообщить ту абсолютность, какая характеризуетъ христіанское ученіе вообще. Въ христіанствѣ спадаютъ границы національныхъ и всякихъ другихъ ограниченій, потому что въ немъ нѣтъ іудея и эллина, раба и свободнаго [1]). Та религіозность, которая составляла душу ветхозавѣтнаго ученія о милостынѣ, въ новозавѣтномъ Откровеніи получаетъ высочайшій духовный характеръ, чуждый всякаго эгоистическаго элемента. Наконецъ, ограниченная свобода ветхозавѣтнаго благотворителя становится совершенной свободой дѣтей одного Небеснаго Отца и утверждается на любви къ Богу, какъ Отцу, и на братской любви вѣрующихъ другъ къ другу.

Первое, что нужно, по нашему мнѣнію, отмѣтить въ новозавѣтномъ ученіи о милостынѣ—это абсолютность евангельской заповѣди творить милостыню. Какъ уже было и раньше отмѣчено, законъ христіанской благотворительности такой, чтобы давать всякому просящему [2]). Всѣ возможныя ограниченія оказываются вовсе исключенными этой всеобщностію долга благотворить нуждающемуся. Національныя различія блѣднѣютъ предъ сознаніемъ того, что голодный человѣкъ для христіанина—его ближній, идея о чемъ такъ опредѣленно и доступно выражена Господомъ въ притчѣ о милосердомъ самарянинѣ [3]). Если христіанство признавало законность естественныхъ нашихъ человѣческихъ чувствъ и указывало на то, что прежде всего должна быть забота и попеченіе о ближнихъ по вѣрѣ [4]), то это не было ограниченіемъ христіанской любви, а обусловливалось естестественной ограниченностію силъ благотворящаго, подобно тому, какъ и особенная близость Христа Спасителя къ Своему народу принципіально не помѣшала Его служенію быть всемірнымъ. Законъ милостыни, ея принципіальное выраженіе всегда одно: дай всякому просящему, всякому брату или сестрѣ, которые не имѣютъ необходимой одежды и дневного пропитанія [5]). Христіанство привѣтствовало милостыню со стороны язычниковъ избранному народу, какъ, напримѣръ, въ лицѣ сотника Корнилія [6]), и, конечно, не христіанство съ его проповѣдью о братствѣ всѣхъ людей [7]) могло полагать предѣлы движеніямъ любящаго сердца въ видѣ различія національности или даже нравственной добропорядочности просящаго. Если ветхозавѣтный мудрецъ совѣтывалъ давать доброму и не давать нечистивому [8]), то христіанство провозгласило принципъ: *не судите никакъ прежде времени* [9]) и учило, соотвѣтственно этому, милосердію, подобному милосердію Небеснаго Отца,

---

[1]) Гал., III, 28. [2]) Лук., VI, 30. [3]) Лук., X, 30—37. [4]) Гал., VI, 10. [5]) Іак., II, 14—16. [6]) Дѣян., X, 4. [7]) Мѳ., XXIII, 8—9. [8]) Сир., XII, 4—7. [9]) 1 Кор., IV, 5.

Который *повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ*“ [1]). *„Благотворите ненавидящимъ васъ*“ [2])—въ этомъ для христіанина подобіе любви Божественной. И такая всеобщность долга творить милостыню нашла выраженіе не только въ заповѣди о благотвореніи каждому просящему, но и въ указаніи на возможность и обязанность для каждаго творить милостыню. Уже ветхозавѣтный праведникъ призывалъ творить милостыню не только изъ многаго, но и изъ малаго [3]). Христіанство безконечно углубило эту мысль, опредѣленно указавъ, что величина жертвы зависитъ не отъ количества жертвуемаго, но отъ степени того лишенія, какому добровольно подвергаетъ себя благотворящій: *если есть усердіе, то оно принимается, смотря по тому, кто что имѣетъ, а не по тому чего не имѣетъ* [4]),—такъ формулировалъ св. апостолъ этотъ законъ христіанской милостыни. И въ Евангеліи мы встрѣчаемъ трогательное конкретное выраженіе этого же закона милостыни, по которому цѣнность ея не зависитъ отъ количества. *„Сѣвъ Іисусъ*—разсказываетъ св. евангелистъ Маркъ—*противъ сокровищницы и смотрѣлъ, какъ народъ кладетъ деньги въ сокровищницу. Многіе богатые клали много. Пришедши же одна бѣдная вдова положила двѣ лепты, что составляетъ кодрантъ. Подозвавъ учениковъ Своихъ, Іисусъ сказалъ имъ: истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова положила больше всѣхъ, клавшихъ въ сокровищницу: ибо всѣ клали отъ избытка своего, а она отъ скудости своей положила все, что имѣла, все пропитаніе свое* [5]). Такая этическая оцѣнка милостыни, совершенно выводящая ея цѣнность изъ ограниченія числомъ и мѣрою, дѣлаетъ то, что каждый въ христіанствѣ и можетъ и долженъ являться жертвователемъ: *„у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему, и у кого есть пища дѣлай то же*“ [6]). Даже *„кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей*“ [7]). Ясно, что законъ милостыни выведенъ изъ границъ большей или меньшей имущественной состоятельности, и этому закону усвояется значеніе всеобщаго долга. Каждый въ день страшнаго суда долженъ дать отчетъ въ исполненіи этого закона, такого общедоступнаго и въ тоже время такого важнаго, что Судія неба и земли прежде всего видитъ въ сердцахъ людей такое или иное отношеніе ихъ къ долгу милостыни. И вполнѣ понятно, что въ системѣ христіанскаго нравоученія дѣламъ милосердія усвояется такое громадное значеніе: милостыня—это первичное обнаруженіе той любви къ ближнимъ, которая составляетъ душу христіанства. И насколько въ немъ нераз-

[1]) Мѳ., V, 45. [2]) Мѳ., V, 44. [3]) Тов., IV, 8. [4]) 2 Кор., VIII, 12. [5]) Мрк., XII, 41–44. [6]) Лк., III, 11. [7]) Мѳ., X, 42.

рывно связана любовь къ ближнему съ любовью къ Богу, настолько и милостынѣ, какъ проявленію христіанской любви, усвояется значеніе служенія Богу: *такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ*“ [1]). Такъ опредѣленно, безъ возможности перетолкованія, Христосъ Спаситель усвояетъ религіозное значеніе дѣламъ христіанскаго милосердія. И такое освѣщеніе долга творить милостыню позволяетъ намъ понять тѣ побужденія, какія Евангеліе и апостольскія посланія указываютъ для милостыни.

Мы видимъ уже, что въ Ветхомъ Завѣтѣ однимъ изъ побужденій творить милостыню была вѣра въ то, что Господь воздастъ благотворящему Своею милостію. Совершенно подобное этому мы встрѣчаемъ и въ Евангельскомъ ученіи, только, конечно, соотвѣтственно одухотворенности христіанской религіи, взоры вѣрующаго обращаются отъ земного къ небесному и вѣчному. „*Придите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра*“ [2]);—вотъ слова отвѣтной Божественной любви милосердымъ. И всюду въ Евангеліи мы встрѣчаемъ ясно выраженное обѣщаніе награды въ Царствѣ Небесномъ, какъ сильнѣйшее побужденіе творить милостыню „*Смотрите*—училъ Христосъ Спаситель,—*не творите милостыни вашей передъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего Небеснаго*“ [3]). „*Если хочешь быть совершеннымъ*—наставлялъ Господь богатаго юношу—*пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ*“ [4]). Подобный же характеръ имѣетъ наставленіе Господа звать на обѣдъ къ себѣ или на ужинъ нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, потому что за это „*воздастся въ воскресеніе праведныхъ*“ [5]). Такой же, только болѣе общій смыслъ имѣетъ совѣтъ пріобрѣтать себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они приняли благотворителя въ вѣчныя обители [6]). На этой же точкѣ зрѣнія утверждались и св. апостолы, когда призывали вѣрующихъ благотворить нуждающимся [7]), при чемъ св. ап. Іаковъ не затруднился самое христіанское благочестіе опредѣлить, какъ любящую заботу о неимущихъ: „*чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ*“ [8]). Мы не предполагаемъ брать на себя задачу защищать христіанское ученіе отъ обвиненія его въ утилитарномъ характерѣ. Позволимъ себѣ указать только на то, что природа Божьяго Царства одна и на землѣ и на небѣ—это Царство любви. Любовь другъ къ другу въ этомъ мірѣ есть первый признакъ при-

---

[1]) Мѳ., XXV, 40. [2]) Мѳ., XXV, 34 [3]) Мѳ., VI, 1. [4]) Мѳ , XIX, 21. [5]) Лук., XIV, 12—14. [6]) Лук., XVI, 9—13. [7]) Напр , 2 Кор., IX, 6 и др. [8]) Іак., I, 27.

надлежности людей къ Царству Христову [1]). И насколько дѣла милосердія, частнѣе милостыня, есть выраженіе такой искренней братской любви, настолько она есть признакъ участія нашего въ Царствѣ Христовомъ, показатель жизни по законамъ этого Царства и, слѣдовательно, залогъ, будущаго блаженства. Въ христіанской милостынѣ цѣнность усвояется, конечно, какъ мы уже видѣли, не количеству ея, но сердечной настроенности и прежде всего полнотѣ любви. Поэтому и говоритъ съ такою силою ап. Павелъ, что, „*если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы*“ [2]). Милостыня есть, такимъ образомъ, первое выраженіе той любви, которая является источникомъ жизни Царства Христова и первымъ условіемъ принадлежности къ этому Царству и выраженіемъ христіанскаго благочестія. „*Если* говоритъ поэтому св. ап. Іаковъ *кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ, можетъ ли эта вѣра спасти его? Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и насыщайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы*“ [3]). Побужденіе благотворить ради небесной награды есть частное выраженіе того общаго закона Царства Божія, по которому, ради вѣчнаго, должно жертвовать временнымъ, и ради любви ко Христу любить Его меньшихъ братьевъ

Такимъ образомъ и въ Новомъ Завѣтѣ милостынѣ усвояется самое высокое значеніе—служенія Богу въ лицѣ нуждающихся. Такой ореолъ святости, какимъ окружается въ христіанствѣ дѣло милостыни, объясняетъ всецѣло и то, что милостыня въ христіанствѣ должна быть проникнута духомъ совершенной любви и свободы. Тѣ свойства милостыни, какія нашли выраженіе и въ Ветхомъ Завѣтѣ—щедрость, свобода и любящая настроенность всецѣло приложимы и къ характеристикѣ христіанскаго милосердія.

Полнота любви дѣлаетъ прежде всего то, какъ мы уже говорили, что вѣрующій не можетъ смотрѣть на свое имущество, какъ на принадлежащее ему лично, но видитъ въ немъ достояніе всѣхъ неимущихъ. Отсюда необходимымъ свойствомъ христіанской милостыни является щедрость, не знающая границъ. „*Кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ*“ [4]). И какъ мы уже видѣли, идеальная Евангельская точка зрѣнія въ отношеніи милостыни та, что необходима готовность къ совершенному отреченію отъ своего имущества. Имѣющій двѣ одежды, долженъ дать одну неимущему, поступая такъ же и въ отношеніи пищи; высшая цѣнность принадлежитъ милостынѣ

---

[1]) Іоан., XIII, 35. [2]) 1 Кор., XIII, 3. [3]) Іак., II, 14—16. [4]) 2 Кор., IX, 6.

вдовы, пожертвовавшей все свое дневное пропитаніе и т. д. Если св. апостолъ пишетъ Коринѳянамъ: „*не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тягость, но чтобы была равномѣрность. Нынѣ вашъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка; а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была равномѣрность*“ [1]),—то такое наставленіе дѣлается понятнымъ для насъ, если мы вспомнимъ, что апостолъ считалъ избыткомъ: „*имѣя пропитаніе и одежду*—говоритъ онъ,—*будемъ довольны этимъ*“ [2]). И если Коринѳянъ св. апостолъ побуждаетъ къ милостынѣ совѣтомъ соблюдать равномѣрность, то радуется полнотѣ любви Македонянъ, которые были „*доброхотны по силамъ и сверхъ силъ*“ [3]). Щедрость въ христіанской милостынѣ можетъ имѣть одну лишь границу:—въ удовлетвореніи нужды ближнихъ. И какъ безконечны нужда и горе людей, такъ не имѣетъ границъ и долгъ творить милостыню.

Такимъ образомъ, совершенная любовь въ дѣлѣ милостыни выражается прежде всего въ щедрости, въ готовности всѣмъ пожертвовать ради ближняго, и въ этомъ случаѣ критеріемъ цѣнности милостыни служитъ та мѣра самоотреченія любви, какая проявляется въ милостынѣ, что уже было отмѣчено нами раньше, и о чемъ такъ наглядно говоритъ Евангельскій разсказъ о вдовѣ съ ея двумя лептами.

Но если щедрость, т. о., должна являться внѣшнимъ выраженіемъ совершенной любви, то истинную душу милостыни составляетъ ея совершенная свобода, вытекающая и неразрывно связанная съ любящей настроенностью сердца. Въ новозавѣтномъ Откровеніи мы не находимъ и слѣда какого бы то ни было внѣшняго, юридическаго принужденія къ милостынѣ; напротивъ, здѣсь все предоставлено свободѣ человѣка. Поэтому нѣтъ въ Евангеліи и утвержденія тѣхъ гуманныхъ законовъ Моисея, по которымъ каждому можно было насыщать свой голодъ на нивѣ и въ виноградникѣ ближняго, пользоваться остатками послѣ сбора плодовъ и всякими произведеніями земли въ годъ седьмой. Законы эти были прекрасны, ими руководился въ Своей земной жизни Самъ Христосъ Спаситель и Его апостолы; законы эти и теперь, при наличномъ уровнѣ дѣйствительной жизни христіанъ, могли бы составить лучшее украшеніе кодексовъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Но передъ лицомъ идеальныхъ задачъ развитія Божьяго Царства всякое опредѣленіе закономъ начала братской помощи явилось бы ограниченіемъ богодарованной свободы дѣтей Божіихъ. И такое опредѣленіе не нашло мѣста въ новозавѣтномъ Откровеніи. Въ немъ съ силою оттѣняется извѣстный и ветхозавѣтному жизнепониманію принципъ добровольности даянія, радостности его. „*Блаженнѣе давать,*

---

[1]) 2 Кор., VIII, 13—14. [2]) 1 Тим., VI, 7. [3]) 2 Кор., VIII, 3.

нежели принимать“ [1])—таковъ девизъ христіанской свободы въ благотвореніи. Апостолъ Павелъ выдвигаетъ это свойство на самое видное мѣсто. Онъ отмѣчаетъ въ жертвѣ Македонянъ прежде всего то, что „*глубокая нищета ихъ преизбыточествуетъ въ богатствѣ ихъ радушія*“ [2]). Убѣждая Коринѳянъ щедро жертвовать на помощь страждущимъ братьямъ, св. апостолъ настаиваетъ, чтобы благословеніе ихъ „*было готово, какъ благословеніе, а не какъ поборъ.. Каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ, ибо доброохотно дающаго любитъ Богъ*“ [3]). Этотъ же характеръ добровольности и радушія апостолъ отмѣчаетъ и въ приношеніяхъ церквей Филиппійской [4]), Македонской и Ахаійской [5]). Эта же свобода приношеній ясно выражалась и въ жизни первенствующей Церкви [6]), и въ словахъ ап. Петра Ананіи [7]).

Такимъ образомъ, христіанская милостыня должна служить свободнымъ проявленіемъ любви къ ближнему, и насколько свобода несовмѣстима со всякимъ видомъ неискренности и лицемѣрія, настолько и христіанская милостыня должна быть искренна и безкорыстна, какъ имѣющая основу въ любви къ ближнему. Изъ исторіи Ананіи и Сапфиры ясно видно, какимъ тяжкимъ нарушеніемъ законовъ Божьяго Царства были ихъ ложь и неискренность [8]). И Самъ Христосъ Спаситель со всею опредѣленностію училъ о необходимости совершенной чистоты побужденій въ дѣлѣ милостыни. „*Смотрите*—училъ Господь,—*не творите милостыни вашей передъ людьми съ тѣмъ, чтобы они видѣли васъ: иначе не будетъ вамъ награды отъ Отца вашего Небеснаго. Итакъ, когда творишь милостыню, не труби передъ собою, какъ дѣлаютъ лицемѣры въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди. Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая, чтобы милостыня твоя была въ тайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно*“ [9]).

Наконецъ, сказали мы, необходимымъ свойствомъ христіанской милостыни должна быть любящая настроенность сердца благотворителя, благодаря которой милостыня христіанина не только совершенно чиста отъ постороннихъ побужденій, совершенно безкорыстна [10]), но и соединяется съ живымъ сочувствіемъ къ чужому горю, болѣе того—съ переживаніемъ чужой нужды. Мы уже имѣли случай привести слова св. апостола Павла, гдѣ онъ утверждаетъ, что и совершенная раздача имѣнія не имѣетъ никакой цѣнности, если не

---

[1]) Дѣян., XX, 35. [2]) 2 Кор., VIII, 2. [3]) 2 Кор., IX, 5—8. [4]) Фил., IV, 10—18. [5]) Рим., XV, 26—27; ср Евр., X, 34. [6]) Дѣян , IV, 32. [7]) Дѣян., V, 4 [8]) Дѣян., V, 4. [9]) Мѳ , VI, 1—4. [10]) Мѳ , VI, 1—4; V, 44, Лук , VI, 35; XIV, 12—14, Рим., XII, 20 и др.

сопровождается любовію. И въ посланіи къ Евреямъ на конкретномъ примѣрѣ выраженъ ясно законъ христіанской благотворительности. „*Помните узниковъ*—заповѣдуетъ апостолъ—, *какъ бы и вы съ ними были въ узахъ, и страждущихъ, какъ и сами находитесь въ тѣлѣ* [1]). Такое именно отношеніе къ горю и является выраженіемъ искренней любви, сущность которой, по ея психологической природѣ, и составляетъ единеніе съ любимымъ. И не только въ ученіи Христа Спасителя освящена милостыня, какъ проявленіе христіанской любви, но и явленъ міру совершенный образецъ любящаго участія Господа въ людскомъ горѣ [2]).

Что касается, наконецъ, различныхъ видовъ христіанской благотворительности, то они указаны самимъ Христомъ Спасителемъ въ Его притчѣ о страшномъ судѣ, еще болѣе въ дѣлахъ Его милосердія къ людямъ, и, наконецъ, въ новозавѣтномъ Откровеніи мы встрѣчаемъ описаніе самой совершенной организаціи общецерковной милостыни. Въ идеальной чистотѣ принципъ такой милостыни осуществился въ устроеніи жизни первохристіанской общины, гдѣ былъ даръ Богу со стороны однихъ и даръ отъ Бога другимъ—нуждающимся [3]). Указанія на организацію церковной благотворительности встрѣчаемъ мы и въ дальнѣйшихъ повѣствованіяхъ книги Дѣяній [4]), и посланіяхъ св. апостола Павла [5]). Наконецъ, и совершеніе вечерей любви, гдѣ всѣ вѣруюшіе имѣли братское общеніе въ пищѣ, являлись для бѣдняковъ своего рода милостынею отъ лица Церкви [6]).

Такимъ образомъ, въ Новозавѣтномъ Откровеніи оттѣнены всѣ существенныя стороны въ ученіи о милостынѣ, и все это ученіе утверждается на христіанскомъ пониманіи любви, какъ основы жизни. Мы не останавливались на подробномъ анализѣ данныхъ, представляемыхъ Новымъ Завѣтомъ, для уясненія христіанскаго взгляда на милостыню, такъ какъ такой всесторонній анализъ Новозавѣтнаго библейскаго текста мы находимъ въ авторитетныхъ писаніяхъ отцовъ и учителей Церкви, къ изложенію ученія которыхъ по интересующему насъ вопросу мы теперь и обращаемся.

Въ святоотеческой письменности ученію о милостынѣ принадлежитъ самое видное мѣсто, особенно же въ твореніяхъ св. Іоанна Златоустаго, который раскрылъ христіанское ученіе о милостынѣ въ исчерпывающей полнотѣ. Нужно замѣтить, что раскрытіе ученія о милостынѣ у св. отцовъ въ значительной мѣрѣ напоминаетъ судьбу отношенія святоотеческой мысли къ богатству. Пока среди вѣрую-

---

[1]) Евр., XIII, 3. [2]) Напр., Мѳ., IX, 36, Мрк, VI, 34, Мѳ, XIV, 14; Лук., VII, 13 и мн. др. [3]) Дѣян., гл. II, IV, VI [3]) Напр., XI, 29—30. [4]) Рим., XV, 25—27; 1 Кор., XVI, 1—4; 2 Кор., VIII, 2—4; 12—15; IX, 5—7, Фил, IV, 15—16, 1 Тим., V, 16. [5]) Посл. Іуды, I, 12; 1 Кор, XI, 21 и дал.

щихъ царила одушевленная братская любовь, до тѣхъ поръ у церковныхъ учителей не было особенныхъ побужденій останавливаться на частныхъ вопросахъ, связанныхъ съ ученіемъ о милостынѣ, напримѣръ, на вопросѣ о томъ, кому должно благотворить и какъ можно творить милостыню самому малоимущему человѣку. Но когда въ Церкви обострился процессъ борьбы царства любви и царства эгоизма, духа и плоти, Божьяго и кесарева, что̀, какъ мы уже отмѣтили, довольно ярко выразилось съ половины 3-го вѣка, то и въ писаніяхъ отцовъ этого періода и позднѣе мы встрѣчаемъ вмѣстѣ съ настойчивыми предостереженіями противъ обольщенія богатствомъ и горячіе призывы къ милостынѣ, съ самымъ яркимъ изобарженіемъ ея значенія въ жизни христіанина и побужденій къ ней.

Въ писаніяхъ мужей апостольскихъ сравнительно подробно говоритъ о милостынѣ апостолъ Ермъ въ своемъ „Пастырѣ“. Въ другихъ же твореніяхъ этого періода святоотеческой письменности содержатся лишь общія указанія на долгъ христіанъ благотворить нуждающимся [1]).

Ермъ говоритъ о милостынѣ во всѣхъ трехъ отдѣлахъ „Пастыря“. Въ первомъ отдѣлѣ „видѣній“, именно въ видѣніи третьемъ, Ермъ говоритъ о мотивахъ или побужденіяхъ къ щедрой милостынѣ. Это мѣсто изъ „Пастыря“ мы уже имѣли случай привести ранѣе [2]). Здѣсь указываются побужденія творить милостыню двухъ порядковъ: съ точки зрѣнія естественно-гуманной и собственно-религіозной. Въ первомъ случаѣ обращается вниманіе на то, что въ жизни должна быть естественная справедливость въ распредѣленіи имущества, такъ какъ въ противномъ случаѣ одни вредятъ себѣ излишествомъ, а другіе гибнутъ отъ неимѣнія пищи. И прямой путь къ возстановленію справедливости есть щедрая помощь нуждающимся со стороны имущихъ. Съ христіанско-религіозной точки зрѣнія Ермъ указываетъ побужденіе къ милостынѣ въ идеѣ будущей жизни и суда, предъ лицомъ которыхъ человѣкъ можетъ творить добро и благотворить лишь въ теченіе краткой земной жизни, пока не окончено строеніе башни [3]).

Въ отдѣлѣ „заповѣдей“ встрѣчается очень интересное указаніе на то, что благотворить должно безъ всякаго разбора, давать всякому просящему безъ опасенія, что милостыня попадетъ въ руки

---

[1]) Объ этомъ долгѣ говоритъ св. Климентъ Римскій въ своемъ первомъ „посланіи къ Коринѳянамъ“ (гл 38, стр. 139, рус перев. свящ. Преображенскаго, изд 1862) и св. Поликарпъ въ „посланіи къ Филиппійцамъ“, при чемъ послѣдній даетъ практическій совѣтъ не откладывать благотворенія, при возможности оказать его, и указываетъ, словами книги Товита, на высокое значеніе милостыни: „милостыня избавляетъ отъ смерти“ (гл 10, стр. 447—8 рус. перев.). [2]) Стр 75 наст. соч. [3]) Стр 244 рус. перевода

недостойныхъ ея. „Дѣлай добро—увѣщеваетъ пастырь во 2-й заповѣди—, и отъ плода трудовъ твоихъ, который даетъ тебѣ Богъ, давай всѣмъ бѣднымъ просто, ни мало не сомнѣваясь, кому даешь. Всѣмъ давай, потому, что Богъ хочетъ, чтобы всѣмъ было даруемо отъ Его даровъ. Берущіе отдадутъ отчетъ Богу, почему и на что брали. Берущіе по нуждѣ не будутъ осуждены, а берущіе притворно подвергнутся суду. Дающій же не будетъ виноватъ; ибо онъ исполнилъ служеніе, какое онъ получилъ отъ Бога, не разбирая, кому дать и кому не давать, и исполнилъ съ похвалою предъ Богомъ“ [1]). Можно отмѣтить здѣсь же, что подобная мысль въ такихъ же словахъ выражена и въ упомянутомъ уже раньше нами древнемъ памятникѣ „Ученіи двѣнадцати апостоловъ“. „Всякому просящему—читаемъ въ первой же главѣ этого памятника древне-церковной письменности—у тебя, дай и не требуй назадъ; ибо Отецъ желаетъ, чтобы всѣмъ было даруемо отъ Его благодатныхъ даровъ. Блаженъ дающій по заповѣди, ибо онъ свободенъ отъ наказанія; но горе принимающему: ибо если кто беретъ, имѣя нужду, то тотъ свободенъ отъ наказанія; не имѣющій же нужды дастъ отчетъ, почему и для чего бралъ и, подвергшись заключенію, онъ будетъ испытанъ и относительно того, что онъ дѣлалъ, и не выйдетъ оттуда, пока не уплатитъ послѣдняго кодранта. Но и о семъ также было сказано: пусть милостыня твоя прѣетъ въ твоихъ рукахъ, пока ты узнаешь, кому ты долженъ ее давать“ [2]). Послѣднее замѣчаніе, какъ видимъ, не гармонируетъ съ принципіальной точкой зрѣнія, раскрытой въ приведенныхъ словахъ Ерма, и это замѣчаніе можетъ служить на мекомъ на существованіе въ глубокой древности противоположнаго взгляда на способъ давать милостыню, взгляда, несомнѣнно, исходившаго изъ сознанія ограниченности тѣхъ средствъ, какими каждый въ отдѣльности можетъ располагать, помогая нуждающимся. Этотъ взглядъ находилъ выраженіе не разъ и позднѣе, но онъ всегда оставался въ тѣни, сравнительно съ яркимъ исповѣданіемъ всѣхъ величайшихъ учителей Церкви долга благотворить всякому просящему, согласно завѣту Господа.

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ „Пастыря“, въ „подобіяхъ“ мы встрѣчаемъ не только указаніе на долгъ милостыни [3]) и призывъ благотворить всѣмъ нуждающимся по мѣрѣ силъ своихъ [4]), но и очень интересное указаніе на такой видъ милостыни, который позднѣе вошелъ въ обычай древне-монашеской жизни—это постъ ради милостыни бѣднымъ. „Я научу тебя—говоритъ въ пятомъ „подобіи“ Пастырь,—какой постъ есть совершенный и угодный Богу...

---

[1]) Стр. 255. [2]) Стр. 26—27, рус. перев. проф. Попова. [3]) „Подобіе I“, стр. 282. [4]) „Подобіе X“, стр. 36

Соблюдай его такимъ образомъ: прежде всего воздерживайся отъ всякаго дурного слова и злой похоти, и очисти сердце твое отъ всѣхъ суетъ вѣка сего Если соблюдешь это, постъ у тебя будетъ праведный. Поступай такъ: исполнивши вышесказанное, въ тотъ день, когда постишься, ничего не вкушай, кромѣ хлѣба и воды; и, исчисливши издержки, которыя ты сдѣлалъ бы въ этотъ день на пищу, по примѣру прочихъ дней, остающееся отъ этого дня отложи и отдай вдовѣ, сиротѣ или бѣдному; такимъ образомъ ты смиришь свою душу, и получившій отъ тебя насытитъ свою душу и будетъ за тебя молиться Господу. Если будешь совершать постъ такъ, какъ я повелѣлъ тебѣ, то жертва твоя будетъ пріятна Господу“ [1]).

Въ вѣкъ христіанскихъ апологетовъ также еще не наступила пора для всесторонняго раскрытія ученія о христіанской милостынѣ. Собственно „апологіи“ имѣли опредѣленное назначеніе, и здѣсь можно было ожидать лишь случайныхъ указаній на благотворительную практику церкви. Что же касается другихъ произведеній церковной письменности этого періода, то продолжавшееся тѣсное общеніе гонимыхъ христіанъ между собою дѣлало проповѣдь о милостынѣ почти лишней. И если въ твореніяхъ Климента Александрійскаго встрѣчаются указанія на извѣстныя свойства христіанской милостыни, то только у св. Кипріана мы слышимъ такіе призывы къ милостынѣ и указанія на ея значеніе въ христіанской жизни, какіе сдѣлались обычными въ четвертомъ и дальнѣйшихъ вѣкахъ церковной исторіи. Но св Кипріанъ, какъ уже было отмѣчено, стоялъ на рубежѣ двухъ періодовъ развитія церковной мысли въ отношеніи собственности.

Интересныя для насъ указанія на благотворительную практику церкви мы встрѣтили въ „апологіи“ св. Іустина мученика и въ сочиненіяхъ Тертулліана. Въ приведенныхъ уже словахъ первой апологіи св. Іустина [2]) содержится очень цѣнное указаніе на ту необычайно привлекательную сторону древне-церковной милостыни, которая выражалась въ посредствѣ Церкви и ея предстоятеля между благотворящимъ и нуждающимися. Здѣсь не только указывается на общія трапезы послѣ богослужебнаго собранія, но и опредѣленно говорится о томъ, что „достаточные и желающіе, каждый по своему произволенію, даютъ что хотятъ, и собранное хранится у предстоятеля; а онъ имѣетъ попеченіе... о всѣхъ находящихся въ нуждѣ“. Такимъ образомъ, въ этомъ отрывкѣ апологіи св. Іустина мы встрѣчаемъ указаніе на особый видъ церковной милостыни, при чемъ очень настойчиво подчеркивается полная добровольность жертвы („желающіе“, „по своему произволенію“, „что̀ хотятъ“).

---

[1]) Стр. 287, 290. [2]) Гл. 67, стр. 98—99 рус. перевода

Совершенно сходное свидѣтельство мы находимъ и въ „апологіи“ Тертулліана, гдѣ болѣе подробно указывается на организованную церковно-общественную милостыню совершенно добровольнаго характера. Говоря о томъ, что въ христіанской Церкви „на деньгахъ не основывается никакое Божіе дѣло“, Тертулліанъ разсказываетъ далѣе объ организаціи церковной помощи бѣднымъ. „Если и есть у насъ нѣкоторое подобіе денежнаго ящика, то онъ набирается не изъ почетныхъ суммъ, какъ бы изъ суммъ религіи, взятой на откупъ. Въ нашъ ящикъ каждый въ первый день мѣсяца или когда хочетъ, если только хочетъ и если можетъ, дѣлаетъ небольшое подаяніе. Ибо къ этому никто не принуждается, но каждый приноситъ добровольно Это есть какъ бы залогъ любви. Ибо деньги, собранныя въ этотъ ящикъ, тратятся не на пиры, не на попойки и не на неблагодарныя харчевни, но на питаніе и погребеніе бѣдныхъ, на мальчиковъ и дѣвочекъ, лишившихся имущества и родителей, и на стариковъ..., также на потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и, если кто-либо находится или въ рудникахъ, или на островахъ, или подъ стражею, то и онъ дѣлается воспитанникомъ своего исповѣданія“. И далѣе Тертулліанъ указываетъ на агапы, какъ видъ церковнаго благотворенія неимущимъ: „какихъ бы издержекъ—пишетъ онъ—наша вечеря ни стоила, но есть польза дѣлать издержки во имя любви, такъ какъ мы на этой вечерѣ помогаемъ всѣмъ бѣднымъ... потому, что Богъ особенно печется о бѣдныхъ [1]).

Въ извѣстномъ уже намъ сочиненіи Климента Александрійскаго „кто изъ богатыхъ спасется“, означены довольно выпукло тѣ черты, которыя характеризуютъ христіанскую милостыню со стороны настроенія благотворящаго—полная, радостная готовность помочь каждому нуждающемуся, безъ огорченія и разборчивости. „Пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители“. Приводя эти слова Господа, Климентъ поясняетъ, какъ долженъ давать милостыню христіанинъ. „Обращай вниманіе—говоритъ онъ—первѣе всего на то, что Онъ тебѣ повелѣваетъ. Не повелѣлъ Онъ требовать отъ тебя и не того отъ тебя ожидаетъ, что ты будешь тяготиться, но что самъ будешь отыскивать тѣхъ, которые имѣютъ получить отъ тебя благодѣяніе... Прекрасны, безъ сомнѣнія, и слова апостола: радостнаго дателя любитъ Богъ. А радостный датель есть тотъ, кто радуется раздавая и не скупится, подобно сѣющему, чтобы богатство сѣять; даетъ онъ безъ ворчливости, стона и печали, участливо; это истинная благотворительность. Но еще лучше тотъ о

---

[1]) Гл. 39 русск. пер И. Щеглова „Труды Кіевской Духовной Академіи“, октябрь 1909 г, стр. 172—173, 175.

коемъ Господь въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *всякому просящему дай*. Такая щедрость, поистинѣ, Богу свойственна. Вотъ ученіе о совершеннѣйшемъ: не ожидать просьбы, а самому того отыскивать, кто достоинъ благодѣянія... Ты не суди о семъ, кто достоинъ и кто не достоинъ (твоей благотворительности). Можетъ случиться, что, выбирая достойнѣйшихъ, ты и ошибешься. Если же кто на этотъ счетъ сомнѣвается, то лучшимъ пусть находитъ онъ недостойному добро оказать ради достойнаго, чѣмъ осторожность наблюдать по отношенію къ менѣе достойнымъ и заподозрить старательнаго. Твоя разборчивость и взвѣшиваніе, кому по всей справедливости приличествуетъ твое даяніе и кто недостоинъ его, дѣлаютъ возможнымъ, что ты и о нѣкоторыхъ изъ друзей Божіихъ вознерадишь Но за это возмездіемъ служитъ вѣчное наказаніе огнемъ. Отъ того же, что сподрядъ всѣмъ нуждающимся ты даешь, происходитъ съ необходимостію, что и тѣхъ привлекаешь ты въ кругъ своихъ благодѣемыхъ, которые могутъ исходатайствовать тебѣ спасеніе у Бога. *Не суди*, слѣдовательно, *что бы самому тебѣ не быть судимымъ*... Открой сердце твое для всѣхъ“ [1]).

Въ твореніяхъ св. Кипріана Карѳагенскаго, какъ уже было упомянуто, мы встрѣчаемся съ нѣсколько новою постановкой ученія о милостынѣ. Св. Кипріанъ, какъ было уже раскрыто ранѣе, являлся горячимъ обличителемъ богатства, видя въ послѣднемъ, если оно сохраняется и умножается, одинъ изъ великихъ соблазновъ на пути христіанскаго совершенствованія. И прямой путь къ борьбѣ съ этимъ соблазномъ и къ побѣдѣ надъ нимъ святитель указывалъ въ раздачѣ богатства при посредствѣ милостыни. Это мы уже отмѣтили и теперь должны остановиться на частностяхъ въ ученіи св. Кипріана о милостынѣ, въ особенности на впервые подробно имъ раскрытомъ религіозно-богослужебномъ ея значеніи.

Св. Кипріанъ усвояетъ милостынѣ значеніе всеобщаго христіанскаго долга. По словамъ святителя, „всякому, наставляемому къ чаянію Небеснаго Царства, по слову и убѣжденію Духа Святаго, вмѣняется въ обязанность творить милостыни“ [2]). И по взгляду св. отца, самая крайняя бѣдность не можетъ служить препятствіемъ къ милостынѣ, и притомъ самой великой, потому, что цѣнность милостыни зависитъ отъ душевнаго расположенія и отъ степени самоограниченія. Эти важныя мысли св.Кипріанъ раскрываетъ на основѣ Евангельскаго разсказа о жертвѣ бѣдной вдовы. „Посмотрите—совѣтуетъ онъ богатымъ—на Евангельскую вдовицу; она, помня Божественныя наставленія, несмотря на крайнюю свою, гложущую бѣд-

---

[1]) Гл. 31 и 33, стр. 32—35 руск. пер. [2]) „Книга о благотвореніи и милостынѣ“, т. 2, стр. 259 рускаго перевода.

ность, полагаетъ въ сокровищехранительницу двѣ послѣднія свои лепты. Господь, увидѣвши её и оцѣняя жертву ея не по стоимости, но по душевному расположенію,—принимая во вниманіе не то, сколько пожертвовала, но то, отъ какого достатка пожертвовала, сказалъ: *воистину глаголю вамъ, яко вдовица сія множае вверже въ даръ Богу, вси бо сіи отъ избытка своего ввергоша въ дары Богови, сія же отъ лишенія своего все житіе, еже имѣ, вверже.* Преблаженна и достохвальна жена... вдова, и притомъ бѣдная вдова, является богатою въ благотворительности; и такъ какъ все жертвуемое составляетъ принадлежность вдовъ и сиротъ, то она, которой слѣдовало получить, жертвуетъ сама, чтобы познали отсюда, какое наказаніе ожидаетъ немилосердаго богача, когда, по представленному примѣру, должны приносить жертву и бѣдные [1]).

Въ своемъ обоснованіи долга для христіанина творить милостыню, св. Кипріанъ, преимущественно, указываетъ на побужденія религіознаго характера, утверждающіяся на любви къ Богу и на вѣрѣ въ Него, съ чѣмъ неразрывно связывается и залогъ личнаго блаженства благотворящаго. Заповѣдь творить милостыню не только дана Богомъ, но Имъ же указаны самыя великія побужденія къ ней. „Господь—по словамъ святителя—, руководитель нашей жизни и наставникъ вѣчнаго спасенія, оживотворяя вѣрующихъ и промышляя о вѣчномъ спасеніи оживотворенныхъ, въ Божественныхъ Своихъ заповѣдяхъ и небесныхъ наставленіяхъ, изложенныхъ въ Евангеліи, ничего такъ часто не предписывалъ и не заповѣдывалъ, какъ прилежать къ подаянію милостыни, не заботиться о земныхъ стяжаніяхъ, а скрывать себѣ сокровище на небѣ... кто, по заповѣди Божіей, творитъ милостыню, тотъ вѣритъ Богу и, имѣя истинную вѣру, хранитъ страхъ Божій, а кто хранитъ страхъ Божій, тотъ, милосердуя о нищихъ, помышляетъ о Богѣ: онъ творитъ добрыя дѣла потому, что вѣруетъ, потому что сознаетъ истину возвѣщеннаго въ словѣ Божіемъ и непреложность Божественнаго писанія, въ которомъ сказано, что безплодныя деревья, т. е. люди немилосердые, посѣкаются и въ огнь ввергаются, а милосердые призываются въ Небесное Царство, и которое въ другомъ мѣстѣ милосердыхъ и потому плодоносныхъ называютъ вѣрными, а безплоднымъ - немилосердымъ отказываетъ въ вѣрѣ [2]). Неужели.. не воздадимъ Христу хоть чѣмъ-нибудь за Его страданія и кровь? Онъ далъ намъ заповѣди; Онъ указалъ, что нужно дѣлать рабамъ Его; обѣщавши награды благотворителямъ и пригрозивши наказаніемъ немилосердымъ, Онъ тѣмъ самымъ произнесъ Свой приговоръ. Онъ напередъ сказалъ, за что намѣренъ сотворить судъ. Какое же послѣ этого можетъ быть извиненіе нерадивому?

[1]) „Книга о благотвореніи и милостынѣ“, т. 2, стр. 267—268. [2]) Лук., XVI, 11.

Какая защита немилосердому? Когда рабъ не дѣлаетъ того, что ему повелѣвается,—Господь приведетъ въ исполненіе то, чѣмъ угрожаетъ“[1])

Какъ видимъ, обязанность творить милостыню разсматривается св. Кипріаномъ, какъ утверждающаяся на прямой, многократно выраженной Божіей волѣ. Въ этомъ случаѣ сознаніе долга творить милостыню покоится на вѣрѣ въ Бога, какъ законодателя и мздовоздаятеля въ христіанской жизни, т. е. утверждается на такомъ основаніи, какое лежитъ въ основѣ всякой христіанской добродѣтели, какъ единеніи нашей воли съ волей Законодателя. Но св. отецъ указываетъ и болѣе глубокую подоснову милостыни не только въ вѣрѣ въ Бога и непреложности Его закона, но и въ чувствѣ любви къ Нему, когда милостыня, въ воззрѣніяхъ святителя, вполнѣ согласныхъ съ данными Откровенія, выступаетъ какъ фактъ непосредственнаго служенія Самому Богу, общенія со Христомъ, т. е. иными словами, долгъ творить милостыню, утверждается на собственно религіозно-мистической основѣ. „При духовныхъ подаяніяхъ—поучаетъ св. Кипріанъ—надобно имѣть въ виду Христа, принимающаго ихъ, какъ въ этомъ увѣряетъ Онъ Самъ...[2]) Такъ, если милостыни, подаваемыя бѣднымъ, отдаются какъ бы въ ростъ Богу, и даваемое меньшимъ братьямъ дается самому Христу· то никто не долженъ предпочитать земное небесному, человѣческое—божественному... Больше этого что еще могъ возвѣстить намъ Христосъ? Какимъ инымъ образомъ могъ Онъ лучше всего вызвать насъ на дѣло правды и милосердія, какъ не тѣмъ, что сказалъ, что все, подаваемое нуждающемуся и бѣдному, подается Ему самому, и что Его самого оскорбляютъ, когда не подаютъ бѣдному и неимущему. Итакъ, кто не трогается въ Церкви видомъ брата, пусть тронется созерцаніемъ Христа, и кто не думаетъ о подобномъ себѣ рабѣ, находящемся въ несчастіи и бѣдности, пусть помыслитъ о Господѣ, являющемся въ лицѣ того, кого онъ презираетъ“ [3]).

Сказанное нами о религіозной санкціи въ отношеніи долга творить милостыню поможетъ намъ понять рѣчь св. Кипріана о значеніи милостыни въ христіанской жизни. Значеніе, усвояемое святителемъ милостынѣ, необыкновенно высоко, и онъ ее разсматриваетъ не только какъ путь благоугожденія Богу, награждаемый въ будущей жизни, но какъ дѣло собственно религіозное, стоящее на ряду съ подвигами молитвы и поста и даже являющееся условіемъ ихъ богоугодности и имѣющее таинственную очистительную силу, подобную силѣ благодати, сообщаемой въ таинствѣ крещенія. „Божественная любовь—по слову святителя—научила посредствомъ

---

[1]) Книга „о благотвореніи и милостынѣ“, т 2, стр. 262—263, 274. [2]) Мѳ., XXV, 40. [3]) Книга „о благотвореніи и милостынѣ“, т. 2, стр. 268—269, 275.

милостыни омывать тѣ скверны, которыми мы запятнали себя... Духъ Святый говоритъ въ божественномъ писаніи: *милостынями и вѣрами очищаются грѣси*,—не тѣ, впрочемъ, которые были содѣланы прежде крещенія; тѣ очищаются Кровію Христовою и освященіемъ. И въ другомъ мѣстѣ говорится: *огнь горящъ угаситъ вода, и милостыня очиститъ грѣхи*. Здѣсь показывается и утверждается, что, какъ водою спасительнаго крещенія погашается огонь геенскій, такъ милостынею, дѣлами правды утушается пламя грѣховъ. И какъ въ крещеніи одинъ разъ даруется отпущеніе грѣховъ, такъ и всегдашнее, непрестанное благотвореніе, подобно крещенію, снова возвращаетъ намъ милость Божію [1]). Объ этомъ и въ Евангеліи учитъ Господь. Когда ученикамъ Его замѣтили съ укоромъ, что они ѣли, не умывши напередъ рукъ, Онъ сказалъ въ отвѣтъ: *иже сотвори внѣшнее и внутреннее сотворилъ есть; обаче отъ сущихъ дадите милостыню, и се, вся чиста вамъ будутъ*... Милосердый учитъ и наставляетъ милосердію; и желая сохранить искупленныхъ дорогою цѣною, Онъ предлагаетъ способъ, посредствомъ котораго осквернившіе себя грѣхами послѣ благодати крещенія могутъ очиститься снова“ [2]). И далѣе св. отецъ свою мысль объ очистительномъ значеніи милостыни подтверждаетъ рядомъ свидѣтельствъ Ветхаго Завѣта: Исаіи LVIII, 1, 7, 8; Сир. XXIX. 15; Притч. XXI, 13; Псал. XL, 1; Дан. IV, 24; Тов., XII, 8—9. Мы не приводимъ этихъ мѣстъ, такъ какъ они уже были отмѣчены нами ранѣе. Святитель на основаніи такого ученія книгъ Ветхаго Завѣта дѣлаетъ общее заключеніе, что „молитвы наши и посты мало значатъ, если не будутъ воспомоществуемы милостынею; что однѣ мольбы не много будутъ имѣть значенія для испрошенія милости, если не будутъ дополняться дѣлами милосердія... Чрезъ милостыню молитвы наши содѣлываются дѣйствительными..., милостыня освобождаетъ жизнь отъ опасности..., милостыня избавляетъ душу отъ смерти“ [3]). И заканчиваетъ свой трактатъ св. Кипріанъ восхваленіемъ благотворительности: „прекрасное и божественное дѣло спасительная благотворительность! Она составляетъ великое утѣшеніе вѣрующихъ, спасительное охраненіе нашей безопасности, оплотъ надежды, защиту вѣры, врачество отъ грѣховъ; она есть дѣло, находящееся во власти творящаго, дѣло, сколько великое, столько и мелкое, не подвергающее гоненію... Истинный и величайшій даръ—даръ Божій..., при помощи котораго христіанинъ сохраняетъ духовную благодать, заслуживаетъ милость у Христа Судіи, дѣлаетъ Бога какъ бы должникомъ“ [4]).

---

[1]) Сродную мысль объ очистительной силѣ милостыни мы встрѣчаемъ и у Оригена. По взгляду послѣдняго, первое прощеніе грѣховъ человѣкъ получаетъ чрезъ таинство крещенія, второе—чрезъ мученичество и, наконецъ, третье—чрезъ милостыню, согласно словамъ Христа Спасителя: *давайте милостыню и вотъ все для васъ будетъ чисто*. Hom. in. Lev, II, 4. [2]) „О милостыняхъ и благотвореніи“, т. 2, стр. 258. [3]) Тамъ же, стр. 259—261. [4]) Тамъ же, стр. 277.

Св. Кипріанъ, сказали мы, въ ученіи по интересующимъ насъ вопросамъ является прямымъ предшественникомъ великихъ учителей Церкви золотого періода ея письменности. Въ писаніяхъ святыхъ отцовъ четвертаго и начала пятаго вѣка мы находимъ всесторонне раскрытое ученіе о милостынѣ, при чемъ въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоустаго это ученіе получаетъ завершеніе и излагается съ такою всеобъемлющею полнотою, съ какой не были освѣщены весьма многія стороны христіанской жизни за разсматриваемый періодъ церковной письменности. И при этомъ нельзя не отмѣтить прямой связи между ученіемъ отцовъ Церкви о милостынѣ съ рѣшеніемъ ими проблемы объ отношеніи христіанина къ богатству и бѣдности. Чѣмъ ярче выступалъ контрастъ богатства и бѣдности въ области христіанской жизни, напримѣръ, въ условіяхъ жизни большихъ городовъ и въ годины общественныхъ бѣдствій, тѣмъ горячѣе и сильнѣе было слово христіанскихъ пастырей, призывающее творить милостыню и прославляющее милосердіе.

Въ твореніяхъ св. Аѳанасія Великаго, несмотря на преобладаніе въ нихъ вѣроучительнаго элемента, мы находимъ нѣкоторыя существенно интересныя сужденія и по поводу христіанской милостыни. Выражая свою вѣру въ то, что вообще родъ человѣческій „нищелюбивъ и сострадателенъ“ [1]), св. отецъ оттѣняетъ тѣ побужденія къ милостынѣ, какія утверждаются прежде всего на любви ко Христу, сдѣлавшемуся нищимъ ради насъ. Въ своемъ толкованіи на XL псаломъ, св. Аѳанасій такъ говоритъ: *блаженъ разумѣваяй на нища и убога*. Нищимъ и убогимъ именуетъ Христа, по сказанному: *богатъ сый обнища насъ ради*. Псалмопѣвецъ предпоставилъ здѣсь нравственное ученіе пророчеству съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы псаломъ полезенъ былъ въ томъ и другомъ. Кого же ублажаетъ онъ? *Разумѣвающаго на нища и убога*, т. е. понимающаго, что Христосъ, *богатъ сый*, для того собственно обнищалъ, чтобы и мы миловали нищихъ, какъ братій нашего Создателя и Судіи. Посему блаженъ, кто разсуждаетъ объ убогихъ, какъ должно, или кто разумѣетъ нищету, какую воспріялъ на Себя за насъ Христосъ. Какая же польза нищелюбія? *Въ день лютъ избавитъ его Господь*, указываетъ на день Суда... Воздаетъ имъ долгъ человѣколюбіемъ, какъ взявшій у нихъ въ заемъ милостыню и сказавшій... собственными Своими устами: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористѣ*“ [2]).

Во взглядѣ св. Аѳанасія на милостыню можно еще отмѣтить его пониманіе завѣта Господа творить милостыню тайно и убѣжденіе, что цѣнность милостыни зависитъ не отъ ея величины, но отъ настроенія сердца благотворителя. Приведя слова Христа

---

[1]) Т. 2, стр. 135—136 русскаго перевода. [2]) Т 4, стр 159—160.

Спасителя Мѳ. VI, 1, св. Аѳанасій такъ изъясняетъ ихъ: „Единородный даетъ намъ совѣтъ не творить милостыни предъ людьми не для того, чтобы мы при братьяхъ стѣснялись сдѣлать добро нуждающимся, но чтобы не гонялись за настоящею славою, подобно тщеславнымъ фарисеямъ, награду же за вѣру и радушную милостыню ожидали себѣ въ будущемъ отъ Бога, Которому не столько пріятенъ даръ, сколько пріятно щедрое и доброе произволеніе дающаго, какъ можно удостовѣриться изъ примѣра бѣдной вдовицы, двѣ лепты ввергнувшей въ сокровищехранительницу“ [1]). При этомъ, въ толкованіи дальнѣйшихъ словъ Господа: *тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя*, св. Аѳанасій прибѣгаетъ къ аллегорическому толкованію этихъ словъ,—обычному методу истолкованія Откровенія у представителей Александрійской школы,—по какому толкованію правая рука есть образъ голоса Духа Святаго, зовущаго ко спасенію, а лѣвая—образъ плотскихъ помышленій. „Возможно ли—спрашиваетъ святитель—творящему милостыню сдѣлать, чтобы шуйца его не споспѣшествовала въ дѣлѣ благотворенія? Безъ сомнѣнія надобно, чтобы у всякаго обѣ руки одна другой содѣйствовали въ благотвореніи. И когда лѣвая рука держитъ деньги.., тогда правая сѣетъ прекрасное сѣмя на нивѣ сердца нищихъ, чтобы пожать не колосъ, держащійся на соломенномъ стеблѣ, но вѣчную и безсмертную жизнь, утвержденную на крестѣ. Единородный же хочетъ, чтобы плотскіе помыслы не знали, что̀ творитъ десница Святаго Духа, и чтобы они не воспрепятствовали... благому преднамѣренію и щедрому произволенію, сказавъ: на многіе годы должно намъ имѣть для себя пищу, и деньги на расходы, и разныя одежды и убранныя дома, и серебряный приборъ для стола, и деревни, и поля для доходовъ. Ибо десная часть Святаго Духа вовсе не заботится о всемъ этомъ и не вожделѣваетъ сего, вѣруя Владычнему слову: *ищите прежде Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ*“ [2]).

Св. Василій Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ святителей древней Церкви, слава которыхъ въ значительной степени зависѣла отъ ихъ ревностнаго служенія дѣламъ христіанскаго милосердія, какъ личнымъ примѣромъ, такъ и пастырскимъ наученіемъ. Слова св. Василія Великаго „о любостяжательности“, „къ обогащающимся“, „во время голода и засухи“ уже много столѣтій являются высокими образцами христіанскаго проповѣдническаго призыва къ братолюбію и милостынѣ,—образцами, которые заучиваются въ духовной школѣ, но которымъ не видно подражателей на церковной современной

---

[1]) Изъ бесѣдъ на Евангеліе отъ Матѳея, т. 4, стр. 479—480. [2]) Тамъ же, стр. 480.

каѳедрѣ... Ученіе о милостынѣ—одинъ изъ обычныхъ предметовъ церковныхъ поученій великаго Каппадакійскаго учителя, и въ этихъ поученіяхъ христіанскій взглядъ на милостыню освѣщенъ со многихъ сторонъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ выдающейся выразительностью и яркой опредѣленностію.

Мы уже изложили взглядъ св. отца на собственность и видѣли, что по этому взгляду собственности въ безусловномъ смыслѣ слова нѣтъ у человѣка, и то, чѣмъ онъ владѣетъ, ввѣрено лишь ему для раздаванія неимущимъ. Долгъ творить милостыню утверждается, такимъ образомъ, на томъ основаніи, что Богъ ввѣрилъ человѣку судьбу его собратій, ожидая вѣрнаго домостроительства. „Не потому, что Самъ не въ силахъ пропитать нищихъ, оставилъ ихъ намъ; но намъ же въ благодѣяніе требуетъ отъ насъ правды и человѣколюбиваго плодоношенія“ [1]). Богъ, „неравно раздѣляющій намъ потребное для пищи“, дѣлаетъ это именно для того, чтобы человѣкъ заслужилъ „свою мзду за доброту и вѣрное домостроительство“ [2]). Поэтому, если выраженіемъ христіанскаго совершенства въ отношеніи имущества служитъ, по взгляду св. Василія, полное отреченіе отъ собственности, то общехристіанскимъ долгомъ является щедрая милостыня [3]). Даже отрекшійся отъ собственности не можетъ считать себя свободнымъ отъ исполненія этого долга. Такой человѣкъ долженъ заботиться о себѣ лишь на настоящій день, но трудиться не только для удовлетворенія своихъ потребностей, но и для помощи бѣднымъ [4]) Никакая скудость средствъ не можетъ служить препятствіемъ творить милостыню. Если иногда и отказываютъ просящимъ, ссылаясь на личную нужду, то въ этомъ случаѣ такимъ людямъ уже не Христосъ даетъ законы, но они сами себѣ. „Если Господь предписалъ намъ сіе (раздачу имѣнія), какъ необходимое, а ты отвергаешь какъ невозможное, то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнѣе Законодателя“ [5]). Для послѣдователя Христова никакая бѣдность не послужитъ препятствіемъ благотворить. „Бѣденъ ты—разсуждаетъ святитель,—но безъ сомнѣнія есть другой бѣднѣе тебя. У тебя хлѣба на десять дней, а у него на одинъ. Какъ человѣкъ добрый и благомыслящій, уступи свой излишекъ неимущему... Если у тебя въ пищу остается одинъ хлѣбъ, но стоитъ у дверей просящій, то принеси изъ кладовой и этотъ одинъ хлѣбъ и, положивъ на руки, воздѣнь къ небу, скажи такое жалобное и вмѣстѣ благопризнательное слово: одинъ у меня хлѣбъ, который Ты видишь, Господи, и опасность очевидна; но

---

[1]) Бесѣда „о милости и судѣ“, т. 4, стр 394. [2]) Бесѣда „о любостяжательности“, т. 4, стр. 96. [3]) Бесѣда „о милости и судѣ“, т. 4, стр. 396. [4]) „Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, отвѣтъ на 42 вопросъ, т. 5, стр. 187—188, ср „правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“, отв. на 48 вопр., т. 5, стр. 237. [5]) Бесѣда „къ обогащающимся“, т. 4, стр. 116.

заповѣдь Твою предпочитаю себѣ и изъ малаго даю алчущему брату... Знаю Твою благость, возлагаю упованіе на Твое могущество... Скудный, дай въ заемъ богатому Богу. Повѣрь Тому, Кто, вмѣсто утѣсненнаго, Самъ всегда беретъ на собственное Свое Лицо и изъ Своего воздаетъ благодарность“ [1]). Такими сильными словами св. Василій утверждаетъ всеобщность долга творить милостыню. По вопросу же о томъ, кому должна быть она оказываема, св. отецъ настаивалъ на долгѣ благотворителя тщательно заботиться о возможно лучшемъ распредѣленіи подаяній. Такъ, напримѣръ, св. отецъ даетъ такой совѣтъ человѣку, рѣшившему совершенно отказаться отъ собственности. „Оставляющій свою собственность долженъ... постараться, собравъ все тщательно, какъ посвященное уже Богу, распорядиться со всѣмъ благоговѣніемъ или самъ, если имѣетъ возможность и опытность, или чрезъ людей... на дѣлѣ доказавшихъ, что могутъ распорядиться вѣрно и благоразумно“ [2]). Но эта тщательность не должна выражаться въ недоброжелательствѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ образно ярко св. Василій описываетъ и отвергаетъ всѣ доводы, какими пытаются оправдать скупость при подаяніи милостыни подъ предлогомъ разборчивости. „Мы—говоритъ св. отецъ—превосходимъ этого богача (евангельской притчи о богатомъ и Лазарѣ) лукавствомъ... Если сталъ передъ нами нищій, который едва можетъ говорить отъ холода, отвращаемся..., поспѣшно бѣжимъ прочь... Если онъ, стыдясь своего несчастья, потупляетъ взоры въ землю: говоримъ, что промышляетъ лицемѣріемъ. Если понуждаемый жестокимъ голодомъ смотритъ на насъ смѣло: опять называемъ безстыднымъ и наглымъ. Если, по случаю, покрытъ твердою одеждою, которую кто-нибудь ему подалъ: гонимъ его отъ себя, какъ ненасытнаго, и клянемся, что нищета его притворная. А если прикрытъ согнившими рубищами, опять гонимъ прочь за зловоніе, и, хотя къ просьбамъ своимъ присовокупляетъ имя Творца... никакъ не можетъ перемѣнить своего безжалостнаго рѣшенія“ [3]).

Если мы обратимъ вниманіе на тѣ побужденія къ милостынѣ, которыя выдвигаются св. Василіемъ, то на первомъ планѣ у него стоятъ побужденія характера гуманнаго: картинами страданій и угнетенія, переживаемыхъ бѣдняками, св. отецъ стремится прежде всего тронуть сердце своихъ слушателей.

Нѣкоторыя картины подобнаго рода являются и до настоящаго времени неподражаемыми образцами проповѣднического искусства.

---

[1]) Бесѣда, говоренная во время голода и засухи, т. 4, стр 134—135. [2]) „Правила пространно изложенныя“, отв. на 9 вопрос., т 5, стр. 124; сравн... „письмо къ Амфилохію отъ имени Ираклида“, гдѣ передается мнѣніе одного епископа о необходимости „различать истинно нуждающагося и просящаго по любостяжательности“. [3]) Бесѣда 21 „о томъ, что не должно прилѣпляться къ житейскому“, т. 4, стр. 334—335.

Вотъ наиболѣе извѣстная изъ такихъ картинъ, изображенная проповѣдникомъ въ его бесѣдѣ „о любостяжательности“. „Какъ представлю взоромъ твоимъ страданія бѣднаго? Осмотрѣвъ внутренность дома, видитъ онъ, что золота у него нѣтъ, и никогда не будетъ; домашнія приборы и одежды точно таковы, какъ и у всякаго нищаго; всѣ они стоятъ не многихъ оволовъ. Что же еще? Обращаетъ, наконецъ, взоръ на дѣтей, чтобы, отведя ихъ на торгъ, въ этомъ найти пособіе противъ голодной смерти. Представь при этомъ борьбу неминуемаго голода и отеческой любви. Голодъ угрожаетъ самою бѣдственною смертію, а природа влечетъ къ противному, убѣждая умереть вмѣстѣ съ дѣтьми. Много разъ собирается онъ итти, много разъ осматривается; наконецъ, препобѣжденъ, вынужденный необходимостію и неумолимою нуждою. И надъ чѣмъ еще задумывается этотъ отецъ? „Котораго прежде продать мнѣ? Пойти ли къ самому старшему? Но уважаю его старшинство. Или къ младшему? Но жаль его возраста, который не чувствуетъ еще несчастій. Этотъ сохраняетъ въ себѣ ясныя черты родителей; а этотъ способенъ къ ученію. Увы, какое затрудненіе! Что со мною будетъ? На котораго изъ нихъ напасть мнѣ? У какого звѣря занять мнѣ душу? Какъ забыть природу? Если всѣхъ удержу при себѣ, то увижу, какъ всѣ будутъ истаевать отъ голода. Если продамъ одного, то какими глазами буду смотрѣть на остальныхъ?... Какъ буду жить въ домѣ, самъ доведя себя до безчадія? Какъ пойду за столъ, на которомъ обиліе произведено такими средствами?“ И онъ послѣ слезъ идетъ продавать любезнѣйшаго сына. А тебя не трогаетъ страданіе, ты не хочешь взойти въ чувствованія природы! Этого несчастнаго угнетаетъ голодъ, а ты медлишь... Ни слезы не возбуждаютъ въ тебѣ жалости, ни воздыханія не смягчаютъ сердца... У тебя въ виду золото, а на брата не обращаешь вниманія. Знаешь чеканъ монеты..., но вовсе не узнаешь брата въ нуждѣ. Тебя крайне веселитъ доброцвѣтность золота, но не разсчитываешь, сколько вздоховъ бѣднаго сопровождаетъ тебя“ [1]). Если эта картина какъ будто не вполнѣ подходитъ къ нашему времени, когда дѣтей продаютъ не на рынкахъ, а болѣе сложнымъ путемъ, то слѣдующая картина страданій голодающаго должна быть знакома каждому русскому, переживавшему „голодные годы“. „Болѣзнь алчущаго—голодъ есть страданіе, возбуждающее жалость—говоритъ св. Василій. Верхъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій—голодъ; всякой смерти мучительнѣе такой конецъ. Въ другихъ опасностяхъ или остріе меча наноситъ скорую смерть, или стремительность огня мгновенно угашаетъ жизнь, или звѣри, растерзавъ..., не даютъ мучиться продолжительною болью. Но голодъ есть медленное зло, продолжительное

[1]) Т. 4, стр. 89—91.

мученіе, кроющаяся и таящаяся внутри смерть, каждую минуту угрожающая и все еще замедляющая: ибо истощаетъ естественную влагу, охлаждаетъ теплоту, снимаетъ тѣлесный объемъ, мало-помалу изсушаетъ силы. Плоть, какъ паутина, прилегаетъ къ костямъ; кожа теряетъ цвѣтъ, потому что съ оскудѣніемъ крови пропадаетъ румянецъ, не стаетъ бѣлизны, потому что поверхность тѣла чернѣетъ отъ истощенія; тѣло синѣетъ потому, что вслѣдствіе страданія слившіяся блѣдность и чернота производятъ жалкій видъ; колѣна на себѣ не держатъ, но невольно сгибаются; голосъ дѣлается тонокъ и слабъ; глаза изнемогаютъ въ своихъ впадинахъ...; желудокъ пустъ, впалъ..., прилегъ къ хребтовымъ костямъ. Какихъ же достоинъ наказаній, кто проходитъ мимо человѣка съ такимъ изможденнымъ тѣломъ? Что еще можно прибавить къ такой жестокости?“ [1]). На ряду съ побужденіями къ милостынѣ во имя братскаго сочувствія страданію ближняго у св. Василія стоятъ и собственно религіозныя побужденія щедро благотворить. Св. отецъ такъ же, какъ и другіе церковные писатели, поставляетъ милостыню на ряду съ молитвой и постомъ и видитъ въ ней какъ залогъ богоугодности послѣднихъ, такъ и путь къ истинному богатству въ будущей жизни. „Знаю многихъ—говоритъ святитель,—которые постятся, молятся, вздыхаютъ, оказываютъ всякое неубыточное благоговѣніе, но не даютъ ни одного овола тѣснимымъ нуждою. Какая же для нихъ польза отъ прочихъ добродѣтелей? Ихъ не пріемлетъ Царствіе Божіе“ [2]). Наоборотъ, милостыня—путь къ милости Божіей, это посѣвъ на землѣ, который приноситъ плодъ на небѣ. „Ты, если явишь плодъ благотворенія, то соберешь его самъ для себя, потому что благотворность добрыхъ дѣлъ возвращается къ дающимъ. Подалъ ты алчущему? И поданное тобою дѣлается твоею собственностью, возвратившись къ тебѣ съ приращеніемъ. Какъ хлѣбное зерно, упавъ въ землю, обращается въ прибыль бросившаго, такъ хлѣбъ, поверженный алчущему, впослѣдствіи приноситъ стократную пользу. Поэтому цѣль земледѣлія да будетъ для тебя началомъ небеснаго сѣянія; ибо сказано: *сѣйте себѣ въ правду* (Ос., X, 12)... Деньги и не хотя оставишь здѣсь, а славу добрыхъ дѣлъ принесешь съ собою ко Господу, когда предъ общимъ Судіею обступитъ тебя цѣлый народъ, и будутъ именовать своимъ кормильцемъ, благодѣтелемъ, и станутъ приписывать тебѣ всѣ имена человѣколюбія“ [3]). „О, какъ драгоцѣнно въ день суда покажется тебѣ слово: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра*“... [4]). „Дай малое, и пріобрѣти многое... Смотри, чтобы, когда надобно будетъ тебѣ предстать ко

---

[1]) „Бесѣда во время голода и засухи“, т. 4, стр. 135—136. [2]) „Бесѣда къ обогащающимся“, т. 4, стр. 105. [3]) „О любостяжательности“, т. 4, стр. 88. [4]) Тамъ же, стр. 97.

Христу и явиться предъ лицомъ Судіи, не оказалась слишкомъ богатою здѣшняя жизнь, а обнаженною и одѣтою въ рубище другая—жизнь добродѣтельная“ [1]). „Когда будешь давать бѣдному ради Господа, это будетъ и даръ и заемъ, –даръ, по безнадежности получить обратно; заемъ—по великодаровитости Владыки, Который Самъ за него заплатитъ и, взявъ малость чрезъ бѣднаго, воздастъ за то великимъ. Ибо *милуяй нища, въ заемъ даетъ Богови.* Ужели не захочешь, чтобы общій всѣхъ Владыка принялъ на Себя отвѣтственность заплатить тебѣ.. Онъ за бѣдныхъ заплатитъ и приращеніе“ [2]). „Ибо усердіе ко святымъ есть благочестіе предъ Христомъ, и усердный служитель бѣдному оказывается общникомъ Христовымъ, не только если раздаетъ, имѣя у себя что-либо великое, но если и малое пріобрѣтя, отдаетъ это, и если только чашею студеной воды напоитъ ученика во имя учителя... Небесный Царь не вынуждаетъ, не требуетъ податей, но пріемлетъ усердствующихъ, чтобы подающіе сами получили, оказывающія честь были почтены, допускающіе другихъ къ общенію временныхъ благъ, призваны были въ общеніе благъ вѣчныхъ“ [3]).

Среди различныхъ видовъ милостыни, о которыхъ говоритъ св. Василій, особенно интересно отмѣтить взглядъ св. отца на посмертную милостыню, т. е. по завѣщанію. Св. Василій, побуждавшій вообще творить милостыню не откладывая [4]), совершенно отвергаетъ мысль о богоугодности такой посмертной милостыни и съ негодованіемъ высмѣиваетъ надежды на пользу такой милостыни для спасенія души завѣщателя. „Насладившись богатствомъ въ продолженіе всей жизни—говоритъ отъ лица богатаго святитель,—по смерти сдѣлаю бѣдныхъ наслѣдниками своего имѣнія, письменно и въ завѣщаніяхъ объявивъ ихъ владѣльцами всего моего“. Когда не будешь—отвѣчаетъ св. отецъ на такое размышленіе—уже въ кругу людей, тогда сдѣлаешься человѣколюбивымъ. Когда увижу тебя мертвецомъ, тогда назову братолюбцемъ. Великая тебѣ благодарность за щедролюбіе, что, лежа въ гробницѣ и разрѣшившись въ землю, сталъ ты не бережливъ на расходы и великодушенъ! Скажи мнѣ, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни, или за время смерти? Но пока былъ ты живъ тратилъ жизнь на удовольствія, погружался въ роскошь; тебѣ несносно было и взглянуть на бѣдныхъ; а у умершаго, какая дѣятельность? На какую награду имѣютъ право поступки его? Покажи дѣла и требуй воздаянія. Никто не торгуетъ, когда срокъ торга кончился; никто не увѣнчивается, если пришелъ

---

[1]) Бесѣда, говоренная во время голода и засухи, т 4, стр. 137—139. [2]) Бесѣда „по окончаніи 14 псалма“, т 1, стр. 223. [3]) Бесѣда „о милости и судѣ“, т. 4, стр. 396—397 [4]) Напр., „илюбостяжательности“, т. 4, стр 95.

по окончаніи борьбы; никто не показываетъ своего мужества послѣ драки. Поэтому, какъ очевидно, и послѣ жизни невозможно стать благочестивымъ... Для чего же обманываешь самъ себя? Во время жизни себя самого предпочиталъ ты заповѣди, а по смерти и разрушеніи предпочелъ ты заповѣдь врагамъ,—говоришь, чтобы не досталось такому-то, пусть возьметъ Господь. Чѣмъ же назвать это: мщеніемъ ли врагамъ, или любовію къ ближнимъ?.. Благодарность смерти, а не тебѣ; если бы ты былъ безсмертенъ, то не вспомнилъ бы о заповѣдяхъ. Мертвое не приводится къ алтарю: принеси жертву живую. Кто приноситъ избытки, тотъ не пріемлется; а ты, что осталось въ избыткѣ послѣ цѣлой жизни, то приносишь Благодѣтелю. Если остатками трапезы не смѣешь угощать знаменитыхъ людей, то какъ же осмѣливаешься остатками умилостивлять Бога?“ [1]).

Изъ свидѣтельствъ исторіи мы узнаемъ, что св. Василій высоко ставилъ не только личную благотворительность, но и общецерковную, при чемъ и въ послѣдней выдвигалъ на самое видное мѣсто элементъ личнаго служенія бѣдному и духовнаго общенія съ нимъ. Вотъ какъ описываетъ дѣятельность въ этомъ направленіи св. Василія Великаго св. Григорій Богословъ въ своемъ похвальномъ словѣ на смерть Василія. „Отойди нѣсколько отъ города (Кесаріи), и посмотри на новый городъ, на сіе хранилище благочестія, на сію общую сокровищевлагательницу избыточествующихъ [2]), въ которую, по увѣщанію Василія, вносятся не только избытки богатаго, но даже и послѣднія достоянія, и здѣсь ни моли до себя не допускаютъ, ни татей не радуютъ, но спасаются и отъ нападеній зависти, и отъ разрушительнаго времени. Здѣсь учится благомудрію болѣзнь, ублажается несчастіе, испытывается сострадательность. Въ сравненіи съ этимъ заведеніемъ, что для меня и седмивратныя и Египетскія Ѳивы, и Вавилонскія стѣны и Карійскія гробницы Мавзола и пирамиды, или величіе и простота храмовъ, уже не существующихъ... Для меня гораздо удивительнѣе сей краткій путь ко спасенію, сіе самое удобное восхожденіе къ небу. Теперь нѣтъ уже предъ нашими взорами тяжкаго и жалкаго зрѣлища; не лежатъ передъ нами люди еще до смерти умершіе и омертвѣвшіе большею частью тѣлесныхъ своихъ членовъ, гонимые изъ городовъ, изъ домовъ, съ торжищъ, отъ водъ, отъ людей, наиболѣе имъ любезныхъ, узнаваемые только по именамъ, а не по тѣлеснымъ чертамъ... Но къ чему описывать всѣ наши злостраданія, когда недостаточно къ сему слово? Василій преимущественно предъ всѣми убѣждалъ, чтобы мы, какъ люди, не презирали людей, безчеловѣчіемъ къ стра-

---

[1]) „Къ обогащающимся“, т. 4, стр. 116—119. [2]) Здѣсь говорится о странноприимномъ домѣ, построенномъ св. Василіемъ.

ждущимъ не безчестили Христа,—единую всѣхъ Главу... Посему этотъ благородный мужъ не гнушался и лобзаніемъ устъ грѣть болѣзнь, обнималъ недужныхъ, какъ братьевъ... Это было и многовѣщее и безмолвное увѣщаніе. И не городъ только пользовался симъ благодѣяніемъ... Напротивъ, всѣмъ предстоятелямъ народа предложилъ онъ общій подвигъ человѣколюбія и великодушія къ несчастнымъ“ [1])

Взглядъ св. Григорія Богослова на милостыню, естественно, такъ же близко примыкаетъ къ воззрѣніямъ св. Василія, какъ сходны ихъ взгляды на христіанское отношеніе къ собственности, при чемъ св. Григорій болѣе подробно останавливается на свойствахъ истинной благотворительности и безкорыстіи побужденій къ ней.

Св. Григорій неоднократно указываетъ на долгъ каждаго творить милостыню и даже поставляетъ эту обязанность въ ряду важнѣйшихъ. „Если—говоритъ святитель — по ученію Павла и Самого Христа, первою и важнѣйшею заповѣдію должно почитать любовь..., то превосходнѣйшую часть ея должна составлять, какъ я нахожу, любовь къ бѣднымъ... Ибо никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосердіе... и праведный Мздовоздаятель ни за что такъ не награждаетъ Своимъ человѣколюбіемъ, какъ за человѣколюбіе... Итакъ, мы должны отверзать утробу милосердія всѣмъ бѣднымъ и по какой бы то ни было причинѣ страждущимъ; должны, какъ человѣки, приносить человѣкамъ дань благотворительности, какая бы ни заставляла ихъ нужда искать помощи: вдовство ли, или сиротство, или изгнаніе изъ отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующихъ, или безчеловѣчіе собирателей подати, или убійственная рука разбойниковъ... Всѣ они одинаковое имѣютъ право на сожалѣніе и такъ же смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ“ [2]). Вообще, по мысли св. Григорія, долгъ благотворенія утверждается на заповѣди Божіей и подавать милостыню есть общехристіанская обязанность. „Всего болѣе—пишетъ онъ далѣе въ этомъ же словѣ—почтимъ заповѣдь и увѣщаніе слова Божія. Какая же это заповѣдь? Посмотрите, какъ постоянно внушаютъ её мужи боговдохновенные, и какъ она близка къ ихъ сердцу. Не такъ они возвѣщаютъ её, чтобы разъ или два говорили что-нибудь о бѣдныхъ и потомъ отступились; не такъ, чтобы одни упоминали о милостынѣ, а другіе нѣтъ, или нѣкоторые говорили о немъ больше, а другіе меньше... Нѣтъ, они всѣ и каждый въ особенности, почитая сію заповѣдь главною, или одною изъ главныхъ, съ ревностію побуждаютъ насъ къ исполненію ея то увѣщаніями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердымъ... Сказано *страсти*

---

[1]) Т 4, стр. 96—97. [2]) „Слово о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 6—7.

ради нищихъ, и воздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ Господь. Кто же не убоится возстающаго Господа? [1]). „*Тебѣ оставленъ нищій*, какъ самому Богу... Тебѣ предлагается случай доказать свое человѣколюбіе“ [2]). И, по мысли св. отца, никакая бѣдность не можетъ служить препятствіемъ къ благотворенію. „Дай хоть самую малость бѣдному—убѣждаетъ св. Григорій—, и то не будетъ малостью для того, кто во всемъ нуждается, и для самого Бога, если подаяніе будетъ по силѣ. Вмѣсто великаго дара принеси усердіе. Ничего не имѣешь? Утѣшь слезою. Великое врачество злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастіе много облегчается искреннимъ соболѣзнованіемъ“ [3]). Какъ видимъ, критерій цѣнности подаянія св. Григорій здѣсь указываетъ не въ величинѣ жертвы, но въ „усердіи“, въ подаяніи отъ скудости своей, и въ сердечномъ участіи къ горю ближняго. Эти мысли вообще съ опредѣленностію утверждаются святителемъ. „Всего прекраснѣе и человѣколюбивѣе то, что Богъ измѣряетъ подаяніе не достоинствомъ подаваемаго, но силами и расположеніемъ плодоносящаго“ [4]). И указывая, такимъ образомъ, на всеобщность долга благотворенія, св. Григорій окончательно утверждаетъ эту всеобщность, когда требуетъ давать милостыню каждому просящему, безъ суда и разбора. „Гораздо лучше—разсуждаетъ святитель—для достойныхъ простирать руку и недостойнымъ, нежели изъ опасенія встрѣтиться съ недостойными, лишать благодѣянія и достойныхъ. Сіе, по моему мнѣнію, и означаетъ то, что надобно посылать хлѣбъ свой даже на воду: онъ не разсыплется и не пропадетъ предъ праведнымъ Судіею, но достигнетъ туда, гдѣ положено будетъ все наше, и гдѣ найдемъ его во время свое, хотя о томъ и не думаемъ“ [5]).

Въ ряду побужденій творить милостыню, св. Григорій указываетъ и на будущую награду [6]), и на естественность чувства состраданія [7]), но съ особенною силою выдвигаетъ указаніе на милостыню, какъ на наше благовѣйное отношеніе ко Христу и подражаніе Ему. Указавъ на рядъ побужденій къ милостынѣ и особенно на ея очистительную силу [8]), св. Григорій надъ всѣмъ этимъ поставляетъ чувство благоговѣйнаго почитанія въ отношеніи Христа Спасителя: „почти Того, Кто претерпѣлъ за насъ язвы и болѣзни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивымъ

---

[1]) „Слово о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 35—36. [2]) Стр. 28. [3]) Стр. 29. [4]) Слово „о словахъ своихъ Юліану, производившему народную перепись“, т. 2, стр. 125. [5]) Слово „въ похвалу отца“, т. 2, стр. 97—98. [6]) Напр., слово „о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 7; 15—16, 19, 22, 39 и др.; Слово „въ похвалу отца“, т. 2, стр. 98; Слово, „говоренное о словахъ своихъ Юліану“, т. 2, стр. 127 и мн др. [7]) Напр., Слово 19, т. 2, стр. 127; Слово „о любви къ бѣднымъ“, стр. 10, 28 и мн. др. [8]) Св. Григорій не разъ оттѣнялъ такое значеніе милостыни, напр., т. 2, стр. 22, 37.

и человѣколюбивымъ къ члену Христову.. Доколѣ еще есть время посѣтимъ Христа, послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, примемъ Христа, почтимъ Христа“ [1]). „Не отталкивай отъ себя бѣднаго ты, который обогащенъ Божествомъ..., не презирай странника, за котораго Христосъ былъ странникомъ (а у Христа всѣ мы странники и пришельцы)“ [2]). „У всѣхъ одна Глава—*Христосъ изъ Него же вся*, и что члены одинъ для другого, тоже и каждый изъ насъ другъ для друга и всѣ для всѣхъ... Намъ должно или все оставить для Христа... или раздѣлить свое имущество со Христомъ, дабы и самое обладаніе имуществомъ освятилось чрезъ то, что... соучастниками въ немъ будутъ неимущіе... Дай немногое Тому, отъ Котораго получилъ несравненно болѣе... Будь для несчастнаго богомъ, подражая милосердію Божію. Ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, сколько благотвореніе“ [3]). „Для насъ Онъ сталъ человѣкомъ и принялъ зракъ раба; за наши беззаконія веденъ былъ на смерть..., сталъ намъ подобострастнымъ и равночестнымъ. Ужели же мы, ученики кроткаго, человѣколюбиваго и столько для насъ послужившаго Христа, не будемъ подражать милосердію Владыки? Ужели не будемъ милостивы къ подобнымъ намъ рабамъ“ [4]).

И неразрывно съ такимъ мистикорелигіознымъ побужденіемъ къ милостынѣ, св. Григоріемъ оттѣняется совершенная внутренняя свобода и безкорыстіе христіанскаго благотворенія. „Мнѣ извѣстны—говоритъ онъ—три степени въ спасаемыхъ: рабство, наемничество и сыновство. Если ты рабъ, то бойся побоевъ. Если наемникъ, одно имѣй въ виду—получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сынъ, стыдись Бога, какъ отца; дѣлай добро потому, что хорошо повиноваться отцу. Хотя бы ничего не надѣялся ты получить, угодить отцу само по себѣ награда. Да не окажемся пренебрегающими сіе!... Если бы благо сіе покупалось на деньги, ты не пожалѣлъ бы никакихъ сокровищъ. А если предлагается изъ человѣколюбія, пренебрегаешь готовность благотворенія“ [5]).

Въ ряду другихъ свойствъ христіанской милостыни, оттѣняемыхъ св. Григоріемъ, мы можемъ назвать: неотложность помощи нуждающимся, щедрость милостыни, радостное настроеніе благотворящаго, зависящее отъ удовлетворенія чувства любви къ ближнему, и, наконецъ, то свойство богоугодной милостыни, по которому она должна быть подаваема изъ честно пріобрѣтеннаго имущества.

Неотложность долга благотворенія св. Григоріемъ подчеркивается не разъ. „Не медли—убѣждаетъ св. отецъ—сдѣлаться

[1]) Слово „о любви къ бѣднымъ“, т 2, стр 37—39. [2]) Слово „на недѣлю новую“, т. 4, стр. 119. [3]) Слово „о любви къ бѣднымъ“, стр. 9, 18, 22, 27. [4]) Т. 2, стр. 131. [5]) Слово „на святое крещеніе“, т. 3, стр. 283

щедрымъ, но будь имъ теперь, и по недостатку достойнаго не отказывай во всемъ. Напротивъ того, одно внеси, другое пожелай внести, а объ иномъ молись, чтобы Богъ даровалъ прощеніе немощи“ [1]). Не допускай ни малѣйшаго промежутка между благимъ намѣреніемъ и благотвореніемъ. Вотъ одно, что не терпитъ отсрочки,—человѣколюбіе [2]).

Долгъ благотворить щедро утверждается св. Григоріемъ Богословомъ на щедрости благодѣяній Божіихъ въ отношеніи насъ. „Дай немногое Тому, отъ Кого получилъ несравненно болѣе. Отдай и все, даровавшему тебѣ все. Ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы и пожертвовалъ всѣмъ, что имѣешь, хотя бы отдалъ вмѣстѣ съ имуществомъ и самого себя... Какъ нельзя опередить своей тѣни..., какъ нельзя тѣлу вырости выше головы, всегда надъ нимъ возвышающейся· такъ и намъ невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даемъ такого..., что было бы внѣ круга Его щедрости“ [3]).

И ясно само по себѣ, что всегдашнимъ настроеніемъ благотворящаго должно быть настроеніе, проникнутое любовію къ нуждающемуся, и самый долгъ милостыни для христіанина долженъ являться радостнымъ. „*Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, нищія безкровныя введи въ домъ твой;* и все сіе дѣлай радушно. *Милуяй*, сказано, *съ добрымъ изволеніемъ;* такимъ образомъ готовность твоя усугубитъ цѣну добраго твоего дѣла. Ибо что дѣлается съ печалью или по нуждѣ, то не можетъ быть пріятнымъ и изящнымъ; оказывая благодѣяніе, должно радоваться, а не сѣтовать“ [4]). Говоритъ, наконецъ, св. Григорій о томъ, что милостыня должна быть подаваема лишь изъ праведно пріобрѣтеннаго имущества. „Подавай нищимъ, прекраснымъ твоимъ заступникамъ... Но если подаешь имъ, то подавай изъ своего, а чужимъ не накрывай ни Святой трапезы, ни нищаго... Не обманывай Бога, какъ недальновиднаго Судію, чтобы Онъ еще болѣе на тебя не прогнѣвался“ [5]).

Въ заключеніе изложеннаго взгляда на милостыню св. Григорія Богослова позволимъ себѣ привести одно мѣсто изъ его твореній, гдѣ св. отецъ возмущается однимъ изъ мотивовъ къ отказу бѣднымъ въ помощи на основѣ лицемѣрно-религіозныхъ соображеній. „Вотъ что—говоритъ святитель—особенно достойно оплакиванія: есть между нашими собратіями люди, которые такъ далеки отъ соболѣзнованія и вспомоществованія страждущимъ, что даже не стыдятся жестоко укорять ихъ..., придумывать пустыя и ничтожныя умствованія... Они

---

[1]) Слово „о словахъ своихъ къ Юліану“, т. 2, стр. 125. [2]) Слово „о любви къ бѣднымъ“, т. 2, стр. 38. [3]) Тамъ же, т. 2, стр. 22–23. [4]) Тамъ же, т. 2, стр. 38. [5]) „На богатолюбцевъ“, т. 5, стр. 190.

осмѣливаются такъ судить: Богъ послалъ имъ несчастіе, а намъ—счастье. И кто я, чтобы смѣлъ нарушать опредѣленіе Божіе и показывать себя милостивѣе Бога? Пусть ихъ томятся, бѣдствуютъ, страдаютъ! Богу такъ угодно". Въ семъ только случаѣ и показываютъ они себя богочтителями, гдѣ нужно имъ сберегать свои деньги и храбриться надъ несчастными. Но на самомъ дѣлѣ они и не думаютъ, что ихъ благополучіе происходитъ отъ Бога, какъ это ясно видно изъ словъ ихъ. Ибо станетъ ли разсуждать подобно имъ о бѣдныхъ тотъ, кто признаетъ Бога подателемъ всего, чѣмъ онъ владѣетъ? Кто дѣйствительно имѣетъ что-нибудь отъ Бога, тотъ употребляетъ, что имѣетъ, согласно съ волей Божіею" [1]). Эти слова св. Григорія не лишены значенія и для нашихъ дней. Правда, такого наивнаго лицемѣрія теперь мы не встрѣчаемъ: есть извѣстный прогрессъ и въ религіозномъ лицемѣріи. Но когда отъ имени Церкви говорятъ, что существованіе нищихъ на землѣ есть законъ и для Царства Божія, что слова Христа Спасителя *„нищихъ всегда имате съ собою"*, выражаютъ непреклонную волю Божію о существованіи нищеты среди христіанъ; когда объявляютъ богатство даромъ Божіимъ, который должно хранить и умножать въ то время, какъ братья умираютъ съ голоду; когда благородныя въ идеѣ стремленія къ болѣе равномѣрному распредѣленію благъ земныхъ клеймятъ названіемъ противленія волѣ Божіей и говорятъ многое этому подобное,—то вспоминаются слова древней мудрости: „нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ", и „это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ" [2]).

Св. Григорій Нисскій посвятилъ увѣщаніямъ къ милостынѣ два слова „о нищелюбіи" и въ этихъ словахъ излагаетъ взглядъ свой на милостыню, всецѣло согласный съ воззрѣніями другихъ отцовъ Церкви. Св. Григорій Нисскій ставитъ благотворительность въ ряду самыхъ высокихъ и обязательныхъ для каждаго добродѣтелей, при чемъ долгъ благотворенія выводитъ изъ общехристіанскаго долга подражать Господу, Который является первымъ и величайшимъ благотворителемъ въ жизни міра. Благотворительность, по мысли св отца, „мать бѣдствующихъ, учительница богатыхъ, благая дѣтопитательница, попечительница о старцахъ, казнохранилище нуждающихся, всеобщее пристанище несчастныхъ... Она выше всякаго похвальнаго дѣла, она присѣдитъ благому Богу, возлюблена Имъ и весьма близка Ему... Первымъ совершителемъ благихъ и человѣколюбивыхъ дѣлъ является Самъ Богъ. Ибо созданіе земли и украшеніе неба, и благоустроенную перемѣну временъ... и все въ частности Богъ постоянно производитъ не для Себя самого,—Онъ не имѣетъ въ этомъ нужды —, но для насъ... Первый благотво-

[1]) Слово „о любви къ бѣднымъ", т. 2, стр. 30. [2]) Еккл., I, 9—10.

ритель есть Богъ, питающій алчущаго, напояющій жаждущаго и одѣвающій нагого... Богъ есть первый изобрѣтатель благотворительности, богатый и вмѣстѣ сострадательный податель необходимаго для насъ. Мы же каждою буквою Писанія (наставляемся) соревновать Господу и Зиждителю нашему, насколько доступно для смертнаго подражаніе Блаженному и Безсмертному... Милосердіе и благотворительность суть дѣла, любезныя Богу, и если обитаютъ въ какомъ человѣкѣ, то обожествляютъ его и образуютъ по подобію Всеблагого, чтобы онъ былъ образомъ перваго и чистаго и всякій умъ превосходящаго существа“ [1]). И этотъ долгъ милостыни имѣетъ, по взгляду св. Григорія, общеобязательное значеніе, такъ какъ и бѣдность не препятствуетъ быть милосердымъ. „Скажешь: и я бѣденъ—предусматриваетъ св. отецъ возраженіе противъ всеобщности долга творить милостыню и отвѣчаетъ: пусть такъ, давай. Давай, что̀ имѣешь, ибо Богъ не требуетъ сверхъ силъ. Ты дашь хлѣбъ, другой—чашу вина, иной—одежду, и такимъ образомъ, общимъ сборомъ, уничтожаются несчастія одного. И Моисей на издержки по скиніи получилъ не отъ одного..., но отъ всего народа. Одинъ богачъ принесъ ему золото, другой—серебро; бѣдный—кожи, бѣднѣйшій бѣднаго—шерсть [2]). Видишь, какъ и кодрантъ вдовицы превзошелъ вклады богатыхъ. Ибо она высыпала все, что имѣла, у тѣхъ же не многое выпало“ [3]).

Побужденія къ милостынѣ указываются св. Григоріемъ Нисскимъ въ общемъ тѣ же, какія и другими отцами, и долгъ творить милостыню утверждается какъ на естественныхъ гуманныхъ чувствахъ, такъ и на предстоящей наградѣ милосердымъ и страданіяхъ безжалостныхъ. „Не презирай лежащихъ—убѣждаетъ святитель—, какъ ничего нестоющихъ. Подумай, кто они, и найдешь имъ цѣну. Они носятъ на себѣ образъ Спасителя нашего. Ибо Человѣколюбецъ далъ имъ собственный образъ, чтобы имъ устыдить несострадательныхъ и нищененавистниковъ“ [4]). „Для всѣхъ благоразумныхъ милосердіе есть прекрасный залогъ, который мы ввѣряемъ другимъ при ихъ несчастіяхъ. Поелику одна природа управляетъ всѣмъ человѣчествомъ, и никто не имѣетъ прочнаго какого-либо ручательства въ постоянствѣ своего благополучія, то постоянно должно помнить Евангельское увѣщаніе, которое совѣтуетъ: *елика аще* хощемъ *да творятъ* намъ *человѣцы*, то творить и имъ. Итакъ, пока благополучно плаваешь, простирай руку потерпѣвшему крушеніе; одно для всѣхъ море, однѣ бури, однѣ мятущіяся волны, подводныя камни, утесы, скалы и прочія опасности житейскаго мореплаванія одинаково страшатъ плавателей. Пока ты не страдаешь, пока безо-

---

[1]) Слово „о нищелюбіи“, I, т. 7, стр. 401, 403–406. [2]) Тамъ же, стр. 401. [3]) Исх., XXV, 28–30. [4]) „о нищелюбіи“, I, т. 7, стр 401.

пасно переплываешь море жизни, не проходи немилосердно мимо потерпѣвшаго крушеніе. Кто порукою тебѣ въ постоянствѣ благополучнаго плаванія? Ты не достигъ еще пристани успокоенія. Жизнь твоя еще не дошла до берега; еще ты носишься по морю жизни... Да будетъ присуще намъ дѣланіе заповѣдей и кормило любви. Вѣрно направляемые ими, мы достигнемъ земли обѣтованной, гдѣ находится великій градъ, котораго художникъ и зиждитель есть Богъ нашъ" [1]).

И созерцаніе этой обѣтованной земли, ожиданіе праведнаго воздаянія въ жизни загробной должны непрестанно побуждать христіанина помнить о долгѣ милостыни. „Не бойся—убѣждаетъ св. Григорій Нисскій—, плодъ милостыни произрастаетъ обильно. Посѣвай раздавая, и исполнишь долгъ добрыхъ пріобрѣтеній... Они (нищіе) сокровищехранители ожидаемыхъ благъ, привратники Царствія, отверзающіе двери для добрыхъ и заключающіе для жестокихъ и человѣконенавистниковъ... Ради нихъ начертанъ намъ и сей страшный судъ вѣстниками Божіими, о которомъ вы часто слышали. Тамъ я вижу Сына Человѣческаго, грядущаго съ небесъ... и всѣ племена человѣческія..., раздѣленныя на двѣ части и предстоящія судилищу... Слышу тамъ рѣчи Судіи къ подсудимымъ и отвѣты судимыхъ Царю. Каждому назначается въ удѣлъ, что ему слѣдуетъ... И сіе строгое судилище живо изображено словомъ не для иного чего, какъ для того, чтобы научить насъ пользѣ благотворительности" [2]). „Если хотимъ получить нѣчто полезное тамъ, то предварительно доставимъ потребное имъ (нуждающимся) здѣсь; если желаемъ получить ослабу послѣ сей жизни, упокоимъ ихъ теперь; если желаемъ, чтобы они приняли насъ *въ вѣчные кровы*, примемъ ихъ въ наши. Если желаемъ, чтобы они уврачевали язвы нашихъ грѣховъ, то и мы сами должны сдѣлать то же по отношенію къ тѣламъ, удрученнымъ болѣзнію" [3]). „Конецъ... такой ревности—здѣсь добрая надежда и радостное ожиданіе, а потомъ, когда оставимъ сію скоропреходящую плоть, преоблачимся въ нетлѣніе,—блаженная жизнь, непрестающая и негибнущая, гдѣ уготованы нѣкія дивныя и нынѣ неизвѣстныя наслажденія" [4]). Св. Григорій Нисскій въ ряду свойствъ истинно христіанской милостыни оттѣняетъ съ особенною настойчивостію необходимость добраго настроенія со стороны благотворителя, его ласковости, радушія и уваженія къ человѣческому достоинству просителя. „Ласковымъ словомъ—совѣтуетъ св. отецъ—оплодотворяй употребленіе твоихъ стяжаній... Обними несчастнаго, какъ золото. Заключи въ объятія потерпѣвшаго несчастіе, какъ твое здравіе" [5]). И при этомъ св. отецъ настойчиво до-

[1]) „О нищелюбіи и благотворительности" слово II, т. 7, стр. 432—433. [2]) „О нищелюбіи" слово I, стр. 401—403. [3]) Слово II, стр. 429. [4]) Слово I, стр. 406. [5]) Тамъ же, стр. 400.

казываетъ, что при благотвореніи нужно уважать человѣческое достоинство бѣдняковъ. „Да не говоритъ кто-либо, что достаточно удѣлять пищу нищимъ, удаливъ ихъ куда-нибудь далеко отъ нашего жительства, на какой-либо крайній предѣлъ онаго; ибо такой образъ мыслей не доказываетъ ни мало милосердія и сочувствія; но есть только благовидный поводъ совершенно исключить этихъ людей изъ круга нашей жизни. Свиньямъ и собакамъ позволяемъ жить подъ одною съ нами кровлею... Ужели признаемъ безчестнѣе самыхъ безсловесныхъ однороднаго съ нами ближняго? Нѣтъ, да не будетъ этого, братья. Да не падетъ такой приговоръ на людей. Должно вспомнить, кто мы и надъ кѣмъ произносимъ судъ. Надъ людьми—мы люди, не имѣющіе предъ ними никакого особаго преимущества относительно общей съ ними природы. *Единъ входъ всѣмъ въ житіе*: одинъ для всѣхъ образъ жизни, пища и питье; однообразна жизнедѣятельность; одно устройство тѣла и одинъ конецъ жизни“ [1]).

Кратко изложенное нами ученіе святыхъ отцовъ Церкви первыхъ четырехъ вѣковъ о милостынѣ характеризуетъ церковный взглядъ достаточно точно и опредѣленно. Но только въ бесѣдахъ св. Іоанна Златоустаго церковное ученіе о милостынѣ изложено съ такою выразительностію, которое позволяетъ считать сказанное св. Іоанномъ завершительнымъ словомъ церковнаго сознанія въ отношеніи нравственной оцѣнки милостыни. Св. Іоаннъ Златоустый со всею подробностію раскрылъ всѣ данныя откровеннаго ученія по поводу милостыни; онъ не только принялъ высказанное ранѣе церковными авторитетами по вопросу о милостынѣ, но обосновалъ все это на основѣ откровеннаго ученія и общихъ принциповъ христіанской жизни; сказанное ранѣе мимоходомъ или въ видѣ намека онъ (св. Іоаннъ) ярко оттѣнилъ, вкладывая полноту содержанія въ каждую мысль и иногда доводя нѣкоторыя, нераскрытыя раньше положенія, до такой рѣзкой опредѣленности, какую могъ сообщить имъ только столь смѣлый и сильный духомъ церковный мыслитель, какъ св. Іоаннъ. Наконецъ, въ твореніяхъ его встрѣчаемъ и такія данныя для изложенія церковнаго ученія о милостынѣ, какихъ не встрѣчали ранѣе, напр., о пользѣ для души посмертной милостыни со стороны близкихъ.

Каждый, хотя бы то лишь бѣгло знакомый съ писаніями св. Іоанна Златоустаго, знаетъ, какое громадное значеніе въ христіанской нравственно-религіозной жизни онъ придавалъ милостынѣ: призывамъ къ ней и ея восхваленію онъ отдалъ всю силу того великаго проповѣдническаго дара, какимъ обладалъ. Изложеніе ученія св. Іоанна о милостынѣ мы и начинаемъ съ указаній на то значеніе, какое ей

---

[1]) „О нищелюбіи и благотворительности“ слово II, т. 7, стр. 424.

усвоялъ св. отецъ въ христіанской жизни. И если въ первыхъ строкахъ такого изложенія настроеніе св. отца можетъ показаться черезчуръ повышеннымъ и его образы риторическими преувеличеніями, то мы надѣемся, что по мѣрѣ дальнѣйшаго изложенія будетъ становиться все яснѣе и яснѣе, почему св. Іоаннъ такъ высоко ставилъ милостыню, въ ней видѣлъ „царицу добродѣтелей“ [1]) и изображалъ ея величіе въ самыхъ яркихъ образахъ. Милостыня—по словамъ св. отца—„великое дѣло“. „Великъ полетъ у милостыни: она разсѣкаетъ воздухъ, проходитъ луну, восходитъ выше лучей солнечныхъ, достигаетъ до самыхъ небесъ!.. И тамъ она не останавливается; напротивъ, проходитъ небо, обтекаетъ и сонмы ангеловъ, и лики архангеловъ, и всѣ высшія силы, и предстаетъ самому престолу царскому“ [2]). „Ничего нѣтъ лучше милостыни“ [3]); она „есть мать любви, — любви, отличающей христіанство, превосходящей всѣ знаменія, служащей признакомъ учениковъ Христовыхъ..., лѣстница, ведущая на небо“ [4]). „Она разрѣшаетъ адскія узы, разгоняетъ мракъ, погашаетъ пламень, умерщвляетъ червя, избавляетъ отъ скрежета зубовъ. Для нея безпрепятственно отверзаются врата небесныя... Она поистинѣ есть царица, дѣлающая людей подобными Богу... Она легка и быстролетна; имѣетъ золотыя крылья и полетъ, услаждающій ангеловъ... Она летаетъ какъ голубь, одаренный нѣжнымъ взглядомъ и кроткимъ глазомъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе этого глаза“ [5]). Св. Іоаннъ не усумнился усвоить милостынѣ и собственно религіозное значеніе, поставивъ ее на ряду съ постомъ и молитвой, указывая въ ней условіе ихъ богоугодности и усвояя милостынѣ благодатную силу очищать грѣхи.

„Подлинно — поучаетъ святитель, — не такъ вода по природѣ своей омываетъ нечистоты тѣла, какъ милостыня силою своею омываетъ нечистоту души. Поэтому, какъ ты не осмѣливаешься войти на молитву съ неумытыми руками—хотя и меньшая то вина,— такъ не входи никогда на молитву и безъ милостыни... Молитва есть огонь, особенно когда она возсылается трезвенною и бодрствующею душею; но этотъ огонь нуждается и въ елеѣ, чтобы достигнуть до самыхъ небесныхъ сводовъ; а елей для этого огня есть не что иное, какъ милостыня. Подливай же этотъ елей щедро, чтобы, ободряясь правымъ дѣломъ, ты могъ совершать молитвы съ большимъ дерзновеніемъ“ [6]). „Милостыня... важнѣе жертвъ: *Милости хочу, а не жертвы*; она отверзаетъ небеса: *молитвы твоя*

---

[1]) Бесѣда III „о покаяніи“, т. 2, стр. 323. [2]) Тамъ же. [3]) Бес. I на посл. къ Колосян., т 11, стр. 367. [4]) Бес. VI на посланіе къ Титу, т 11, стр. 880. [5]) Бес. XXII на посл. къ Евреямъ, т. 12, стр. 265. [6]) Бес. на Кор. IV, 13, т. 3, стр. 308—309.

и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога“ [1]). Милостыня лучше и поста и лежанья на землѣ. Хотя эти подвиги тяжелѣе и труднѣе, но она — плодотворнѣе. Она просвѣщаетъ душу, утучняетъ ее и дѣлаетъ благообразною и прекрасною. Не столько плодъ маслины оживляетъ силы борцовъ, сколько этотъ елей укрѣпляетъ подвижниковъ благочестія“ [2]).

„Если ты просишь Его съ милостынею, то Онъ благоволитъ къ тебѣ; если просишь Его съ милостынею, то даешь Ему въ заемъ и получишь прибытокъ. Такъ внушаю вамъ, не за воздѣяніе рукъ можно быть услышаннымъ; простирай руки свои некъ небу, а къ рукамъ бѣдныхъ. Если ты будешь простирать руки къ рукамъ бѣдныхъ, то достигнешь самой высоты неба; а если станешь, воздѣвать руки безъ плода, то не получишь никакой пользы: Скажи мнѣ: если бы пришелъ къ тебѣ царь въ порфирѣ и сталъ просить тебя, то не отдалъ ли бы ты ему охотно всего имущества? Нынѣ же проситъ тебя устами бѣдныхъ Царь не земной, а Небесный, и ты стоишь, не обращая на ~~Него~~ вниманія и откладываешь подаяніе. Какого ты достоинъ за это наказанія? Подлинно, не за воздѣяніе рукъ и не за множество словъ, но за дѣла можно быть услышаннымъ [3]). „Будемъ искать тѣхъ добродѣтелей, которыя и для насъ самихъ спасительны, и для ближняго полезны. Таковы — милостыня и молитва; впрочемъ, молитва сама заимствуетъ свою силу и воскрыляется отъ милостыни. *Молитва твоя*, сказано, и *милостыни твои взыдоша на память предъ Бога* [4]). И не только молитва, но и постъ также отъ милостыни заимствуетъ свою твердость. Если ты постился безъ милостыни, то постъ твой не есть постъ, и такой человѣкъ хуже обжоры и пьяницы... Но что я говорю — постъ? Хотя бы ты былъ непороченъ, хотя бы соблюдалъ дѣвственность, но если не творишь милостыни, будешь внѣ брачнаго чертога... Тотъ, кто не творитъ милостыни, непремѣнно долженъ погибнуть“ [5]). И милостыня не только является условіемъ богоугодности нашихъ молитвъ и обращеній къ Богу, но сама обладаетъ великою благодатной силой, приближающей насъ къ Богу и очищающей грѣхи. „Будемъ—увѣщеваетъ св. отецъ—всячески стараться очистить себя отъ скверны. Очищается же она, во-первыхъ, крещеніемъ, а потомъ и другими многообразными средствами. Богъ, по своему человѣколюбію, даровалъ намъ разнообразныя средства къ очищенію и послѣ крещенія. Первое изъ этихъ всѣхъ средствъ — милостыня, такъ какъ сказано: милостынями и вѣрою очищаются грѣхи“ [6]).

---

[1]) Бес. L на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 523—524. [2]) Бес. LXXXI на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 547. [3]) Бес I на 2 Тим., т. XI, стр. 763. [4]) Дѣян., X, 4 [5]) Бес. LXXVII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 783 [6]) Сирах. III, 30, Бес. LXXIII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 490.

И св. Іоаннъ Златоустый постоянно говоритъ своимъ слушателямъ о томъ, что милостыня „очищаетъ грѣхи“ [1]), „уничтожаетъ грѣхи наши“ [2]). „Достаточно отдать—по ученію св. отца—серебро въ руки бѣдныхъ, и всѣ грѣхи тотчасъ омоются безъ боли и труда... Ты даешь серебро, а получаешь отпущеніе грѣховъ... Расходъ состоитъ въ деньгахъ, а прибытокъ... и въ отпущеніи грѣховъ, въ дерзновеніи предъ Богомъ, въ Царствѣ небесномъ, и въ наслажденіи благами, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша*“ [3]). Св. Іоаннъ положительно утверждаетъ, что, какъ благодатныя средства спасенія имѣютъ вѣчное значеніе для души человѣка, очищая ее для будущей жизни, такъ подобное же значеніе усвояетъ онъ и милостынѣ, считая ее необходимымъ условіемъ вступленія въ Царство небесное. „Будемъ прилагать великое усердіе къ милостынѣ—поучаетъ св. отецъ, потому что иначе невозможно достигнуть Царства небеснаго... Всею душею и всѣми силами будемъ подливать елея въ свѣтильники, чтобы свѣтъ всегда былъ ясный и обильный“ [4]). Милостыня—это единственный путь пріобрѣсти себѣ друзей и заступниковъ для будущей жизни: „будемъ творить милостыню, пока это въ нашей власти,—это и значитъ творить *други отъ маммоны;* будемъ расточать богатство на бѣдныхъ, чтобы погасить необъятный огонь, чтобы тамъ имѣть дерзновеніе“ [5]). „Милостыня создаетъ вѣчныя жилища на небесахъ, поучаетъ почитателей своихъ избѣгать вѣчной смерти; она даруетъ тебѣ сокровища неистощимыя, которыя не могутъ потерпѣть вреда ни отъ воровъ, ни отъ червей, ни отъ тлѣнія, ни отъ времени. Если бы кто-нибудь научилъ тебя сберегать только хлѣбъ, то чего бы ты ни далъ, чтобы научиться сохранять его безъ вреда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но вотъ, благотворительность научаетъ тебя безвредно сберегать не только хлѣбъ, но и все: и имущество, и душу, и тѣло. Но, что подробно перечислять всѣ выгоды, доставляемыя этимъ искусствомъ? Оно научаетъ тебя тому, какъ можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое изъ всѣхъ благъ. Теперь видишь ли, что милосердіе совершаетъ не одно только дѣйствіе, но многія? Не требуя помощи отъ другихъ искусствъ, оно созидаетъ домы, приготовляетъ одежды, доставляетъ неиждиваемыя сокровища, дѣлаетъ побѣдителями смерти, одолѣваетъ діавола, уподобляетъ Богу. Итакъ, что можетъ быть полезнѣе этого искусства? Кромѣ того, другія искусства оканчиваются вмѣстѣ съ настоящею жизнью, не дѣйствуютъ во время болѣзни художниковъ и имѣютъ дѣйствія преходящія, требуютъ труда и многаго

---

[1]) Напр, бес. L на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 523—524. [2]) Напр., бес. XXXIV на кн. Бытія, т. 4, стр. 367. [3]) Бесѣда на 2 Кор., IV, 13, т. 3, стр. 234—285. [4]) Тамъ же, стр. 283. [5]) Бес. I на посл къ Евреямъ, т. 12, стр. 16.

времени и другихъ безчисленныхъ принадлежностей. А милостыня по окончаніи міра еще яснѣе открывается, по смерти человѣка наиболѣе просіяваетъ и обнаруживаетъ свои дѣйствія, и не требуетъ ни времени, ни труда, ни чего-либо труднаго. Она дѣйствуетъ и во время болѣзни твоей, и въ старости, сопутствуетъ тебѣ въ жизнь будущую и никогда тебя не оставляетъ. Она дѣлаетъ тебя сильнѣе мудрецовъ и орагоровъ; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству имѣютъ у себя многихъ завистниковъ, а за тѣхъ, которые прославили себя милосердіемъ, безчисленное множество людей приносятъ молитвы. Тѣ предстоятъ предъ судомъ человѣческимъ, защищая обиженныхъ, а часто и обижающихъ; а милостыня предстоитъ предъ судомъ Христа, и не только защищаетъ, но и самого Судію преклоняетъ защищать подсудимаго и произнести милостивый приговоръ о немъ. Хотя бы онъ былъ виновенъ въ безчисленныхъ согрѣшеніяхъ,—она вѣнчаетъ его и провозглашаетъ его побѣдителемъ; *дадите,* сказано, *милостыню и вся чиста будутъ* [1]). И что я говорю о будущей жизни? И въ настоящей,—спросите кого угодно изъ людей,—чего они желаютъ болѣе: того ли, чтобы между ними было много мудрецовъ и ораторовъ, или людей милосердыхъ и человѣколюбивыхъ? И вы услышите, что они изберутъ послѣднее. И весьма справедливо. Отъ уничтоженія краснорѣчія жизнь нисколько не потерпитъ вреда: она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердіе, то все погибнетъ и истребится. Какъ на морѣ нельзя плыть далѣе береговъ, такъ и земная жизнь не можетъ стоятъ безъ милосердія, снисхожденія и человѣколюбія [2]).

Мы пока не приводили длиннаго ряда выдержекъ изъ бесѣдъ святителя, гдѣ онъ прославляетъ милостыню и усвояетъ ей значеніе величайшей добродѣтели, но отмѣтили лишь въ общихъ чертахъ его взглядъ на значеніе милостыни въ христіанской жизни. Теперь же обращаемся къ болѣе детальному выясненію вопроса о томъ значеніи, какое усвоялъ св. Іоаннъ милостынѣ, и въ этомъ случаѣ главное вниманіе мы должны обратить на тѣ основы, на которыхъ святитель утверждаетъ религіозно-нравственную цѣнность милостыни, дѣлающую её нравственнымъ долгомъ для каждаго христіанина. И такъ какъ вопросъ о такихъ основахъ въ изложеніи самого св. отца нерѣдко неразрывно сливается съ рѣчью о побужденіяхъ къ милостынѣ, то и мы не будемъ разрывать живого цѣлаго въ ученіи святителя, но изложимъ его взглядъ на основанія долга творить милостыни и побужденія къ ней во взаимной связи.

Когда нами излагалось ученіе св. Іоанна Златоустаго о собственности и о христіанскомъ отношеніи къ богатству, то былъ отмѣченъ

---

[1]) Лук., XI, 41 [2]) Бес. на Ев. Матѳея, т. 7. стр. 540—541.

его основной взглядъ на причины имущественнаго неравенства людей: причина эта—въ недостаткѣ взаимной братской любви, и путь къ уничтоженію нищеты среди человѣчества—путь братскаго общенія имуществъ. Идеалъ отношенія къ своему имуществу—все сразу отдать; верхъ неправды—никому своего не давать, а срединный путь—щедрая милостыня, которая, впрочемъ, сама собою приведетъ человѣка къ раздачѣ всего своего [1]). Милостыня, такимъ образомъ, оказывается о б щ е о б я з а т е л ь н ы м ъ п у т е м ъ к ъ у в р а ч е в а н і ю с т р а д а н і й ч е л о в ѣ ч е с т в а о т ъ и м у щ е с т в е н н а г о н е р а в е н с т в а. Самъ Богъ, по мысли св. отца, допустилъ такое неравенство, именно ради милостыни, чтобы чрезъ неё люди могли „заслужить вѣнцы и похвалы“ [2]). Богъ, какъ верховный собственникъ всего, призываетъ человѣка быть Его довѣреннымъ распорядителемъ на землѣ и ожидаетъ отъ насъ вѣрнаго управленія ввѣреннымъ намъ достояніемъ. И такое вѣрное управленіе осуществляется чрезъ уравненіе людей въ пользованіи Божественными дарами, когда имущій раздѣляетъ то, чѣмъ владѣетъ, между неимущими. Все это уже было подробно раскрыто нами ранѣе при изложеніи ученія св. Іоанна, и это должно теперь сдѣлать для насъ яснымъ, на какихъ основаніяхъ утверждаетъ св. Іоаннъ д о л г ъ т в о р и т ь м и л о с т ы н ю. Первое такое основаніе—в о л я Б о ж і я, Б о ж е с т в е н н а я з а п о в ѣ д ь людямъ, которая поставляетъ милостыню и вообще дѣла милосердія на первое мѣсто среди нашихъ добродѣтелей. Поэтому, когда человѣкъ творитъ милостыню, то онъ какъ бы непосредственно служитъ Богу, исполняетъ повелѣнія своего Господина; давая деньги бѣднымъ, человѣкъ какъ бы возвращаетъ Богу, данное имъ, и являясь въ этомъ случаѣ „вѣрнымъ домоправителемъ“, имѣетъ дерзновеніе ожидать н а г р а д ы о т ъ Б о г а и п р о щ е н і я с в о и х ъ г р ѣ х о в ъ. Данныя для такого утвержденія долга творить милостыню св. Іоаннъ находитъ какъ въ свидѣтельствахъ новозавѣтнаго, такъ и ветхозавѣтнаго Откровенія. Для христіанъ же эта божественная заповѣдь получаетъ новый смыслъ и освѣщеніе въ Лицѣ и ученіи Христа Спасителя. Оказывая благодѣяніе неимущему, человѣкъ не только благотворитъ ради Бога, и по Его заповѣди, но о к а з ы в а е т ъ м и л о с т ь и л ю б о в ь С а м о м у Х р и с т у, Который въ образѣ нищихъ приходитъ къ намъ, прося помощи и состраданія. Эта собственно христіанская точка зрѣнія занимаетъ въ уясненіи св. Іоанномъ религіозной основы долга творить милостыню центральное положеніе и раскрывается св. отцомъ съ поражающею яркостію образовъ и силою выраженія.

---

[1]) Бесѣда XXI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 247—248. [2]) Бесѣда II „о статуяхъ“, т. 2, стр. 37.

Таковы религіозныя основанія долга для вѣрующихъ творить милостыню. Неразрывно съ ними мыслятся св. отцомъ и гуманныя основанія. Если любовь къ Богу неотдѣлима отъ любви къ ближнимъ, и воля Божія всегда есть высшее благо для человѣка, то несомнѣнно, что и воля Божія относительно долга творить милостыню утверждается на любви Божественной къ людямъ, имѣетъ въ виду ихъ благо и спасеніе, отвѣчаетъ запросамъ души и лучшимъ стремленіямъ нашей воли. И св. Іоаннъ даетъ всестороннее уясненіе собственно гуманныхъ основъ долга творить милостыню. Первое основаніе такого рода—это естественное чувство любви и состраданія къ себѣ подобному нуждающемуся брату. И этотъ голосъ сердца утверждается и голосомъ разума: разумъ говоритъ, что нѣтъ правды въ томъ, когда одинъ терпитъ скорбь отъ лишенія, а другой живетъ въ излишнемъ довольствѣ, и указываетъ путь къ правдѣ въ щедрой милостынѣ, какъ избавленіи отъ невзгодъ бѣдности.

Таковы, на нашъ взглядъ, основанія долга творить милостыню въ системѣ этическихъ воззрѣній св. Іоанна Златоустаго. Теперь мы и переходимъ къ уясненію этихъ основаній, начиная рѣчь свою съ основаній собственно религіозныхъ.

Милостыня—долгъ христіанина прежде всего потому, что она заповѣдана Богомъ. „Богъ—говоритъ св. Іоаннъ—много печется объ оказаніи милосердія... Онъ и въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ даетъ множество законовъ объ этомъ, повелѣвая быть милосердымъ всячески—и словами, и деньгами, и дѣлами. Моисей весьма часто говоритъ объ этомъ въ своихъ узаконеніяхъ; пророки отъ лица Божія вопіютъ: *милости хощу, а не жертвы*, и апостолы всѣ, согласно съ ними, и дѣлаютъ и говорятъ“. „Самъ Богъ такъ печется объ этомъ, что, когда Онъ пришелъ и облекся плотію, и жилъ съ бѣдными, то не отрекся и не почелъ за стыдъ Самому заботиться о бѣдныхъ..., но повелѣлъ ученикамъ Своимъ имѣть ящикъ, носить, что̀ туда опускали, и изъ этихъ денегъ помогать бѣднымъ“ [1]). Благотворящій бѣдному, поэтому, уподобляется Самому Богу, „насколько возможно человѣку сдѣлаться подобнымъ Богу“ [2]). „Человѣколюбивый Богъ—поучаетъ святитель—для того далъ тебѣ много..., чтобы, по апостольскому увѣщанію, твой избытокъ восполнялъ недостатки другихъ [3]). Какое будемъ имѣть оправданіе или извиненіе мы, которые не хотимъ, ради данной отъ Бога заповѣди, ради вѣчной и нескончаемой славы, пожертвовать малѣйшую часть... Какими глазами мы будемъ смотрѣть на Судію, пренебрегая столь легкую заповѣдь?“ [4]). Тяжкаго

---

[1]) Бесѣда „о милостынѣ“, т. 3, стр. 273—274. [2]) Бесѣда на 2 Кор., IV, 13, т. 3, стр. 293. [3]) 2 Кор., VIII, 14. [4]) Бес. XX на кн. Бытія, т. 4, стр. 185—186

ли или обременительнаго чего-нибудь требуетъ отъ насъ Господь? Онъ хочетъ, чтобы мы избытокъ сверхъ необходимаго сдѣлали для себя пригоднымъ, чтобы мы сами хорошо распредѣлили то, что понапрасну и безъ нужды лежитъ въ нашихъ кладовыхъ, дабы это послужило для Него поводомъ къ дарованію намъ свѣтлаго вѣнца. Онъ поспѣшаетъ Самъ и понуждаетъ насъ, и направляетъ къ тому, чтобы удостоить насъ обѣщанныхъ Имъ Самимъ благъ... Зная, что Ему угодно, что пріятно, то и будемъ дѣлать“ [1]). Богъ есть „первый Учитель милостыни“ и Самъ еѐ постоянно намъ оказываетъ [2]). Безъ милостыни... все нечисто, все безполезно; безъ нея теряется большая часть добродѣтели. *Не любяй брата своего*, говоритъ апостолъ, *не позна Бога*. Какъ же ты любишь его, если не хочешь подѣлиться съ нимъ чѣмъ-нибудь изъ этихъ малыхъ и ничтожныхъ благъ?... Милосердіе и сострадательность—вотъ чѣмъ мы можемъ уподобиться Богу, а когда мы не имѣемъ этого, то не имѣемъ ничего. Не сказалъ Господь: если будете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказалъ: если станете соблюдать дѣвство, или если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему... Но что: *будите милосерди*, говоритъ, *якоже Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ*! Это—дѣло Божіе. Если же ты не имѣешь этого, то что же имѣешь?“ [3]).

Итакъ, творить милостыню—долгъ христіанина потому, что это—заповѣдь Божія, Его воля. Исполнять волю Божію, само по себѣ есть величайшее благо для вѣрующаго, такой священный долгъ его, что, „если за такое дѣло (угодное Богу) надлежало впасть въ геенну, то и тогда слѣдовало бы.. съ великою готовностію приниматся за дѣланіе добра“ [4]). „Всякое доброе дѣло надо дѣлать, имѣя въ виду не царство, а волю Божію, которая больше всякаго Царства“ [5]).

Такимъ образомъ, св. Іоаннъ Златоустый утверждаетъ обсолютное обязывающее значеніе для совѣсти вѣрующихъ воли Божіей. Но св. отецъ вообще никогда не останавливается только на такой принципіальной точкѣ зрѣнія, а всегда неразрывно съ нею утверждается и на мысли о великихъ благахъ милостыни для самого благотворящаго. И это какъ въ виду немощи людей, такъ и въ виду истинной природы самой воли Божіей. „Сурова добродѣтель, но будемъ представлять еѐ облеченною въ величіе будущихъ обѣтованій. Люди съ душею возвышенною находятъ еѐ и безъ этого, саму по себѣ, прекрасною и потому стремятся къ ней, живутъ добродѣтельно не изъза наградъ, а для угожденія Богу..., потому что такъ повелѣлъ Богъ. Если же кто болѣе немощенъ, тотъ пусть представляетъ себѣ и на-

---

[1]) Бесѣда LV на кн. Бытія, т 4, стр. 593—595. [2]) Бесѣда LXXI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 724. [3]) Бесѣда VI на 2 Тим., т. XI, стр. 799. [4]) „О сокрушеніи“, т. 1, стр. 159. [5]) Бесѣда XLIII на 1 Кор , т. 10, стр. 443.

грады. Такъ будемъ поступать и по отношенію къ милостынѣ... Если пріятной тебѣ покажется любостяжательность,—подумай, что на это не соизволяетъ Христосъ, и она тотчасъ покажется тебѣ противною. Опять, если тебѣ тяжело будетъ подать нищему, то ты не останавливайся мыслію на издержкѣ, а тотчасъ же представь себѣ жатву отъ этого сѣянія“ [1]). Поэтому, хотя мысль о наградѣ есть свидѣтельство нѣкотораго несовершенства духовнаго, но однако она не находится въ противорѣчіи съ волей Божіей, какъ имѣющей въ виду наше благо. Такъ вообще, такъ и частнѣе въ отношеніи милостыни: „Богъ предписалъ заповѣдь о милостынѣ не столько для бѣдныхъ, сколько для самихъ подающихъ“ [2]). Вотъ эта именно мысль и оттѣняется съ особою силою проповѣдникомъ и является въ его ученіи какъ бы вторымъ основаніемъ долга творить милостыню и вмѣстѣ побужденіемъ къ ней. Жалуясь постоянно на жестокосердіе своихъ слушателей, св. Іоаннъ самымъ душевнымъ ихъ настроеніемъ побуждаемъ былъ къ тому, чтобы бесѣдовать съ ними, какъ съ „несовершенными“, и особенно подчеркивать ту сторону долга творить милостыню, по которой исполненіе этого долга ведетъ къ великой наградѣ и небеснымъ вѣнцамъ. Мы уже во второй главѣ имѣли случай сдѣлать замѣчаніе по поводу той постановки рѣчи о небесной наградѣ за милостыню, которая можетъ подать поводъ обвинять проповѣдь св. Іоанна Златоустаго въ утилитарномъ характерѣ. Теперь мы яснѣе видимъ, что св. Іоаннъ самъ ясно опредѣлилъ сравнительное достоинство побужденій творить милостыню, и мысль о наградѣ отнесъ къ низшимъ. Въ его бесѣдахъ рѣчь о наградахъ за милостыню занимаетъ хотя и не первое мѣсто,—какъ намъ кажется, съ наибольшею силою выдвигаетъ св. Іоаннъ мысль о Господѣ Іисусѣ Христѣ, какъ основаніи христіанскаго долга творить милостыню,—но безспорно очень часто проповѣдникъ обращается къ рѣчи о „выгодности“ милостыни, имѣя въ виду настроеніе своихъ пасомыхъ. Вотъ, напримѣръ, какъ самъ св. отецъ опредѣляетъ побужденія творить милостыню, именно четыре побужденія: „достоинство просящаго—потому что просящій есть Владыка; потребность нужды—потому что онъ алчетъ; легкость подаянія—потому что Онъ проситъ напитать Его и требуетъ только хлѣба, а не роскоши и величія дара—потому что за эту малость Онъ обѣщаетъ Царство. Ты безчеловѣченъ, жестокъ и немилостивъ? Постыдись, говоритъ онъ, достоинства Того, Кто проситъ. Но тебя не пристыжаетъ Его достоинство? Тронься несчастіемъ. Но и несчастіе не преклоняетъ тебя на милость? Подай по легкости прошенія. Но ни достоин-

---

[1]) Бес. LXXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 516—517. [2]) Бес. XXI на 1 Кор., т. 10, стр. 211.

ство, ни потребность нужнаго, ни удобство подаянія не можетъ убѣдить тебя? Подай же нуждающемуся ради величія обѣщанныхъ за это благъ“ [1]). Какъ видимъ, послѣднее побужденіе есть именно мысль о небесной наградѣ. „Не будемъ думать—говоритъ св. отецъ ниже въ этой же бесѣдѣ,—что у насъ уменьшается имущество, когда мы подаемъ милостыню. Оно не уменьшается, но возрастаетъ; не издерживается, но умножается; происходящее есть нѣкоторый оборотъ и сѣяніе, или—лучше—оно выгоднѣе и безопаснѣе того и другого. Торговля подвергается и вѣтрамъ, и морскимъ волнамъ и многимъ кораблекрушеніямъ, а сѣмена и засухамъ, и проливнымъ дождямъ, и другимъ неровностямъ воздуха. Деньги же, повергаемыя въ руки Христовы, выше всякаго замысла. Никто не можетъ исхитить изъ рукъ взявшаго данное однажды, но оно тамъ остается, производя многіе и неизреченные плоды и принося намъ въ свое время богатую жатву“ [2]). И подобныя мысли множество разъ повторяются св. Іоанномъ. „Считай милостыню—побуждаетъ онъ—не за расходъ, а за приходъ, не за ущербъ, а за пріобрѣтеніе, потому что чрезъ нее ты больше получаешь, чѣмъ даешь. Ты даешь хлѣбъ, а получаешь жизнь вѣчную; даешь одежду, а получаешь одѣяніе безсмертія; даешь пристанище подъ своимъ кровомъ, а получаешь Царство Небесное; даешь блага погибающія, а получаешь блага постоянно пребывающія“ [3]). Жизнь, съ этой точки зрѣнія, представляется св. отцу какъ бы торжищемъ, на которомъ покупаютъ блага будущей жизни. „Теперь—говоритъ святитель—отверзлось торжище милостыни: мы видимъ плѣнниковъ и нищихъ..., видимъ вопіющихъ, видимъ плачущихъ, видимъ стонущихъ; дивное торжище принадлежитъ намъ... Пріобрѣти оправданіе не дорогою цѣною, чтобы за дорогую продать его впослѣдствіи, если только воздаяніе можно назвать перепродажею. Здѣсь оправданіе покупается недорогою цѣной: ничего нестоющимъ кускомъ хлѣба, дешевой одеждой, чашей холодной воды... Итакъ, доколѣ будутъ лежать передъ нами добродѣтели, которыя можно пріобрѣсть недорогою цѣной, возьмемъ ихъ, восхитимъ, купимъ у Великощедраго!... Доколѣ предлежитъ торгъ, купимъ милостыню, лучше же сказать—милостынею купимъ спасеніе... *Милуяй нища, взаймы даетъ Богови.* Дадимъ взаймы Богу милостыню, чтобы воспріять отъ Него милосердое воздаяніе. О, сколь мудро это изреченіе... Знало Писаніе наше корыстолюбіе, подмѣтило, что алчность наша, питаемая любостяжаніемъ, ищетъ излишества; для того и сказало оно не просто: милуяй нищаго даетъ Богу, дабы ты не подумалъ, что дѣло идетъ о про-

---

[1]) Бесѣда на 1 Тим., V, 9, т. 3, стр. 347. [2]) Тамъ же, стр. 340. [3]) Бес VIII „противъ аномеевъ“, т. 1, стр. 561.

стомъ воздаяніи; но сказано: *милуяй нищa взаймы даетъ Богови.* Если Богъ беретъ у насъ займы, то Онъ уже нашъ должникъ. Итакъ, какимъ же хочешь ты имѣть Его—судіею или должникомъ? Должникъ чтитъ дающаго взаймы... Такъ какъ Богъ зналъ, что бѣднякъ подвергается опасности по своей бѣдности, а имѣющій деньги подвергается опасности за свое жестокосердіе, то сдѣлалъ Себя посредникомъ: для бѣдняка сталъ поручителемъ, а для заимодавца—залогомъ. Не вѣришь ты, говоритъ Онъ, бѣдняку ради его скудости, повѣрь Мнѣ, ради Моего богатства... Будь, говоритъ, благонадеженъ: Мнѣ взаймы даешь. Что же такое пріобрѣту я, если даю Тебѣ взаймы? Поистинѣ, преступнѣйшее дѣло—требовать отчета отъ Бога. Впрочемъ, слѣдуя твоему беззаконію и желая милосердіемъ побѣдить твою жестокость, изслѣдуемъ и это, какую пользу получаешь ты, когда даешь взаймы другимъ? Не на сто ли ищешь одинъ, если ищешь законной лихвы?.. Но Я награждаю большимъ твою страсть къ любостяжанію... Ты ищешь во сто разъ меньшаго, а Я даю тебѣ во сто разъ больше... *Когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы Своея и поставитъ овцы одесную Себе... и речетъ сущимъ одесную Его: пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія міра.* За что? За то, что *взалкахся, и дасте Ми ясти; возжадахся—и напоисте Мя; нагъ* былъ—*и одѣясте Мя; въ темницѣ—придосте ко Мнѣ; боленъ быхъ—посѣтисте Мене; странень былъ—и введосте Мене...* И вотъ что, замѣть, удивительно: ни о какой другой добродѣтели не упоминаетъ Онъ, кромѣ дѣлъ милостыни..., но умалчиваетъ объ этомъ не потому, чтобы недостойно было упоминанія, а потому, что эти добродѣтели ниже милосердія... Итакъ, я поношу жестокосердіе, какъ корень зла и всякаго нечестія, хвалю милосердіе, какъ корень всѣхъ благъ,—и однимъ угрожаю огнемъ вѣчнымъ, а другимъ обѣщаю Царство Небесное. Хороши, Владыко, и обѣтованія Твои, прекрасно и Твое ожидаемое Царство, равно полезна и геенна, которою Ты угрожаешь; одно—потому, что поощряетъ насъ, другая—потому, что устрашаетъ... Богъ угрожаетъ мщеніемъ, чтобы мы избѣжали дѣйствительнаго мщенія; устрашаетъ словомъ, чтобы не покарать самымъ дѣломъ“ [1]).

И сравненіе милостыни съ куплею небесныхъ благъ, равно какъ съ займомъ Богу весьма обычно у св. Іоанна. Такой же смыслъ имѣетъ сравненіе милостыни съ сѣяніемъ, также любимое св. Іоанномъ, съ пріобрѣтеніемъ друзей на небѣ и т. п.,—сравненія, имѣющія первообразъ въ откровенномъ ученіи. „Потому милостыня называется сѣяніемъ, говоритъ, напримѣръ, святитель, что она есть не расходъ, а прибытокъ; ты, когда приступаешь къ сѣянію, не обра-

[1]) Бесѣда VII „о покаяніи“, т. 2, стр. 370—373.

щаешь вниманія на то, что издерживаешь запасъ прежнихъ произведеній, а имѣешь въ виду еще несуществующую жатву будущихъ произведеній, притомъ не зная, что все будетъ въ твою пользу... Итакъ, зная это, будемъ смотрѣть, подавая милостыню, не на расходъ, а на прибытокъ и на будущія надежды и даже настоящую выгоду, потому что милостыня доставляетъ не только Царство Небесное, но и въ настоящей жизни безопасность и избытокъ. Кто сказалъ это? Самъ Тотъ, Кто властенъ сдѣлать это. Подающій изъ своего имѣнія бѣднымъ, сказалъ Онъ, *сторицею приметъ* въ этомъ вѣкѣ *и животъ вѣчный наслѣдитъ*. Видишь ли воздаянія съ великимъ изобиліемъ подаваемыя въ той и другой жизни? Не будемъ же медлить и уклоняться, но каждый день будемъ приносить плоды милостыни, чтобы у насъ и настоящія дѣла текли благополучно, и достигнуть намъ будущей жизни“ [1]) „Пока есть еще время, будемъ сѣять, чтобы пожать. Когда наступитъ зима, когда по морю нельзя уже будетъ плавать, тогда и купля эта уже не будетъ въ нашей власти. А когда наступитъ зима? Тогда, когда наступитъ тотъ великій и славный день... Теперь—время сѣянія, а тогда—время жатвы и собиранія. Если бы кто во время сѣянія не бросалъ сѣмянъ, а сталъ сѣять во время жатвы,—тотъ, кромѣ того, что не получилъ бы ничего, еще былъ бы осмѣянъ. Если же настоящее время есть время сѣянія, то теперь-то и должно не собирать, а расточать. Станемъ же расточать, чтобы собрать... Не упустимъ удобнаго времени, а сдѣлаемъ обильный посѣвъ, и не пощадимъ ничего своего, чтобы получить обратно съ большимъ воздаяніемъ“ [2]). *„Сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ*. Итакъ, что ты скупишься? Сѣяніе ужели есть трата, ужели убытокъ? Нѣтъ! это доходъ и прибыль. Гдѣ сѣяніе, тамъ и жатва; гдѣ сѣяніе, тамъ и приращеніе. Воздѣлывая тучную и мягкую землю, которая можетъ принять въ себя много сѣмянъ, ты засѣваешь ее всѣми своими сѣменами и берешь еще взаймы у другихъ, потому что скупость въ этомъ случаѣ считаешь убыткомъ. А когда надо воздѣлывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемѣнѣ, и все ввѣренное ему несомнѣнно возрастетъ съ большимъ приращеніемъ, ты лѣнишься, медлишь, и не думаешь о томъ, что сберегая—теряешь, а расточая—пріобрѣтаешь. Итакъ, сѣй, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; разсыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы пріобрѣсть. Хотя бы и нужно было что сберечь, ты не береги, потому, что непремѣнно это погубишь, а поручи Богу, у Котораго никто не похититъ. Самъ не торгуй, потому что не умѣешь получать прибыли; но большую часть капитала от-

---

[1]) Бесѣда на 2 Кор, IV, 13, т. 3, стр. 296. [2]) Бесѣда XXV на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 166—167

дай взаймы Тому, Кто даетъ ростъ, отдай взаймы туда, гдѣ нѣтъ ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха; отдай взаймы Тому, Кто самъ ни въ чемъ не нуждается... Отдай взаймы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь, вмѣсто смерти. За такой только ростъ можешь пріобрѣсть себѣ Царство, а за всякій другой получишь геенну" [1]).

Такимъ образомъ уже ясно выступаютъ два основанія долга творить милостыню: воля Божія, требующая отъ насъ сострадательнаго отношенія къ бѣднымъ, и наше вѣчное благо, неразрывно связанное съ исполненіемъ этой Божеской воли. Но, какъ мы сказали, наиболѣе ярко и убѣдительно обосновываетъ св. Іоаннъ долгъ каждаго христіанина творить милостыню и побуждаетъ къ этому на основѣ нашей любви ко Христу Спасителю. Въ Его лицѣ, именно, святитель указываетъ тотъ духовный центръ христіанской жизни, отъ котораго исходятъ всѣ христіанскія добродѣтели и, въ частности, милостыня: „не только при раздачѣ милостыни, но и во всякой добродѣтели, говоритъ св. Іоаннъ, помышляй не о суровости трудовъ, но о сладости наградъ, а прежде всего имѣй въ виду Господа нашего Іисуса, для Котораго предпринимаешь тѣ или другіе подвиги,—и ты легко выйдешь на подвиги и въ радости проведешь все время жизни" [2]). При этомъ, какъ исполненіе воли Божіей неразрывно соединяется съ истиннымъ благомъ вѣрующаго, такъ и служеніе Христу приводитъ къ вѣчному блаженству. Но уже центръ тяжести не столько въ наградѣ за служеніе Христу, сколько въ живомъ сознаніи долга благодарной любви ко Христу, необходимо проявляющейся въ милосердіи къ бѣднымъ. „Постараемся—умоляетъ проповѣдникъ—возлюбить Христа. Ничего другого Христосъ, по Его же изреченію [3]), и не требуетъ отъ тебя, какъ любви къ Нему отъ всего сердца и исполненія Его заповѣдей. Кто любитъ Его такъ, какъ должно любить, тотъ, конечно, старается уже и заповѣди Его соблюдать,—потому, что, если кто искренно расположенъ къ кому, то старается все дѣлать, чѣмъ можетъ привлечь къ себѣ любовь возлюбленнаго. Такимъ образомъ и мы, если истинно возлюбимъ Господа, будемъ и заповѣди Его исполнять и не станемъ дѣлать ничего такого, что можетъ раздражить Возлюбленнаго. Удостоиться любить Его искренно и какъ должно—это Царство Небесное, это—вкушеніе богатства, въ этомъ—блага неисчислимыя. А наша любовь къ Нему будетъ искренняя тогда, когда, по любви къ Нему, мы будемъ оказывать любовь и своимъ ближнимъ... Кто любитъ

---

[3]) Бесѣда на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 58—59; сравн. бесѣду XX на Ев. Матѳея т. 7, стр. 240—241; бес. на псал. CL, т. 5, стр. 564; бес. „къ вѣрующему отцу", т. 1, стр. 110, бес. XX на кн. Бытія, т. 4, стр. 186 и мн. др. [2]) Бесѣда XII на Кор., т. 10, стр. 586. [3]) Мѳ XXII, 37

Бога, тотъ не будетъ презирать брата своего, не будетъ предпочитать богатства своему сочлену, но будетъ дѣлать ему всякое добро, вспоминая о томъ, Кто сказалъ: *сотворивый единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвори.* Помышляя, что услуги, оказанныя ближнему, Самъ Господь всяческихъ усвояетъ Себѣ, онъ будетъ дѣлать все съ великимъ усердіемъ, покажетъ въ милосердіи всю свою щедрость, взирая не на убожество являющагося къ нему человѣка, а на величіе Того, Кто сдѣланное для убогихъ обѣщаетъ усвоить Себѣ Самому“ [1]). Особенной выразительностью и трогательно звучитъ рѣчь св. отца въ томъ случаѣ, когда онъ, какъ бы отождествляетъ нищихъ и ихъ обычныя рѣчи съ лицомъ и словами Господа Іисуса Христа. „Павелъ терпѣлъ все подлинно для Христа—говоритъ въ одной бесѣдѣ святитель—не для царства, не для чести, но изъ любви ко Христу. А насъ ни Христосъ, ни все Христово не отвлекаетъ отъ житейскихъ занятій, но какъ змѣи, какъ ехидны или свиньи, или какъ все это вмѣстѣ, мы пресмыкаемся въ грязи. Чѣмъ мы лучше этихъ животныхъ, когда имѣя столь многіе и великіе примѣры, все еще смотримъ внизъ и даже немного не можемъ посмотрѣть на небо? Богъ за тебя предалъ Сына, а ты не даешь и хлѣба Ему, за тебя преданному, за тебя убіенному. Отецъ для тебя не пощадилъ Его, не пощадилъ, притомъ, истиннаго Своего Сына, а ты не обращаешь и вниманія на Него, когда Онъ томится голодомъ, и притомъ готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что можетъ быть хуже такого беззаконія? Ради тебя преданъ, ради тебя умерщвленъ, ради тебя странствуетъ, терпя жажду, ты даешь изъ Его же собственности, чтобы получить отъ этого пользу, но ты, несмотря и на это, не даешь ничего. Не безчувственнѣе ли всякаго камня тѣ, которые, при столькихъ побуждающихъ обстоятельствахъ, остаются въ такой діавольской жестокости. Христосъ не ограничился только смертью и крестомъ, но благоизволилъ сдѣлаться нищимъ, странникомъ, безпріютнымъ, нагимъ, быть заключеннымъ въ темницу, терпѣть болѣзни, чтобы хотя этимъ привлечь тебя къ себѣ. Если ты не воздаешь Мнѣ за то, что Я страдалъ за тебя, говоритъ Онъ, то сжалься надо Мною ради нищеты. Если не хочешь сжалиться надъ нищетою, тронься Моею болѣзнью, умилосердись ради узъ; если же и это не склоняетъ тебя къ человѣколюбію, обрати вниманіе на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлѣба, пріюта и утѣшительнаго слова А если и послѣ этого остаешься жестокимъ, то сдѣлайся добрѣе хотя бы ради царства, ради наградъ, которыя Я обѣщалъ тебѣ. Но и онѣ не имѣютъ для тебя значенія? Такъ склонись жалостью хотя бы къ самому естеству, видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую

[1]) Бесѣда LV на кн. Бытія, т. 4, стр. 59.

Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю въ лицѣ нищихъ. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое-нибудь милосердіе; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голодъ, жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или другимъ, привлечь тебя къ Себѣ и для твоего же спасенія сдѣлать тебя человѣколюбивымъ. Потому, хотя ты и обязанъ Мнѣ воздаяніемъ за безчисленныя благодѣянія, но Я не прошу у тебя, какъ у должника, а вѣнчаю тебя, какъ за даръ, и за это малое дарю тебѣ царство. Я не говорю: избавь Меня отъ нищеты, или дай Мнѣ богатство, хотя именно для тебя Я обнищалъ; но прошу только хлѣба, одежды, небольшого утѣшенія въ голодѣ. Когда нахожусь въ темницѣ, Я не принуждаю снять съ Меня узы и вывести изъ темницы, но ищу только одного, чтобы ты навѣстилъ связаннаго за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебѣ небо. Хотя Я избавилъ тебя отъ самыхъ тяжкихъ узъ, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидѣть Меня связаннаго. Конечно, Я и безъ этого могу увѣнчать тебя, однакоже хочу быть должникомъ твоимъ, чтобы вѣнецъ принесъ тебѣ и нѣкоторое дерзновеніе. И потому, имѣя возможность пропитать самъ Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоихъ и простираю руку. Я желаю отъ тебя именно получить пропитаніе, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь къ твоей трапезѣ, какъ это и бываетъ у друзей, и хвалюсь этимъ предъ лицомъ цѣлой вселенной, возвѣщаю о тебѣ постоянно во услышаніе всѣхъ и показываю всѣмъ Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываемъ, но сильно насъ любящій Христосъ, хотя бы мы и молчали, всѣмъ разсказываетъ о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одѣли Его, когда Онъ былъ нагъ, накормили, когда Онъ былъ голоденъ. Размысливъ о всемъ этомъ, не остановимся на однѣхъ только похвалахъ, но исполнимъ слова наши на дѣлѣ“ [1]). „Не столько заимодавецъ радуется тому, что имѣетъ должниковъ, сколько веселится Христосъ, имѣя заимодавцевъ; кому Онъ ничего не долженъ, отъ тѣхъ бѣжитъ прочь, а кому долженъ, къ тѣмъ притекаетъ. Итакъ, станемъ дѣлать все, чтобы имѣть Его должникомъ своимъ,—теперь самое удобное время давать взаймы, теперь настаетъ въ этомъ нужда. Если не дашь Ему теперь, то послѣ удаленія отсюда Онъ не будетъ уже имѣть въ тебѣ нужды. Здѣсь Онъ жаждетъ, здѣсь алчетъ; жаждетъ же потому, что жаждетъ твоего спасенія; вслѣдствіе этого Онъ и проситъ, вслѣдствіе этого Онъ и ходитъ

[1]) Бес. XV на посл. къ Римл., т. 9, стр. 687—688.

нагъ, приготовляя тебѣ безсмертную жизнь. Итакъ, не презри Его: не Самъ напитаться Онъ хочетъ, но напитать тебя, не Самъ одѣться, но одѣть тебя и приготовить тебѣ ту золотую ризу, царскую одежду. Не видѣлъ ли ты, что наиболѣе заботливые врачи, когда моютъ больныхъ, и сами моются, хотя это для нихъ и не нужно? Такъ и Христосъ все дѣлаетъ для тебя недужнаго Поэтому Онъ и не насильно требуетъ у тебя, чтобы дать тебѣ большое вознагражденіе, чтобы ты понялъ, что Онъ требуетъ не Своей нуждѣ, а для исправленія твоей нужды. Для того Онъ приходитъ къ тебѣ въ бѣдномъ одѣяніи, протягивая десницу, и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходитъ, если укоришь, но приступаетъ къ тебѣ снова, такъ какъ Онъ желаетъ, сильно желаетъ нашего спасенія. Итакъ, станемъ презирать имущество, чтобы не быть и намъ презрѣнными отъ Христа; станемъ пренебрегать богатствомъ, чтобы пріобрѣсти его. Если мы будемъ беречь его здѣсь, то несомнѣнно погубимъ и здѣсь и тамъ, а если будемъ раздавать его со многою щедростью, то въ той и другой жизни насладимся великимъ благополучіемъ. Потому, желающій сдѣлаться богатымъ, пусть сдѣлается нищимъ, чтобы быть богатымъ,—пусть тратитъ, чтобы собрать, и расточаетъ, чтобы соединить“ [1]). Невниманіе къ нуждающемуся брату, отказъ отъ помощи бѣдному, это есть—съ точки зрѣнія св. Іоанна—выраженіе неблагодарности ко Христу, отреченіе отъ Его любви. „Если,—говоритъ, напримѣръ, святитель—при входѣ Христа во Іерусалимъ, одни покрывали одеждою своею ослицу, на которой Онъ сидѣлъ, а другіе постилали одежды ей подъ ноги, то неужели мы, которымъ повелѣно не только снимать одежды съ себя, но и истощать все свое ради другихъ, не окажемъ никакой щедрости, видя Его обнаженнымъ? Тамъ народъ впереди и позади сопровождалъ Его: зачѣмъ же мы отсылаемъ Его, даже прогоняемъ оскорбленіемъ, когда Онъ самъ приходитъ къ намъ? Какого это достойно наказанія, какого отмщенія! Приходитъ къ тебѣ нуждающійся Владыка, а ты не хочешь и выслушать его просьбы, но еще осуждаешь и поносишь Его, слыша такія слова Его“ [2]). „Онъ охотно алчетъ, чтобы напитать тебя; странствуетъ въ наготѣ, чтобы доставить тебѣ возможность получить одежду нетлѣнія. Но вы, несмотря и на это, не удѣляете ничего изъ своего имѣнія. Ваши одежды или снѣдаются молью, или составляютъ тяжесть для сундуковъ и лишнюю заботу для владѣтелей; а Кто даровалъ и это и все прочее, Тотъ скитается нагимъ“ [3]). „Одѣнемъ Его здѣсь, чтобы и Онъ не оставилъ насъ обнаженными безъ своего покрова. Если мы напоимъ Его здѣсь, то не

---

[1]) VII Бесѣда на посл. къ Римл., т. 9, стр. 565—566. [2]) Бесѣда LXVI на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 677. [3]) Бесѣда XXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 177.

скажемъ, подобно богатымъ: *послиЛазаря, да омочитъ конецъ перста и устудитъ языкъ нашъ опаляемый*[1]). Если и мы примемъ Его здѣсь, въ свои домы, то Онъ уготовитъ для насъ тамъ много обителей. Если придемъ къ Нему въ темницу, то и Онъ освободитъ насъ отъ узъ. Если введемъ Его къ себѣ, какъ странника—и Онъ не оставитъ насъ странствовать внѣ Царствія Небеснаго, но воздастъ за то горній градъ. Если посѣтимъ Его въ болѣзни—скоро и Онъ освободитъ насъ отъ немощей нашихъ. Итакъ, получая много, даже тогда, когда даемъ немного, будемъ давать по крайней мѣрѣ немного, чтобы пріобрѣсть много"[2]). „Устыдимся же Его любви, устыдимся Его безмѣрнаго человѣколюбія—увѣщеваетъ св. отецъ. Онъ для насъ не пощадилъ даже Единороднаго Сына, а мы бережемъ и деньги, себѣ же на зло. Онъ предалъ за насъ истиннаго Сына Своего; а мы ни ради Его, ни даже ради себя не хотимъ дать и серебра. Какъ можемъ за это получить прощеніе? Если мы видимъ человѣка, подвергающагося за насъ опасностямъ и смерти, то предпочитаемъ его всѣмъ другимъ, причисляемъ его къ первымъ своимъ друзьямъ, отдаемъ ему все свое,—говоримъ, что это принадлежитъ ему болѣе, чѣмъ намъ, и при всемъ томъ не думаемъ, что мы воздали ему достойнымъ образомъ. А ко Христу мы не имѣемъ благодарности даже и въ этой мѣрѣ. Онъ положилъ за насъ душу Свою,—Онъ пролилъ за насъ драгоцѣнную кровь Свою,—за насъ неблагодарныхъ, не добрыхъ; а мы не расточаемъ и денегъ для своей же пользы, но презираемъ Его въ наготѣ и странничествѣ, Его, Который умеръ за насъ. Кто же исхититъ насъ отъ будущей казни? Если бы не Богъ, а мы сами наказывали себя, то не произнесли бы мы приговоръ на себя самихъ? Не осудили-ль бы себя на геенскій огонь за то, что презираемъ Положившаго за насъ душу Свою, тогда какъ Онъ истаеваетъ отъ голода? И что говорить о деньгахъ? Если бы мы имѣли въ себѣ по тысячи душъ, не должны ли были бы положить всѣ души за Него? Впрочемъ, и такимъ образомъ мы не сдѣлали бы еще ничего, достойнаго Его благодѣяній. Кто прежде благодѣтельствуетъ, тотъ обнаруживаетъ въ себѣ явную доброту, а кто получилъ благодѣяніе, тотъ, какъ бы ни воздавалъ за него, воздаетъ только должное и не заслуживаетъ благодарности,—особенно, когда начавшій благодѣтельствовать оказываетъ благодѣяніе врагамъ... Но и это насъ не трогаетъ, мы до такой степени неблагодарны, что рабовъ и муловъ, и коней, облекаемъ въ золотые уборы, а Господа, скитающагося въ наготѣ, переходящаго отъ дверей къ дверямъ, стоящаго на распутіяхъ и простирающаго къ намъ руки, мы презира-

---

[1]) Луки XVI, 24. [2]) Бесѣда XXV на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 166.

емъ, а часто смотримъ на Него суровыми глазами“ [1]). И въ своемъ олицетворенiи отношенiя къ нищимъ съ отношенiемъ ко Христу Спасителю св. Iоаннъ Златоустый доходитъ до высшаго предѣла, когда жестокосердiе къ бѣдствующимъ характеризуетъ, какъ преданiе Христа[2]), а милостыню разсматриваетъ въ качествѣ величайшей жертвы, приносимой на святѣйшемъ жертвенникѣ—Тѣлѣ Христовомъ. „Хочешь ли видѣть—спрашиваетъ св. отецъ—жертвенникъ Милосердаго? Не Веселеилъ соорудилъ его и не другой кто, но Самъ Богъ, не изъ камней, но изъ вещества, которое свѣтлѣе самаго неба—изъ разумныхъ душъ... Жертвенникъ этотъ созданъ изъ самыхъ членовъ Христовыхъ; и Тѣло Самого Владыки служитъ тебѣ жертвенникомъ. Благоговѣй предъ Нимъ: на Тѣлѣ Владычнемъ ты совершаешь жертву. Этотъ жертвенникъ страшнѣе и новаго, а не только древняго жертвенника. Однакожъ не смущайтесь. Этотъ жертвенникъ чуденъ по причинѣ предлагаемой на немъ жертвы, а тотъ (жертвенникъ милосердаго) удивителенъ и потому, что сооружается изъ той самой жертвы, которая его освящаетъ. Чуденъ этотъ (жертвенникъ) потому, что, будучи по природѣ камнемъ, дѣлается святымъ, такъ какъ принимаетъ Тѣло Христово; а тотъ чуденъ потому, что самъ есть Тѣло Христово. Такимъ образомъ, страшнѣе этого жертвенника тотъ, предъ которымъ предстоишь ты, мiрянинъ. Что въ сравненiи съ этимъ будетъ для тебя Ааронъ? Что кидаръ? Что звонцы? Что святое святыхъ? Да и нужно ли сравнивать (жертвенникъ милосердаго) съ древнимъ жертвенникомъ, когда онъ и въ сравненiи съ этимъ (новозавѣтнымъ) жертвенникомъ оказывается столь блистательнымъ? А ты, между тѣмъ, почитаешь этотъ жертвенникъ, потому что онъ принимаетъ Тѣло Христово, и унижаешь тотъ жертвенникъ, который есть самое Тѣло Христово, и не обращаешь вниманiя, когда онъ разрушается. Такой жертвенникъ ты можешь видѣть вездѣ—и на улицахъ, и на площадяхъ, ежечасно можешь приносить на немъ жертву, потому что и здѣсь освящается жертва“ [3]).

До сихъ поръ мы излагали взглядъ св. Iоанна Златоустаго на религiозныя основанiя обязанности христiанъ творить милостыню. Эта сторона раскрыта св. отцемъ болѣе подробно, чѣмъ основанiе долга творить милостыню собственно гуманнаго характера, и именно такой взглядъ на милостыню обусловливаетъ то великое значенiе,

---

[1]) Бесѣда XXVII на Ев. Iоанна, т 8, стр. 176—177. [2]) Напр., бесѣда XLVII на Ев. Iоанна, т. 8, стр. 314, ‚будемъ бояться, чтобы намъ чрезъ сребролюбiе не сдѣлаться подражателями Iудѣ Ты не предаешь Христа, но когда презираешь нищаго, истаевающаго отъ голода или гибнущаго отъ холода, навлекаешь на себя то же осужденiе“. [3]) Бесѣда XX на 2 Кор , т. 10, стр. 647—648, сравн. рѣчь св Iоанна въ бесѣд. L на на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 522—523.

какое усвояетъ ей св. Іоаннъ, что уже было раньше отмѣчено. Но и собственно гуманныя побужденія къ милостынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основанія ея обязательности не остаются въ тѣни въ бесѣдахъ святителя. Эти гуманныя основанія у святителя указаны двухъ главныхъ родовъ: во-первыхъ, милостыня является долгомъ для человѣка потому, что каждый имѣющій и не дающій нуждающемуся есть хищникъ и обидчикъ, такъ какъ идеаломъ устроенія человѣческаго общежитія является имущественное равенство всѣхъ или, во всякомъ случаѣ, удовлетворенія насущныхъ потребителей. Это первое основаніе есть выраженіе начала правды. Второе основаніе для долга творить милостыню заключается, по св. отцу, въ природной сострадательности человѣка, благодаря которой ни одинъ человѣкъ, не потерявшій человѣческаго образа, не можетъ безучастно отнестись къ горю и нуждѣ своихъ братьевъ, но побуждается любовью помочь имъ и въ этомъ найти утѣшеніе своей скорби отъ вида страданій.

Останавливаться подробно на раскрытіи перваго основанія намъ не кажется нужнымъ, потому что при изложеніи ученія св. Іоанна о собственности мы видѣли, что отказъ отъ подачи милостыни онъ считалъ видомъ хищничества. „Не удѣлять изъ своего имущества—разсуждалъ святитель—есть то же похищеніе... Итакъ, когда мы не подаемъ милостыни, то будемъ наказаны наравнѣ съ похитителями“ [1]). На мысли же св. отца о состраданіи и естественномъ чувствѣ любви къ себѣ подобнымъ, какъ побужденіи творить милостыню, нужно остановиться болѣе подробно.

Св. Іоаннъ очень опредѣленно указываетъ, что заповѣдь Божія о милосердіи вообще и о милостынѣ въ частности не является чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ для человѣка, но находитъ родной источникъ въ нашемъ сердцѣ, питаясь которымъ, становится внутреннимъ нашимъ достояніемъ, а исполненіе заповѣди—сердечною потребностію. „Богъ не только разуму предоставилъ—говоритъ, напримѣръ, св. Іоаннъ—побуждать насъ къ милосердію, но во многихъ случаяхъ самой природѣ нашей даровалъ власть преклонять насъ къ послѣднему. Такъ отцы и матери оказываютъ милосердіе дѣтямъ, а дѣти—родителямъ; и то бываетъ не только у людей, но и у всѣхъ безсловесныхъ. Такъ братъ оказываетъ милосердіе брату, родственникъ—родственнику, ближній—ближнему, человѣкъ—человѣку. Мы по самой природѣ имѣемъ нѣкоторую наклонность къ милосердію. Потому-то мы и скорбимъ объ обиженныхъ, болѣзнуемъ, смотря на убиваемыхъ, плачемъ при взглядѣ на плачущихъ. Богъ весьма желаетъ, чтобы мы исполняли дѣла милосердія, потому и повелѣлъ природѣ сильнѣе побуждать насъ къ

---

[1]) „О Лазарѣ“, слово II, т. 1, стр. 796.

нимъ, показывая тѣмъ, что Ему весьма любезно милосердіе Итакъ, помышляя объ этомъ, пойдемъ сами и поведемъ дѣтей и ближнихъ нашихъ въ училище милосердія. Человѣкъ всего болѣе долженъ учиться милосердію, потому что оно-то и дѣлаетъ его человѣкомъ *Велика вещь человѣкъ и дорогая мужъ, творяй милость* [1]). Кто не имѣетъ милосердія, тотъ перестаетъ быть и человѣкомъ... И чему дивишься ты, что милосердіе служитъ отличительнымъ признакомъ человѣчества? Оно есть признакъ Божества. *Будите милосерди*, говорится, *якоже Отецъ вашъ*. Итакъ, по всѣмъ этимъ причинамъ научимся быть милосердыми... и не будемъ почитать даже жизнію время, проведенное безъ милосердія. Я говорю о милосердіи, чуждомъ всякаго любостяжанія" [2]). И постоянно въ своихъ бесѣдахъ св. Іоаннъ оттѣняетъ ту мысль, что милостыня должна быть „отъ состраданія" [3]), являться выраженіемъ любви [4]), а главное, въ своихъ непрестанныхъ побужденіяхъ къ милостынѣ св. отецъ всегда стремится подѣйствовать на чувство слушателей, вызвать ихъ состраданіе къ бѣдствующимъ. Достаточно вспомнить, какъ трогательно изображалъ св. Іоаннъ страданія Лазаря въ притчѣ Господа [5]), или же бѣдствіе современныхъ святителю нищихъ, уполномоченнымъ отъ лица которыхъ называетъ себя самъ проповѣдникъ [6]), чтобы видѣть вѣру святителя въ отзывчивость сердца человѣка на видъ страданія и нищеты. Поэтому же такъ горячо обличаетъ св. Іоаннъ роскошь въ жизни христіанъ, усматривая въ ней прямое поруганіе естественнаго чувства сострадательной любви къ ближнимъ. „Когда ты увидишь нищаго, увѣщеваетъ, напримѣръ, св. отецъ, то не отворачивайся отъ него, но тотчасъ подумай, каковъ былъ бы ты самъ, если бы былъ на его мѣстѣ, чего хотѣлъ бы ты получить ото всѣхъ? *Разумѣвай*, говоритъ. Представь, что и онъ свободенъ такъ же, какъ ты, имѣетъ одинаковую съ тобою благородную природу и все у него общее съ тобою; и между тѣмъ его, который не хуже тебя, ты часто не равняешь даже со своими собаками, эти вполнѣ насыщаются хлѣбомъ, а тотъ не рѣдко засыпаетъ голоднымъ, такъ что свободный становится ниже твоихъ рабовъ" [7]). И какой не можетъ быть достойно геенны, все это, когда ты брата, который вмѣстѣ съ тобою сдѣлался участникомъ неизреченныхъ благъ и столько почтенъ отъ Владыки твоего, ввергаешь въ безчисленныя бѣдствія, чтобы украсить

---

[1]) Прит. XV, 6. [2]) Бесѣда LII на Ев. Матѳея, т. 7, стр 542. [3]) Напр., бесѣда XXVIII на Ев. Іоанна, т 8, стр. 490. [4]) Напр., бесѣда VI на посл. къ Титу, т. 11, стр. 880. [5]) Напр., цѣлый рядъ бесѣдъ святителя „о Лазарѣ", т 1, стр. 769—867, сравн. „слово о томъ, что, кто самъ себѣ не вредитъ, тому никто вредить не можетъ", т. 3, стр. 487 и др. [6]) Напр, извѣстная бесѣда св. Іоанна „о милостынѣ, произнесенная послѣ того, какъ онъ (св. Златоустый) въ зимнее время прошелъ и увидѣлъ на площади бѣдныхъ и нищихъ, лежащихъ безъ призрѣнія", т. 3, стр. 263—276. [7]) Бесѣда XI на посл. къ Евр., т. 12, стр. 107

камни, помостъ и безсловесныхъ животныхъ, не сознающихъ этого украшенія? И собака у тебя на большомъ попеченіи, а человѣкъ или, лучше сказать, Христосъ, ради собаки и всего сказаннаго, осуждается на крайній голодъ. Что хуже такого безразличія? Что ужаснѣе такого беззаконія? Сколько будетъ потребно огненныхъ рѣкъ для такой души? Сотворенный по образу Божію стоитъ обезчещенъ вслѣдствіе твоего безчеловѣчія, а головы муловъ, везущихъ твою жену, сіяютъ обильнымъ золотомъ, а также покровы и деревяныя принадлежности балдахина; если нужно сдѣлать стулъ или подножіе, все дѣлается изъ золота и серебра; а тотъ, для кого Христосъ сошелъ съ неба и пролилъ драгоцѣнную кровь, вслѣдствіе твоего корыстолюбія, не имѣетъ у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебромъ, а тѣла святыхъ лишены и необходимаго покрова... А ты, имѣя, кромѣ общей природы, еще тысячи побужденій быть въ тѣсномъ союзѣ съ собственными своими членами, именно—одареніе разумомъ, участіе въ благочестіи, общеніе въ безчисленныхъ благахъ, сдѣлался, однако, грубѣе безсловныхъ животныхъ, обнаруживаешь большую заботу о вещахъ безполезныхъ, и пренебрегаешь храмами Божіими, которые погибаютъ отъ голода и наготы, даже часто самъ подвергаешь ихъ тысячамъ бѣдствій. Если ты поступаешь такъ изъ славолюбія, то подлежало бы тебѣ позаботиться о братѣ больше, чѣмъ о лошади. Вѣдь чѣмъ лучше пользующійся твоимъ благодѣяніемъ, тѣмъ прекраснѣе сплетается тебѣ вѣнецъ за твое усердіе; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь противъ себя тысячи обвинителей“ [1]).

Не будемъ болѣе подробно останавливаться на изложеніи взглядовъ св. Іоанна на общегуманныя основанія долга творить милостыню, такъ какъ эта сторона дѣла выступитъ яснѣе еще далѣе въ изложеніи воззрѣній святителя на свойства милостыни. Теперь же обратимся къ ученію св. Іоанна о всеобщности долга творить милостыню.

Уже изложенное нами ученіе св. Іоанна Златоустаго объ основаніяхъ долга творить милостыню и о побужденіяхъ къ ней заставляетъ предполагать, что св. отецъ усвояетъ долгу творить милостыню всеобщее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если заповѣдь творить милостыню есть заповѣдь Божія и, слѣдовательно, выраженіе Божіей воли [2]); если, далѣе, исполненіе этой заповѣди имѣетъ такое значеніе въ жизни христіанина, что безъ милостыни нельзя войти въ Царство Небесное [3]),—то ясно, что долгъ творить милостыню есть долгъ общехристіанскій. Это одна сторона дѣла, и св. Іоаннъ со всею

---

[1]) Бесѣда XI на посланіе къ Римл., т. 9, стр 615—616. [2]) Бесѣда „о милостынѣ“, т. 3, стр. 273—274. [3]) Напр., бесѣда XXIII на Ев. Іоанна, т. 10, стр. 154.

силою утверждаетъ, что каждый долженъ и можетъ творить милостыню. Но всеобщность этого долга въ ученіи св. Іоанна имѣетъ силу не только въ отношеніи благотворящаго, но и въ отношеніи просящаго, т. е. св. Іоаннъ опредѣленно и чрезвычайно выразительно, даже болѣе того—поразительно ярко подчеркиваетъ долгъ давать всякому просящему, согласно заповѣди Христа Спасителя: *всякому просящему у тебя давай.* Это, такъ сказать, другая сторона въ понятіи всеобщности долга творить милостыню, такъ же логически неизбѣжно вытекающая изъ основъ ученія святителя. Дѣйствительно, если заповѣль Христа о помощи всякому просящему понимается св. отцомъ въ буквальномъ смыслѣ; если всякій нищій олицетворяется святителемъ со Христомъ нуждающимся; если, наконецъ, человѣкъ долженъ въ дѣлѣ милостыни прислушиваться къ сострадательному голосу своего сердца,—то ясно, что нужно давать всякому просящему. И св. отецъ не только утверждаетъ это, но съ удивительною смѣлостью мысли устраняетъ всевозможныя возраженія противъ такого пониманія всеобщности долга давать всякому просящему.

Итакъ, прежде всего, каждый христіанинъ обязанъ и можетъ творить милостыню.

Когда св. Іоаннъ Златоустый постоянно проповѣдывалъ о милостынѣ, убѣждалъ всѣхъ щедро благотворить, говорилъ о значеніи милостыни для спасенія, то всегда могъ у слушателей его возникнуть вопросъ: какое же это отношеніе имѣетъ къ неимущимъ, къ тѣмъ, которые сами вынуждены жить на выпрошенное подаяніе? Какъ они могутъ спастись, если безъ милостыни нельзя войти въ Царство Небесное, если нужно „купить небо“, чтобы его наслѣдовать? Проповѣдникъ не рѣдко самъ ставитъ эти вопросы и отвѣчаетъ на нихъ опредѣленнымъ указаніемъ на то, что долгъ творить милостыню имѣетъ всеобщее значеніе, что никакая бѣдность не можетъ служить препятствіемъ творить милостыню, и что цѣнность послѣдней опредѣляется не количествомъ жертвуемаго, но настроеніемъ благотворителя, и даже денегъ вовсе не нужно для того, чтобы исполнить заповѣдь о милостынѣ. „Заповѣдь о милостынѣ—говоритъ, напримѣръ, св. отецъ—относится не къ богатымъ только, но и къ бѣднымъ: когда бы кто питался, выпрашивая у другихъ, и къ нему относится эта заповѣдь,—потому что нѣтъ, истинно нѣтъ ни одного такого бѣдняка, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, чтобы у него не нашлось двѣ лепты [1]). Слѣдовательно, можно и дающему изъ малаго малое превзойти имѣющихъ много и дающихъ мало, какъ и было съ тою вдовою. Величина милостыни измѣряется не мѣ-

[1]) Марк. XII, 42.

рою подаваемаго, но произволеніемъ и усердіемъ подающихъ. Такъ вездѣ нужно произволеніе, вездѣ любовь къ Богу. Если мы будемъ дѣлать все по ея побужденію, то хотя бы мы давали немного, имѣя немного,—Богъ не отвратитъ лица Своего, но приметъ и малое, какъ великое и необыкновенное. Онъ смотритъ на произволеніе, а не на то, что дается; если видитъ, что оно велико, то обращаетъ на него свое рѣшеніе и приговоръ и дѣлаетъ (подающихъ) участниками вѣчныхъ благъ [1]). И съ этой точки зрѣнія св. Іоаннъ даже находитъ, что бѣдность предрасполагаетъ къ милостынѣ. „Если люди—говоритъ онъ—упоенные богатствомъ, заграждаютъ свой слухъ для моихъ словъ, зато обратятъ на нихъ вниманіе живущіе въ бѣдности. Но какъ, скажешь, идетъ это къ бѣднымъ? Вѣдь у нихъ нѣтъ ни золота, ни многихъ одеждъ? Но у нихъ есть хлѣбъ и холодная вода; есть двѣ лепты и ноги, чтобы посѣтить больныхъ; есть языкъ и слово, чтобы утѣшить несчастнаго; есть домъ и кровъ, чтобы принять странника. Мы и не требуемъ отъ бѣдныхъ столько-то и столько-то талантовъ золота,—этого (требуемъ) только отъ богатыхъ. Если же кто бѣденъ, и прійдетъ къ дверямъ другихъ (бѣдняковъ), отъ того Господь нашъ не постыдится принять и лепту, и даже скажетъ, что принялъ отъ него больше, чѣмъ отъ людей, которые подали много. Какъ многіе изъ предстоящихъ здѣсь желали бы жить въ то время, когда Христосъ во плоти пребывалъ на землѣ, чтобы быть съ Нимъ подъ однимъ кровомъ и раздѣлять съ Нимъ трапезу! Теперь вотъ это возможно: мы можемъ пригласить Его на вечерю и вечерять съ Нимъ даже съ большею пользою. Изъ тѣхъ, которые тогда вечеряли съ Нимъ, многіе погибли, какъ-то: Іуда и другіе подобные“ [2]). „Много или мало—говоритъ въ другой бесѣдѣ святитель—оцѣнивается не количествомъ подаваемаго, а достаткомъ подающаго. Богатый пусть не думаетъ о себѣ много, а бѣдный пусть не унываетъ, какъ подающій мало, потому что часто бѣдный подаетъ и больше богатаго. Вслѣдствіе бѣдности вамъ не слѣдуетъ считать себя несчастными, такъ какъ она даетъ намъ возможность болѣе удобно подавать милостыню, находитъ больше случаевъ дѣлать добро. Онъ безъ труда идетъ въ темницу, посѣщаетъ больныхъ, подаетъ чашу холодной воды, а богачъ, надменный своимъ богатствомъ, не допуститъ себя до этого. Итакъ, не сѣтуй на нищету, потому что нищета даетъ тебѣ большую возможность пріобрѣсти небо. Хотя бы ты и ничего не имѣлъ, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебѣ готова награда. Потому Павелъ повелѣлъ *плакать съ плачущими* [3]), и съ узниками обращаться такъ, какъ бы и мы *были съ ними въ узахъ* [4]). Имѣть

---

[1]) Бесѣда I на посл къ Евр., т. 12, стр. 16. [2]) Бесѣда LIX на Ев. Іоанна, т. 8 стр. 392 [3]) Рим., XII, 15. [4]) Евр, XIII, 3.

многихъ со страждущихъ доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе не только плачущимъ, но и находящимся въ другихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; иногда одно слово можетъ укрѣпить удрученнаго не меньше, чѣмъ деньги... Имѣющій человѣколюбивое и милосердное расположеніе, если есть у него деньги, раздастъ ихъ; если увидитъ кого-нибудь въ несчастіяхъ, станетъ плакать и проливать слезы; если встрѣтитъ обижаемаго, заступится; если найдетъ бѣдствующаго, подастъ ему руку. Имѣя сокровище благъ—человѣколюбивую и милосердую душу, онъ изольетъ изъ нея все нужное для братій и получитъ всѣ уготованныя Богомъ награды. А чтобы и намъ достигнуть ихъ, прежде всего позаботимся сдѣлать свое сердце кроткимъ“ [1]). Поэтому и всѣ рѣчи св. отца о „покупкѣ неба“ имѣютъ, по существу, одинаковое значеніе и въ отношеніи бѣдныхъ. „Не за деньги продаются блага небесныя, не деньгами покупаютъ ихъ, а свободнымъ рѣшеніемъ дающаго деньги, любомудріемъ, возвышеніемъ надъ вещами житейскими, человѣколюбіемъ и милостынею. Если бы на серебро покупались, то жена, положившая двѣ лепты, немного получила бы; но такъ какъ не серебро, а доброе намѣреніе имѣло силу, то она, показавши всю готовность, получила все... Деньги, однакожъ, нужны скажешь? Не деньги нужны, а рѣшеніе. Имѣя это послѣднее, ты можешь и за двѣ лепты купить небо, а безъ него и за тысячу золотыхъ талантовъ не купишь того, что можешь купить за двѣ лепты. Почему? Потому, что когда ты отъ многаго далъ меньше, то хотя сотворилъ милостыню, но не такую, какую вдова; ты подалъ не съ такимъ усердіемъ, съ какимъ она; она сама себя лишила всего, или лучше—не лишила, а все себѣ даровала. Богъ обѣщалъ Царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердіе, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намѣреніе“ [2]). „Твердо знай—поучаетъ св. Іоаннъ—, что бѣдность не бываетъ препятствіемъ милостыни. Хотя бы ты былъ тысячекратно бѣденъ, все же ты не бѣдней той, которая имѣла только горсть муки [3]), и той, у которой было только двѣ лепты, изъ которыхъ та и другая, издержавъ все свое имѣніе на бѣдныхъ, удостоились дивной похвалы, и великая бѣдность не была препятствіемъ столь великому человѣколюбію, но милостыня, состоявшая изъ двухъ лептъ, была такъ богата и значительна, что затмила всѣхъ богачей, и богатствомъ расположенія и избыткомъ усердія превзошла тѣхъ, которые клали много статировъ“ [4]). „Есть у тебя оволъ?—спрашиваетъ ободряюще бѣдняка святитель — купи небо, не потому, что небо

---

[1]) Бесѣда XIX на посл. къ Римл., т. 9, стр. 747—748. [2]) Бесѣда XIV къ Фил., т. 11, стр. 348. [3]) 3 Цар., XVII, 12. [4]) „Слово о томъ, что кто самъ себѣ не вредитъ...“, т 3, стр. 481.

дешево, но потому, что Господь человѣколюбивъ. Нѣтъ у тебя и овола? Подай чашу холодной воды: *иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студеной воды* ради Меня, *не погубитъ мзды своея*. Предметомъ купли и продажи—небо, а мы не заботимся. Дай хлѣбъ и возьми рай, дай малое и возьми великое; дай смертное и возьми безсмертное; дай тлѣнное и возьми нетлѣнное" [1]). „Когда ты сидишь дома, приходитъ нищій, продающій рай, и говоритъ дай хлѣба и получи рай, дай подержанную одежду и получишь Небесное Царство; я не говорю тебѣ, сколько нужно дать, чтобы ты не медлилъ, ссылаясь на свои недостатки За сколько хочешь, купи рай: дай хлѣба; не имѣешь хлѣба, дай оволъ, дай чашу холодной воды; дай что хочешь, что имѣешь, все принимаю, только купи рай... Не выгоды ищетъ продающій рай, а души сострадательной и благонамѣреннаго сердца" [2]). И въ этомъ случаѣ св. отецъ настолько расширяетъ понятіе милостыни, что поставляетъ возможность творить её внѣ всякой зависимости отъ имѣнія денегъ. „Милостыня же совершается не только деньгами, но и дѣлами. Такъ, напримѣръ, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто въ дѣлахъ ходатайство помогало даже больше денегъ. Итакъ, приведемъ въ дѣйствіе въ настоящемъ случаѣ всѣ роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайствомъ? Не говори, что у тебя нѣтъ денегъ; это ничего, и то значитъ весьма много, будь такъ расположенъ, какъ бы ты подавалъ деньги. Можешь услугою? Сдѣлай и это. Напримѣръ: ты врачъ по званію? Позаботься о больныхъ, и это много значитъ. Можешь совѣтомъ? Это гораздо важнѣе всего; совѣтъ тѣмъ лучше и выше всего, чѣмъ большую онъ приноситъ пользу: имъ ты избавляешь не отъ голода, но отъ лютой смерти. Имъ и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денегъ они ввѣрили низшимъ, а сами, пребывали въ служеніи слову [3]). Или думашь ты, не велика будетъ милостыня, если душу, предающуюся унынію, находящуюся въ крайней опасности, одержимую пламенемъ (страсти), можешь освободить отъ этой болѣзни? Напримѣръ, ты видишь друга одержимаго сребролюбіемъ? Окажи милость этому человѣку. Онъ хочетъ удавиться? Угаси пламень его. А что, если онъ не послушается? Ты дѣлай свое дѣло и не лѣнись. Видишь его связаннаго узами (сребролюбіе вѣдь—поистинѣ узы), приди къ нему, посѣти его, утѣшь, постарайся освободить отъ узъ. Если онъ не согласится, самъ будетъ виноватъ. Видишь нагого и странника (поистинѣ нагъ и странникъ для небесъ не пекущійся о добродѣтельной жизни), возьми его въ домъ свой, одѣнь въ одежды добродѣтели, сдѣлай гражданиномъ неба" [4]). И вообще

---

[1]) Бесѣда III „о покаяніи", т. 2, стр. 324. [2]) „О милостынѣ", т 12, стр. 970. [3]) Дѣян. VI, 1—4. [4]) Бесѣда XXIV на кн. Дѣяній, т. 9, стр. 240 – 241.

св. Іоаннъ постоянно настаиваетъ, что цѣнность милостыни измѣряется не количествомъ подаваемаго, такъ что всѣ должны благотворить, при чемъ особенно любитъ останавливаться подробно на примѣрѣ вдовы Евангельской и ветхозавѣтной изъ Сарепты Сидонской [1]).

Такимъ образомъ всеобщность долга творить милостыню выступаетъ въ твореніяхъ св. Іоанна со всею ясностію въ отношеніи лицъ благотворящихъ: каждый долженъ творить милостыню, не исключая самыхъ жалкихъ калѣкъ, живущихъ чужимъ подаяніемъ. Но, какъ мы сказали, эту всеобщность долга помощи нуждающимся св. Іоаннъ простираетъ и на лицъ просящихъ, требуетъ давать всякому просящему. Здѣсь св. Іоаннъ стоитъ на чистой Евангельской точкѣ зрѣнія. Мы видѣли уже, что абсолютность заповѣди Евангельской выражается, прежде всего, въ повелѣніи: всякому просящему дай. Всякія ограниченія, имѣвшія извѣстное мѣсто въ Ветхомъ Завѣтѣ отпадаютъ. Отпадаютъ и всякія практическія соображенія и размышленія, какъ о достоинствѣ и нуждѣ просящаго, такъ и о заботѣ о себѣ. Этотъ пунктъ Евангельскаго ученія, какъ уже было упомянуто, выступаетъ въ нѣсколько извращенномъ свѣтѣ въ нашихъ систематическихъ курсахъ богословія. И если освѣщеніе Евангельскаго взгляда на собственность и на богатство мы назвали въ свое время не только незаконнымъ, но и непонятнымъ,—то относительно даннаго пункта ученія о милостынѣ мы не можемъ назвать непонятнымъ его приспособленіе къ наличнымъ условіямъ жизни, хотя, конечно, считаемъ также незаконнымъ. Абсолютная высота и чистота Евангельскаго ученія всегда являлась камнемъ преткновенія на пути къ уясненію его отношенія къ жизни. Всегда былъ великъ соблазнъ замѣнить эту идеальную высоту, высотою другого порядка, измѣряемаго нашею мѣркою... Такъ бывало вообще, такъ случилось и въ пониманіи идеальнаго значенія милостыни. „*Всякому просящему у тебя давай*“. Заповѣдь эта, казалось, легко можетъ повести къ обнаруженію своей внутренней несостоятельности, оказаться „непрактичной“, и не столько принести пользы, сколько вреда. Насколько великъ соблазнъ къ смягченію абсолютнаго смысла этой именно Евангельской заповѣди видно изъ того, что и въ древней Церкви раздавались авторитетные голоса въ пользу законности разборчивости при оказаніи милостыни, напр., св. Амвросій Медіоланскій, какъ ниже увидимъ. Если такъ было въ области теоретическаго богословія, то тѣмъ болѣе въ дѣйствительной жизни. Здѣсь высокимъ построеніямъ ума пришли на помощь такіе могучіе союзники, какъ скупость и

[1]) Напр., кромѣ указанныхъ мѣстъ, смотр. бесѣду „о милостынѣ“, т. 3, стр. 269, бесѣду „объ Или и вдовицѣ“, гдѣ необыкновенно подробно анализируется величіе подвига бѣдной вдовы, т. 3, стр. 348—358; бесѣда „о мученикахъ“, т. 2, стр. 698; бесѣда VIII противъ Аномеевъ, т. 1, стр. 561.

эгоизмъ, которые изобрѣли множество поводовъ и основаній для того, чтобы оправдать уклоненіе отъ исполненія Евангельской заповѣди: и ложь просителя, и лѣность его, и видъ, и здоровье... И вотъ передъ лицомъ такого затруднительнаго положенія богословія и лицемѣрной маски обыденнаго эгоизма св. Іоаннъ стоитъ съ непоколебимой твердостью на защитѣ идеальной чистоты Евангельской истины. Для св. Іоанна ясно было, что долгъ творить милостыню имѣетъ въ виду не столько получающихъ, сколько подающихъ, какъ мы видѣли; что центръ тяжести этого долга не въ его практическихъ результатахъ, но въ извѣстномъ настроеніи благотворящаго. И св. Іоаннъ съ несокрушимой энергіей борется съ попытками быть разборчивыми въ личной милостынѣ и съ такою яркой образностію доказываетъ долгъ подавать всякому просящему и разбиваетъ всѣ доводы противомыслящихъ, что ничего подобнаго мы не встрѣчали нигдѣ, ни въ святоотеческой письменности, ни въ произведеніяхъ общечеловѣческой гуманной мысли всѣхъ временъ. Въ виду этого мы позволимъ себѣ болѣе характерныя мѣста изъ бесѣдъ святителя, относящіяся къ раскрываемому теперь пункту его ученія о милостынѣ, передать въ возможной цѣльности. Вотъ, напримѣръ, какъ выразительно говоритъ онъ о томъ, чтобы не пытаться даже интересоваться узнать, дѣйствительно ли нуждается человѣкъ и пришелъ ли онъ съ добрымъ намѣреніемъ. „Мы ясно знаемъ, говоритъ св. Іоаннъ, что принимаемъ у себя Христа, однакоже не дѣлаемся вслѣдствіи этого кроткими... Не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа. Принимающій и недостойнаго не дѣлается виновнымъ, но имѣетъ свою награду: *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ*. А кто отъ неумѣстнаго любопытства обходитъ человѣка достойнаго удивленія, тотъ навлекаетъ на себя наказаніе. Итакъ не любопытствуй о жизни и дѣлахъ—вѣдь за одинъ кусокъ хлѣба подвергать обслѣдованію цѣлую жизнь—это признакъ крайняго тщеславія. Если бы онъ былъ убійцей, разбойникомъ или подобнымъ тому, неужели, по твоему мнѣнію, онъ не стоитъ куска хлѣба и немногихъ монетъ?... Но я скажу тебѣ и еще больше: хотя бы ты хорошо зналъ что онъ исполненъ безчисленныхъ золъ, и тогда ты не будешь имѣть оправданія, если лишишь его дневного пропитанія. Ты рабъ Того, Кто сказалъ: *не вѣсте коего духа есте вы;* ты слуга Того, Кто оказывалъ услуги метавшимъ въ Него камнями... Не говори мнѣ, что онъ убилъ человѣка: если онъ намѣревался убить и тебя самого, и въ такомъ случаѣ не презирай его, когда онъ голоденъ. Вѣдь ты ученикъ Того, Кто желалъ спасенія распявшимъ Его, Кто даже на крестѣ говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ*... Можетъ ли что-нибуь съ этимъ сравниться?...

Онъ плачетъ о тѣхъ, которые намѣреваются убить Его, безпокоится и смущается, видя предателя, не потому, что Самъ будетъ распятъ, но потому, что тотъ погибнетъ.. Твой Владыка цѣлуетъ, допускаетъ прикоснуться къ устамъ Своимъ того, который вскорѣ имѣлъ пролить честную кровь Его; а ты нищаго не удостаиваешь и куска хлѣба, не уважаешь закона, дарованнаго Христомъ... Потому не говори, что такой-то убилъ такого-то и вслѣдствіе этого я отвращаюсь его. Если кто хочетъ пронзить тебя мечемъ, погрузить руку въ гортань твою, ты поцѣлуй эту руку, потому что Христосъ облобызалъ уста, причинившія ему смерть... А ты жестоко обходишься съ нищимъ! Если бы онъ былъ виновенъ въ безчисленныхъ преступленіяхъ, то достаточно его бѣдности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишкомъ огрубѣла“ [1]). И св. Іоаннъ предусматриваетъ и легко разбиваетъ всѣ тѣ аргументы, при посредствѣ которыхъ людская скупость и хитрость стремились оправдать нарушеніе прямой заповѣди Господа. „Подлинно безуміе и явная нелѣпость—говоритъ, напримѣръ, въ одной бесѣдѣ святитель—, наполнять одеждами сундуки, а не обращать вниманія на того, кто сотворенъ по образу и по подобію Божію, и не имѣетъ одежды, дрожитъ отъ холода и едва держится на ногахъ. Но скажешь: онъ притворяется дрожащимъ и немощнымъ. И ты не боишься такими словами навлечь на себя молнію свыше? Простите, я дрожу отъ гнѣва. Ты пресыщаешься, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нѣжишься на мягкихъ коврахъ и не думаешь давать отчета въ такомъ беззаконномъ употребленіи даровъ Божіихъ..., а отъ бѣднаго, несчастнаго, который ничѣмъ не лучше мертвеца, ты требуешь строгаго отчета и не боишься грознаго и страшнаго суда Христова? Если онъ и притворяется, то притворяется по бѣдности и по необходимости, по причинѣ твоего жестокосердія и безчеловѣчія, требующаго такого притворства и иначе не преклоняющагося на милость. Кто въ самомъ дѣлѣ, такъ несчастливъ и жалокъ, чтобы безъ всякой нужды для куска хлѣба принимать столь безобразный видъ, терзать себя и терпѣть такую муку? Итакъ, притворство его возвѣщаетъ всѣмъ о твоемъ безчеловѣчіи. Если онъ проситъ, умоляетъ, говоритъ жалостныя слова, плачетъ, рыдаетъ, скитается цѣлый день и не находитъ необходимой пищи, то можетъ быть и придумалъ такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебѣ служитъ безчестіемъ и обвиненіемъ. Онъ достоинъ состраданія, что дошелъ до такой крайности, а мы достойны тысячи казней, что принуждаемъ бѣдныхъ прибѣгать къ этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то онъ никогда не рѣшился бы подвергнуться этому. Что̀ я говорю о плоти и дрожаніи отъ холода? Скажу

---

[1]) Бес. XXI на посл. къ Римл., т. 9, стр. 773–765.

нѣчто еще болѣе ужасное: нѣкоторые должны были ослѣплять малыхъ дѣтей, чтобы тронуть наше безчувствіе. Такъ какъ, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь вниманіе жестокосердыхъ ни нѣжностію возраста, ни несчастіемъ, то присоединяли къ своимъ бѣдствіямъ еще другое плачевнѣйшее бѣдствіе для утоленія голода, находя болѣе легкимъ лишиться общаго свѣта и дарованныхъ всѣмъ лучей солнечныхъ, нежели безпрестанно бороться съ голодомъ и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бѣдности, а забавляетесь несчастіемъ; потому они и удовлетворяютъ вашему ненасытному желанію, возжигая и въ себѣ и въ васъ пламень, лютѣйшій геенны. А чтобы вы убѣдились, что все это и подобное тому, происходитъ именно по этой причинѣ, я представлю вамъ несомнѣнное доказательство, которому никто противорѣчить не можетъ. Есть бѣдные, легкомысленные и малодушные, которые не могутъ переносить голода и готовы переносить все другое, кромѣ этого. Они, неоднократно приступая къ вамъ съ жалкимъ видомъ и жалостными словами, но не получивъ никакой помощи, наконецъ, оставляютъ просьбы и прибѣгаютъ къ хитростямъ не хуже кудесниковъ: одни жуютъ кожу изношенной обуви, другіе вбиваютъ въ голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую отъ холода воду голымъ желудкомъ, а иные подвергаютъ себя еще болѣе нелѣпымъ мученіямъ, чтобы представить жалкое зрѣлище. Между тѣмъ какъ это дѣлается, ты стоишь и смѣешься, удивляясь и утѣшаясь бѣдствіями другихъ, подвергающихъ посрамленію общую нашу природу. Что хуже этого можетъ сдѣлать и человѣконенавистный діаволъ? А чтобы онъ усерднѣе дѣлалъ это, ты съ великою щедростію даешь деньги. Кто проситъ, призываетъ Бога и приступаетъ къ тебѣ кротко, того ты не удостаиваешь ни отвѣта, ни взгляда, и если онъ часто докучаетъ тебѣ, говоришь о немъ такія невыносимыя слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотрѣть на солнце? А къ тѣмъ, напротивъ, ты благосклоненъ и щедръ, такъ что самъ ты дѣлаешься виновникомъ смѣшного и сатанинскаго ихъ безобразія. Когда Богъ говоритъ: дай милостыню, а Я дамъ тебѣ Царство Небесное,—ты не слушаешь; когда же діаволъ показываетъ голову, израненную гвоздями, ты вдругъ дѣлаешься щедрымъ; болѣе дѣйствуетъ на тебя ухищреніе злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обѣтованіе Божіе, подающее множество благъ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы не видѣть этого, надлежало бы дѣлать и выносить все, чтобы искоренить это великое безуміе; а вы, напротивъ, всячески стараетесь и заботитесь о томъ, чтобы это было, чтобы посмотрѣть на это. И ты, скажи мнѣ, еще спрашиваешь, для чего геенна? Вѣдь какихъ наказаній не достойны тѣ, которые устрояютъ это жестокое и безчеловѣчное зрѣ-

лище и смѣются надъ тѣми, о которыхъ надлежало бы плакать и имъ и вамъ самимъ, особенно же вамъ, принуждающимъ ихъ къ такимъ безобразнымъ дѣйствіямъ? Но, скажешь, я не принуждаю ихъ. Какъ же не принуждаешь, скажи мнѣ, когда не хочешь даже слушать кроткихъ, плачущихъ и призывающихъ Бога; а тѣмъ щедро подаешь серебро и приглашаешь другихъ подивиться имъ? Но, скажешь, мы отходимъ, пожалѣвъ ихъ. Но не ты ли требуешь того? Нѣтъ, человѣкъ,—это не жалость, когда ты заставляешь ихъ за нѣсколько оволовъ терпѣть такое мученіе, когда повелѣваешь имъ для полученія необходимой пищи терзать себя и раздирать на головѣ кожу на многія части жалкимъ и плачевнымъ образомъ“ [1]). И подобныя мысли высказывалъ св. отецъ не разъ, предупреждая все новыя и новыя возраженія противъ долга благотворить всякому просящему. *„Пріемляй пророка во имя пророка, мзду пророчу пріиметъ; и пріемляй праведника во имя праведника, мзду праведничу пріиметъ, иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студеной воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю Вамъ, не погубитъ мзды своея“* [2]). Такъ здѣсь Онъ говоритъ о пророкахъ, праведникахъ и ученикахъ; а въ другомъ мѣстѣ Онъ повелѣваетъ принимать даже самыхъ презрѣнныхъ, и тѣмъ, кто не принимаетъ таковыхъ, опредѣляетъ наказаніе: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* [3]); и о тѣхъ же меньшихъ опять говоритъ, что принимающій ихъ, принимаетъ Его самого. Пусть принимаемый тобою ни ученикъ, ни пророкъ, ни праведникъ; но онъ—человѣкъ, который съ тобою въ одномъ живетъ мірѣ, одно и то же видитъ солнце, имѣетъ такую же душу, одного и того же Владыку, пріобщается однѣхъ и тѣхъ же таинствъ, къ тому же призывается небу и совершенно въ правѣ требовать отъ тебя призрѣнія, будучи бѣднымъ и нуждаясь въ необходимой пищи. Между тѣмъ, теперь, когда приходятъ къ тебѣ въ дурную погоду люди съ флейтами и свирѣлями, будятъ тебя отъ сна, напрасно и безъ дѣла тебя безпокоятъ, то отходятъ отъ тебя съ немалыми подарками; равно и тѣ, которые носятъ ласточекъ, натираются сажею и всѣхъ пересмѣиваютъ, получаютъ отъ тебя награду за свои проказы. А если придетъ къ тебѣ бѣдный и станетъ просить хлѣба, то ты наговоришь ему множество ругательствъ, будешь злословить, укорять въ праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмѣшками, и не подумаешь о себѣ, что и ты живешь въ праздности, однакожъ Богъ даетъ тебѣ Свои блага. Не говори мнѣ, что ты и самъ дѣлаешь что-нибудь, но покажи мнѣ то, чѣмъ занимаешься ты дѣльнымъ и нужнымъ. Если скажешь мнѣ, что ты занимаешься торговлею, корчемничествомъ, стараешься о сбе-

---

[1]) Бес. XXI на 1 Кор., т. 10, стр. 207. [2]) Мѳ. X, 41—42. [3]) Мѳ., XXV, 45.

реженіи и преумноженіи своего имѣнія, то и я скажу тебѣ, что это—не дѣло; настоящія дѣла—милостыня, молитвы, защищеніе обиженныхъ и другія добродѣтели, которыми мы совершенно принебрегаемъ. И однакожъ Богъ никогда намъ не говоритъ: такъ какъ ты живешь въ праздности, Я не буду освѣщать тебя солнцемъ; такъ какъ ты не занимаешься необходимымъ, и Я погашу луну, заключу нѣдра земли, остановлю озера, источники, рѣки, отыму воздухъ, не дамъ дождей во-время. Напротивъ, Богъ все это доставляетъ намъ въ изобиліи, всѣмъ этимъ позволяетъ пользоваться не только живущимъ въ праздности, но и дѣлающимъ зло. Итакъ, если увидишь бѣднаго и скажешь: мнѣ досадно, что этотъ молодой, здоровый человѣкъ ничего не дѣлаетъ, хочетъ прокормиться, живя въ праздности; а можетъ быть онъ еще бѣглый слуга, оставившій своего господина, то все мною сказанное примѣни къ себѣ, или лучше—ему позволь сказать со всею смѣлостію. И онъ можетъ сказать тебѣ съ бо́льшимъ правомъ: и мнѣ досадно, что ты, будучи здоровъ, живешь въ праздности и ничего не дѣлаешь изъ того, что повелѣлъ тебѣ Богъ, а какъ рабъ, бѣжавшій отъ повелѣній своего господина, бродишь по чужой сторонѣ, проводя жизнь свою въ порокахъ, въ пьянствѣ, невоздержанности, въ воровствѣ, въ хищничествѣ и въ разореніи чужихъ домовъ. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худыя дѣла, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжешь, похищаешь, когда дѣлаешь тысячу подобныхъ дѣлъ.... Будь только готовъ оказывать милосердіе,—тогда бѣдный тотчасъ оставитъ праздность, а ты перестанешь быть жестокимъ. Но скажешь: нищій много лжетъ и притворяется. И въ этомъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнія, потому что дошелъ до такой крайности, что даже не стыдится такъ лгать. А мы не только не имѣемъ жалости, но еще присовокупляемъ такія жестокія слова: не получалъ ли ты разъ и два? Такъ чтожъ? Ужели не нужно ему опять ѣсть, потому что однажды ѣлъ? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева, и не говоришь ему: ты сытъ былъ вчера и третьяго дня, такъ не проси нынѣ? Напротивъ, чрево свое пресыщаешь чрезмѣрно, а нищему, когда онъ проситъ у тебя и немного, отказываешь, хотя долженъ бы дать ему милостыню за то, что онъ каждый день принужденъ ходить къ тебѣ. Если не чувствуешь другихъ побужденій, то за это одно долженъ подать ему милостыню. Вѣдь крайняя бѣдность заставляетъ его дѣлать это. Ты не имѣешь къ нему жалости, потому что онъ, слыша такія слова твои не стыдится; но нужда сильнѣе стыда. Но ты не только не имѣешь къ нему жалости, а еще издѣваешься надъ нимъ, и тогда какъ Богъ повелѣлъ давать милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшаго, между тѣмъ, какъ надлежало бы оказать ему состраданіе. Если не хочешь подать, то

для чего еще укоряешь бѣднаго и сокрушаешь его огорченное сердце? Онъ пришелъ къ тебѣ, какъ въ пристань, и проситъ руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны, и бурю дѣлаешь свирѣпѣе? Для чего гнушаешься нищетою его? Пришелъ ли бы онъ къ тебѣ, если бы зналъ, что услышитъ отъ тебя такія слова? Если же и напередъ зная это, пришелъ къ тебѣ, то потому-то и надобно тебѣ сжалиться надъ нимъ и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при видѣ самой крайней нужды, не дѣлаешься сострадательнѣе, не представишь себѣ, что одинъ страхъ голода служитъ для него достаточнымъ оправданіемъ въ безстыдствѣ, но укоряешь его за безстыдство, хотя самъ ты часто бывалъ несравненно безстыднѣе и въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Въ нуждѣ и безстыдство простительно. Между тѣмъ, мы часто, дѣлая то, за что бы надлежало насъ наказать, не стыдимся,—и тогда какъ намъ, помышляя о такихъ дѣлахъ, слѣдовало бы смириться, мы нападаемъ на бѣдныхъ: они просятъ у насъ врачевства, а мы прибавляемъ имъ ранъ. Если не хочешь дать, то для чего и бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего и обижаешь? Но онъ безъ того не отойдетъ? Такъ поступи, какъ повелѣлъ мудрый: *отвѣщай ему мирная въ кротости* [1]). Онъ не по своей волѣ поступаетъ такъ безстыдно. Поистинѣ, нѣтъ человѣка, который бы безъ всякой нужды захотѣлъ сдѣлаться безстыднымъ; и хотя бы представляли тысячи доказательствъ, никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, живущій въ изобиліи, рѣшился просить милостыню. Итакъ, никто не увѣряй насъ въ противномъ. Если и Павелъ говоритъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*,—то говоритъ это нищимъ, а не намъ; намъ онъ говоритъ напротивъ: *добро творяще не стужайте*. Такъ мы поступаемъ и въ домашнихъ дѣлахъ; когда двое ссорятся между собою, отведя каждаго въ сторону, даемъ имъ противоположные совѣты. Такъ поступалъ и Богъ, такъ поступилъ и Моисей, который такъ говорилъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави· аще же ни и мене изгладди*... [2]). Итакъ, не будемъ жестокосерды, но исполнимъ сказанное Павломъ: *доброе творяще не стужайте*. Исполнимъ сказанное самимъ Спасителемъ: *всякому просящему у тебя дай* [3]) *и будите милосерди, якоже Отецъ вашъ* [4]). Давая многія другія заповѣди, Господь не присовокупилъ такихъ словъ, а употребилъ ихъ, говоря только о милостынѣ. Ничто столько не уподобляетъ насъ Богу, какъ благотворительность... Не будь жестокимъ судіею. Хотя бы ты былъ чистъ отъ всѣхъ грѣховъ, то и въ такомъ случаѣ закономъ Божіимъ запрещено тебѣ строго судить о чужихъ проступкахъ. Если фарисей чрезъ это погибъ, то какое извиненіе будемъ имѣть мы? Если людямъ неукоризненной жизни запрещено

---

[1]) Сирах., IV, 8. [2]) Исходъ XXXII, 31, 32. [3]) Матѳ., V, 42. [4]) Лук., VI, 36.

строго судить проступки другихъ, то тѣмъ болѣе грѣшникамъ. Итакъ, не будемъ жестоки, безчеловѣчны, неумолимы, безчувственны; не будемъ злѣе звѣря“ [1]). Общая принципіальная почва, на которой утверждается св. Іоаннъ при отстаиваніи имъ принципа безразборчивой милостыни, помимо уже указаннаго долга состраданія къ нуждѣ, это—ярко подчеркнутая св. отцомъ незаконность суда съ нашей стороны въ отношеніи просящихъ. Такой судъ не только не является нашею обязанностію, но Богъ не далъ намъ и права судить просящихъ и это запрещеніе есть проявленіе милосердія Божія не только къ бѣднымъ, но и къ подающимъ милостыню, такъ какъ избавляетъ насъ отъ трудовъ разслѣдованія и опасности ошибиться въ иныхъ случаяхъ. „Оказывающій благотворительность—говоритъ св. Іоаннъ—долженъ не жизнь бѣднаго изслѣдовать, но помочь бѣдности и удовлетворить нуждѣ. Одно оправданіе у бѣднаго—недостатокъ и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если онъ, хотя бы былъ порочнѣе всѣхъ, нуждается въ необходимой пищѣ, то утолимъ голодъ его. Такъ поступать повелѣлъ и Христосъ: *будите,* говоритъ Онъ, *подобни Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* [2]). Милосердый есть пристань для нуждающихся, а пристань принимаетъ всѣхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и спасаетъ отъ опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были тѣ, которые находятся въ опасности,—она принимаетъ ихъ въ свои объятія. Такъ и ты, видя человѣка, подвергшагося на землѣ кораблекрушенію бѣдности, не ожидай и не требуй отчета, но избавь отъ несчастія. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Богъ освободилъ тебя отъ всякой заботы и безпокойства. Сколько стали бы многіе говорить и негодовать, если бы Богъ повелѣлъ сперва съ точностію развѣдывать жизнь, разузнавать поведеніе и поступки каждаго, и потомъ уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены отъ всякаго такого затрудненія. Для чего же мы сами навлекаемъ на себя излишнія заботы? Иное—судія, иное—податель милостыни. Милостыня потому такъ и называется, что мы подаемъ ее и недостойнымъ. Такъ поступать увѣщеваетъ и Павелъ: *доброе же творяще,* говоритъ онъ, *да не стужаемъ си* [3]), Если мы станемъ распрашивать и развѣдывать о недостойныхъ, то и достойные не скоро попадутся намъ; а если будемъ подавать и недостойнымъ, то и достойные и подобные всѣмъ имъ попадутъ въ наши руки, какъ и случилось съ блаженнымъ Авраамомъ, который, не разспрашивая и не развѣдывая о приходящихъ, сподобился принять нѣкогда и ангеловъ. Будемъ

---

[1]) Бес. XXXV на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 388—393. [2]) Матѳ., V, 45. [3]) Гал., VI, 9, 10.

же и мы подражать ему, а съ нимъ и потомку его Іову, ибо и этотъ со всею точностію подражалъ великодушію предка, и потому говорилъ: *двєрь моя всякому приходящему отверста бѣ* [1]). Не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всѣхъ вообще была открыта. Такъ, увѣщеваю, будемъ дѣлать и мы, ничего не развѣдывая сверхъ надлежащаго. Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда; кто бы когда ни пришелъ къ намъ съ нею, не станемъ ничего изслѣдовать болѣе; потому что мы подаемъ не нраву, а человѣку, и жалѣемъ его не за добродѣтель, а за несчастіе, чтобы и самимъ намъ привлечь на себя великую милость отъ Господа, чтобы и самимъ намъ недостойнымъ сподобиться Его человѣколюбія. Если же мы станемъ въ сослужителяхъ нашихъ отыскивать и изслѣдовать достоинства, то и съ нами Богъ сдѣлаетъ то же; и стараясь истребовать отчетъ отъ равныхъ намъ рабовъ, сами лишимся вышняго человѣколюбія. *Имже бо,* говоритъ Господь, *судомъ судите, судятъ вамъ*“ [2]). „Многіе—говоритъ св. Іоаннъ въ другой своей бесѣдѣ—часто входятъ въ строгія изслѣдованія о нуждающихся, разспрашиваютъ объ ихъ отечествѣ, образѣ жизни, нравахъ, занятіяхъ и здоровьѣ тѣлесномъ, дѣлаютъ имъ упреки и требуютъ отъ нихъ множество объясненій касательно ихъ здоровья. Оттого-то многіе (изъ бѣдныхъ) представляются изувѣченными по тѣлу, чтобы видомъ этого несчастія преклонить нашу жестокость и безчеловѣчіе. Лѣтомъ попрекать ихъ за это, хоть и жестоко, но не такъ еще, но зимою и во время стужи быть столь безжалостнымъ и безчеловѣчнымъ судіею и не оказывать имъ никакого снисхожденія за то, что ничего не дѣлаютъ, не есть ли верхъ жестокости? Для чего же, скажешь, Павелъ давалъ Ѳессалоникійцамъ такой законъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*? [3]). Для того, чтобы и ты, услышавъ это, обращалъ слова Павла не къ бѣдному только, но и къ себѣ самому, потому что заповѣди Павла относятся не къ бѣднымъ только, но и къ намъ. Скажу и нѣчто тяжелое и непріятное; знаю, что разсердитесь, но, не смотря на это скажу, потому что я говорю не для того, чтобы оскорбить васъ, но чтобы исправить. Мы попрекаемъ бѣдныхъ праздностію, которая часто заслуживаетъ извиненія, а сами часто дѣлаемъ такія дѣла, которыя хуже всякой праздности. Но я, скажетъ иной, владѣю отцовскимъ наслѣдствомъ. Неужели же, скажи мнѣ, бѣдный долженъ погибнуть за то, что онъ бѣденъ и отъ бѣдныхъ (родителей), и не имѣлъ богатыхъ предковъ? Но поэтому-то онъ особенно заслуживаетъ милосердія и состраданія со стороны богатыхъ. Ты, проводя часто цѣлый день въ театрѣ или въ собраніяхъ и въ разговорахъ безполезныхъ, или даже вредныхъ, не думаешь,

---

[1]) Іов., XXXI, 32. [2]) „О Лазарѣ слово II“, т. 1, стр. 797—798. [3]) 2 Солун., III, 10.

что дѣлаешь худо и ничѣмъ не занимаешься; а этого несчастнаго и жалкаго бѣдняка, который цѣлый день проводитъ въ прошеніи (милостыни) въ слезахъ и въ тысячѣ бѣдъ, осуждаешь и влечешь въ судилище, и требуешь отъ него отчета? Гдѣ же тутъ, скажи мнѣ, человѣческая совѣстливость? Итакъ, когда будешь говорить: что же скажемъ Павлу? Говори такъ не только бѣднымъ, но и себѣ самому. А съ другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхожденіе, потому что (апостолъ) сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ѣстъ,* присовокупилъ: *вы же братіе, не стужайте доброе творяще* (ст. 13). Будь же человѣколюбивъ и снисходителенъ къ сорабу, прости ему прегрѣшенія, сколь ни много ихъ, и будь милосердъ, дабы и самъ ты удостоился того же. Для чего самъ себѣ причиняешь безпокойства? Для чего дѣлаешь розысканія? Если бы Богъ повелѣлъ развѣдывать образъ жизни (бѣдныхъ), требовать отъ нихъ объясненій и тщательно изслѣдовать нравы ихъ, тогда развѣ не стали бы роптать многіе? Не сказали ли бы: что это такое? Богъ предписалъ намъ дѣло трудное: мы не можемъ изслѣдовать образъ жизни другихъ и знать, какіе, такой-то, сдѣлалъ грѣхи? Не сказали ли бы многіе и еще многое въ этомъ родѣ? А теперь, когда Онъ освободилъ насъ отъ всякаго такого розысканія и обѣщалъ полную награду (за подаяніе милостыни), будутъ ли получающіе ее злые или добрые люди, мы сами на себя навлекаемъ безпокойства... Какъ Господь твой, не смотря на то, что премногіе оскорбляютъ Его нечестивыми словами, блудодѣйствуютъ, крадутъ, разбойничаютъ, раскапываютъ могилы и дѣлаютъ множества зла, не прекращаетъ своихъ ко всѣмъ благодѣяній, но, по Своему человѣколюбію, всѣмъ посылаетъ солнечные лучи, дожди и плоды земные, такъ поступай и ты, и, когда будетъ время для милостыни и человѣколюбія, облегчай бѣдность, прекращай голодъ, избавляй отъ скорби, и ничего больше не разыскивай. Если мы станемъ изслѣдовать образъ жизни (нуждающихся) то не окажемъ милости ни одному человѣку, но изъ-за такой неумѣстной пытливости останемся безплодными, никому не подадимъ помощи и будемъ трудиться безъ всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу васъ, оставить эту неумѣстную пытливость, подавайте (милостыню) всѣмъ нуждающимся и дѣлайте это съ великою щедростію“ [1]). „Хорошо благотворить съ простотой и не быть слишкомъ разборчивымъ относительно принимающаго благодѣяніе. Благочестивый не хочетъ казаться благочестивымъ и не принимаетъ на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться за это презрѣнію; а обманщикъ, у котораго обманъ составляетъ ремесло, представляется весьма благочестивымъ, такъ что его трудно распознать. Отъ этого бываетъ, что тотъ, кто дѣлаетъ добро людямъ, повиди-

[1]) Бес. „о милостынѣ“, т. 3, стр. 274—276.

мому, неблагочестивымъ, попадаетъ на благочестивыхъ; а кто ищетъ почитаемыхъ благочестивыми, часто попадаетъ на неблагочестивыхъ“ [1]).

Пока нашею задачею являлось то, чтобы выяснить взглядъ св. Іоанна Златоустаго на всеобщность долга милостыни. Но одновременно намъ пришлось излагать взгляды св. отца и на свойства истинно христіанской милостыни, это тѣ именно великія и характерныя черты христіанской милостыни, по которымъ, во-первыхъ, величина ея не зависитъ отъ количества, но опредѣляется отношеніемъ къ величинѣ имущества и настроенію благотворителя; и, во-вторыхъ, что милостыня должна совершаться безъ изслѣдованія и переборчивости, но нужно подавать ради Христа каждому просящему. Эти именно стороны въ христіанской милостынѣ оттѣнены св. Іоанномъ съ наибольшею полнотою и выразительностію. Теперь намъ слѣдуетъ лишь дополнить изложеніе ученія св. отца о свойствахъ милостыни.—Что касается прежде всего количественной стороны въ ученіи о нравственной цѣнности милостыни, то, помимо подробно изложеннаго взгляда св. отца на то, что цѣнность милостыни не зависитъ отъ количества, нужно отмѣтить истинное значеніе этого положенія и въ его отношеніи къ признаку щедрости, необходимо мыслимому въ понятіи христіанской милостыни. Щедрость, какъ мы уже говорили, есть необходимое выраженіе полноты любви благотворящаго, т. е., значитъ, характерное свойство христіанской милостыни. И св. Іоаннъ, съ такою выразительностію оттѣнявшій безразличіе въ дѣлѣ нравственной цѣнности милостыни величины жертвы, со всею опредѣленностію указываетъ, что его слова въ этомъ случаѣ примѣнимы лишь къ малоимущимъ, а общимъ свойствомъ милостыни должна быть щедрость: богатый является щедрымъ, когда даетъ много; а бѣдный и тогда, когда даетъ мало, подобно раскрытому уже нами взгляду св. отца на милостыню вдовы Евангельской. „Не достаточно того—поучаетъ святитель—, чтобы подать, но должно дѣлать это съ щедростію... Недостаточно благотворить, но должно это дѣлать не скудно... Въ совершенномъ благотвореніи должна быть щедрость“ [2]). „Итакъ, не будемъ скупы; напротивъ, будемъ расточать щедрою рукою“ [3]). „Расточимъ, отдадимъ бѣднымъ, какъ должно отдать. Богъ же многое и малое цѣнитъ не по мѣрѣ подаваемаго, а по достатку подающаго. Поэтому можетъ случиться, что, положивши сто золотыхъ монетъ, ты положишь меньше того, кто положилъ одинъ только маленькій оволъ, потому что ты положилъ отъ избытка“ [4]). „Нынѣ за возницъ вы отдали бы дѣтей своихъ и за пля-

---

[1]) Бесѣда на посл. къ Филиппн., т. 11, стр. 231—232. [2]) Бес. XXI на посл. къ Рим., т. 9, стр. 759. [3]) Бес. XIX на 2 Кор., т. 10 стр. 640. [4]) Тамъ же, стр. 642.

суновъ положили бы самыя души свои, а Христу алчущему не хотите удѣлить и малѣйшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь въ такомъ расположеніи духа, какъ-будто вы отдали все, забывая, что не подавать только, а подавать щедро—вотъ въ чемъ особенно состоитъ милостыня. Поэтому пророкъ прославляетъ и ублажаетъ не тѣхъ, которые только подаютъ, а тѣхъ, которые подаютъ щедро; онъ не просто говоритъ: *даде*, но какъ? *Расточи, даде убогимъ*. Что пользы, если ты, будучи богатымъ, подаешь столько, сколько тотъ, напримѣръ, кто подалъ стаканъ воды изъ цѣлаго моря, и не подражаешь великодушію жены вдовицы? Какъ будешь говорить ты: *Господи, помилуй мя по велицѣй милости Твоей, и по множеству милосердій Твоихъ очисти беззаконіе мое,* когда самъ не милуешь не только великою милостію, но, можетъ быть, и малою? Я крайне стыжусь, когда вижу, какъ многіе богачи ѣздятъ на коняхъ, украшенныхъ золотыми уздами, сопровождаются слугами, одѣтыми въ золотыя одежды, покоятся на серебряныхъ ложахъ и позволяютъ себѣ множество другихъ излишествъ; но какъ скоро надобно подать бѣдному, то представляются бѣднѣе самыхъ бѣдныхъ“ [1]). „Итакъ, ни богатый пусть не величается тѣмъ, что много даетъ; ни бѣдный пусть не унываетъ, какъ будто мало давая, потому что послѣдній часто даетъ больше перваго. Многое и малое опредѣляется не мѣрою подаянія, а размѣромъ имущества подающихъ“ [2]).

Таковъ количественный критерій цѣнности милостыни съ точки зрѣнія св. Іоанна Златоустаго. Здѣсь можно лишь отмѣтить, что святитель усвоялъ нравственную цѣнность лишь подаянію изъ праведно пріобрѣтеннаго имущества, и не имѣетъ такой цѣнности, даже болѣе того,—является оскорбленіемъ Бога, когда подается изъ пріобрѣтеннаго нечестнымъ путемъ, путемъ хищенія. „Нѣтъ ничего равнаго милостынѣ; или лучше: такъ велика сила этой добродѣтели, когда она происходитъ изъ чистыхъ сокровищницъ! Какъ происходящее отъ неправедныхъ (стяжаній) подобно источнику, изливающему нечистоты, такъ (происходящее) отъ праведныхъ стяжаній есть какъ бы прозрачный и чистый потокъ въ саду, пріятный на видъ, усладительный на вкусъ, доставляющій свѣжесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этомъ источникѣ растутъ не тополи, не сосны и не кипарисы, но другія, гораздо лучшія этихъ, великія произрастанія“ [3]). „Но я разумѣю милостыню не отъ неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, что за польза—

---

[1]) Бес. XXI на 1 Кор., т. 10, стр. 210. [2]) „О милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 665. [3]) Бес. XXII на кн. Дѣяній, т. 9, стр. 213.

обнажить одного и одѣть другого? Милостыня должна происходить отъ состраданія, а это—безчеловѣчіе. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у другихъ, для насъ не будетъ никакой пользы. Прежде отстань отъ хищенія и потомъ подавай милостыню. Лучше не оказывать милосердія, чѣмъ оказывать такое милосердіе. Вѣдь и Каину лучше было совсѣмъ не приносить ничего. И если онъ, принесши меньше, прогнѣвалъ Бога, то какъ же не прогнѣваетъ Его тотъ, кто подаетъ чужое?" [1]) „Немаловажное лѣкарство милостыня: его можно прилагать ко всѣмъ ранамъ. *Дадите*, сказалъ (Господь), *милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* [2])—милостыню, но не то, что пріобрѣтено любостяжаніемъ, потому что удѣляемое отъ пріобрѣтеннаго любостяжаніемъ не имѣетъ значенія, хотя бы ты подавалъ и нуждающимся. Такъ, истинная милостыня свободна отъ всякой неправды, и она-то все дѣлаетъ чистымъ" [3]). „Зачѣмъ ты оскорбляешь Господа, принося Ему нечистые дары? Не хочетъ Христосъ питаться отъ любостяжанія, не принимаетъ Онъ такой пищи. Лучше презрѣть томимаго голодомъ, чѣмъ напитать его отъ такихъ средствъ; лучше ничего не давать другимъ, чѣмъ чужое. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ какихъ-нибудь двухъ людей, одного нагого, а другого имѣющаго одежду, и затѣмъ, раздѣвши имѣющаго одежду, одѣлъ нагого, не поступилъ ли бы ты несправедливо? Это для всякаго очевидно. Если же отдавъ другому все, что ты взялъ, ты причинилъ обиду, а не оказалъ милосердія, то, когда ты едва даешь самую малую часть изъ того, что похищаешь, и называешь это милостыней, какому же подвергнешься наказанію?" [4]) „Можетъ ли назваться милосердымъ тотъ, кто похищаетъ чужое, хотя бы онъ дѣлалъ безчисленныя подаянія?... Если люди не причинившіе никакой обиды другимъ, подвергаются наказанію только за то, что не раздѣляли съ ними своего имущества, то еще болѣе подвергнутся тѣ, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тѣмъ, что, причиняя вредъ одному, ты оказываешь милость другому. Такъ поступать несправедливо... Человѣколюбивъ не тотъ, кто самъ поражаетъ и исцѣляетъ пораженныхъ имъ, но тотъ, кто врачуетъ раны, нанесенныя другими... Хочешь ли ты знать, сколь великое зло дѣлаетъ тотъ, кто оказываетъ такое милосердіе? Послушай, что говоритъ Писаніе: „*яко убиваяй чадо предъ отцемъ его, тако приносяй жертву отъ имѣнія* нищихъ [5]).—Обращаясь къ изложенію взглядовъ св. Іоанна Златоустаго на тѣ свойства христіанской милостыни, которыя характеризуютъ самое настроеніе благотворителя

---

[1]) Бес. LXXIII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 491—492. [2]) Лук., XI, 41 [3]) Бес. LXXXI на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 547. [4]) „О корыстолюбіи", т. 12, стр. 592. [5]) Сир., XXXIV, 20, бес. LII на Ев Матѳея, т. 7, стр. 542 – 543

и служатъ его выраженіемъ, мы должны, конечно, ожидать, что эти свойства явятся отраженіемъ основного начала, проникающаго всю жизнь христіанскую—начала любви. Въ отношеніи личнаго настроенія благотворящаго любовь къ нуждающемуся естественно и необходимо производитъ то, что милостыня является для оказываюшаго ее не какою-то повинностію, не тяжелымъ бременемъ, но свободнымъ влеченіемъ сердца помочь нуждающемуся, радостно, усердно и совершенно безкорыстно. Въ отношеніи же лица, которому оказывается милостыня, эта самая любящая настроенность благотворителя также необходимо выразится въ искреннемъ радушіи, ласковости и кротости, исключающей возможность упрековъ, смиреніи, исключающемъ высокомѣріе, и наконецъ, въ скорости помощи, въ нежеланіи оставлять нуждающагося въ положеніи его нужды даже на короткое время. И всѣ эти естественныя свойства истинно христіанской милостыни отмѣчены св. Іоанномъ.

Мы сказали, что любящая настроенность благотворящаго является необходимымъ основаніемъ совершенной свободы и радостности благотворенія. Эту сторону дѣла съ особенной силой и подчеркиваетъ св. отецъ. „*Милуяй съ добрымъ изволеніемъ*—приводитъ святитель слова св. апостола Павла и поясняетъ: недостаточно благотворить, но должно это дѣлать нескудно и безъ скорби, или лучше сказать, не только безъ скорби, но еще съ веселымъ и радостнымъ духомъ, потому что не одно и то же не быть печальнымъ, и радоваться. То же самое и съ большимъ тщаніемъ доказывалъ Павелъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ. Побуждая ихъ къ щедрости, онъ говорилъ: *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ, а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* [1]), и поучая съ какимъ расположеніемъ должно это дѣлать, онъ присовокупилъ: *ни отъ скорби, ни отъ нужды* (ст. 7). Въ совершающемъ благотвореніе должно быть то и другое—и щедрость, и веселое расположеніе. Зачѣмъ ты плачешь, подавая милостыню? Зачѣмъ скорбишь, оказывая милосердіе и тѣмъ лишаешься плода заслугъ своихъ. Если ты скорбишь, то нѣтъ въ тебѣ милосердія, но ты жестокъ и безчеловѣченъ. Вѣдь если ты самъ скорбишь, то какъ можешь ободрить того, кто въ горѣ? Пріятно то, чтобы онъ не подозрѣвалъ ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему съ радостію, потому, что для людей ничто не представляется столько унизительнымъ, какъ принимать что-нибудь отъ другихъ, если только ты особенною веселостію не отвратишь подозрѣнія и не покажешь, что самъ получаешь больше, нежели даешь... Потому апостолъ и го-

[1]) 2 Кор., IX, 6.

воритъ: *милуяй съ добрымъ изволеніемъ*... Итакъ, обращай вниманіе не на трату денегъ, но на пользу отъ этой траты. Если сѣятель радуется, хотя и сѣетъ въ неизвѣстность на будущее, тѣмъ болѣе долженъ радоваться воздѣлывающій небо. Если ты и мало далъ, но съ радостію, то далъ много; равнымъ образомъ, если ты и много подалъ, но съ прискорбіемъ, то изъ многаго сдѣлалъ мало. Такъ двѣ лепты вдовицы превзошли многіе таланты, потому что ея расположеніе было исполнено щедрости. Скажешь: какъ можетъ подавать съ радушіемъ тотъ, кто самъ живетъ въ крайней бѣдности и имѣетъ во всемъ недостатокъ? Спроси вдовицу, у ней научишься, какъ это можно дѣлать, и узнаешь, что не бѣдность создаетъ затруднительное положеніе, но собственная воля производитъ какъ это, такъ и все противоположное. Можно и въ бѣдности быть великодушнымъ, и при богатствѣ малодушествовать. Если будешь имѣть любовь, то не почувствуешь ни траты денегъ, ни тѣлеснаго труда..., но все будешь переносить мужественно, потребуется ли помочь ближнему тяжелыми трудами, деньгами, словомъ, или инымъ чѣмъ... Такова истинная любовь, и, если это будетъ, все прочее послѣдуетъ само собою“ [1]). „Милостыня является таковою только тогда, когда ты подаешь ее охотно, когда ты думаешь, что не даешь, а самъ принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодѣяніемъ и пріобрѣтеніемъ, а не потерей, иначе она и не благодать. Тотъ, кто оказываетъ другому милость, долженъ радоваться, а не печалиться. Не безразсудно ли, въ самомъ дѣлѣ, облегчая скорбь другого, самому скорбѣть? Тогда ты дѣлаешь свое подаяніе уже не милостыней. Если ты печалишься о томъ, что избавилъ другого отъ печали, то подаешь примѣръ крайней жестокости и безчеловѣчія. Лучше уже не избавлять, чѣмъ такъ избавлять. Да и о чемъ, въ сущности, ты печалишься, человѣкъ? О томъ ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположеніе, то совсѣмъ и не давай“ [2]). Или вы не увѣрены, что чрезъ даяніе получите? Если не увѣрены, то и не хочу, чтобы вы давали... Если кто напередъ не убѣжденъ въ томъ, что онъ получаетъ больше, нежели даетъ, что онъ получаетъ величайшую пользу, что бываетъ облагодѣтельствованъ болѣе, нежели благодѣтельствуетъ, тотъ не давай; если кто думаетъ, что онъ оказываетъ милость принимающему, тотъ не давай... Творить милостыню значитъ не просто давать, но съ усердіемъ, съ радостію и съ чувствомъ благодарности къ принимающему: *ни отъ скорби*, сказано, *ни отъ нужды· доброхотна бо дателя любитъ Богъ*. Итакъ, если кто даетъ не съ такимъ рас-

---

[1]) Бесѣда XXI на посл. къ Римл., т. 9. стр. 759—760. [2]) Бесѣда XVI на 2 Кор., т. 10, стр. 620

положеніемъ, тотъ лучше не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата“ [1]). И въ прямой связи съ такою внутреннею свободою подающаго милостыню находится и то ея свойство, по которому милостыня должна подаваться „тайно“, безъ тщеславія и видимости, но во имя внутренняго движенія души помочь обездоленному. „Я весьма люблю милостыню—говоритъ св. Іоаннъ—и скорблю, видя, какъ тщеславіе портитъ ее и развращаетъ... Представимъ себѣ, что кто-нибудь подаетъ милостыню щедрой рукой только на показъ предъ людьми. Такимъ образомъ подающій милостыню выводитъ ее изъ чертога отеческаго. Въ самомъ дѣлѣ, Отецъ небесный повелѣваетъ, чтобы даже лѣвая рука не знала о ней, а подобнаго рода милостыня выставляетъ себя на показъ и рабамъ, и всѣмъ встрѣчнымъ, хотя бы они совсѣмъ и не знали ея... Если хочешь видѣть..., насколько безполезна милостыня, когда подаешь ее на показъ и изъ тщеславія, то размысли, какая постигаетъ тебя печаль, и какая нескончаемая скорбь будетъ одолѣвать тебя, когда возгремитъ предъ тобою голосъ Христовъ: ты погубилъ всю мзду свою! Тщеславіе и вездѣ пагубно, но особенно въ дѣлахъ человѣколюбія, такъ какъ здѣсь оно является крайней жестокостію, извлекая себѣ хвалу изъ чужихъ бѣдствій и почти ругаясь надъ живущими въ нищетѣ. Если указывать на свои благодѣянія значитъ укорять облагодѣтельствованнаго, то не гораздо ли хуже выставлять ихъ на показъ предъ многими? Какъ же намъ избѣжать этого зла? Мы избѣжимъ его, когда научимся быть истинно милосердыми и разсмотримъ, у кого мы ищемъ славы... Ты хочешь слыть между людьми милостивымъ? Что за прибыль? Прибыли никакой нѣтъ, а вредъ безконечный, такъ какъ тѣ самые, кого ты призываешь во свидѣтели, отнимаютъ у тебя, какъ разбойники, сокровища небесныя, или, лучше сказать, не они, а мы сами разграбляемъ свое стяжаніе... Ты желаешь славы? Неужели для тебя не довольно славы отъ человѣколюбца Бога, Который Самъ принимаетъ отъ тебя милостыню, что ты ищешь еще славы и отъ людей? Берегись, чтобы не испытать противнаго, чтобы люди не стали смотрѣть съ презрѣніемъ на тебя, какъ на человѣка, не милость являющаго, но хвастовство и честолюбиваго и только выставляющаго на показъ чужія бѣдствія. Милостыня есть тайна. Итакъ, запри двери, чтобы кто не увидѣлъ того, чего показывать не должно. Главныя тайны наши—это милосердіе и человѣколюбіе Божіе... Такъ и ты, когда по возможности своей оказываешь человѣку милость, запри дверь: пусть это видитъ одинъ тотъ, кто получаетъ милость, а если можно, то пусть даже и онъ не видитъ. Если же ты откроешь дверь, то обнарушишь свою тайну..., и

[1]) Бесѣда 1 на посл. къ Римл., т. 2, стр. 230.

тотъ, у кого ты ищешь славы, осудитъ тебя“ [1]) „Когда ты подаешь милостыню не изъ милосердія, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь на показъ своего брата. Милостыня состоитъ не въ томъ, чтобы только давать деньги, но чтобы давать съ чувствомъ милосердія... Такъ и ты подавая милостыню изъ тщеславія, только награждаешь принимающаго ее отъ тебя за причиняемую ему обиду, и черезъ это создаешь и себѣ и ему худую славу, а отсюда невыразимый вредъ. Какъ лютый звѣрь и бѣшенный песъ нападаютъ на всѣхъ, такъ и этотъ злой недугъ безчеловѣчія похищаетъ у насъ наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть безчеловѣчіе и жестокость, или еще хуже того. Жестокосердый только самъ не подаетъ просящему, а ты хуже его дѣлаешь,—ты препятствуешь подавать желающимъ подать. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты всѣмъ выставляешь на показъ свое подаяніе, то этимъ приводишь въ сомнѣніе бѣдность принимающаго даръ твой, и тѣмъ удерживаешь отъ подаянія намѣревающагося подать, особенно, если онъ человѣкъ легкомысленный. Такой человѣкъ уже не подаетъ просящему, какъ уже получившему подаяніе и не особенно нуждающемуся, и мало того—еще будетъ порицать его и обличать въ безстыдствѣ, когда онъ, получивъ отъ тебя милостыню, придетъ къ нему просить. Итакъ, какая это милостыня, когда ты безчестишь его и себя и того, кто получилъ ее, а еще болѣе Того, Кто повелѣлъ творить ее, такъ какъ не довольствуешься тѣмъ, что самъ (Богъ) видитъ милостыню твою и требуешь еще, что бы и глаза собратій твоихъ были обращены на нее“. Но, конечно, св. Іоаннъ, давая совѣты относительно тайной подачи милостыни, имѣлъ въ виду внутреннее сердечное настроеніе, а не ту внѣшнюю обстановку, при какой, могло случиться, требовалось бы творить милостыню. „Когда ты дѣлаешь не на показъ людямъ, то хотя бы весь міръ зналъ о твоихъ дѣлахъ, никто не знаетъ, потому что ты сдѣлалъ не съ такимъ намѣреніемъ. Не просто сказалъ Христосъ: не дѣлайте предъ людьми, но присовокупилъ: *да видими будете ими*“ [2]).

Если внутреннее настроеніе подающаго милостыню характеризуется совершенною внутреннею свободою и должно быть проникнуто однимъ сознаніемъ радостнаго долга служить ближнему, то въ отношеніи къ послѣднему такая любящая настроенность должна выразиться не только въ щедрости, о чемъ уже была у насъ рѣчь, но и въ совершенномъ радушіи, ласковости, участливости. Всѣ эти свойства необходимы и какъ бы сами собою выступаютъ въ

---

[1]) Бесѣда LXXII на Ев. Матѳея, т. 7, стр. 723—726. [2]) „О милостынѣ и странноліобіи“, т. 12, стр. 265.

такомъ случаѣ, когда милостыня является радостнымъ выраженіемъ истинной любви. „Не видите ли—говоритъ св. Іоаннъ—и въ домахъ, когда кто принимаетъ желаннаго гостя, съ какою радостію онъ все дѣлаетъ; всюду бѣгаетъ, ничего не щадитъ, хотя бы нужно было издержать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы кто, пригласивъ къ себѣ гостя, не сталъ угождать ему, не старался успокоить его, то хотя бы тысячу разъ говорилъ, что радуется его посѣщенію, ни какой гость ему не повѣрилъ бы, и справедливо, такъ какъ радость надобно показывать на дѣлѣ. Итакъ, когда и Христосъ пришелъ къ намъ, покажемъ, что мы Ему рады, и не будемъ дѣлать ничего, что можетъ оскорбить Его. Украсимъ домъ, въ который Онъ пришелъ: это свойственно радующимся. Предложимъ Ему трапезу, какую Онъ Самъ хочетъ: такъ свойственно веселящимся. Какая же это трапеза? Онъ Самъ говоритъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Меня* [1]). Напитаемъ Его алчущаго, напоимъ Его жаждущаго. Подай Ему только чашу холодной воды,—Онъ и это приметъ, потому, что любитъ тебя; приношенія лицъ любимыхъ, какъ бы (они) малы ни были, велики кажутся любящему. Только не покажи нерадѣнія. Повергни предъ нимъ двѣ лепты,—Онъ не отвергнетъ и ихъ, но приметъ, какъ большое богатство. Онъ не имѣетъ недостатка ни въ чемъ и принимаетъ это не по какой-либо нуждѣ; поэтому и справедливо измѣряетъ все не мѣрою даваемаго, но расположеніемъ дающаго. Только покажи, что любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сдѣлать, что ты радъ Его посѣщенію. Посмотри какую любовь Онъ имѣетъ къ тебѣ. Онъ пришелъ ради тебя, душу Свою положилъ за тебя, и послѣ всѣхъ этихъ благодѣяній не отказывается еще и упрашивать тебя: *По Христѣ молимъ*, говоритъ апостолъ, *яко Богу молящу нами*“ [2]).—Съ отрицательной стороны радушіе при подачѣ милостыни должно обнаруживаться въ терпѣніи любви, въ отсутствіи упрековъ со стороны подающаго. Съ положительной же стороны это радушіе обнаружится въ ласковости, привѣтливости, нѣжности, когда получающій милостыню сознаетъ, что помогающій ему, помогаетъ съ радостію, а не съ тяготою. „Подавай милостыню, увѣщеваетъ св. Іоаннъ Златоустый, а не укоряй, не бей, не брани; нищій, приходя къ тебѣ, надѣется получить врачевство, а не раны, милостыню, а не побои. Скажи мнѣ: если въ кого бросятъ камнемъ и онъ, съ раною на головѣ, весь въ крови, мимо всѣхъ другихъ пробѣжитъ подъ твою защиту: ужели ты кинешь въ него другимъ камнемъ, и нанесешь ему другую рану? Не думаю, чтобы ты такъ поступилъ; напротивъ, вѣрно постараешься и нанесенную ему рану исцѣлить. Для чего же ты съ бѣдными поступаешь не такъ?

---

[1]) Іоан., 4, 34; Бес. XX на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 134—135. [2]) 2 Кор., V, 20.

Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово можетъ или ободрить, или привести въ унынiе? *Лучше,* говорится, *слово, нежели даяніе* [1]). Ужели не разсудишь, что ты самъ на себя подъемлешь мечь и наносишь себѣ жесточайшую рану, когда обруганный тобою нищій пойдетъ отъ тебя безмолвно, вздыхая и обливаясь слезами? Нищаго посылаетъ къ тебѣ Богъ. Итакъ, обижая его, подумай, кому дѣлаешь обиду, когда самъ Богъ посылаетъ къ тебѣ и тебѣ велитъ подавать, а ты не только не подаешь, но еще и ругаешь пришедшаго. Если же не понимаешь, какъ это худо, то посмотри на другихъ, и тогда хорошо узнаешь всю важность своего преступленiя. Если твой слуга, по твоему приказанiю, пошелъ къ другому слугѣ взять у него твои деньги, и возвратился къ тебѣ не только съ пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сдѣлалъ обидѣвшему? Какому бы не подвергъ его наказанiю, будучи какъ бы самъ лично имъ обиженъ? Такъ точно суди о Богѣ: Онъ самъ посылаетъ къ намъ нищихъ, и когда мы даемъ, даемъ Божіе. Если же ничего не подавши, гонимъ еще отъ себя съ бранью, то подумай, сколькихъ громовъ и молнiй достойны мы за такое дѣло? Помышляя о всемъ этомъ, обуздаемъ языкъ, перестанемъ быть жестокосердыми, простремъ руки для подаянiя милостыни и будемъ не только снабжать бѣдныхъ имуществомъ, но и утѣшать словами, чтобы избѣгнуть намъ и наказанiя за злословiе, и наслѣдовать Царство за благословенiе и милостыню“ [2]). „Если ты—говоритъ святитель—не хочешь подать, то по крайней мѣрѣ, не оскорбляй; если не хочешь спасти отъ потопленiя;—по крайней мѣрѣ не ввергай въ пропасть“ [3]). „Въ самомъ дѣлѣ, если надлежитъ стыдиться тому, кто получаетъ милостыню въ присутствiи многихъ, то какую обиду наносятъ ему тогда, когда подаютъ ее еще съ упрекомъ и отворачиваясь отъ него? Какъ могутъ уязвить этимъ его душу? Мы... такъ сильно оскорбляемъ просящихъ и съ такимъ отвращенiемъ смотримъ на нихъ, какъ будто они причинили намъ величайшую обиду. Ты ничего не даешь ему: отчего же ты досадуешь? *Вразумляйте ихъ, какъ братьевъ,* сказалъ апостолъ, а не оскорбляйте, какъ враговъ. Кто вразумляетъ своего брата, тотъ дѣлаетъ это не всенародно, не выставляетъ его торжественно на позоръ, но въ тайнѣ и съ большою осторожностiю, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и съ плачемъ. Будемъ поэтому давать милостыню съ братскимъ усердiемъ, будемъ вразумлять съ братскою любовью, не о томъ скорбя, что даемъ милостыню... Если ты давъ ему милостыню, нанесешь оскорбленiе, то лишишься удовольствiя (доставляемаго тебѣ твоею) щедростiю. А если ты и не дашь ему ничего, и оскорбишь его, то

---

[1]) Сир., XVIII, 16. [2]) Бесѣда XXXV на Ев. Матѳея, т. X, стр. 393—394. [3]) Бесѣда LXXVII на Ев. Іоанна, т. 8, стр. 517.

какого зла не причинишь этому жалкому и злосчастному человѣку? Онъ пришелъ къ тебѣ, надѣясь получить милостыню,—и ушелъ, получивъ отъ тебя смертельную рану, и еще больше слезъ прольетъ послѣ этого. Такъ какъ бѣдность заставляетъ его просить милостыню, между тѣмъ ему наносятъ оскорбленіе за то, что онъ проситъ, то смотри, какое наказаніе постигнетъ оскорбляющихъ его. *Оклеветаяй убогаго*, сказано, *раздражаетъ сотворшаго его* [1]). Скажи мнѣ: Онъ попустилъ, чтобы тотъ нищенствовалъ ради тебя, чтобы ты могъ уврачевать себя, и ты оскорбляешь того, кто переноситъ ради тебя нищету? Какая жестокость! Какая неблагодарность въ этомъ поступкѣ! *Наказуйте*, говоритъ апостолъ, *якоже братьевъ*. И послѣ подаянія онъ заповѣдуетъ намъ вразумлять его. Если же мы ничего не давъ ему, станемъ наносить ему обиды, то что̀ послѣ этого скажемъ въ свое оправданіе?“ [2]). „Такимъ образомъ бываетъ двойная милостыня, когда мы даемъ съ охотою: *доброхотна бо дателя любитъ Богъ*. Если же ты раздашь, хотя бы тысячи талантовъ, съ гордостію, надменностію и тщеславіемъ, то погубишь все,—подобно тому, какъ и фарисей, который отдавалъ десятую часть изъ своего имущества, но превозносился и надмевался этимъ, вышелъ изъ храма, погубивъ все“ [3]). И св. отецъ особенно настаиваетъ на необходимость ласковости и своего рода нѣжности со стороны подающаго милостыню въ отношеніи принимающаго ее, который всегда переживаетъ тяжелыя минуты, получая одолженіе. „Одинъ премудрый мужъ—говоритъ, напримѣръ, св. Іоаннъ—, видя своекорыстіе и надменность человѣческой природы, и зная свойство бѣдности... въ наставленіи, чтобы кто на просьбы бѣдныхъ не гнѣвался и отъ раздраженія... не сдѣлался вмѣсто помощника гонителемъ, увѣщеваетъ быть снисходительнымъ и доступнымъ для нуждающихся: *приклони*, говоритъ онъ, *ухо твое къ нищему* безъ огорченія и *отвѣщай ему мирная въ кротости* [4]). Пекущійся о тѣхъ (бѣдныхъ) долженъ быть столь великодушнымъ, чтобы не только не увеличивать ихъ унынія укоризнами, но по возможности облегчать ихъ состояніе утѣшеніемъ. Какъ тотъ, кто претерпѣлъ обиду при большомъ изобиліи не чувствуетъ пользы отъ богатства, по причинѣ нанесенія обиды, такъ и тотъ, кто слышалъ ласковое слово и принялъ поданное съ утѣшеніемъ, болѣе веселится и радуется, и самый даръ бываетъ вдвое больше отъ такого способа даянія. Говорю это не отъ себя, но со словъ того, кто и выше предложилъ увѣщаніе. *Чадо*, говоритъ онъ, *во благихъ не даждь порока, и во всякомъ даяніи печали словесъ. Не устудитъ ли зноя роса? Тако лучше слово, нежели даяніе. Не ее ли слово—паче даянія благо?*

---

[1]) Притч. XIV, 31. [2]) Бесѣда на 2 посл. къ Ѳессал, т. 11, стр. 611. [3]) Бесѣда на 1 Кор., XI, 19, т. 3, стр. 259. [4]) Сир , IV, 8.

Обоя же у мужа благодатна [1]). На примѣрѣ Авраама святитель наглядно поучаетъ, что значитъ радушно служить нуждающимся. Авраамъ „самъ все дѣлаетъ и предлагаетъ. Онъ даже не призналъ себя достойнымъ сѣсть вмѣстѣ съ ними, но, когда они ѣли, онъ стоялъ предъ ними. Какое величіе страннолюбія! Какая глубина смиренномудрія! Какая возвышенность боголюбивой души! Когда они ѣли, этотъ столѣтній человѣкъ стоялъ предъ ними. Мнѣ кажется, что отъ великой радости и радушія онъ сталъ тогда выше своей немощи и какъ бы получилъ новыя силы... Видимъ мы, какъ велико было страннолюбіе праведника? Не на то только смотри, что онъ предложилъ хлѣбъ и тельца, но размысли о томъ, съ какимъ почтеніемъ, съ какимъ смиреніемъ исполнялъ онъ обязанность гостепріимства, не такъ, какъ многіе другіе, которые, хотя и сдѣлаютъ иногда что-нибудь подобное, но тщеславятся предъ своими посѣтителями... Тотъ, кто дѣлаетъ что-нибудь съ надменностію и поступаетъ такъ, какъ будто онъ болѣе даетъ, чѣмъ принимаетъ,—тотъ не знаетъ, что̀ дѣлаетъ... Но этотъ праведникъ зналъ, что дѣлалъ, а потому, во всемъ, что дѣлалъ, показывалъ духовную ревность... Будемъ всѣ подражать ему... Господь нашъ требуетъ отъ насъ изобытка усердія, а не множества яствъ, не трапезы роскошной, но сердца радушнаго, услугъ не на однихъ только словахъ, но и любви, происходящей отъ сердца, и чистаго намѣренія. Часто, вѣдь, усердное слово утѣшаетъ нуждающагося больше, чѣмъ подаяніе. Итакъ, зная это, никогда не будемъ негодовать на приходящихъ къ намъ; но если можемъ помочь ихъ нуждѣ, то сдѣлаемъ это съ радостію и радушіемъ, такъ какъ бы больше сами получали отъ нихъ, чѣмъ подавали имъ. Если же мы не въ состояніи помочь имъ..., окажемъ имъ услугу хотя словомъ, и будемъ говорить имъ съ кротостію“ [2]).

Чтобы заключить изложеніе взглядовъ на милостыню св. Іоанна Златоустаго, намъ остается сказать относительно сравнительной оцѣнки этимъ святителемъ различныхъ видовъ милостыни. Подробнаго развитія этой стороны въ ученіи о милостынѣ мы не находимъ въ твореніяхъ св. Іоанна. Мы уже видѣли, что онъ въ понятіе милостыни включаетъ не только подачу денегъ нуждающемуся, но и всякій родъ служенія ближнему [3]). Критеріемъ сравнительной цѣнности милостыни въ этомъ случаѣ служитъ степень личнаго участія благотворителя въ нуждѣ неимущаго. „Я знаю многихъ, говоритъ напримиръ, св. Іоаннъ, которые дошли до такого звѣрства, что изъ одной лѣности оставляютъ голодныхъ безъ помощи, отговариваясь такъ: теперь нѣтъ у меня слуги, домой идти далеко, а размѣнять не

---

[1]) Сир., XVIII, 15—17; „о священствѣ слово III“, т. 1, стр. 432—433. [2]) Бес. XLI на кн. Бытія, т. 4, стр. 452—455. [3]) Напр., бес. XXV на Дѣян. апост., т. 3, стр. 240—241 и др.

у кого. Какая жестокость! Больше ты обѣщалъ, а меньшаго не дѣлаешь. Ужели ему истаевать голодомъ, потому что тебѣ не хочется пройти нѣсколько шаговъ? Какая гордость! Какая спѣсь! Если бы тебѣ надлежало пройти и десять стадій, то зачѣмъ лѣниться? А не подумаешь, что за то было бы тебѣ больше награды? Когда подашь, то получишь награду только за подаяніе, а когда самъ пойдешь, то за это тебѣ будетъ другая награда. Такъ и патріарху дивимся потому, что онъ, имѣя триста восемнадцать домочадцевъ, самъ побѣжалъ въ стадо и взялъ тельца“ [1]). „Не стыдись собственною своею рукой послужить бѣдному. Христосъ не стыдился простирать руку и брать подаяніе черезъ бѣднаго, тебѣ стыдно протянуть руку и дать денегъ? Развѣ же это не постыдно? Если одна чаша холодной воды доставляетъ Царство Небесное, то какой, скажи мнѣ, плодъ принесетъ то, если ты сдѣлаешь бѣдняка... участникомъ трапезы и упокоишь его? Итакъ, не будемъ стыдиться служенія бѣднымъ, не будемъ отказываться собственными руками служить имъ, потому что наши руки освящаются чрезъ такое служеніе... Дать деньги—дѣло довольно обычное; но самому оказать помощь нуждающимся и сдѣдать это съ усердіемъ—для этого нужна великая и любящая душа“ [2]). Что касается сравнительной оцѣнки частной и общественной, собственно церковной благотворительности, то такой мы не встрѣтили въ твореніяхъ св. Іоанна Златоустаго. Св. отецъ только рѣшительно разграничиваетъ эти виды милостыни и, настаивая на долгѣ лично благотворить, настоятельно также совѣтуетъ приносить свои пожертвованія и въ церковную сокровищницу, при чемъ изъ твореній святителя ясно видно, какъ широко была развита и строго организована церковная благотворительность. „Многіе богачи—говоритъ св. Іоаннъ—, какъ скоро надобно подать бѣдному, представляются бѣднѣе самыхъ бѣдныхъ. А чѣмъ они часто оправдываются? Бѣдный, говорятъ, получаетъ изъ церковной казны. Какое тебѣ до того дѣло? Если я подаю, ты не спасешься за это; если церковь подаетъ, ты не загладишь этимъ своихъ грѣховъ. Если ты не подаешь потому, что церковь должна подавать нуждающимся, то (равнымъ образомъ), если священники молятся, развѣ ты поэтому не долженъ молиться? Другіе постятся,—развѣ ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству?... Все, что мы говоримъ о милостынѣ, говоримъ не для того, чтобы ты приносилъ пожертвованія къ намъ, но чтобы подавалъ ихъ самъ отъ себя. Принося ко мнѣ, ты, можетъ быть, впадешь въ тщеславіе, а иногда соблазнившись, отойдешь съ лукавымъ подозрѣніемъ; а если вы будете дѣлать все

---

[1]) Бытія, XIV, 14, XVII, 7. [2]) „О милостынѣ и страннолюбіи“, т. 12, стр. 660.

сами, то избавитесь отъ соблазна и неумѣстнаго подозрѣнія, и получите большую награду... Не будемъ же представлять такихъ предлоговъ и считать оправданіемъ для себя то, что Церковь имѣетъ много сокровищъ. Когда ты видишь въ ней много имущества, то представь также великое число записанныхъ бѣдныхъ, множество больныхъ, тысячи случаевъ къ издержкамъ; разбери, разсчитай, никто не препятствуетъ; мы даже готовы дать вамъ отчетъ... Церковь принуждена имѣть то, что теперь имѣетъ, по вашей скупости; а если бы все дѣлалось по правиламъ апостольскимъ, то доходъ ея составляло бы ваше расположеніе, которое было бы и безопаснымъ хранилищемъ, и неистощимымъ сокровищемъ. А теперь, когда вы собираете сокровища на землѣ и запираете все въ своихъ хранилищахъ, Церковь же принуждена производить издержки на общества вдовъ, на сонмы дѣвъ, на пріемъ странниковъ, на вспомоществованіе пришельцамъ, на утѣшеніе узниковъ, на облегченіе больныхъ и увѣчныхъ и на другія подобныя нужды, то что ей дѣлать?... Каждый изъ насъ дастъ отвѣтъ Богу за самого себя“ [1]).

Мы не считаемъ необходимымъ подробно перечислять всѣ тѣ виды служенія ближнимъ, которыя св. Іоаннъ разсматриваетъ со значеніемъ милостыни и къ которымъ побуждаетъ своихъ слушателей. Обратимъ лишь вниманіе на совѣтъ св. отца постоянно откладывать извѣстную часть денегъ въ особый ящикъ, по подражанію практикѣ апостольской Церкви, а также очень интересный взглядъ св. Іоанна на посмертную благотворительность.

Разсказавъ подробно своимъ слушателямъ о порядкѣ сбора въ пользу нуждающихся по церквямъ во времена апостоловъ, св Іоаннъ приглашаетъ всѣхъ подражать порядку, узаконенному св. ап. Павломъ. „Я—поучаетъ св. отецъ—говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, чѣмъ сами нуждающіеся... Но чтобы слова мои были дѣйствительнѣе и сильнѣе, для этого, ставъ подъ руководство Павла, буду говорить вамъ вмѣстѣ съ нимъ: *кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, еже аще что благооспѣшится*. Смотри, какъ это не трудно. Не сказалъ: столько-то или столько-то, но. *еже аще что благооспѣшится*, много ли, мало ли. И не этимъ только способомъ онъ дѣлаетъ совѣтъ свой удобоисполнимымъ, но и тѣмъ, что не повелѣваетъ вносить все въ одно время, такъ какъ, если собирать мало-по-малу, то служеніе и расходъ дѣлаются нечувствительными“ [2]). „*По единѣй отъ субботъ* т. е. въ день воскресный, *кійждо васъ*

---

[1]) Бесѣда XXI на 1 Кор., т. 10, стр 210—212. И въ словахъ „о священствѣ“ св. Іоаннъ настойчиво указываетъ на долгъ священниковъ тщательно заботиться о справедливомъ распредѣленіи суммъ, находящихся въ церковномъ распоряженіи и предназначенныхъ на вспомоществованіе бѣднымъ. [2]) Бес. XLIII на 1 Кор., т. 10, стр. 439—440.

что полагаетъ у себе, сохраняя, еже аще что благопоспѣшится. Смотри, какъ онъ убѣждаетъ самымъ временемъ: этотъ день самъ по себѣ достаточно располагаетъ къ милостынѣ... Повелѣваетъ не тотчасъ принести, но назначаетъ продолжительный срокъ и приводитъ причину: *да не егда приду,* говоритъ, *тогда собранія бываютъ*... будемъ постоянно обращаться къ Богу и слѣдовать блаженному Павлу: устроимъ въ своемъ домѣ ковчежецъ для бѣдныхъ, который пусть находится около того мѣста, гдѣ ты становишься на молитву, и всякій разъ, какъ приступаешь къ молитвѣ, наперёдъ положи милостыню, и потомъ возсылай молитву. Какъ ты не начинаешь молитвы, не умывши рукъ, такъ же не начинай ея и безъ милостыни. Положить милостыню не меньше значитъ, чѣмъ повѣсить Евангеліе близъ своей кровати; если ты, повѣсивъ Евангеліе, самъ ничего не будешь дѣлать, то не получишь столько пользы; а устроивъ такой ковчежецъ, ты имѣешь оружіе противъ діавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой домъ, сохраняя въ немъ Царское брашно. Пусть стоитъ этотъ ковчежецъ у твоей кровати, и ночь твоя будетъ безъ мечтаній; только не полагай въ него ничего отъ неправедныхъ стяжаній; дѣло твое—милостыня, а милостыня не можетъ быть отъ жестокосердія. Хотите ли, я укажу вамъ и источники, откуда заимствовать такія приношенія, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ легкими? Ремесленникъ, напримѣръ, сапожникъ, кожевникъ, мѣдникъ, или какой бы то ни было другой, продавъ что-нибудь изъ произведеній своего ремесла, пусть приноситъ початокъ цѣны Богу, пусть отлагаетъ нѣкоторую малую часть туда и этою малою частію подѣлится съ Богомъ; не многого требую, но столько, сколько приносили сыны іудейскіе, исполненные безчисленныхъ золъ, столько же будемъ отлагать и мы, чающіе небо. Впрочемъ, не поставляю этого закономъ, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не меньше десятой части. То же самое дѣлайте не только при продажѣ, но и при покупкѣ. То же правило пусть соблюдаютъ и владѣтели полей, при собираніи съ нихъ доходовъ; то же и всѣ пріобрѣтающіе праведно. Если мы утвердимся въ такой привычкѣ, то потомъ совѣсть будетъ укорять насъ, какъ скоро мы не станемъ исполнять этого правила; когда же сами испытаемъ, что это дѣло не трудное, то перейдемъ мало-по-малу къ высшимъ добродѣтелямъ“ [1]).

Очень интересно отмѣтить взглядъ св. Іоанна на посмертную благотворительность. Мы уже видѣли, какъ отрицательно относились великіе учители Церкви къ надеждѣ богатыхъ загладить свою жадность и скупость при посредствѣ завѣщаній въ пользу бѣд-

[1]) Бес. XLIII на 1 Кор., т. 10, стр 438, 443—444.

ныхъ. Не могъ иначе по существу, какъ отрицательно, относиться къ такому настроенію и св. Іоаннъ: „спасибо смерти, а не тебѣ“— говоритъ св. отецъ согласно со св. Василіемъ, о надеждѣ богатаго загладить грѣхи свои завѣщаніемъ въ пользу бѣдныхъ. Но однако, св. Іоаннъ значительно смягчаетъ въ этомъ случаѣ свои сужденія и даже доказываетъ *пользу для души умершаго* милостыни въ его память со стороны близкихъ родныхъ. „Поставъ въ завѣщаніи наслѣдникомъ Христа—совѣтуетъ, напримѣръ, святитель. Вѣдь наслѣднику должно быть живому; это будетъ свидѣтельствовать и о прекрасно направленной волѣ; къ тому же ты, хотя по необходимости, станешь щедрѣе. Христосъ повелѣлъ давать нищимъ для того, чтобы насъ живыхъ сдѣлать любомудрыми, чтобы убѣдить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не въ этомъ состоитъ презрѣніе денегъ, что умирая, и не будучи господиномъ, ты предоставляешь ихъ то тому, то другому. Не добровольно даешь остатокъ, но по крайней необходимости. *Смерти благодарность*, а не тебѣ. Это не есть дѣло нѣжной любви, но—нужды. Впрочемъ, пусть будетъ такъ, но *освободись же хоть тогда отъ страсти*... Но нѣкоторые дошли до такого безумія и испорченности, что даже и тогда (передъ смертію) не понимаютъ должнаго, а поступаютъ такъ, какъ-будто бы старались сдѣлать тяжелымъ для себя судъ Божій“ [1]). „Когда кто будетъ умирать—совѣтуетъ также св. Іоаннъ въ другой своей бесѣдѣ—, пусть родственники убѣждаютъ его передъ кончиной оставить что-нибудь бѣднымъ. Пусть съ этою одеждою онъ отойдетъ, пусть и Христа оставитъ своимъ наслѣдникомъ... Станемъ одѣвать душу, станемъ убирать ее въ продолженіе всей нашей жизни. Если же при жизни мы не радѣли о ней, образумимся, по крайней мѣрѣ, при смерти и завѣщаемъ сродникамъ нашимъ помочь намъ, по смерти, милостынею“ [2]). Такимъ образомъ, св. Іоаннъ, въ составленіи завѣщанія въ пользу бѣдныхъ, видитъ послѣднее доброе усиліе воли и готовъ былъ привѣтствовать его, какъ начало добродѣтели. Но св. отецъ и на этомъ не остановился и призывалъ своихъ слушателей творить милостыню въ память умершаго уже, указывая въ этой милостынѣ путь къ очищенію души усопшаго. Очевидно, что стать на такую точку зрѣнія позволялъ св. Іоанну тотъ взглядъ на милостыню, по которому ей принадлежитъ собственно религіозное значеніе, подобное молитвѣ. Несомнѣнна и особенная забота святителя о своихъ бѣдствующихъ пасомыхъ побуждали его и такимъ путемъ располагать къ милостынѣ. „Поистинѣ достойны слезъ (грѣшники)—поучаетъ св. Іоаннъ, когда

---

[1]) Бес. XVIII на посл. къ Ефес , т. 11, стр. 154. [2]) Бес. LXXXV на Ев. Іоанна, т 8, стр 583—584.

они предстанутъ предъ престоломъ Христовымъ, какія они услышатъ слова, какія потерпятъ мученія! Напрасно жили они; или лучше, не напрасно, а во вредъ (себѣ). И о нихъ прилично сказать: *добрѣе было бы имъ, аще не бы родились*[1]). (Этотъ) всю жизнь трудился напрасно, и ни одного дня не жилъ для себя, но для удовольствій, для роскоши, для любостяжанія, для грѣха, для діавола. О немъ ли не будемъ плакать, скажи мнѣ? Его ли не постараемся исхитить отъ опасностей? Есть, подлинно есть возможность облегчить его наказаніе, если пожелаемъ. Такъ, если будемъ совершать за него частыя молитвы; если будемъ подавать милостыню,— то, хотя онъ самъ былъ и недостоинъ, Богъ услышитъ насъ. Если ради Павла Онъ спасалъ другихъ, и ради другихъ милуетъ иныхъ, то не сдѣлаетъ ли того же самаго и ради насъ? Изъ собственнаго его имѣнія, изъ твоего, изъ чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мѣрѣ, воду. Онъ не можетъ предъявить собственныхъ дѣлъ милосердія? Пусть будутъ хотя родственныя. Не имѣетъ совершенныхъ имъ самимъ? Пусть будутъ (совершенныя) за него. Такимъ образомъ, жена можетъ ходатайствовать за него съ дерзновеніемъ, предъявивъ за него потребное для спасенія. Чѣмъ въ бо̀льшихъ онъ виновенъ грѣхахъ, тѣмъ болѣе необходима для него милостыня. И не потому только, но и потому, что теперь она уже не имѣетъ такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творитъ ли её кто самъ, или за него. Итакъ, чѣмъ она менѣе (въ силѣ), тѣмъ болѣе мы должны увеличивать её по количеству... Не о памятникахъ, не о надгробныхъ украшеніяхъ будемъ заботиться. Ты собери вдовицъ,—вотъ наилучшій памятникъ! Скажи (имъ) имя (покойнаго); пусть всѣ творятъ за него молитвы и моленія. Это преклонитъ на милость Бога; хотя и не онъ самъ, а другой за него совершаетъ милостыню. Это сообразно съ человѣколюбіемъ Божіимъ. Стоящія вокругъ и плачущія вдовицы могутъ спасти, если не отъ настоящей, то отъ будущей смерти. Многіе получили пользу отъ милостынь, совершаемыхъ за нихъ другими. Если они и не совершенно (помилованы), то по крайней мѣрѣ получили нѣкоторое утѣшеніе. Въ противномъ же случаѣ, какъ спаслись бы дѣти, которыя сами отъ себя ничего не представляютъ, а все—родители? И часто женамъ даруемы были дѣти, которыя сами отъ себя ничего не представляли. Много путей ко спасенію даровалъ намъ Богъ, только бы сами мы не были нерадивыми. Но что, скажешь, если кто бѣденъ? Опять скажу, что о достоинствѣ милостыни судится не только потому, что дается, но и по усердію. Не давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А если кто, скажешь,

---

[1]) Марк., XIV, 21.

одинокъ, чужой и никого не имѣетъ? А почему онъ никого не имѣетъ, скажи мнѣ? За то самое онъ и подвергается наказанію, что не имѣетъ никого, такъ близкаго, такъ добродѣтельнаго. Поэтому, если мы сами не добродѣтельны, то должны стараться имѣть добродѣтельныхъ товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и черезъ нихъ, хотя и малую, однакоже пользу. Если постараешься взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь имѣть утѣшеніе. Равнымъ образомъ, если постараешься оставить по себѣ не богатаго, но благочестиваго сына и честную дочь, то и тогда будешь имѣть это утѣшеніе. А если будешь заботиться объ этомъ, то и самъ будешь таковъ. Добродѣтели свойственно имѣть такихъ друзей, и жену, и дѣтей. Не напрасно бываютъ приношенія за умершихъ, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установилъ Духъ, желая, чтобы мы приносили другъ другу взаимную пользу. Смотри: тотъ получаетъ пользу черезъ тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратилъ имущество, рѣшившись сдѣлать доброе дѣло,—и ты для него сталъ виновникомъ спасенія, а онъ для тебя (виновникомъ) милостыни. Не сомнѣвайся, что это принесетъ добрый плодъ. Не напрасно діаконъ возглашаетъ: *о иже о Христѣ усопшихъ, о иже памяти о нихъ совершающихъ*. Не діаконъ изрекаетъ эти слова, но Духъ Святый; разумѣю дарованіе Его“ [1]).

Изложеніемъ ученія о милостынѣ св. Іоанна Златоустаго можно было бы закончить обзоръ ученія о милостынѣ всей восточной древней Церкви, такъ какъ вопросъ разсмотрѣнъ святителемъ съ исчерпывающей полнотой. Но считаемъ все же не лишнимъ въ дополненіе къ изложенному ученію святыхъ отцовъ восточной Церкви еще сдѣлать краткія замѣчанія о взглядѣ на милостыню христіанскихъ подвижниковъ-монаховъ. Мы не излагали ихъ ученія о собственности, а въ связи съ этимъ о богатствѣ и бѣдности, потому что общемонашескій взглядъ на эти предметы открывается со всею несомнѣнностію изъ подвижническихъ уставовъ. Что же касается взгляда на милостыню, то въ аскетической письменности онъ раскрывается нѣсколько иначе, какъ бы своеобразнымъ путемъ, сравнительно съ постановкой вопроса въ общецерковномъ ученіи. И намъ не трудно понять необходимость своеобразной постановки вопроса въ аскетической письменности. Дѣло въ томъ, именно, что ученіе о милостынѣ находится въ неразрывной связи съ ученіемъ о собственности, какъ это мы уже видѣли. Въ виду отрицанія иноческими уставами института частной собственности передъ

---

[1]) Бес. XXI на Дѣянія апостольскія, т. 9, стр. 205—207, сравн. бес. LXXXV на Ев. Іоанна, т. 8, стр 582 и др.

монахами и въ особенности идейными руководителями иноческой жизни неизбѣжно возникалъ вопросъ: какъ же смотрѣть на долгъ творить милостыню, долгъ, заповѣданный Господомъ и имѣющій, по ученію Церкви, всеобщее значеніе? Отвѣтить, что монахъ свободенъ отъ этого долга значило бы стать въ противорѣчіе съ общецерковнымъ пониманіемъ всеобщности долга творить милостыню. А если стремиться выполнить этотъ долгъ въ такой именно формѣ, въ какой онъ обычно осуществлялся въ мірской жизни, значило отказаться практически отъ основного принципа иночества—отрицанія права частной собственности въ монашескомъ общежитіи и внести въ иноческую жизнь великій соблазнъ оправдывать ссылкою на долгъ творить милостыню страсть любостяжанія, какъ объ этомъ соблазнѣ ясно говорятъ подвижническія писанія. Вотъ эта сторона дѣла, именно—согласованіе всеобщности долга творить милостыню съ монашескимъ обѣтомъ отреченія отъ собственности и представляется, собственно, интереснымъ оттѣнить въ подвижническомъ ученіи, такъ какъ остальные вопросы о побужденіяхъ къ милостынѣ, свойствахъ ея и т. д. рѣшаются и въ аскетической письменности по существу одинаково съ общецерковнымъ взглядомъ на предметъ

Едва ли будетъ ошибочно назвать преп. Исаака Сарскаго наиболѣе яркимъ проповѣдникомъ созерцательнаго аскетизма. Нельзя болѣе сильно оттѣнить значеніе совершеннаго безмолвія и совершеннаго отреченія отъ общенія съ людьми для бесѣды души съ Богомъ, чѣмъ сдѣлано это преп. Исаакомъ. И однако, въ его же наставленіяхъ мы встрѣчаемъ очень опредѣленно выраженное указаніе на всеобщее значеніе долга творить милостыню и при томъ характеризуется значеніе милостыни буквально согласно съ ученіемъ великаго проповѣдника христіанской общественности св. Іоанна Златоустаго. „Если имѣешь что лишнее для дневной потребности—совѣтуетъ преп. Исаакъ—, раздай это нищимъ, и иди съ дерзновеніемъ приносить молитвы твои, т. е. бесѣдуй съ Богомъ, какъ сынъ съ отцемъ. Ничто не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, какъ милостыня, и ничто не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная бѣдность“ [1]). „Хочешь ли—спрашиваетъ авва въ другомъ своемъ словѣ—умомъ своимъ быть въ общеніи съ Богомъ, пріявъ въ себя ощущеніе онаго услажденія, не порабощеннаго чувствомъ?—Послужи милостынѣ. Когда внутри тебя обрѣтается она, тогда изображается въ тебѣ оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дѣлъ милостыни производитъ въ душѣ общеніе съ Божествомъ безъ посредства какого-либо времени къ единенію съ славою свѣтлости“ [2]). „Даю же тебѣ, братъ, и сію

[1]) Слово 56, стр. 285—286 рус. пер. изд. 1893 г. [2]) Слово 1, стр. 14.

заповѣдь: пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня, пока на самомъ себѣ не ощутишь той милостыни, какую имѣешь ты къ міру. Наше милосердіе пусть будетъ зерцаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и въ сущности Божіей. Симъ и подобнымъ сему будемъ просвѣщаться для того, чтобы намъ съ просвѣтленнымъ произволеніемъ подвигнуться къ житію по Богу. Сердце жестокое и немилосердое никогда не очистится. Человѣкъ милостивый—врачъ своей души, потому что какъ бы сильнымъ вѣтромъ изъ внутренности своей онъ разгоняетъ омраченіе страстей. Это, по Евангельскому слову жизни, добрый долгъ, данный нами въ заемъ Богу“ [1]). При этомъ преп. Исаакъ характеризуетъ христіанскую милостыню, какъ выраженіе добраго настроенія благотворителя, и цѣнность ея полагаетъ не въ деньгахъ, которыхъ могло и не быть у монаха, но въ такомъ или иномъ проявленіи милосердія. „Когда подаешь—поучаетъ преп. авва,—подавай съ великодушіемъ, съ ласковостію на лицѣ, и снабди въ большей мѣрѣ, нежели сколько просилъ. Ибо сказано: *посли хлѣбъ твой на лице воды* и не по многомъ времени найдешь воздаяніе [2]). Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго, и не старайся распознавать достойнаго отъ недостойнаго: пусть всѣ люди будутъ для тебя равны для добраго дѣла. Ибо симъ способомъ можешь и недостойныхъ привлечь къ добру, потому что душа посредствомъ тѣлеснаго скоро привлекается въ страхъ Божій. И Господь раздѣлялъ трапезу съ мытарями и блудницами и не отлучалъ отъ себя недостойныхъ, чтобы симъ способомъ всѣхъ привлечь въ страхъ Божій, чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились къ духовному. Поэтому благотвореніемъ и честію уравнивай всѣхъ людей, будетъ ли кто іудей, или невѣрный, или убійца, тѣмъ паче, что и онъ братъ тебѣ, одной съ тобой природы, и не съ вѣдѣніемъ заблудился отъ истины. Когда сдѣлаешь кому добро, не жди отъ него воздаянія, и за то и за другое вознаградитъ тебя Богъ. А если возможно для тебя, дѣлай добро и не ради будущаго воздаянія“ [3]). „Если возложишь на душу свою правило нищеты—говоритъ пр. Исаакъ—, и, по благодатіи Божіей, освободишься отъ попеченій и нищетою своею станешь выше міра, то смотри, не возлюби стяжанія по нищелюбію, для подаянія милостыни, не ввергни души своей въ смятеніе тѣмъ, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести своей подчиненностію людямъ, и прося у нихъ, не утрать свободы и благородства ума своего въ попеченіи о житейскомъ... Если есть у тебя имѣніе, расточи вдругъ. Если же ничего не имѣешь, и не желай имѣть“. „Ибо подавать нищимъ изъ собственности своей, одѣть нагого, любить

[1]) Слово 41, стр. 178. [2]) Еккл., XI, 1. [3]) Слово 56, стр. 286—287.

ближняго, какъ себя самого, не обижать, не лгать,—это провозглашалъ и законъ ветхій; совершенство же Евангельскаго домостроительства повелѣваетъ такъ: *отъ взимающаго твоя не истязуй, и всякому просящему дай.* И должно съ радостію терпѣть не только отъятіе какой-либо вещи и прочее внѣшнее, но и самую душу полагать за брата. Тотъ милостивый, а не тотъ, кто подаяніемъ только оказываетъ милость брату своему! Но и тотъ милостивъ, кто услышитъ или увидитъ что-либо, опечаливающее брата его, и возгорится сердцемъ, а равно и тотъ, кто, если заушенъ братомъ своимъ, не возъимѣетъ столько безстыдства, чтобы отвѣчать и опечалить сердце его" [1]).

Но если, такимъ образомъ, совершать милостыню равно необходимо и для монаха, то возникаетъ практическій вопросъ: какимъ образомъ монахъ можетъ исполнять этотъ долгъ по отреченіи отъ собственности? Св. подвижники довольно много занимались этимъ вопросомъ въ своихъ наставленіяхъ и указали, какъ истинное пониманіе этого долга въ условіяхъ монашескаго строя жизни, такъ и обличили неправильное или лицемѣрное представленіе, по которому, ради исполненія долга милостыни можно нарушать обѣтъ совершенной нестяжательности.

Въ первомъ случаѣ отцы-подвижники указывали и оттѣняли то, что съ одной стороны величина милостыни, не зависитъ отъ количества подаваемаго, а съ другой, что не деньги нужны для того, чтобы милостыня была богоугодной.

„Испытаемъ себя, возлюбленные—совѣтуетъ преп. авва Исаія—, исполняетъ ли каждый изъ насъ заповѣди Господни по силѣ своей, или нѣтъ: ибо всѣ мы долгъ имѣемъ исполнять ихъ по силѣ нашей, малый по малости своей, великій—по великости своей. Вметавшіе дары свои въ сокровищехранительницу богаты были, но Господь обрадованъ былъ паче бѣдною вдовою, ради двухъ лептъ ея, потому, что Богъ смотритъ на произволеніе наше. Не дадимъ же мѣста въ сердцѣ своемъ унынію (что не многое можемъ сдѣлать), чтобы завидованіе другимъ не отлучило насъ отъ Бога, но будемъ исполнять служенія свои по бѣдности своей... Ибо у Него (Господа) нѣтъ лицемѣрія ни къ малому, ни къ великому, ни къ богатому, ни къ бѣдному, но произволенія добраго ищетъ Онъ и вѣры въ Него, и исполненія заповѣдей Его, и любви ко всѣмъ" [2]). И ни одинъ монахъ не бѣденъ настолько, чтобы не имѣлъ возможности выполнить долгъ творить милостыню, такъ какъ сущность ея въ сердцѣ милующемъ. „Никто не можетъ сказать—по словамъ преп. аввы Дорооеея—: я нищъ, мнѣ не изъ чего подавать милостыню; но если ты

---

[1]) „Посланіе къ иноку Николаю", гл 31; добротол., т 1, стр. 514—515. [2]) Слово VII, 17, см. „Добротолюбіе", изд. 2, т. 1, стр. 331—332.

не можешь дать столько, сколько оные богачи, влагавшіе дары свои въ сокровищницу, то дай двѣ лепты, подобно оной убогой вдовицѣ, и Богъ приметъ это отъ тебя лучше, чѣмъ дары оныхъ богатыхъ. Если и того не имѣешь, имѣешь силу и можешь служеніемъ оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Можешь словомъ утѣшить брата своего; и такъ, окажи ему милосердіе словомъ и услышь сказанное: *слово благо паче даянія.* Если ты и словомъ не можешь помочь ему, то можешь, когда огорчится на тебя братъ твой, оказать ему милость и потерпѣть ему во время его смущенія, видя его искушаемымъ отъ общаго врага, и вмѣсто того, чтобы сказать ему одно слово и тѣмъ болѣе смутить его,—промолчать; симъ окажешь ему милость, избавляя душу его отъ врага. Можешь также, когда согрѣшитъ предъ тобою братъ твой, помиловать его и простить грѣхъ его... Итакъ ты окажешь милость душѣ брата твоего... И такимъ образомъ, не имѣя чѣмъ оказать милосердіе тѣлу, милуешь душу его. А какая милость болѣе той, чтобы помиловать душу? И какъ душа драгоцѣннѣе тѣла, такъ и милость, оказанная душѣ, больше оказанной тѣлу“ [1]).

Какъ видимъ, преп. авва Дароѳей смотритъ на милостыню болѣе широко, чѣмъ на помощь лишь матеріальную. И это обычная подвижническая точка зрѣнія [2]). „Говорится у пророка Даніила—пишетъ, напримѣръ, пр. Маркъ подвижникъ: *грѣхи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами (убогихъ)* [3])“. Но можетъ быть ты скажешь: я не имѣю денегъ, какъ ущедрю убогаго? Не имѣешь денегъ, но имѣешь хотѣнія; отрекись отъ нихъ, и посредствомъ ихъ совершай благое. Не можешь благотворить рукою тѣлесно? Благотвори правымъ произволеніемъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, остави ему*, по слову Господню, и это составитъ для тебя великую милостыню... Великое дѣло, если кто, имѣя деньги, подастъ милостыню убогимъ; миловать же ближнихъ въ согрѣшеніяхъ ихъ (противъ насъ) на столько больше для полученія прощенія грѣховъ, на сколько душа, по естеству своему, честнѣе тѣла“ [4]). У бл. Діадоха мы находимъ указаніе и на такой видъ вещественной милостыни, который былъ доступенъ и монахамъ, отрекшимся отъ собственности, это именно воздержаніе въ пищѣ для того, чтобы излишекъ ея пожертвовать неимущимъ. „Воздержаніе въ яствахъ—говоритъ блаженный—такъ должно было бы соблюдать..., чтобы, удаляя себя отъ многихъ и полезныхъ снѣдей, мы соразмѣрно обуздывали воспламеняющіеся плотскіе члены,

---

[1]) Поученіе XIV „о созиданіи добродѣтелей“, стр. 176—177 русскаго перевода. [2]) „Посланіе къ иноку Николаю“, гл. 31; см. „Добролюбіе“, т 1, стр. 514—515. [3]) Слово 56, стр. 286—287. [4]) Тамъ же, стр. 278—279.

а затѣмъ, избытокъ нашъ былъ достаточнымъ сбереженіемъ для нищенствующихъ, что̀ именно служитъ признакомъ искренней любви“ [1]).

И когда св. подвижники настаивали на томъ, что долгъ творить милостыню имѣетъ обязательную силу и для монаха, то, какъ сказали мы ранѣе, они предусматривали и возможныя перетолкованія этого долга въ направленіи возможности не исполнять, какъ должно, своего обѣта нестяжательности подъ предлогомъ милостыни. У многихъ отцовъ-подвижниковъ встрѣчаются очень опредѣленныя указанія на то, какъ человѣческія лицемѣріе и любостяжательность не останавливались даже передъ извращеніемъ слова Божія „ради страсти сребролюбія“. Преп. Маркъ подвижникъ, напримѣръ, стремится предупредить возможныя въ монашеской жизни перетолкованія всеобщности долга творить милостыню указаніемъ на то, что заповѣдь о милостынѣ, какъ часть болѣе общей заповѣди—отдать все свое состояніе, исполняется монахомъ всецѣло въ раздачѣ разомъ своего имущества и признаніемъ обѣта отреченія отъ собственности. „Заповѣди—разсуждаетъ преподобный—однѣ суть болѣе общія, которыя заключаютъ въ себѣ многія изъ частныхъ и многія части порока отсѣкаютъ за одинъ разъ... Напримѣръ въ Писаніи сказано: „*Всякому просящему у тебя дай*“... и „*хотящему заяти отъ тебе, не отврати*“: это суть заповѣди частныя. Общая же, заключающая ихъ въ себѣ: *продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ*, и, *вземъ крестъ твой, гряди вслѣдъ Мене*, разумѣя подъ крестомъ терпѣніе постигающихъ насъ скорбей. Ибо все раздавшій нищимъ и взявшій крестъ свой, исполнилъ разомъ всѣ вышеозначенныя заповѣди“ [2]). И мы уже видѣли, что преп. Маркъ понимаетъ долгъ творить милостыню гораздо шире, чѣмъ только давать деньги просящимъ [3]). Особенно подробно останавливается на неправильности въ пониманіи нѣкоторыми всеобщности долга творить милостыню преп. Іоаннъ Кассіанъ, утверждаясь на опытѣ печальной дѣйствительности своего времени, когда не останавливались даже и передъ извращеніемъ истиннаго смысла Писанія ради сребролюбія. „Никто не можетъ служить Богу и маммонѣ—говоритъ преп. Іоаннъ, *и никто, возложившій руку свою на плугъ, и озирающійся назадъ, неблагонадеженъ для Царствія Божія*. Такіе стараются найти себѣ поводъ къ прежнему корыстолюбію въ свидѣтельствѣ Священнаго Писанія. Въ превратномъ смыслѣ толкуя, усиливаются извратить изреченіе апостола, или лучше Господа, и принаровить по своему желанію не свою жизнь или разумъ, приспособляя къ смыслу Священнаго Писанія, но дѣлая натяжку Св. Писанія по желанію своей страсти, хотятъ, чтобы оно

[1]) „Аскетическое слово“, гл. XLIII, стр. 143—148, русск. перев. проф. Попова. [2]) „Посланіе къ иноку Николаю“, гл. 34; „Добролюбіе“, т. 1, стр. 516. [3]) Тамъ же, гл. 31, стр. 514.

согласовалось съ ихъ мнѣніями, и говорятъ, что написано: *болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели, чтобы брать.* Превратнымъ толкованіемъ этого они думаютъ ослабить слѣдующее изреченіе Господа: *если хочешь быть совершенъ, пойди продай имѣніе твое, и раздай нищимъ, и получишь сокровище на Небеси, и приходи, слѣдуй за Мною.* Думаютъ, что они подъ этимъ предлогомъ не должны оставлять свое богатство, именно считая себя болѣе блаженными, если... отъ избытка его удѣляютъ и другимъ... Такіе должны знать, что они или сами себя обманываютъ, и никакъ не отреклись отъ этого міра, полагаясь на прежнее богатство, или, если хотятъ самымъ дѣломъ исполнить монашескіе обѣты, отвергнувъ и расточивъ все.. съ апостоломъ прославятся въ голодѣ и жаждѣ, въ холодѣ и наготѣ“ [1]). „Итакъ, если хотимъ послѣдовать Евангельской заповѣди и быть подражателями апостола и всей первенствующей Церкви, или отцовъ, которые въ наши времена послѣдовали добродѣтелямъ и совершенству ихъ, то не должны мы полагаться на свои мнѣнія, обѣщая себѣ Евангельское совершенство отъ этого холоднаго и жалкаго состоянія; но послѣдуя стопамъ ихъ, должны стараться не обманывать самихъ себя и такъ будемъ исполнять монастырское благочиніе и постановленіе, чтобы намъ, поистинѣ, отречься отъ этого міра“ [2]). Подобное же утверждаютъ бл. Діадохъ и пр. Іоаннъ Лѣствичникъ. Первый даетъ такія наставленія: „Весьма прилично и совершенно полезно намъ, познавшимъ путь благочестія, тотчасъ все находящееся у насъ распродать..., а не ослушаться Спасительной заповѣди, подъ предлогомъ постояннаго желанія совершать заповѣди... Господь, конечно, потребуетъ отъ насъ отчета въ милостынѣ по елику имѣемъ. Поэтому, если я то, что имѣлъ дать въ теченіе многихъ лѣтъ, по страху Божію полезно расточаю въ немногое время, то я ничего неимѣющій, за что же еще буду осужденъ? Но кто-нибудь скажетъ: откуда же впредь будутъ получать милостыню бѣдные, постоянно привыкшіе содержаться отъ нашего незначительнаго имущества? Таковой да научится не поносить Бога подъ предлогомъ собственнаго сребролюбія. Ибо Богъ не перестаетъ устроять свое твореніе, какъ отъ начала [3]).

Преп. Іоаннъ Лѣствичникъ указываетъ также на лицемѣрную основу рѣчей монашествующихъ о долгѣ творить милостыню. И онъ заповѣдуетъ: „не говори, что собираешь деньги ради нищихъ; ибо двѣ лепты вдовицы купили Царство Небесное... Сребролюбіе начинается подъ видомъ раздаванія милостыни, а оканчивается

---

[1]) „Посланіе къ Кастору, епископу Антскому, о правилахъ общежительныхъ монастырей“, кн. VII, гл. 15—16, стр. 92—93, рус. пер. еп. Петра. [2]) Тамъ же, гл. XVIII, стр. 95. [3]) „Аскетическое слово“, гл. LXV—XLVI, стр. 348—351.

ненавистію къ бѣднымъ. Сребролюбецъ бываетъ милостивъ, пока собираетъ деньги, а какъ (скоро) накопилъ ихъ—такъ и сжалъ руки“ [1]). „Бѣсъ сребролюбія—по убѣжденію преподобнаго—борется съ нестяжательными, и когда не можетъ ихъ одолѣть, тогда представляетъ имъ нищихъ, и тогда видомъ милостыни увѣщеваетъ ихъ, чтобы они изъ невещественныхъ, сдѣлались опять вещественными“ [2]).

На ученіи св. отцовъ-подвижниковъ о свойствахъ истинно христіанской милостыни не будемъ останавливаться подробно, такъ какъ вообще въ подвижническихъ наставленіяхъ мало вниманія удѣлялось ученію о милостынѣ и новаго чего-либо въ этомъ отношеніи они не сказали. Позволимъ себѣ только привести слова преп. аввы Дороѳея о совершенномъ безкорыстіи христіанской милостыни, слова, отличающіяся рѣдкой выразительностію. „Благоугодная (воля Божія) та, когда кто дѣлаетъ милостыню не по какому-нибудь побужденію человѣческому, но ради самаго добра, изъ одного состраданія: сіе благоугодно Богу. Совершенная же (воля Божія) есть та, когда кто творитъ милостыню, ни со скупостію, не съ лѣностію, не съ презрѣніемъ, но всею силою и всѣмъ произволеніемъ, подавая такъ, какъ будто бы принималъ самъ, и такъ благодѣтельствуя, какъ будто бы самъ принималъ благодѣяніе: тогда исполняется совершенная воля Божія... Но должно знать и самое благо милостыни, и самую благодать ея,—она столь велика, что можетъ прощать и грѣхи... Самъ Господь сказалъ: *„Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть.* Не сказалъ: поститесь, какъ и Отецъ вашъ небесный постится; не сказалъ: будьте нестяжательны, какъ и Отецъ вашъ небесный нестяжателенъ. Но что говоритъ: *Будите милосерди...*, ибо сія добродѣтель особенно подражаетъ Богу и изображаетъ Его. Итакъ, всегда должно взирать на эту цѣль и разумно дѣлать добро: ибо и въ цѣли милостыни есть великое различіе. Иной подаетъ милостыню для того, чтобы благословилось поле его, и Богъ благословляетъ его поле. Другой подаетъ милостыню для того, чтобы спасся его корабль, и Богъ спасаетъ корабль его. Иной подаетъ её за дѣтей своихъ, и Богъ спасаетъ и хранитъ дѣтей его. Другой подаетъ её для того, чтобы прославиться, и Богъ прославляетъ его. Ибо Богъ не отвергаетъ никого, но каждому подаетъ то, чего онъ желаетъ, если только это не вредитъ душѣ его. Но всѣ сіи уже получили награду свою, и Богъ ничего не дѣлаетъ имъ потому, что они ничего не искали себѣ у Него; и цѣль, которая была у нихъ въ виду, не имѣла отношенія къ ихъ душевной пользѣ. Ты сдѣлалъ это, чтобы благословилось поле твое, и Богъ благословилъ твое поле; ты сдѣлалъ сіе за дѣтей своихъ, и Богъ сохранилъ дѣтей твоихъ. Ты сдѣлалъ

---

[1]) „Лѣствица“, слово XVI о сребролюбіи, стр. 177 рус. пер [2]) Слово XXVI, стр. 270.

это, чтобы прославиться, и Богъ прославилъ тебя. Итакъ, что же долженъ тебѣ Богъ? Онъ отдалъ тебѣ плату, за которую ты дѣлалъ. Иной подаетъ милостыню для того, чтобы избавиться отъ будущаго мученія; этотъ подаетъ ее для души своей; этотъ подаетъ ее ради Бога. Однако-же и онъ не таковъ, какъ хочетъ Богъ, ибо онъ еще находится въ состояніи раба, а рабъ не добровольно исполняетъ волю господина своего, но боясь быть наказаннымъ: также и сей подаетъ милостыню для того, чтобы избавиться отъ мученія, и Богъ избавляетъ его отъ онаго. Другой подаетъ милостыню, чтобы получить награду: сіе выше перваго, но и этотъ не таковъ, какъ хочетъ Богъ: ибо онъ еще не находится въ состояніи сына, но, какъ наемникъ, исполняетъ волю господина своего, чтобы получить отъ него и плату, и прибыль· такъ же и сей подаетъ милостыню для того, чтобы пріобрѣсть и получить награду отъ Бога. Ибо тремя образами, какъ говоритъ св. Григорій, можемъ мы дѣлать доброе: или дѣлаемъ доброе боясь мученій, и тогда мы находимся въ состояніи раба; или для того, чтобы получить награду, и тогда мы находимся въ расположеніи наемника, или дѣлаемъ добро ради самаго добра, и тогда находимся на степени сына: ибо сынъ исполняетъ волю отца не изъ страха, и не потому, что хочеть получить отъ него награду, но желая угодить ему, почтить и успокоить. Такъ и мы должны подавать милостыню ради самаго добра, сострадая другъ другу, какъ своимъ членамъ, и такъ угождать другимъ, какъ бы мы сами принимали отъ нихъ услуги; подавай такъ, какъ будто бы мы сами получаемъ, и вотъ сія то есть разумная милостыня; такъ приходимъ мы въ состояніе сына“ [1]).

Западная церковная мысль четвертаго и начала пятаго вѣка вопросы о милостынѣ освѣщала, въ общемъ, согласно съ началами, положенными въ основу пониманія христіанскаго ученія великими учителями древней Церкви. Но такое принципіальное согласіе не препятствовало, конечно, тому, что на Западѣ вопросъ о милостынѣ разсматривался нѣсколько подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ на древне-христіанскомъ Востокѣ. Такъ какъ въ поученіяхъ восточныхъ учителей Церкви христіанскій взглядъ на милостыню выраженъ во всей полнотѣ и въ совершенномъ согласіи съ абсолютностію Евангельской точки зрѣнія на предметъ, то намъ нѣтъ особенныхъ побужденій излагать воззрѣнія западныхъ церковныхъ писателей со всею подробностію, и мы ограничимся лишь немногими выдержками изъ твореній этихъ писателей, могущими какъ показать принципіальное согласіе общецерковнаго ученія о милостынѣ, такъ и оттѣнить нѣкоторую своеобразность постановки проблемы на хри-

[1]) Поученіе XIV „о созиданіи добродѣтелей“, стр. 174—176.

стіанскомъ Западѣ. Ограничимся и немногими именами—Лактанція, св. Амвросія, бл. Августина и бл. Іеронима.

Лактанцій разсматриваетъ христіанское ученіе о милостынѣ въ очень интересномъ апологетическомъ освѣщеніи этого ученія, сравнивая его съ отрицательными взглядами на долгъ благотворенія извѣстной части римской философской мысли. И въ этомъ случаѣ Лактанцій утверждаетъ долгъ милостыни прежде всего на основѣ естественнаго чувства состраданія, а затѣмъ—требованія истинной справедливости, какъ разумнаго начала человѣческихъ отношеній. Всѣ мы—говоритъ Лактанцій—соединены родствомъ, потому что происходимъ отъ перваго человѣка.... Мы всѣ братья, потому что души наши суть твореніе одного и того же Бога. Союзъ этотъ гораздо тѣснѣе и святѣе, нежели союзъ нашъ съ тѣломъ; и Лукрецій не ошибся, сказавши, что мы всѣ уроженцы неба и всѣ имѣемъ одного Отца. Слѣдовательно надобно считать свирѣпыми звѣрьми тѣхъ, которые, отвергши всякое чувство человѣколюбія, грабятъ людей, мучатъ ихъ и умерщвляютъ. Богъ хочетъ, чтобы мы такъ религіозно хранили между собою этотъ братскій союзъ, что запрещаетъ намъ кому бы то ни было причинять зло, и велитъ каждому непремѣнно дѣлать добро. Онъ изъясняетъ это такимъ образомъ: надлежитъ помогать братьямъ въ нуждѣ и доставлять имъ способы пропитанія, когда они находятся въ бѣдности. Потому то Богъ повелѣлъ, чтобы мы жили въ обществѣ, и въ каждомъ человѣкѣ видѣли самихъ себя... Я намѣренъ опровергнуть здѣсь заблужденіе тѣхъ, которые думаютъ, что не надобно никому ничего давать... Надобно имѣть чувства человѣчества, если мы хотимъ удержать за собою имя человѣка. Что же иное значитъ имѣть чувства человѣчества, какъ не то, чтобы искренно любить людей, потому что природа ихъ такая же, какъ и наша? Ничего нѣтъ противнѣе природѣ человѣческой, какъ несогласіе и раздоръ. Слова Цицероновы весьма справедливы, что человѣкъ, слѣдующій чувствамъ природы, не въ состояніи вредить другому человѣку. Если противно природѣ вредить человѣку: то съ природою сообразно помогать ему. Кто не исполняетъ сей обязанности, тотъ отрекается отъ качества человѣка. Я спросилъ бы у того, кто утверждаетъ, что мудрый человѣкъ не долженъ имѣть состраданія: если бы онъ увидѣлъ кого-нибудь, носящаго оружіе, у кого другой, находящійся въ когтяхъ у хищнаго звѣря, просилъ бы помощи, то какъ онъ думаетъ, долженъ ли первый послѣднему помочь или оставить его? Трудно имѣть ему столько безстыдства, чтобы въ подобномъ случаѣ не исполнить долга человѣчества. Если бы человѣкъ горѣлъ на пожарѣ, или стоналъ подъ развалинами дома, или же бы упалъ въ рѣку, или въ морѣ: то не сознается ли онъ, что человѣчество требуетъ оказать ему тутъ пособіе? Онъ былъ бы не человѣкъ,

когда бы въ томъ не сознался; ибо нѣтъ никого, кто бы не могъ подвергнуться подобной опасности. Онъ, конечно, согласится, что человѣкъ, имѣющій сердце, сдѣлаетъ все, что можетъ, дабы спасти погибающаго. Но кто, такимъ образомъ, не посмѣетъ отвергать, чтобы человѣчество не обязывало насъ спѣшить на помощь ближнему въ случаѣ опасности жизни, тотъ какую причину имѣетъ утверждать, что не должно дѣлать пособія людямъ, терпящимъ голодъ или жажду, или не имѣющимъ одежды въ зимнее время? Хотя одна и та же причина есть помогать, какъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ подвергшимся пожару или кораблекрушенію, такъ и въ обыкновенныхъ терпящихъ нужду и бѣдность; но иной, пожалуй, станетъ поставлять въ томъ различіе, имѣя въ виду собственную пользу, что спасенные имъ отъ гибели засвидѣтельствуютъ ему благодарность, а бѣдняки, которымъ онъ поможетъ, никогда ее не окажутъ ему, потому что помрутъ отъ нищеты. Такимъ-то чувствомъ руководствуясь, Плавтъ произнесъ слѣдующія гнусныя слова: „кто даетъ милостыню бѣдному, тотъ дурно поступаетъ; ибо кромѣ того, что лишается даваемыхъ денегъ, онъ, продолжая жизнь его, продолжаетъ и его бѣдствіе“. Впрочемъ, Плавта можно извинить еще тѣмъ, что онъ слова эти влагаетъ въ уста такому человѣку, которому они приличны. Но какъ оправдать Цицерона, который въ книгѣ своей о должностяхъ совѣтуетъ никому ничего не давать? Вотъ какъ онъ говоритъ: „Щедроты выдаваемыя изъ собственнаго имущества, истощаютъ капиталъ, и такимъ образомъ, щедроподатливость сама себя такъ сказать уничтожаетъ; ибо чѣмъ чаще она исполняется, тѣмъ болѣе лишаетъ насъ возможности исполнять ее“. Въ слѣдъ затѣмъ, онъ прибавляетъ: „можетъ ли быть что безумнѣе, какъ приводить себя не въ состояніе дѣлать впредь то, что мы дѣлаемъ съ удовольствіемъ?“ Вотъ какъ этотъ профессоръ мудрости отвращаетъ людей отъ обязанностей человѣчества, и какъ предостерегаетъ ихъ пещись болѣе о сохраненіи имущества своего, нежели о соблюденіи правды. Онъ самъ, кажется, столько убѣжденъ былъ въ неправильности и жестокости сего совѣта, что въ другомъ мѣстѣ какъ-будто отъ него отрекается, выражаясь слѣдующимъ образомъ· „надобно однакожъ иногда и давать, удѣляя часть имущества своего людямъ способнымъ“. Но кто люди способные, какъ не тѣ, которые могутъ цѣнить благодѣянія? Если бы еще живъ былъ Цицеронъ, я сказалъ бы ему: ты на этотъ счетъ ошибся; ты лишилъ людей правды, основавши на интересѣ обязанности человѣколюбія и милосердія. Не тѣмъ надобно помогать, кто можетъ возблагодарить, но тѣмъ, кто возблагодарить не въ состояніи; ибо пособивъ имъ, не надѣясь на благодарность, ты исполнишь долгъ правды, милосердія и человѣколюбія. Вотъ въ чемъ состоитъ истин-

ная правда, о которой по мнѣнію многихъ будто бы мы не имѣемъ понятія. Ты, Цицеронъ, во многихъ мѣстахъ трвореній своихъ говоришь, что добродѣтель дѣйствуетъ безъ интереса, и въ книгѣ о законахъ сознаешься, что щедрость великодушна и не требуетъ вознагражденія. „Извѣстно, говоришь ты въ одномъ мѣстѣ, что щедрый и благодѣтельный человѣкъ ищетъ только одной славы для дѣлъ своихъ, и не помышляетъ о выгодахъ, какія отъ того получить можетъ". Для чего же ты говоришь въ другомъ мѣстѣ, что ты станешь одолжать только тѣхъ, которые способны цѣнить одолженіе? Не то же ли это, что ты хочешь получить за него вознагражденіе? Слѣдуя твоему совѣту, мы допустимъ человѣка умереть съ голоду и холоду, когда увидимъ, что онъ не въ состояніи оцѣнить оказываемое ему нами пособіе. Человѣкъ, находящійся въ изобиліи и роскоши, не долженъ ли помогать другому человѣку, терпящему самую крайнюю нужду? Ты говоришь, что добродѣтель не ожидаетъ награды и заслуживаетъ того, чтобы люди искали еѐ для нея самой. Суди же о правдѣ, сей первой добродѣтели и какъ бы матери всѣхъ другихъ добродѣтелей, не по твоему интересу, но по ея собственному достоинству и влагай благодѣянія твои въ руки тѣхъ, которые никогда ничего не могутъ тебѣ воздать. Для чего выбираешь ты лица? Ты долженъ считать одинаковыми людьми всѣхъ, прибѣгающихъ къ твоему пособію въ той надеждѣ, что ты имѣешь человѣколюбіе. Соблюдай правду, и бѣгай тѣни выказки. Давай слѣпымъ, хромымъ, изувѣченнымъ людямъ, лишеннымъ помощи и находящимся въ опасности умереть безъ твоего пособія. Если они безполезны для людей, то не безполезны для Бога, Который допускаетъ ихъ наслаждаться жизнію. Дѣлай все то, что отъ тебя зависитъ къ сохраненію ихъ жизни. Кто, имѣетъ возможность помочь человѣку, находящемуся въ опасности умереть, но не поможетъ, тотъ явится причиною его смерти. Отрекшіеся отъ чувствъ природы, и не вѣдающіе, какая награда будетъ за добрыя дѣла, теряютъ имущество свое, страшась его потерять. Они подвергаются тому, чего хотѣли избѣжать, т. е. или тратятся безъ всякой пользы, или, если и получаютъ пользу, то на самое короткое время.. Оказывающіе щедроты согражданамъ и друзьямъ своимъ безъ сомнѣнія поступаютъ лучше, нежели дающіе игрища и сраженія для народа, потому что издерживаемое ими не совсѣмъ пропадаетъ; но за всѣмъ тѣмъ, раздачи ихъ производятся не надлежащимъ образомъ. Чтобы хорошо раздавать, надобно дѣлать добро бѣднымъ и неимущимъ. Все то, что раздается неимущимъ ни въ чемъ надобности или такимъ людямъ, отъ которыхъ можно ожидать возврата, употреблено дурно. Раздачи эти дѣлаются не по правдѣ, потому что если бы и не были дѣланы, то не оскорбятъ правды. Единственный долгъ правды и щедрости со-

стоитъ въ томъ, чтобы употреблять имущество свое на прокормленіе бѣдныхъ, находящихся въ крайней нуждѣ“ [1]).

Какъ видимъ, въ своемъ опроверженіи взгляда на благотворительность Цицерона Лактанцій защищаетъ абсолютность христіанской заповѣди творить милостыню и здѣсь онъ съ особенной силой оттѣняетъ ея безкорыстіе и полную преданность велѣніямъ Божіей воли. „Истинное употребленіе богатствъ состоитъ въ обращеніи ихъ не для своего удовольствія, но для поддержанія многихъ людей изъ чувства правды, которая есть вѣчно пребывающая добродѣтель. Постоянное правило наше должно быть то, чтобы оказывать милость безмездно. Надобно ожидать награды отъ одного Бога. Кто станетъ ожидать еѐ отъ кого-либо другого, тотъ будетъ торговать милостію, а не творить еѐ. Онъ никого не одолжитъ, и будетъ дѣйствовать только для собственной выгоды. Это не значитъ, чтобы тотъ, кто дѣлаетъ другому добро, не ожидая отъ него ничего, не имѣлъ тутъ дѣйствительно никакой выгоды: онъ получаетъ награду отъ Бога. Милосердіе такъ важно во всѣхъ дѣяніяхъ нашей жизни, что Богъ повелѣваетъ тѣхъ, кто не въ состояніи оказывать его, приглашать на пиршества... Всѣ дѣянія справедливаго человѣка должны быть благотвореніями. Благотворенія нѣтъ, когда оно возвращается. Мы на него не имѣемъ никакого права, потому что получили плату за него Правда хочетъ, чтобы благодѣянія были полныя; а они полными быть не могутъ иначе, какъ когда оказаны людямъ, которые оцѣнить ихъ не въ состояніи... Главнѣйшій долгъ добраго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы кормить бѣдныхъ и выкупать взятыхъ въ плѣнъ... Кто дѣлаетъ добро родственникамъ и друзьямъ, тотъ не стоитъ похвалы, потому что исполняетъ только долгъ природы и дружбы, котораго никто не можетъ опустить, не совершивъ злочестія, заслуживающаго проклятіе. Въ такомъ случаѣ онъ болѣе избѣгаетъ порицанія, нежели пріобрѣтаетъ славы. Но кто творитъ добро пришельцу и неизвѣстному, тотъ достоинъ величайшей похвалы, потому что дѣлаетъ то изъ одного чувства человѣколюбія. Иные даже дѣлаютъ добро изъ чистаго побужденія правды и чести тогда, когда нѣтъ никакой надобности творить его“ [2]). И на пути исполненія долга творить милостыню Лактанцій не видитъ никакихъ преградъ, вплоть до совершенной раздачи имущества и перенесенія нищеты. „Иной скажетъ можетъ быть: „у меня не останется никакого имущества, если я буду выполнять всѣ эти обязанности; въ одинъ день истрачу все то, что у меня есть, когда я стану помогать бѣднымъ, одѣвать всѣхъ нагихъ, выкупать всѣхъ плѣн-

[1]) „Божественныя наставленія“, кн. VI, гл. 10—11, стр. 29—37 рус. пер. Карнеева. [2]) Тамъ же, гл. 12, стр 37—40.

ныхъ и погребать всѣхъ мертвыхъ. Долженъ ли я подобнымъ образомъ расточать имѣніе, съ такимъ трудомъ предками моими пріобрѣтенное, и доводить себя до такого положенія, чтобы, наконецъ, выпрашивать самому себѣ у другихъ пособія и состраданія?—Неужели ты до такой крайней степени боишься бѣдности, которую философы превозносятъ столь чрезвычайными похвалами, и которую именуютъ они надежною пристанью, изъятую отъ всякихъ треволненій и безпокойствъ богатства? Неужели тебѣ неизвѣстно множеество приключеній и случайностей, которымъ подвергаетъ насъ владѣніе большимъ имѣніемъ? Ты долженъ считать себя счастливымъ, если избѣгнешь ихъ, не лишившись жизни. Ты обремененъ сокровищами, возбуждающими въ согражданахъ къ тебѣ зависть и недоброжелательство. Зачѣмъ ты не прячешь въ самое безопасное мѣсто имущества своего, котораго легко можно лишиться или отъ грабежа воровъ, или отъ несправедливой ссылки или отъ вторженія непріятельскаго? Какое затрудненіе находишь въ томъ, чтобы сдѣлать вѣчнымъ и неизмѣннымъ то имущество, которое временно и бренно? Ввѣрь сокровища свои Богу, и они не подвергнутся ни тлѣнію, ни хищенію воровъ, ни несправедливости тирановъ. Предающіе богатство свое въ руки Божіи, никогда не могутъ быть бѣдными. Если ты знаешь цѣну правды, то освободи себя отъ избытка, тяготящаго и безпокоющаго тебя, и послѣдуй ей безпрепятственно. Сбрось съ себя цѣпи, тебя удручающія, и теки къ Богу. Великое мужество попирать ногами земныя блага. Если ты не способенъ еще имѣть совершенства для передачи въ руки Божіи твоего сокровища и для пріобрѣтенія прочныхъ благъ чрезъ потерю благъ гибнущихъ; то я научу тебя, какъ того достигнуть и избавиться всякаго тутъ страха. Эти заповѣди даны не для одного тебя, а для всѣхъ твоихъ собратій, связанныхъ между собою такъ тѣсно, что составляютъ они съ тобою только одно тѣло. Если ты одинъ не въ состояніи исполнить подобнаго предпріятія: то по крайней мѣрѣ споспѣшествуй тому всѣми зависящими отъ тебя средствами, и старайся превзойти другихъ въ великодушіи столько, сколько превосходишь ихъ въ богатствѣ... Принеси въ жертву Богу имущество, въ рукахъ твоихъ гибнущее, и ты получишь за то вѣчную награду. Богъ предложилъ огромную цѣну за дѣла милосердія, обѣщавъ за нихъ отпущеніе грѣховъ. Онъ какъ бы говоритъ тебѣ: если ты услышишь мольбу просящихъ у тебя вспоможенія: то и Я услышу моленіе твое. Если ты милосердъ будешь къ преогорченнымъ: то и Я буду къ тебѣ милосердъ во время твоего горя. Если же ты не обратишь на нихъ взора и откажешь имъ въ пособіи: то и Я поступлю съ тобой такимъ же образомъ, и буду судить тебя по твоимъ же правиламъ“ [1]).

[1]) Гл. 12, стр. 42—44.

Изъ ученія Лактанція о милостынѣ еще интересно отмѣтить его взглядъ на очистительное ея значеніе, при чемъ Лактанцій опредѣленно отмѣчаетъ истинный смыслъ общецерковной вѣры въ такое значеніе милостыни въ христіанской жизни. „Когда кто прибѣгаетъ къ тебѣ съ просьбою о помощи, то будь увѣренъ, что это опытъ, посылаемый тебѣ отъ Бога, для усмотрѣнія, заслуживаешь ли ты, чтобы Онъ исполнилъ твое прошеніе. Не думай, однакожъ, чтобы сила, доставляемая милостынею къ избавленію грѣховъ, давала тебѣ право вновь грѣшить. Милостыня тогда только изглаживаетъ ихъ, когда сопровождается сожалѣніемъ о нихъ и рѣшимостію не творить ихъ впредь. Богъ истинно желаетъ очистить людей отъ грѣховъ, и для того заповѣдалъ имъ обращаться къ покаянію. Покаяніе же состоитъ въ твердомъ обѣщаніи впредь не грѣшить. Богъ прощаетъ грѣхи, производимые по нескромности, по неосторожности и по невѣдѣнію; но не прощаетъ грѣховъ завѣдомо исполняемыхъ. Люди, которымъ грѣхи отпущены, не должны думать, что такъ какъ они чисты, то уже освобождены отъ дѣлъ милосердія. Они съ тѣхъ поръ, какъ оправданы, еще болѣе обязаны выполнять долгъ правды, и должны поддерживать такъ сказать здоровье свое тѣми же средствами, какими достигли до него. Сверхъ того никто не изъятъ отъ грѣха, доколѣ облеченъ въ смертное тѣло“ [1]).

Въ твореніяхъ св. Амвросія Медіоланскаго намъ естественно ожидать встрѣтить ученіе о милостынѣ, согласное съ взглядами на неё восточныхъ отцовъ Церкви, особенно Василія Великаго, въ виду совершеннаго согласія св. Амвросія съ этими отцами во взглядѣ на христіанское пониманіе права собственности. И дѣйствительно, въ существенныхъ вопросахъ, связанныхъ съ ученіемъ о милостынѣ, св. Амвросій утверждается на обще-церковной точкѣ зрѣнія. Но при всемъ томъ, воззрѣнія этого св. отца отразили на себѣ и тотъ общій духъ практицизма, который былъ свойственъ западной мысли вообще, и который выразился у св. Амвросія очень настойчивыми указаніями на необходимость для священнослужителя особенной осмотрительности въ дѣлѣ раздаянія милостыни.

По вопросу о значеніи милостыни въ христіанской жизни, св. Амвросій утверждается на тѣхъ же основахъ, на какихъ это значеніе обосновалось и другими учителями Церкви, но особенно подробно останавливается на свойствахъ милостыни.

При изложеніи взгляда св. Амвросія на право частной собственности, равно какъ и на богатство, мы видѣли, что раздача имущества, при посредствѣ милостыни, является, долгомъ для христіанина, какъ требованіе правды и исполненіе воли Бога, Верховнаго Соб-

[1]) Гл. 13, стр. 44—45.

ственника міра. Поэтому милостыня является какъ результатомъ естественнаго чувства состраданія къ несчастной судьбѣ ближнихъ, такъ и собственно религіознымъ дѣланіемъ, служеніемъ Богу. „Величайшимъ побужденіемъ къ милосердію служитъ—говоря словами св. Амвросія—, состраданіе чужимъ несчастіямъ и посильная помощь въ ихъ нуждахъ“ [1]). „Прекрасно милосердіе, которое само по себѣ дѣлаетъ (людей) совершенными, поскольку тѣ, чрезъ него, уподобляются совершенному Отцу. Ничто такъ не похвально въ христіанской душѣ, какъ милосердіе; милосердымъ же нужно быть прежде всего къ бѣднымъ, дабы и они могли пользоваться дарами природы, которая рождаетъ земные плоды для всеобщаго пользованія; поэтому-то изъ того, что ты имѣешь, удѣляй бѣдному и помогай твоему собрату. Представь только себѣ, какъ много для него значитъ твоя милостыня. Ты подаешь ему монету, а онъ получаетъ жизнь; ты деньги даешь ему..., а твой динарій для него уже состояніе“ [2]). И высшее религіозное освященіе, долгъ сострадательной помощи нуждающимся получаетъ въ сознаніи того, что въ лицѣ нищихъ требуетъ нашей любви и состраданія Самъ Христосъ, обнищавшій насъ ради. Св. Амвросій въ раскрытіи этого положенія стоитъ на почвѣ общецерковнаго представленія о милостынѣ.

„Посѣтимъ—увѣщеваетъ св. отецъ—темницы, утѣшимъ во узахъ сущихъ, соучаствуя въ бѣдности и мученіяхъ человѣческихъ соболѣзнованіемъ своимъ Ибо во всѣхъ таковыхъ обрѣтается Христосъ, Который по Божеству Своему будучи непостижимъ, снискивается, однако, дѣлами милосердія. Самъ Онъ говоритъ милосердымъ въ Евангеліи: *взалкахся бо, и дасте Ми ясти; возждадахся, и напоисте Мя; нагъ быхъ, и одѣясте Мя.* Видишь, къ какимъ благодѣяніямъ возбуждаетъ тебя слово Божіе Здѣсь, въ лицѣ алчущихъ и жаждущихъ, и нагихъ Самъ Христосъ пріемлетъ милостыню“ [3]). И при такомъ взглядѣ на милостыню, какъ на религіозное дѣланіе, вполнѣ естественно, св. Амвросій, согласно съ другими учителями Церкви, усвояетъ ей очистительное значеніе и говоритъ о небесной за неё наградѣ. Объ очистительномъ значеніи милостыни св. Амвросій говоритъ подобно св. Кипріану и Оригену. „Милостыня является въ нѣкоторой степени второю баней для души, такъ что если кто-нибудь послѣ крещенія нагрѣшитъ, вслѣдствіе человѣческой слабости, то для него еще остается средство очистить себя милостыней, такъ какъ Господь сказалъ: *подавайте милостыню, и вотъ, все—чисто въ васъ.* Даже, за исключеніемъ вѣры, я могъ бы сказать, что милостыня приноситъ прощеніе еще больше, чѣмъ кре-

---

[1]) „Объ обязанностяхъ священнослужителей“, кн. II, гл. 28, стр. 285. [2]) Тамъ же, кн. I, гл. XI, стр. 58. [3]) Слово на Ев. Лук. XII, 16, стр. 25—26.

щеніе, потому что крещеніе совершается однажды и обѣщаетъ прощеніе однажды, а милостыня доставляетъ прощеніе такъ же часто, какъ она подается. Оба они являются источниками милосердія, которые подаютъ жизнь и прощаютъ грѣхи. Тотъ, кто пользуется обоими, удостоивается Царствія Небеснаго. Но тотъ, кто, загрязнивъ живой источникъ (крещеніе) грѣхами, прибѣгаетъ къ рѣкѣ милосердія, также получаетъ милость" [1]). Не менѣе опредѣленно говоритъ св. Амвросій и о великой небесной наградѣ за милостную, какъ побужденіи къ послѣдней. Бѣдный, получающій помощь, воздаетъ благотворителю, по мысли св. отца, больше, чѣмъ получаетъ, „поскольку является виновникомъ спасенія. Если ты одѣваешь нагого, то себя облекаешь въ правду. Если ты вводишь въ свой домъ странника, если ты принимаешь бѣдняка, то онъ доставитъ тебѣ близкое общеніе со святыми, а также введетъ тебя въ вѣчныя обители. Не маловажна сія благодарность, такъ какъ сѣешь ты тѣлесное, а взамѣнъ получаешь духовное... Поистинѣ блаженъ тотъ, изъ дому котораго бѣдный никогда не выходилъ съ пустою сумою, такъ какъ никто не можетъ быть блаженнѣе того, кто замѣчаетъ нужду нищаго и убогаго, кто къ сердцу принимаетъ страданія неимущаго; въ день суда онъ получитъ спасеніе отъ Господа, Котораго онъ будетъ имѣть должникомъ своего милосердія [2]). Подобныя мысли, иногда буквально сходныя съ поученіями св. Василія Великаго, св. Амвросій раскрываетъ и въ бесѣдѣ на притчу о безумномъ богачѣ. Здѣсь раскрывается та мысль, что благодѣяніе больше пользы приноситъ оказывающему его, нежели принимающему, такъ какъ если милостыня переходитъ къ бѣдному, то подающій её получаетъ сторичное вознагражденіе, подобно сѣятелю, разбрасывающему по полю сѣмена свои, и цѣною „тлѣнной пищи", покупается „нетлѣнная слава Царства Небеснаго" [3]). Конечно, смыслъ этихъ рѣчей святителя „о покупкѣ неба" надо понимать такъ же, какъ и ученіе объ этомъ предметѣ другихъ учителей Церкви, по поводу какого ученія уже были сдѣланы нами небольшія замѣчанія. Здѣсь отмѣтимъ, что самъ св. Амвросій устанавливаетъ этическій смыслъ своего пониманія значенія милостыни. „Имѣешь деньги—говоритъ, напримѣръ, святитель,—искупи грѣхъ свой. Не продаженъ Богъ, но ты самъ продаженъ... искупи себя своими дѣлами, искупи себя своими деньгами. Ничтожны деньги, но драгоцѣнно милосердіе. *Милостыня*, сказалъ, *освобождаетъ отъ грѣха*" [4]).

Въ своемъ ученіи о свойствахъ христіанской милостыни св. Амвросій особенно выдѣляется изъ другихъ учителей Церкви постоян-

[1]) „Sermo de eleemosynis", 30, 31; см. Ульгорнъ, цит. соч., стр. 263. [2]) „Объ обязанностяхъ", кн. I, гл. 11, стр. 58 - 59. [3]) Стр. 22—24 русскаго перевода. [4]) „De Elia et jejunio, cap. XX, p. 541, ed Parisus, a. M. DCXIII.

ными напоминаніями о необходимости извѣстной разборчивости при раздачѣ милостыни. Во взглядѣ же на другія свойства милостыни св. Амвросій, въ общемъ, учитъ согласно общецерковному ученію. Такъ, св. Амвросій оттѣняетъ ту замѣчательную черту христіанской милостыни, по которой цѣнность ея зависитъ не отъ количества даваемаго, но отъ настроенія жертвователя. „Блаженъ—говоритъ св. отецъ—, кто отъ сердца творитъ то, что онъ можетъ. Дарамъ богатыхъ Христосъ предпочелъ двѣ лепты вдовицы, потому что она отдала все, что имѣла, а тѣ отъ избытка удѣляли лишь малую частицу. Итакъ, наше душевное расположеніе дѣлаетъ даръ или великимъ, или малымъ, оно же сообщаетъ ту или иную цѣнность и самымъ поступкамъ“ [1]). И разсматривая цѣнность милостыни, св. отецъ оттѣняетъ, что въ ней всегда должны соединяться и щедрость и благожелательство. „Недостаточно—разсуждаетъ св. Амвросій—имѣть доброе желаніе, необходимо еще и творить добро, а съ другой стороны, мало еще хорошо поступать, нужно, чтобы это доброе дѣло проистекало изъ добраго источника, т. е. доброй воли: *ибо доброхотно дающаго любитъ Богъ*. А если ты недобровольно дѣлаешь, то такая тебѣ награда? Почему и апостолъ говоритъ вообще: *если дѣлаю это добровольно,—то буду имѣть награду, а если недобровольно, то исполняю только вѣренное мнѣ* служеніе... Итакъ, очень хорошо доброжелательствовать, руководясь въ своихъ щедротахъ намѣреніемъ приносить пользу“ [2]). Щедрость должна обнаруживаться въ томъ, чтобы жертвовать не меньше своихъ силъ и раздавать дѣйствительно бѣднымъ, а не быть расточительнымъ. По мысли св. отца, если благотворитель подаетъ нищимъ не такую милостыню, какую можетъ, то и милостыня является неугодною Богу и остающееся у подававшихъ не является праведнымъ ихъ достояніемъ [3]). И искренняя готовность облегчить страданія бѣдноты должна выразиться въ томъ, чтобы щедрость не переходила въ расточительность. „Есть два рода благодѣяній, говоритъ св. Амвросій: одинъ—это щедрость, а другой—это расточительная роскошь. Быть щедрымъ—это значитъ принять странника, одѣть нагого, выкупить плѣнныхъ, помочь нуждающимся; а быть расточительнымъ—это значитъ устраивать широкіе пиры... И то надо назвать расточительностію, когда ради народныхъ симпатій истощаютъ свои богатства; такъ поступаютъ тѣ, которые расточаютъ отцовское наслѣдство на цирковыя или театральныя увеселенія..., чтобы извѣстностью превзойти своихъ предковъ“ [4]). И вотъ, именно въ опредѣленіи того, что

---

[1]) „Объ обязанностяхъ“, кн I, гл. 30, стр 132—133. [2]) Тамъ же, кн. I, гл. 30, стр. 128—129. [3]) Слово „о единствѣ любви“, стр. 5. [4]) „Объ обязанностяхъ“, кн. I, гл. 21, стр. 269—270.

такое истинная щедрость, св. Амвросій вноситъ въ пониманіе христіанскаго взгляда на милостыню такія черты, какихъ мы не встрѣчали у восточныхъ отцовъ, и которыя носятъ на себѣ довольно ясную печать той ограниченности, какая чужда духу христіанскаго ученія, какъ выраженія идеальной точки зрѣнія на предметъ. Мы видѣли уже, какъ понимали эту абсолютность великіе учители Церкви: они вовсе чужды были мысли и заботы о практическихъ результатахъ отъ милостыни, исходною точкою въ оцѣнкѣ милостыни всегда имѣли абсолютное выраженіе воли Божіей: *всякому просящему давай* и настроеніе жертвователя. Св. Амвросій примѣнилъ къ оцѣнкѣ милостыни новый критерій—ея практическую цѣлесообразность, и съ этой точки зрѣнія давалъ такіе совѣты, которые принципіально шли въ разрѣзъ съ общецерковнымъ духомъ пониманія христіанской милостыни. „Даже въ издержкахъ на добрыя дѣла—слышимъ мы отъ св. Амвросія—должно быть умѣреннымъ“ [1]). И эти слова являются какъ бы девизомъ всего ученія святителя о милостынѣ. Нужна именно, разсмотрительность и въ отношеніи тѣхъ лицъ, которымъ нужно помогать, и въ отношеніи имущественной обезпеченности самого благотворенія. „Въ поданіи—совѣтуетъ святитель—нужно обращать вниманіе на возрастъ, физическую слабость, а иногда даже и на стыдливость, которая свидѣтельствуетъ о благородствѣ происхожденія. Такъ, старикамъ, которые не въ состояніи уже снискать себѣ трудомъ пропитанія, ты давай щедрѣе; точно также охотнѣе помогай увѣчному. Затѣмъ не отказывай въ помощи тому, кто изъ богатаго сдѣлался бѣднякомъ, особенно, если онъ потерялъ то, что имѣлъ, не по своей винѣ, а вслѣдствіе нападенія разбойниковъ, или вслѣдствіе конфискаціи, или по клеветѣ“ [2]). „И не на лицо только нужно обращать вниманіе, но часто и на обстоятельства, и на время, напримѣръ, когда приходится помочь скорѣе сосѣду, чѣмъ брату“ [3]). Итакъ ясно, что въ щедрости нужно наблюдать извѣстную мѣру, чтобы благотворительность не оказалась неполезной. Нужно быть осмотрительнымъ, чтобы благотворить ради дѣйствительной нужды. „Приходятъ работоспособные, не имѣвшіе никакой нужды, кромѣ охоты къ скитанію, и хотятъ лишить помощи бѣдняка, оставить его безъ куска хлѣба; не довольствуясь малымъ, они ищутъ большаго, видомъ своихъ лохмотьевъ они стараются склонить довѣрчивыхъ блѣготворителей въ пользу свой просьбы... Вотъ почему въ раздаяніи милостыни нужно наблюдать извѣстную осмотрительность, чтобы дѣйствительно нуждающіеся не ушли съ пустыми руками и чтобы о бѣдности не судили по обманчивой внѣшности.

---

[1]) „Объ обязанностяхъ“, кн. II, гл. 21, стр. 270. [2]) Тамъ же, кн. I, гл. 30, стр. 137—138. [3]) Гл. 34, стр. 149.

Пусть будетъ мѣриломъ, чтобы ни человѣколюбіе не было забыто, ни нужда не оставлена безъ вниманія... Кто наблюдаетъ мѣру, тотъ ни для кого не скупъ, но ко всѣмъ милостивъ. Слѣдовало бы, чтобы мы не одними ушами слушали просящихъ о помощи, но и глазами бы видѣли ихъ нужды" [1]). Но нужно замѣтить по поводу этихъ наставленій св. Амвросія, что они направлены, главнымъ образомъ, къ священникамъ, являвшимся благотворителями отъ лица Церкви и притомъ раздаятелями имущества, пожертвованнаго другими. Поэтому также св. отецъ настаиваетъ, чтобы жертвователь, съ одной стороны, не былъ неразборчиво расточительнымъ, ради пріобрѣтенія народныхъ симпатій; а съ другой стороны, не былъ бы и скупымъ, „чтобы въ шкатулкѣ не было заключено благополучіе бѣдныхъ" [2]). Какъ мы сказали, и св. Іоаннъ Златоустый, наиболѣе послѣдовательный въ проведеніи абсалютной Евангельской точки зрѣнія въ отношеніи долга милостыни, говорилъ о необходимости для священника внимательной заботы при раздачѣ церковнаго имущества [3]). Но при всемъ томъ общая постановка рѣчи св. Амвросія ясно отличаетъ его учительство отъ ученія другихъ великихъ учителей Церкви, особенно, когда св. отецъ наставляетъ, что въ милостынѣ можно ограничиваться такимъ предѣломъ, дальше котораго грозитъ бѣдность самому благотворящему, хотя св. Амвросій и замѣчаетъ, что такой бѣдности не нужно бояться [4]) и что иногда нужно оказывать и „непосильную помощь" [5]).

Во взглядахъ на милостыню блаж. Августина мы позволимъ себѣ отмѣтить лишь его интересное съ христіанско-этической точки зрѣнія поясненіе, какъ нужно понимать ученіе Церкви объ очистительномъ значеніи милостыни. Лично бл. Августинъ также вѣрилъ въ такое ея значеніе и не разъ говорилъ о немъ [6]), но онъ не боролся съ тѣмъ грубымъ пониманіемъ этого значенія милостыни, по которому какъ бы забывалось самое цѣнное въ каждомъ христіанскомъ дѣлѣ—душевное расположеніе, и все вниманіе односторонне ложно направлялось на мысль объ искупительномъ значеніи подаянія самого по себѣ. „Остается отвѣтить тѣмъ—говоритъ бл. отецъ—, по словамъ коихъ въ вѣчномъ огнѣ будутъ горѣть только тѣ, которые не заботятся о грѣхахъ своихъ творить достойной милостыни, по словамъ апостола Іакова: *судъ безъ милости не сотворившему ми-*

---

[1]) Кн. II, гл. 16, стр 249—250 [2]) Тамъ же, стр 250—251; ср. кн. II, гл. 21, стр. 270 и др. [3]) „О священствѣ слово III", 1, стр. 432. [4]) „Объ обязанностяхъ", кн. I, гл 30, стр 134—135 [5]) кн. II, гл. 28, стр. 285. [6]) Такъ, напр., бл. Августинъ говоритъ: „жертва христіанъ—милостыня, подаваемая бѣднымъ. Вслѣдствіе этого Богъ дѣлается милостивымъ къ грѣшникамъ. Если Богъ не будетъ милостивъ къ грѣшникамъ, то кто не окажется виновнымъ? Милостыней люди очищаются отъ грѣховъ и искушеній, безъ которыхъ жизнь не можетъ быть проведена на землѣ". См. Ульгорнъ, стр 262.

лости. А кто, говорятъ, творилъ милостыню, хотя бы въ своей безнравственности не улучшился, а среди дѣлъ своего милосердія жилъ нечестиво и непотребно, для того судъ будетъ милостивымъ, такъ что онъ или совсѣмъ не будетъ осужденъ, или же освобожденъ будетъ отъ послѣдняго осужденія чрезъ нѣкоторое время. Отсюда, полагаютъ они, Христосъ сдѣлаетъ раздѣленіе между стоящими направо и налѣво, изъ коихъ однихъ пошлетъ въ Царство, а другихъ въ вѣчное мученіе, имѣя въ виду лишь ихъ любовь или небреженіе къ милостыни. А что ежедневные грѣхи, творить которые мы не перестанемъ окончательно, какого бы рода и сколько бы ихъ ни было, благодаря милостынѣ, могутъ быть отпущены, въ опору и въ подтвержденіе этого воззрѣнія они ссылаются на молитву, которой научилъ Самъ Господь. Ибо, говорятъ, какъ не бываетъ дня, чтобы христіане не произносили этой молитвы: такъ точно не можетъ быть и такого, хотя бы ежедневно совершаемаго, грѣха, чтобы онъ не могъ быть отпущенъ, когда мы произносимъ: „*И остави намъ долги наши*, если только стараемся поступать сообразно съ дальнѣйшими словами: *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*“ [1]). Вѣдь Господь, продолжаютъ они, не говоритъ: „*если простите грѣхи другимъ, проститъ и вамъ ваши ежедневные малые грѣхи Отецъ вашъ*“, и говоритъ: „*Отпуститъ вамъ грѣхи ваши*“ [2]). Итакъ, сколько бы и какого бы рода грѣхи, ни были, хотя бы они и совершались ежедневно, хотя бы отъ нихъ не уклонялись, измѣняя жизнь къ лучшему,—всѣ эти грѣхи, по ихъ мнѣнію, могутъ быть отпущены имъ въ силу обѣщаннаго прощенія за милостыню.

Хорошо и то, что они убѣждаютъ творить за грѣхи достойныя дѣла милосердія: если бы они говорили, что всякая милостыня, какова бы она ни была, хотя бы и за ежедневные и великіе грѣхи, и при всяческомъ преступномъ образѣ жизни, можетъ снискивать божественное милосердіе, такъ что за него слѣдуетъ ежедневное прощеніе,—они сами бы видѣли, что говорятъ глупость и нелѣпость. Тогда они принуждены были бы признать возможность, что человѣкъ весьма богатый цѣною десяти мелкихъ монетъ, ежедневно подаваемыхъ въ милостыню, можетъ покрывать и убійства, и прелюбодѣянія, и всякія другія непотребства Если же утверждать это крайне нелѣпо и безсмысленно: то когда рѣчь идетъ о томъ, что должно разумѣть подъ достойными дѣлами милосердія за грѣхи, о коихъ говорилъ Предтеча Христовъ: *Сотворите убо плодъ достоинъ покаянія* [3]), безъ всякаго сомнѣнія не окажется, что дѣла такія творятъ тѣ, жизнь которыхъ исполнена ежедневныхъ преступленій. И это потому, прежде всего, что расхищая чужое имущество, они захва-

---

[1]) Мѳ., IV, 12. [2]) Мѳ., VI, 14. [3]) Мѳ., III, 8.

тываютъ себѣ слишкомъ много, и удѣляя отъ этого многаго крупицу бѣднымъ, представляютъ Христа въ этомъ отношеніи имъ покровительствующимъ; такъ что, полагая, что купили или вѣрнѣе—ежедневно покупаютъ у Него право на злодѣянія, они спокойно совершаютъ все, самое предосудительное. А между тѣмъ, если бы и за одно злодѣяніе они раздали нуждающимся членамъ Христовымъ все свое имущество, но отъ такого рода дѣлъ не отстали, не имѣя той любви, которая превратно не поступаетъ [1]), и тогда для нихъ не было бы никакой пользы. Такимъ образомъ, кто творитъ достойныя за свои грѣхи дѣла милосердія, тотъ начинаетъ ихъ творить прежде всего съ себя самаго. Ибо, кто дѣлаетъ для ближняго то, что дѣлаетъ для самого себя, поступаетъ вопреки словамъ Господа: *Возлюби искренняго твоего яко самъ себе* [2]); равно и словамъ: *Люби душу свою, угождая Богу* [3]). А кто не дѣлаетъ для своей души этой милостыни, т. е. угожденія Богу, какимъ образомъ можетъ быть названъ дѣлающимъ достойную за свои грѣхи милостыню? Къ тому же относится и написанное: *Иже себѣ золъ, кому добръ будетъ?* [4]) Милостыня, несомнѣнно, помогаетъ молитвѣ. Необходимо имѣть въ виду то, что читается: *Чадо, согрѣшилъ ли еси, не приложи къ тому и о прежнихъ твоихъ помолися* [5]). Поэтому милостыню творить мы должны для того, чтобы быть услышанными, когда молимся о своихъ прежнихъ грѣхахъ, а не для того, чтобы, упорствуя въ нихъ, мы думали посредствомъ милостыни снискать себѣ дозволеніе на злодѣйство.

Для того, Господь и предсказалъ, что вмѣнитъ милостыни, стоящимъ и направо и налѣво, первымъ—сотворенныя, а послѣднимъ—несотворенныя, чтобы показать, какое значеніе милостыни имѣютъ для заглажденія прежнихъ грѣховъ, а не для постояннаго безнаказаннаго ихъ совершенія. Тѣ же, которые не хотятъ измѣнить преступнаго образа жизни на лучшее, не должны быть названы творящими такого рода милостыни. Ибо словами: *Понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе* [6]), Онъ показываетъ, что они не творятъ милостыни уже и тогда, когда думаютъ, что творятъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы они подавали алчущему христіанину хлѣбъ именно какъ христіанину, то конечно не отказывали бы себѣ въ хлѣбѣ праведности, который есть самъ Христосъ: ибо Богъ обращаетъ вниманіе не на то, кому подаютъ, а на то съ какимъ расположеніемъ подаютъ. Поэтому, кто любитъ въ христіанинѣ Христа, тотъ подаетъ съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ приступаетъ ко Христу, а не съ какимъ желаетъ безнаказанно отступить отъ Хри-

---

[1]) 1 Кор., XIII, 4 [2]) Мѳ., XXII, 39 [3]) Сир., XXX, 24. [4]) Сир., XIV, 5. [5]) Сир., XXI, 1 [6]) Мѳ., XXV, 45.

ста. Ибо каждый изъ насъ тѣмъ болѣе любитъ Христа, чѣмъ болѣе любитъ то, что одобряетъ Христосъ Какая была бы польза, если бы каждый изъ насъ только крестился, а не оправдался? Тотъ, кто сказалъ: *Аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе* [1]), развѣ не сказалъ также: *Аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ Царствіе Небесное* [2]). Почему же многіе, боясь перваго изреченія, спѣшатъ креститься, а пріобрѣсти оправданіе многіе не стараются, не боясь послѣдняго? Отсюда какъ не брату своему говоритъ: Безумный тотъ, кто, говоря это, выражаетъ нерасположеніе не къ самому братству, а къ его грѣху; потому что въ противномъ случаѣ повиненъ будетъ геенѣ огненной [3]): такъ наоборотъ, кто подаетъ христіанину милостыню, подаетъ ее не христіанину, если не любитъ въ немъ Христа; а тотъ Христа не любитъ, кто не хочетъ быть оправданнымъ во Христѣ. Равнымъ образомъ, если кто одержимъ такимъ порокомъ, что скажетъ своему брату: безумный, т. е. будетъ поносить его несправедливо, безъ желанія устранить его отъ грѣха, тому мало въ искупленіе этого творить дѣла милосердія, а нужно еще присоединить къ нимъ и то средство примиренія, о которомъ говорится дальше. Ибо дальше говорится слѣдующее: *Аще убо принесеши дарь твой ко олтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать ничто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ и шедъ прежде смирись съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* [4]). Такимъ образомъ, мало подать какую бы то ни было милостыню за такое или иное преступленіе и въ то же время оставаться при прежнемъ порочномъ образѣ жизни... Само собою понятно, что тѣ, которыхъ праведники принимаютъ въ вѣчныя обители, не бываютъ настолько добродѣтельны, чтобы самая жизнь ихъ могла заслуживать помилованія безъ ходатайства святыхъ, и потому на нихъ тѣмъ очевиднѣе милость превозносится надъ судомъ. Однако, на этомъ основаніи не слѣдуетъ думать, чтобы въ вѣчныя обители принимался человѣкъ самый преступный, нисколько и никогда не измѣнившій своего образа жизни на лучшій или болѣе терпимый, благодаря тому, что снискалъ благоволеніе святыхъ маммоною неправды, т. е. деньгами, или богатствомъ, пріобрѣтеннымъ дурно, а если даже и хорошо, то во всякомъ случаѣ богатствомъ не истиннымъ, а такимъ, какое считаетъ богатствомъ грѣховность, не зная, что такое истинное богатство, которымъ обладаютъ принимающіе другихъ въ вѣчныя обители. Существуетъ нѣкоторый образъ жизни съ одной стороны не настолько дурной, чтобы для тѣхъ, которые живутъ такъ, въ дѣлѣ полученія Небеснаго Царства не было ни какой пользы

---

[1]) Іоан., III, 5 [2]) Мѳ., V, 20. [3]) Мѳ , V, 22. [4]) Мѳ , V, 23.

отъ подаянія милостыни, которая служитъ поддержкою и для праведниковъ въ ихъ скудости и снискиваетъ въ лицѣ ихъ друзей, принимающихъ въ вѣчныя обители; но съ другой—и не настолько добрый, чтобы для полученія ими блаженства достаточно было одной милостыни, если только милостыня эта не споспѣшествуется заслугами тѣхъ, которыхъ она дѣлаетъ друзьями [1]).

Бл. Іеронимъ въ своемъ взглядѣ на христіанскую милостыню оттѣнялъ какъ ея религіозное значеніе, такъ и ту характерную ея черту, по которой цѣнность милостыни опредѣляется отношеніемъ къ ней воли человѣка, его душевнаго настроенія. Мы уже видѣли, что, согласно убѣжденію блаж. Іеронима, долгъ слѣдованія за Христомъ требуетъ отъ христіанина отказа отъ богатства или во всякомъ случаѣ постоянной готовности дѣлиться своимъ достояніемъ съ другими, неимущими. Таковъ долгъ каждаго христіанина предъ лицомъ Божіей правды, и этотъ долгъ высшее освященіе получаетъ отъ сознанія того, что милостыня христіанская оказывается ради Христа и даже самому Христу въ лицѣ бѣдныхъ Его собратій. Въ этомъ пунктѣ своего ученія бл. отецъ очень близко примыкаетъ по словесному выраженію мысли и ея рѣзкой очерченности къ св. Іоанну Златоустому. „*Всякому просящему у тебя дай*—повторяетъ Евангельское наставленіе блаженный—, наипаче же приснымъ въ вѣрѣ. Нагого одѣнь, алчущаго накорми, больного посѣти. Простирая руку благотворительности, всякій разъ помышляй о Христѣ. Смотри, не умножай чужихъ богатствъ, тогда какъ Господь Богъ твой остается тощъ“ [2]). Въ письмѣ къ Деметріадѣ бл. отецъ, противополагая украшеніе храмовъ дѣламъ милосердія, даетъ преимущество послѣднимъ и видитъ въ нихъ служеніе самому Христу. „Тебѣ—говоритъ онъ—предназначено одѣвать Христа въ лицѣ бѣдныхъ, посѣщать—въ больныхъ, питать въ алчущихъ, принимать Его въ неимѣющихъ крова“ [3]). Подобное же олицетвореніе нищихъ съ самимъ Христомъ, находимъ и въ противоположеніи роскоши однихъ и нищеты другихъ: „мы живемъ, какъ-будто бы собираемся на другой день умирать, и строимъ, какъ-будто вѣчно будемъ жить въ этомъ мірѣ. Золотомъ блещутъ стѣны, золотомъ потолки..., а нагой и алчущій Христосъ въ образѣ нищаго умираетъ предъ нашими дверями“ [4]). Богатыхъ св. отецъ убѣждаетъ „Христа сдѣлать сонаслѣдникомъ своихъ дѣтей“ [5]); о Паммахіѣ свидѣтельствуетъ, что онъ въ бѣдствующихъ „согрѣваетъ Христа“ [6]) и т. п. Говоритъ бл. Іеронимъ и объ очистительномъ значеніи милостыни, при чемъ въ одномъ

---

[1]) „О градѣ Божіемъ“, кн. XXI, гл 27, стр. 331—338. [2]) Письмо къ Фуріи, т. 2, стр. 97. [3]) Т. 3, стр. 339. [4]) Письмо къ Гавденцію, т. 3, стр. 308. [5]) Письмо къ Гебидіѣ, стр. 136. [6]) Письмо къ Паммахію, т 2. стр. 221.

мѣстѣ своихъ писемъ прямо ссылается въ этомъ случаѣ на св. Кипріана, какъ авторитетнаго учителя христіанской истины. „какое значеніе имѣетъ милосердіе и какія награды влечетъ за собою—объ этомъ подробно говоритъ въ обширномъ сочиненіи св. Кипріанъ“ [1]) — замѣчаетъ бл. Іеронимъ.

По вопросу о томъ, что́ служитъ критеріемъ цѣнности христіанской милостыни бл. отецъ отвѣчаетъ указаніемъ на то, что въ этомъ дѣлѣ высшую цѣнность имѣетъ преданіе самого себя дѣлу милосердія и личное участіе въ скорби бѣднаго. „Ты благотворишь—пишетъ бл. Іеронимъ Юліану—, ты жертвуешь.. Но это—первые только опыты твоего воинствованія. Ты презираешь золото: презирали его и философы міра... Ты думаешь, что уже сталъ на верху добродѣтели, если пожертвовалъ часть изъ цѣлаго? Самого тебя хочетъ Господь въ жертву живую, благоугодную Богу. Тебя, говорю, а не твоего... Бѣдная вдова двѣ лепты бросила въ сокровищницу, и такъ какъ она пожертвовала все, что имѣла, то о ней говорится, что она всѣхъ богатыхъ превзошла своею жертвою Богу, которая цѣнится не по качеству своему, а по расположенію приносящихъ“ [2]). „Если ты имѣешь въ рукахъ какую-либо вещь—пишетъ бл. отецъ въ письмѣ къ Павлину—, продай; если не имѣешь, не заботься о пріобрѣтеніи. Отнимающему ризу нужно отдать и срачицу Если ты, откладывая постоянно до завтраго, волоча день за-день, будешь осторожно и по малу продавать твои владѣньица, то Христу не будетъ чѣмъ питать бѣдныхъ Своихъ. Все отдалъ Богу тотъ, кто принесъ въ жертву самъ себя. Апостолы оставляютъ корабль и мрежи. Вдова кладетъ двѣ лепты въ казнохранилище и считается выше богачей“ [3]). И вотъ въ какихъ словахъ, на частномъ примѣрѣ благотворительной дѣятельности Фабіолы, бл. Іеронимъ говоритъ о высокой цѣнности личнаго участія въ служеніи бѣднымъ и больнымъ. „Все, какое бы ни было у ней (Фабіолы) имѣніе, раздробила по частямъ и продала и, обративши въ деньги, употребила его на нужды бѣдныхъ... Сколько разъ сама она на своихъ плечахъ носила смрадныхъ больныхъ... Сколько разъ омывала гнойную кровь изъ раны, на которую иной не могъ бы и взглянуть. Она собственноручно давала пищу и лѣкарственнымъ питьемъ поддерживала живой трупъ. Знаю, многіе богатые и благочестивые люди по слабости организма оказываютъ подобнаго рода милосердіе при помощи другихъ и милостивы деньгами, а не руками. Хотя я не упрекаю ихъ и слабодушіе не объясняю недостаткомъ вѣры, но насколько извиняю слабость организма ихъ, настолько же до небесъ превозношу

---

[1]) Письмо къ Паммахію, т. 2, стр. 221. [2]) Т. 3, стр. 106—107. [3]) Т. 2, стр. 87—88.

ревность души совершенной. Великая вѣра презираетъ все это... Тотъ, кого мы презираемъ, кого не можемъ видѣть... подобенъ намъ, сотворенъ изъ одной съ нами персти, составленъ изъ тѣхъ же элементовъ. Что терпѣлъ онъ, то же можемъ терпѣть и мы. Язвы его будемъ считать своими собственными, и всякая суровость къ другому смягчится при скромномъ размышленіи о себѣ самихъ“ [1]). И при такомъ личномъ переживаніи чужого несчастія, несомнѣнно, сами собой сдѣлаются немыслимыми ни тщеславіе при раздаяніи милостыни, ни грубость въ отношеніи просящихъ [2]). Можно отмѣтить и взглядъ бл. Іеронима по вопросу о томъ, сдѣдуетъ ли быть разборчивымъ, оказывая милостыню. Блаженный отецъ оттѣняетъ мысль о необходимой справедливости въ этомъ случаѣ, частнѣе о томъ, чтобы давать милостыню дѣйствительно бѣднымъ и помогать, прежде всего, своимъ по вѣрѣ—христіанамъ. „Смотри—совѣтуетъ бл. Іеронимъ—, чтобы не расточать неразумно собственности Христа, т. е., чтобы при нестрогой разборчивости, достояніе бѣдныхъ не раздавать не бѣднымъ и, по словамъ благоразумнѣйшаго мужа (Цицерона), благотворительность не потеряла бы отъ щедрости“ [3]). „Если желаешь быть совершеннымъ, желаешь быть такимъ, какъ пророки, апостолы, какъ Христосъ, продай,—и не часть имѣнія, чтобы страхъ бѣдности не служилъ поводомъ къ невѣрности, а все, что имѣешь. И продавши, дай бѣднымъ, а не богатымъ, не надменнымъ. Дай для поддержанія нужды, а не для умноженія богатства... Давать не бѣднымъ, принадлежащее бѣднымъ, въ нѣкоторомъ родѣ святотатство“ [4]). И прежде всего должно помогать приснымъ въ вѣрѣ. „Мы должны—разсуждаетъ бл. Іеронимъ—невѣрнымъ предпочитать вѣрныхъ изъ христіанъ и вѣрующихъ, и между самими христіанами есть большое различіе, грѣшникъ ли бѣдный или святой. Поэтому и апостолъ, одобряя милостыню всѣмъ вообще, прибавляетъ: *паче же приснымъ въ вѣрѣ*. Присный въ вѣрѣ тотъ, кто соединенъ съ тобою единствомъ вѣры и кого не отдѣляютъ грѣхи отъ братскаго общенія съ тобой. И если и въ отношеніи къ врагамъ намъ заповѣдуется питать ихъ, если они алчутъ, и поить, если жаждутъ..., то не тѣмъ ли болѣе относительно тѣхъ, кои не враги, а христіане и святые?“ [5]). Какъ видимъ, бл. Іеронимъ не выдерживаетъ абсолютной евангельской точки зрѣнія на

---

[1]) Письмо къ Океану о смерти Фабіолы, т. 2, стр. 289—290. [2]) Бл. Іеронимъ жалуется, что въ его время былъ обычай трубить въ трубы при подачѣ милостыни, посылать глашатая звать на вечерю любви, и разсказываетъ о такомъ поразительномъ отношеніи къ нищимъ, когда одна изъ знатнѣйшихъ римскихъ женщинъ, раздавая собственноручно бѣднымъ по монетѣ, одной старухѣ хотѣвшей получить два раза „дала вмѣсто динарія, кулака, такъ что у бѣдной старухи полилась кровь“. Письмо къ Евстохіи, т 1 стр. 134. [3]) Письмо къ Павлину, т. 2, стр. 136. [4]) Письмо къ Паммахію, т 2, стр. 223—224. [5]) Письмо къ Гебидіѣ, т 3, стр. 133—134.

вопросъ о томъ, кому должно благотворить въ виду ясной возможности поступить практически неблагоразумно въ случаѣ исполненія заповѣди: *всякому просящему давай*. Но нужно замѣтить, что блаж. отецъ все же высказывается по интересующему насъ теперь предмету и въ томъ смыслѣ, чтобы разсмотрительность не переходила въ скупость и придирчивость, даже при раздачѣ довѣреннаго церковнаго имущества. „Принять что-нибудь для раздачи бѣднымъ. и тогда, когда многіе терпятъ голодъ, раздавать осторожно или скупо... значитъ превзойти въ жестокости всѣхъ разбойниковъ. Я мучусь голодомъ, а ты разсчитываешь, сколько нужно для моего желудка? Или тотчасъ раздай, что получилъ, или, если ты нерѣшителенъ въ раздачѣ, предоставь благотворителю самому раздавать свое имущество“ [1]).

Не представляется труднымъ теперь, послѣ изложенія святоотеческаго ученія о милостынѣ, кратко формулировать церковно-христіанскій взглядъ на нее. Милостыня есть одно изъ проявленій той любви, которая является всеобъемлющимъ началомъ жизни Божьяго Царства, то-есть любви къ Богу и къ ближнимъ въ ея органической неразрывной связи. Связь эта настолько несомнѣнно выступаетъ въ милостынѣ, что послѣдняя можетъ быть поставлена на ряду съ формами непосредственнаго служенія Богу, и служеніе людямъ въ ихъ нуждѣ должно быть разсматриваемо какъ почитаніе Бога, выраженіе благочестія. Это потому, что милостыня есть тотъ путь къ возстановленію на землѣ начала истинной правды въ отношеніяхъ людей, который заповѣданъ людямъ Самимъ Богомъ, тотъ путь, идя которымъ, вѣрующій одновременно проявляетъ и сострадательную братскую любовь къ себѣ подобнымъ, и благоговѣйную преданность своего любящаго сердца въ отношеніи Отца всѣхъ—Бога. Высочайшимъ побужденіемъ для христіанина, въ исполненіи имъ долга творить милостыню, является отвѣтъ благодарной любви на любовь Христа Спасителя, не только благоволившаго пострадать насъ ради, но и „обнищавшаго“ насъ ради, принявшаго на себя всѣ тяготы человѣческой бѣдности и людского униженія, чтобы дать намъ совершенный образецъ истинно братской любви. И насколько неотдѣлимо служеніе Самому Христу Спасителю отъ служенія Его меньшимъ братьямъ, настолько неразрывно связывается въ христіанскомъ сознаніи сердечное участіе въ нуждѣ этихъ меньшихъ братьевъ Господа здѣсь на землѣ и участіе въ Его блаженствѣ и славѣ въ вѣчномъ Царствѣ Отца. Милостыня, такимъ образомъ, одновременно служитъ и исполненіемъ воли Бога, какъ Верховнаго Законодателя; и путемъ къ возстановленію

---

[1]) Письмо къ Непоціану, т. 2, стр 72—73.

правды въ людскихъ отношеніяхъ, нарушенной вслѣдствіе людского эгоизма и выраженіемъ братской любви къ людямъ, и жертвой любящаго сердца обнищавшему насъ ради Господу Іисусу Христу, и залогомъ, наконецъ, будущаго участія въ Царствѣ Христовомъ, когда Онъ придетъ во славѣ Отца Своего судить міръ. Такой взглядъ на милостыню дѣлаетъ понятными тѣ восторженныя похвалы ей и тѣ горячіе призывы къ ней, какіе согласно несутся къ намъ изъ-за дали вѣковъ въ святоотеческихъ поученіяхъ. Что касается вопроса о сравнительной цѣнности милостыни съ христіанской этической точки зрѣнія, то ясно, что она опредѣляется тѣмъ, насколько проникнута началами истинной христіанской любви, проявленіемъ которой должна являться милостыня. Количественнымъ критеріемъ цѣнности милостыни, съ точки зрѣнія такого начала, бываетъ не величина жертвы, но та мѣра самоограниченія и самоотреченія, какую добровольно налагаетъ на себя жертвователь. Высшую цѣнность, поэтому, имѣетъ та милостыня, которая творится „отъ скудости“, и внѣшнимъ выраженіемъ полноты любви служитъ раздача бѣднымъ всего своего достоянія. Но, конечно, истинную цѣнность такое самоотреченіе имѣетъ только при условіи искренней любящей настроенности. Безъ послѣдней и совершенная раздача имущества не имѣетъ никакой цѣны. Эта любящая настроенность составляетъ душу милостыни и она-то, эта настроенность, опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность благотворенія. Если количественно полнота любви выражается въ совершенной щедрости, то со стороны внутренняго настроенія жертвователя эта любовь выразится въ совершенной свободѣ и личномъ переживаніи чужой нужды. Поэтому только то даяніе цѣнно, которое жертвуется свободно, радостно, съ живымъ сознаніемъ того, что дающій больше получаетъ отъ своего даянія, чѣмъ примающій его; поэтому же, та милостыня болѣе цѣнна, при которой съ нуждающимся раздѣляется не хлѣбъ только, но и жизнь самаго сердца, гдѣ на лицо личное служеніе горю брата. И естественно, что при такомъ внутреннемъ настроеніи благотворящаго невозможными станутъ въ отношеніи просящихъ всякаго рода грубость, тщеславіе и надменность, равно какъ и неумѣстная разборчивость. Мы не только отмѣтили, но и подчеркнули, что по вопросу о томъ, кому должно давать милостыню, именно о долгѣ подавать милостыню съ разборомъ или безъ него, въ святоотеческой письменности нѣтъ совершеннаго согласія. Значительное большинство великихъ учителей Церкви защищаетъ абсолютность долга творить милостыню и требуютъ совершенной безразборчивости. Нѣкоторые уважаемые отцы оставляютъ такую абсолютную точку зрѣнія, и передъ лицомъ вопіющей нужды,

съ одной стороны, а съ другой -въ виду ограниченности средствъ каждаго, рекомендуютъ возможную безъ скупости и обиды просящихъ заботу о болѣе цѣлесообразномъ раздаваніи милостыни. Думается, что послѣ всего сказаннаго о природѣ христіанской милостыни ясно, что болѣе отвѣчаютъ чистотѣ пониманія Евангельскаго ученія взгляды большинства великихъ учителей Церкви о долгѣ христіанина давать всякому просящему. Если мы обратимъ вниманіе на то, чѣмъ христіанская милостыня по существу отличается отъ всякой другой, то съ опредѣленностію можемъ отмѣтить это различіе: христіанское ученіе о милостынѣ имѣетъ исходнымъ началомъ сердце милующее, а не тѣ или другія послѣдствія отъ нея. Христіанская милостыня, безспорно, является долгомъ въ виду существованія бѣдности и нужды. Горячія святоотеческія проповѣди, безспорно, были такъ горячи и настойчивы именно передъ лицомъ жизненной неправды, стоновъ обиженныхъ и обездоленныхъ. Побуждая къ милостынѣ, св. отцы всегда, конечно, имѣли въ виду помощь неимущимъ. Но собственно этическая оцѣнка милостыни всегда касалась не этой стороны, не результата, но самаго процесса милостыни, внутреннихъ настроеній и переживаній благотворящаго. Это и сообщаетъ христіанскому ученію характеръ несравнимой высоты, характеръ абсолютности: воля Божія должна быть исполняема безъ всякой думы и заботы о томъ, что послѣдуетъ за такимъ ея выполненіемъ. И по вопросу о томъ, кому должно давать милостыню, эта Божія воля выражена со всею опредѣленностію: всякому просящему давай. Подобно милосердію Отца Небеснаго, христіанская любовь принципіально не знаетъ границъ: она даетъ всякому просящему, отдаетъ рубашку, отнявшему верхнюю одежду, подставляетъ другую щеку, ударившему въ одну, благословляетъ проклинающихъ. Границей для милостыни можетъ явиться только благо просящаго: братская любовь не беретъ на себя право суда объ его нуждѣ, но не можетъ отказаться отъ заботы объ его спасеніи и дать ему то, что неизбѣжно должно принести не пользу, а вредъ; говоря проще, христіанскому разуму предоставляется долгъ выбрать тотъ или иной видъ милостыни, но не право отказа просящему.

Въ краткихъ выдержкахъ изъ святоотеческихъ твореній мы старались, какъ въ фокусѣ, собрать лучи святоотеческой мысли, освѣщающіе христіанское ученіе о собственности и милостынѣ. Лучи эти — чистые и согрѣвающіе. Древняя православная Церковь, въ которой они сіяли, выступаетъ передъ нашими глазами вѣстницей той любви и правды, которыя принесены на землю Христомъ Спасителемъ и

являются свѣтомъ христіанской жизни, призваннымъ свѣтить міру. Въ этомъ свѣтѣ мы видимъ картину той истинной жизни, какою должны жить члены Церкви Христовой. Богъ—Отецъ всѣхъ людей, дающій имъ все обильно для наслажденія; міръ весь—отображеніе Божественной любви, приносящей людямъ свои дары; всѣ люди—братья, призванные жить въ Отчемъ домѣ, пользоваться сообща всѣми дарами Отеческой любви безъ обиды другъ друга, но раздѣляя между собою и скорби, и радости на пути своего странствованія въ горнее отечество. Такъ учили въ Церкви ея великіе служители. Въ жизни, конечно, было не то. Не только весь міръ не христіанскій не могъ и постигнуть началъ новой жизни во Христѣ, но и самая христіанская жизнь была далека отъ своего идеала, особенно когда начала охладѣвать „первая любовь“. И среди христіанскаго общества не было истинно братскихъ отношеній, видны были яркія картины неправды земной, слышны были неумолкаемые стоны обиженныхъ и обездоленныхъ въ мірѣ—въ этомъ домѣ общаго Отца. И всѣ сердца, страдавшія отъ недостатка братской любви, всѣ жертвы человѣческой злобы и неправды, всѣ души, задыхавшіяся въ атмосферѣ началъ мірской языческой жизни, всѣ алчущіе и жаждущіе правды,—всѣ они, какъ цвѣты къ солнцу, тянулись къ Церкви, у ней искали и помощи, и защиты, и утѣшенія въ своей скорби, у ней просили хлѣба жизни и воды живой, текущей въ жизнь вѣчную. И Церковь помогала имъ, утѣшала ихъ, кормила голодныхъ, одѣвала нагихъ и согрѣвала озябшихъ,—дѣлала все это, но дѣлала и еще бóльшее этого: насыщала и напояла людей духовно, свѣтила міру свѣтомъ истиннымъ, согрѣвала его тепломъ вѣчной правды и любви. И у Церкви могло не хватить хлѣба земного, чтобы всѣхъ насытить, но у ней было всегда достаточно хлѣба духовнаго, слова Христовой истины, которымъ истинно живъ человѣкъ. Выходилъ пастырь Церкви ко всѣмъ жаждавшимъ истины учить ихъ, и радостными ударами отвѣчало скорбящее сердце на рѣчи эти. Говорилъ этотъ пастырь, что наше истинное жительство на небесахъ, что земныя состоянія людей—это только театральныя маски, которыя нужно будетъ сбросить каждому, когда пробьетъ послѣдній часъ его жизни. Говорилъ этотъ пастырь, что все въ этомъ мірѣ—не наше собственное, но принадлежитъ небесному нашему Отцу, предъ лицомъ Котораго всѣ мы—дѣти и наслѣдники, почему намъ и приличнѣе всего подѣлить все поровну, какъ братьямъ. И когда обращался пастырскій взоръ въ сторону богатыхъ, горячимъ обличеніемъ звучало слово провозвѣстника Христовой истины. Слово это говорило о поруганіи правды Божіей на землѣ и призывало, призывало горячо и неустанно, къ милости и любви. А когда этотъ пастырскій взоръ обращался въ сторону бѣдныхъ и обиженныхъ въ этомъ мірѣ, звучало слово оте-

ческой ласки и утѣшенія. Слово это говорило о томъ, что придутъ дни, когда возсіяетъ въ мірѣ свѣтъ правды Христовой, и что будетъ праведное воздаяніе всѣмъ. Грозныя обличенія богатыхъ сливались съ ободряющимъ утѣшеніемъ бѣдныхъ; горячіе призывы къ милости и правдѣ переходили въ предостерегающій голосъ отеческой любви, ревнующей о спасеніи духовныхъ дѣтей. Церковь была истинной матерью для вѣрующихъ,—матерью, тѣмъ существомъ, которое для дѣтей является носительницей любви, самоотверженной защитницей, источникомъ всего чистаго, грѣющаго, ласкающаго, къ которой дѣти простираютъ свои руки, ласкою и заботами которой живутъ. Такова и была древняя вселенская православная Церковь въ ученіи о ней ея пастырей и учителей. И когда послѣдніе говорили, что „кому Церковь не мать, тому Богъ не отецъ“, они знали что̀ говорили. Церковь была проводникомъ любви Христовой и свѣта Его истины въ жизнь міра, и кто отвергалъ эту любовь и отворачивался отъ этого свѣта, тотъ отвергалъ и дѣло Христово и не хотѣлъ взирать на Его чистый, небесный ликъ...

Пятнадцать вѣковъ протекло съ того времени, какъ учили въ Церкви послѣдніе изъ тѣхъ ея отцовъ, ученіе которыхъ по вопросу о христіанскомъ отношеніи къ собственности мы изложили. Міръ жилъ эти вѣка своею жизнію, и теперь такъ же, какъ и во дни святоотеческаго учительства, нѣтъ правды на землѣ въ отношеніяхъ между христіанами, и дивными кажутся намъ слова Евангелія Христова о братствѣ людей, какъ дѣтей одного Отца. И теперь, такъ же какъ и въ первые дни христіанства, милліоны обездоленныхъ въ мірѣ идутъ къ Церкви и чрезъ неё приносятъ въ жертву Богу свои сокрушенныя сердца, ожидая здѣсь утѣшенія и просвѣщенія. Наша русская православная Церковь есть часть великаго вселенскаго цѣлаго и должна являться носительницей тѣхъ идей, какими жила древняя Церковь. Къ ней, русской православной Церкви, протянуты не только руки просящихъ, но устремлены сердца, любящія правду и тоскующія по ней. И наша Церковь должна быть вѣстницей правды Христовой, должна исповѣдывать Его истину, обличать міръ въ томъ, что нѣтъ правды въ его жизни, и указывать міру единый путь жизни во Христѣ и Его словѣ вѣчной истины. И если наше богословіе и проповѣдь въ храмѣ призваны быть слугами Церкви и содѣйствовать ея возрастанію въ мірѣ, то они должны исповѣдывать и проповѣдывать истину Христову во всей ея чистотѣ и лучезарной красѣ, а не извращать её въ угоду началамъ, господствующимъ въ нашей наличной жизни. Нами было кратко указано на ложь того пути, какимъ идутъ, въ общемъ, современныя намъ богословіе и проповѣдь въ уясненіи христіанскаго взгляда на вопросы объ отношеніи христіанина къ собственности и помощи нуждающимся. Коренная ложь эта

въ томъ, что за норму христіанскихъ отношеній принимаются не тѣ идеальныя начала жизни, какія были возвѣщены міру Господомъ Іисусомъ Христомъ, но начала, фактически господствующія въ нашей, языческой по духу, жизни. Поэтому и оказалось возможнымъ дойти до такого ослѣпленія, чтобы отъ имени Церкви Христовой совѣтывать хранить и умножать свое богатство въ то время, какъ братья умираютъ съ голоду, и жить въ роскоши тогда, когда великое множество людей не имѣютъ и крова. Такъ учить, значитъ, поистинѣ, подавать алчущимъ правды камень, вмѣсто хлѣба, и нужно-ли удивляться, что когда такіе учители говорятъ: Церковь—мать наша, то хотя они говорятъ истину, но въ ихъ устахъ уныло звучитъ она и не ощущается въ ихъ рѣчи всего тепла этого образа—материнства Церкви. И есть лишь одинъ надежный путь для нашей русской богословской мысли сохранять вѣрность Христу—это прислушиваться болѣе къ голосу преданія Вселенской Церкви, чѣмъ къ голосу преданія человѣческихъ обычаевъ; усвоять значеніе вѣчной правды слову Евангелія, а не мѣняющимся человѣческимъ установленіямъ и мнѣніямъ. Русская богословская мысль, если она желаетъ быть вѣрной завѣтамъ древней Церкви, должна на пути своего исповѣданія и проповѣданія Христовой истины идти въ міръ со знаменемъ, на которомъ были бы начертаны великія слова псалмопѣвца, обращенныя имъ къ Богу: *правда Твоя—правда вѣчная, и законъ Твой—истина.*

Оглавленіе.

стр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: Ученіе Откровенія и учителей древней Церкви о христіанскомъ отношеніи къ праву собственности . . . . . 9—52

ГЛАВА ВТОРАЯ: Христіанскій взглядъ на богатство и бѣдность по ученію Откровенія и святыхъ отцовъ древней Церкви . . . . . 53—155

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Христіанская милостыня въ ученіи о ней Слова Божія и учителей древней Церкви . . . . . 156—